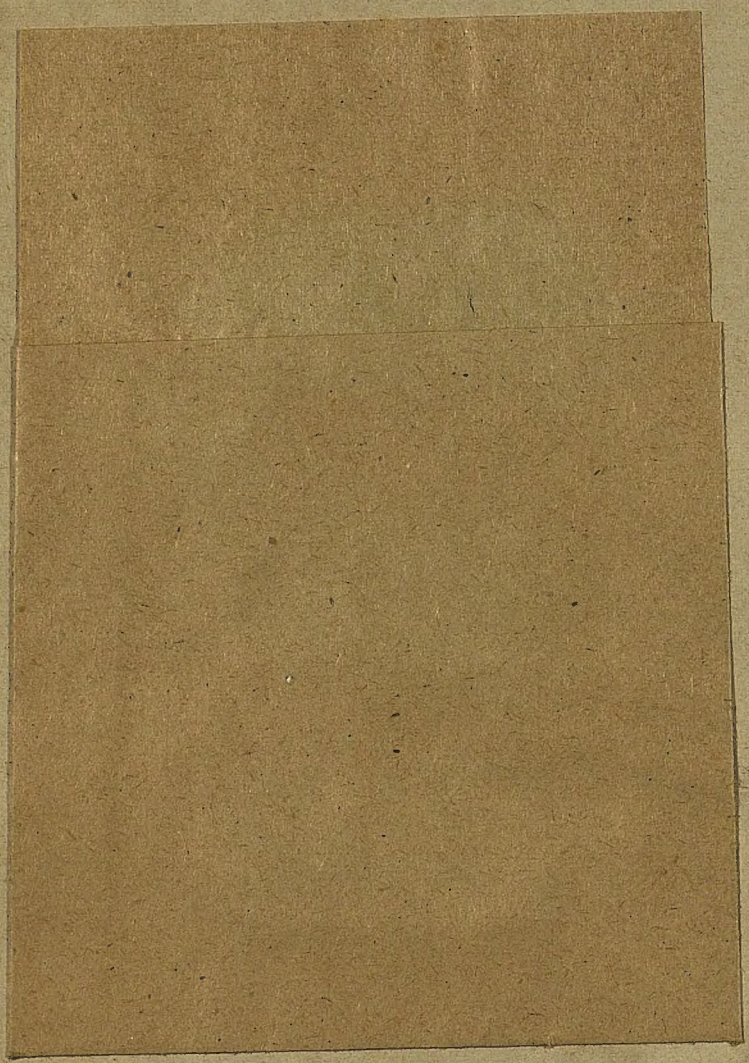
Фир. Отирина

№ 2

1906



Центральная Районная
библиотека-Читальня
районного совета
профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Московского Совета Профессиональных Союзов.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. ФЕВРАЛЬ. 1905 годъ.

Книга на дом не выдается

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки П. Н. Глѣбова . 241—282
II. Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка. В. В. Тимощукъ. . . . . 283—308
III. По дѣлу о Петрашевскомъ 309—334
IV. Тарговицкая конфедерація. В. В. Тимощукъ. 335—361
V. Бытовые очерки В. П. Лободовскаго. . . . . 362—386
VI. Записки стараго актера. П. Р. . . . . 387—413
VII. Борьба съ эпидеміями въ до-петровской Руси. М. Лахтина. . . . . 414—427
VIII. Копія вѣрительной грамоты, данной императрицею Екатериною II 18 апрѣля 1762 г. князю Дмитрію Голицыну и Аркадію Моркову. Сообщ. В. Цегловъ. 428—432
IX. Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 году. П. Вигель-Панчулидзева. . . . 433—446
X. Н. Г. Чернышевскій. П. В. Рейнгардта. . . . . 447—476
XI. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Двѣ гравюры дома, гдѣ жилъ императоръ Александръ I во время пребыванія въ Черновцахъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1905 года.

Библіографическій листокъ.

Уткинскій Сборникъ. I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Съ 4 портретами. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Изданіе М. В. Беэръ. Москва. 1901. Цѣна 2 руб.

Напечатанныя въ I-мъ выпускѣ сборника письма принадлежатъ М. В. Беэръ, урожденной Елагиной, и составляютъ часть семейнаго архива, хранящагося въ с. Уткинѣ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.

По близкимъ родственнымъ отношеніямъ*) владѣльцевъ Уткина къ семьямъ Протасовыхъ, Мойеръ, Кирѣевскихъ и Елагиныхъ, Уткинскій архивъ содержитъ не мало матеріаловъ, имѣющихъ значительную цѣну для исторіи русской литературы и просвѣщенія въ первой половинѣ XIX столѣтія. Кромѣ семейной переписки Жуковскаго, Протасовыхъ, Зонтагъ и Елагиныхъ, въ немъ находится большое количество писемъ братьевъ Кирѣевскихъ, декабриста Г. С. Батенькова и цѣлаго ряда московскихъ дѣятелей 40-хъ и 60-хъ годовъ славянофильскаго направленія: Чижова, Кошелева, кн. Черкасскаго, А. Н. Попова, Э. Мамонова, В. А. и Н. А. Елагиныхъ.

Въ разсматриваемомъ нами выпускѣ помѣщены: 1) всѣ неизданныя (или извѣстныя лишь отчасти) письма Жуковскаго, 2) письма М. А. Протасовой-Мойеръ и 3) нѣсколько писемъ Е. А. Протасовой.

Эти матеріалы прежде всего дополняютъ тѣ отрывки писемъ, которые въ разное время появились въ біографическихъ трудахъ о В. А. Жуковскомъ Плетнева и Зейдлица; но въ нихъ содержится также много новыхъ данныхъ объ исторіи любви Жуковскаго, о нѣкоторыхъ чертахъ его характера, о его душевномъ состояніи въ первые годы петербургской жизни. Кромѣ того, письма эти служатъ основаніемъ для нѣкоторыхъ поправокъ въ хронологіи произведеній Жуковскаго и даютъ не мало интересныхъ свѣдѣній о литературной жизни Москвы въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Наконецъ, публикуемая переписка даетъ обильный матеріалъ для характеристики нѣсколькихъ близкихъ къ Жуковскому лицъ—А. О. Воейкова, А. П. Кирѣевской-Елагиной, М. А. Мойеръ и Ек. Ав. Протасовой.

Личность Екатерины Аѳанасьевны Протасовой и роль ея въ жизни В. А. Жуковскаго были до сихъ поръ извѣстны всего болѣе изъ отзывовъ самого Жуковскаго, писанныхъ въ тяжелое время борьбы и страданій и поэтому не всегда объективныхъ. При чтеніи писемъ Екатерины Аѳан. смягчается тотъ образъ сухой и безсердечной матери, упорно жертвующей счастьемъ самыхъ близкихъ людей въ угоду своимъ закоренѣлымъ предразсудкамъ, который очерченъ въ отзывахъ поэта, и передъ нами выступаетъ человѣкъ, горячо любящій и свою Машу, и Жуковскаго, глубоко и искренно страдающій самъ отъ ихъ горя, но не имѣющій выхода, такъ какъ вѣра и нравственный долгъ запрещаютъ ему согласиться на то, что въ глазахъ другихъ составляетъ желанное счастье. Екатерина Ав. имѣла не мало недостатковъ, иногда дѣлавшихъ для ея близкихъ жизнь съ нею нелегкою (о чемъ свидѣтельствуетъ нѣжно любившая ее Марья Андреевна), но собственно въ своемъ твердомъ отказѣ на бракъ Жуковскаго она была вполнѣ искренна и руководилась исключительно требованіями своей совѣсти.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣютъ письма Марьи Андреевны; изъ нихъ впервые выясняется опредѣленными очертаніями образъ этой дѣйствительно рѣдкой русской женщины. Всѣ отзывы о ней ставятъ ее очень высоко, но они даютъ обыкновенно лишь общія похвалы, не рисуя живаго человѣка. Единственный матеріалъ, позволяющій нѣсколько заглянуть въ ея душу, составляютъ ея письма 1815 и 1816 гг. къ Жуковскому, напечатанныя въ нашемъ журналѣ *), но и они даютъ возможность судить только о нѣкоторыхъ сторонахъ ея личности.

Печатаемое въ настоящемъ Сборникѣ большое собраніе ея писемъ къ В. А. Жуковскому и къ интимной подругѣ дѣтства, А. П. Елагиной, широко раскрываетъ передъ нами эту богатую душевными силами личность, давая вмѣстѣ съ тѣмъ очень интересную страницу изъ исторіи развитія русской женщины.

Самый языкъ этихъ писемъ, непринужденно и ярко отражая на себѣ индивидуальность писавшей, имѣетъ большія достоинства, и многія письма, независимо отъ содержанія, читаются съ интересомъ живаго литературнаго произведенія, тѣмъ болѣе, что эта барышня, воспитанная на иностранномъ чтеніи, мало могла имѣть помощи въ русской литературной рѣчи первой четверти XIX вѣка: она не дожила до крупныхъ вещей Пушкина, Гоголь и Лермонтовъ для нея не существовали. Она, конечно, многому научилась отъ Жуковскаго, но легко замѣтить, что даже въ передачѣ наиболѣе свойственныхъ поэзіи Жуковскаго темъ ея изложеніе оригинально, своеобразно и нерѣдко яснѣе и проще, чѣмъ у ея учителя. Родившись въ среднемъ кругѣ провинціальнаго дворянства и воспитанная въ скромной и замкнутой семейной обстановкѣ, безъ учителей и гувернантокъ, Марья

*) Мать М. В. Беэръ, Е. И. Мойеръ, единственная дочь М. А. Протасовой, была замужемъ за В. А. Елагинымъ, старшимъ сыномъ Авд. Петр. Кирѣевской отъ втораго брака.

*) „Русская Старина“ за 1883 г.

Записки Порфирія Николаевича Глѣбова[1]).

11-го іюля.

Непонятно, почему это главнокомандующій не отдаетъ въ приказахъ о геройскихъ событіяхъ, совершающихся почти ежедневно подъ твердынями Севастополя; между тѣмъ какъ графъ Сакенъ, остававшійся на время только главнокомандующимъ въ концѣ минувшаго года, всегда дѣлалъ извѣстнымъ по арміи о малѣйшихъ стычкахъ и вылазкахъ изъ Севастополя, отдавая громкую и справедливую хвалу героямъ, подвизающимся при оборонѣ этой твердыни. Теперь же никто въ арміи не знаетъ положительно — что дѣлается подъ Севастополемъ; между тѣмъ какъ каждый изъ насъ, разумѣется, только и думаетъ о томъ, какой оборотъ принимаютъ дѣла подъ Малаховымъ Курганомъ. Отрядъ нашъ стоитъ отъ Севастополя всего въ 50 верстахъ, и у насъ всегда явственно слышны выстрѣлы, когда разыгрывается тамъ канонада, а, между тѣмъ, никто изъ насъ не знаетъ положительно, что тамъ дѣлается. Живемъ только слухами, иногда живыми, но почти всегда преувеличенными, которые ходятъ по отряду Богъ знаетъ изъ какихъ источниковъ; большею же частью развозятъ слухи офицеры или чиновники, случайно или по службѣ пріѣзжающіе къ намъ изъ Симферополя. Самъ корпусный командиръ, повидимому,

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1905 г.

прямыхъ и положительныхъ свѣдѣній о дѣлахъ Севастопольскихъ не имѣетъ. Неизвѣстность эта тяготитъ и безъ того черезчуръ уже тягостное положеніе наше — среди степей, со всѣхъ сторонъ открытыхъ, и ничѣмъ не защищенныхъ отъ знойныхъ лучей самаго палящаго солнца.

Изъ носящихся разнообразныхъ слуховъ у насъ о Севастополѣ можно съ нѣкоторою достовѣрностью заключить токмо то, что, въ настоящее время, всѣ усилія какъ непріятеля, такъ и наши, сосредоточены на Камчатскомъ редутѣ: французы усиливаются укрѣпить и вооружить его, а мы стараемся въ этомъ имъ препятствовать. Положеніе Камчатскаго редута, воздвигнутаго въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ редута Корниловскаго, между 2 и 3 бастіонами, важно въ томъ отношеніи, что если непріятель успѣетъ укрѣпиться въ немъ, то можетъ изъ него обстрѣливать Южную бухту, подобно тому — какъ изъ редутовъ Волынскаго и Селенгинскаго — удобно обстрѣливать Севастопольскій рейдъ или Большую бухту, раздѣляющую Сѣверную сторону Севастополя отъ Южной. Но, кажется, до сихъ поръ эти послѣдніе два редута никѣмъ не заняты; въ одномъ только Камчатскомъ усиливаются французы укрѣпиться.

Разсказывали также, что будто одинъ офицеръ, приведенный въ отчаяніе траншейною службою, и не предвидя конца ей, взлѣзъ на крону бруствера, легъ на ней воронкой вверхъ, и поднявъ обѣ ноги на воздухъ, закричалъ: „валяй на полный пенсіонъ!“—Анекдотъ этотъ, вѣроятно, придуманъ для французскихъ карикатуръ на русскихъ офицеровъ.—Но вотъ другой разсказъ о силѣ характера нашего солдата. Его принесли раненаго на перевязочный пунктъ, но когда хирургъ, предъ начатіемъ операціи, хотѣлъ его хлороформировать, то онъ не соглашался на это, а между тѣмъ, когда операція началась, сталъ стонать и кричать. Хирургъ замѣтилъ ему, что зачѣмъ онъ не принялъ хлороформа, когда не можетъ переносить боли отъ операціи, а теперь кричать не слѣдуетъ. Солдатъ замолкъ, закусилъ губы и во все производство трудной операціи, которая продолжалась довольно долго, лежалъ нѣмъ, какъ рыба. Но какъ только операція кончилась, и больнаго стали уже снимать со стола, какъ онъ, повидимому, опомнился и спросилъ у доктора: „А теперь, ваше благородіе, кричать можно?“— Кричи себѣ на здоровье, сколько хочешь, — отвѣтилъ медикъ, засмѣявшись. И солдатъ, получивъ такое разрѣшеніе, сталъ кричать и ругать всѣхъ медиковъ, сколько было у него силъ, пока, наконецъ, не уняли его служителя госпитальные. Увѣряютъ, что будто это случилось съ самимъ Пироговымъ, за время бытности его подъ Севастополемъ; теперь же онъ, какъ извѣстно изъ газетъ, давно уже въ Петербургѣ.

12-го іюля.

Можно ли оправдать — въ научномъ отношеніи, бомбардированіе Севастополя, произведенное союзниками въ октябрѣ минувшаго и въ мартѣ настоящаго года? — По-моему — нѣтъ. Въ наукѣ опредѣлены именно тѣ случаи, въ какихъ бомбардированіе крѣпости бываетъ полезно, а именно: когда крѣпость, хотя сильно укрѣпленная, но имѣетъ большое, въ особенности богатое населеніе, пользующееся всѣми удобствами жизни, и когда, при томъ, гарнизонъ не довольно многочисленъ, чтобы держать въ повиновеніи жителей, и нравственный духъ въ немъ ослабъ.—Севастополь, какъ извѣстно, не представляетъ ни одного изъ помянутыхъ условій. Населеніе въ немъ не богатое, а главное,—никогда не было избаловано удобствами жизни. Преимущественно состояло оно изъ семействъ моряковъ, солдатскихъ женъ и ребятишекъ, которые не только не устрашились снарядовъ непріятельскихъ, но даже хороводомъ плясали вокругъ шипѣвшей бомбы, припѣвая: „бомба идетъ, бомба идетъ, кого-то хватитъ, кого-то хватитъ!“ И когда бомбу разрывало, и одинъ изъ черепковъ задѣвалъ кого-нибудь,—мальчишки съ хохотомъ разбѣгались въ стороны, крича во все горло: „Митьку хватило, Митьку хватило!“—Такое населеніе не напугаешь бомбардированіемъ. Да при томъ оно и не было заперто въ крѣпости; всякій, кто хотѣлъ, могъ изъ нея уѣхать. Даже начальство наше, въ послѣднее время, должно было прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ, чтобы заставить женъ матросовъ и торговокъ оставить Севастополь: такъ имъ трудно было разстаться съ роднымъ имъ городомъ, не взирая на то, что многія изъ нихъ лишились въ немъ послѣдняго своего достоянія. Относительно численности гарнизона, то она едва-ли не превышаетъ численность осаждающихъ, включая, разумѣется,—въ число гарнизона — войска, расположенныя на Сѣверной сторонѣ. О нравственномъ духѣ и говорить нечего: онъ никогда не ослабнетъ въ русскомъ воинѣ, когда онъ дерется за Вѣру, Царя и Отечество.

14-го іюля.

Вчера у драгунъ былъ пиръ горой. Дивизіонеры угощали кн. Радзивилла. Пьянство было страшное. Отъ 2-хъ до 9-ти часовъ попойка не прекращалась ни на минуту. Разумѣется, во все время пѣсельники не переставали орать Ѳеню. Вообще, эти оргіи въ высшей степени грубыя и матеріальныя; только что пьютъ да орутъ нецензурныя пѣсни. Но ниодного проблеска ума или чувства не услышишь отъ этихъ собутыльниковъ, погрязшихъ въ самый грубый матеріализмъ съ ногъ до головы. Впрочемъ, бѣды тутъ большой нѣтъ, если только наши драгуны также стойки будутъ передъ не-

пріятелемъ, какъ стойки и крѣпки они съ бутылкой въ рукахъ, а не то, пожалуй, оправдаютъ они извѣстную пѣснь.

Dragons pour boire
On dit que Vous avez le nom,
Mais pour la gloire —
On dit que non.

Вечеромъ, когда оргія была въ самомъ разгарѣ, явились на сцену Охроменковъ и Самбурскій, а съ ними и незнакомый мнѣ артиллерійскій офицеръ—Кузенъ. Первые два пріѣхали нарочно изъ Симферополя, чтобы повидаться со мной. Я тотчасъ же представилъ ихъ всѣхъ князю и хозяевамъ. Отъ Кузена узналъ я, что командиръ 23-й батареи Опочининъ боленъ безъ надежды на выздоровленіе и черезъ нѣсколько дней долженъ умереть. Боже сохрани, если меня назначатъ командующимъ этой батареи, а кажется это такъ случится: по крайней мѣрѣ, дня 3 тому назадъ — Лосьевъ говорилъ мнѣ, что корпусный командиръ очень желаетъ, чтобы я принялъ 23-ю батарею въ командованіе. Отказаться отъ такого назначенія мнѣ невозможно, но я предчувствую, что оно въ концѣ концовъ разстроитъ мое здоровье. Впрочемъ, что будетъ, то будетъ, а то будетъ, что Богъ дастъ. Теперь особенно никто не долженъ помышлять о себѣ и своихъ выгодахъ.

Вчера и сегодня небо заволокло тучами, и благодатный дождичекъ по временамъ орошаетъ землю, а съ нею—весь отрядъ нашъ. Особенно для лошадей, которыя вотъ уже мѣсяцъ какъ пекутся, бѣдныя, подъ лучами знойнаго солнца,—освѣжительный дождичекъ—настоящая благодать Божья. Да и люди какъ будто ожили, а то буквально дышать было трудно,—такъ душенъ и зноенъ былъ воздухъ.

Вчера какой-то джентльменъ, верхомъ на кровной лошади и въ сопровожденіи 2-хъ уланъ и одного татарина, прогуливался по косѣ, ведущей изъ Эвпаторіи къ нашему передовому эскадрону. Онъ осматривалъ мѣстность съ большимъ вниманіемъ и слѣдилъ за движеніями татарина, который руками указывалъ то въ одну сторону, то въ другую. И сколько этихъ татаръ-мерзавцевъ передалось къ непріятелю; черезъ нихъ союзники знакомятся съ краемъ, а быть можетъ, съ расположеніемъ войскъ нашихъ въ Крыму, не взирая на то, что приняты всѣ мѣры къ удаленію татаръ подалѣе отъ берега морскаго, —единственная мѣстность, которой пока можетъ владѣть непріятель. Что же касается до джентльмена, то должно полагать, что онъ— или просто туристъ, причалившій на своей яхтѣ къ Эвпаторіи, чтобы полюбоваться расположеніемъ передовой кавалерійской цѣпи нашей, окружающей Эвпаторію со всѣхъ сторонъ, или же какой-нибудь офицеръ генеральнаго штаба, выѣхавшій для обозрѣванія мѣстности.

16-го іюля.

Вчера, 15-го, полковой командиръ давалъ обѣдъ Радзивиллу. Какъ и надо было ожидать, зная Моравскаго,—обѣдъ былъ мизерный и до того діэтный, что, вѣроятно, всѣ, вставши со стола, были голодны. Но за то хозяинъ украсилъ свой обѣдъ прекраснымъ тостомъ: „За здоровье братьевъ нашихъ, подвизающихся подъ Севастополемъ, и дай Бой намъ когда-нибудь послужить Царю и Отечеству, какъ они теперь служатъ".

Дѣйствительно, настоящая служба героевъ-севастопольцевъ безпримѣрная—по тѣмъ ужасамъ и лишеніямъ всякаго рода, которымъ они подвергаются, стоя на бастіонахъ, буквально засыпаемые днемъ и ночью ядрами, гранатами, бомбами, картечью, штуцерными пулями и ракетами. Нѣтъ мѣста, въ которомъ можно было бы укрыться отъ выстрѣловъ непріятельскихъ. Въ блиндажахъ скопляется всегда народу такъ много, что, особенно въ жаркіе дни, нѣтъ возможности пробыть тамъ и $^1/_2$ часа. Смрадъ, вонь, духота и къ довершенію слои блохъ, вшей и мухъ. При томъ и блиндажи не предохраняютъ отъ бомбъ; онѣ пробиваютъ ихъ и среди столпившейся кучи народа разрываются. Да и на самыхъ бастіонахъ, на открытомъ воздухѣ—вонь невыносимая отъ отхожихъ мѣстъ и отъ тлѣнія труповъ, во рвахъ и вблизи ихъ погребенныхъ. Пѣхота еще смѣняется, но артиллеристы смѣны не знаютъ: они стоятъ у своихъ орудій, пока ихъ не ранятъ или не убьютъ. Отъ одного грохота отъ выстрѣловъ у всѣхъ почти головы болятъ такъ, какъ будто бы они страдали тифомъ. Правда, берутся всевозможныя мѣры, чтобы хоть сколько-нибудь предохранить артиллеристовъ и пѣхоту отъ выстрѣловъ непріятельскихъ, но вѣдь эти мѣры оказываются недѣйствительными. Такъ, напримѣръ, по угламъ бастіоновъ разставлены вахтенные, которые предупреждаютъ о полетѣ бомбъ, крича во все горло: „бомба армейская!" Это значитъ, что снарядъ направленъ въ траншеи; или „бомба морская", когда она летитъ къ морякамъ. Но какъ только бомба летитъ на бастіонъ,—вахтенный кричитъ: „бомба наша!" И при этомъ предупрежденіи люди стараются укрыться отъ разрыва снаряда, кто въ блиндажахъ, кто за брустверомъ, кто прислониться къ внутренней сторонѣ бруствера. Но какъ большею частью случается, что не одна бомба летитъ на бастіонъ, а нѣсколько, одна за другой, и какъ вахтенный станетъ кричать: „бомба наша!", „бомба наша!", „бомба наша!" (3 раза), то люди, завидѣвъ нѣсколько бомбъ надъ собой, готовыхъ разорваться или въ воздухѣ, или на разныхъ мѣстахъ бастіона, начинаютъ суетиться, теряются, бѣгаютъ какъ угорѣлые, съ одного мѣста на другое, и часто, убѣгая отъ смерти, сами на-

скакиваютъ на нее. И такая тревога продолжается не день и не два, а недѣли и мѣсяцы. И сколько надо, не говорю уже о силѣ воли, но здоровья желѣзнаго, чтобы перенести такое адское существованіе! А вылазки, а штурмы, а ежеминутная готовность встрѣтить врага штыками лицомъ къ лицу! Нѣтъ дня, нѣтъ минуты, въ которую артиллеристъ могъ бы отойти отъ своего орудія, или пѣхотинецъ бросить ружье, въ увѣренности, что въ эту минуту колонна непріятельская не ринется на батарею. Не мудрено, послѣ этого, что многіе изъ героевъ-богатырей севастопольскихъ желаютъ и ищутъ смерти, какъ какой-нибудь благодати, не предвидя выхода изъ страшнаго положенія.

Какъ трудно передъ войной указать людей, которые во время войны сдѣлаются героями. Напр., кто бы могъ предвидѣть, что Хрулевъ, этотъ человѣкъ неуклюжій, грубый и по многимъ нравственнымъ отношеніямъ не важный, сдѣлается героемъ и пріобрѣтетъ себѣ въ короткое время извѣстность не только народную, но и европейскую.

Другая мысль грустная. Какъ много въ мирное время начальниковъ, такъ сказать, ретивыхъ, и какъ мало ихъ во время войны! Два, три и обочтешься. Сойдетъ одинъ съ поприща, и некѣмъ замѣнить его. Нѣсколько недѣль тому назадъ Тотлебенъ получилъ рану пулею въ икру навылетъ, но, къ счастью, могъ и раненый наблюдать за работами. Теперь же, какъ говорятъ, отъ жаровъ рана разболѣлась, и онъ уже не въ силахъ руководить своихъ саперовъ. Если это правда, то кѣмъ изъ 250 тысячъ арміи—замѣнить одного Тотлебена? И графъ Сакенъ по болѣзни оставилъ Севастополь и переѣхалъ въ главную квартиру на высоты Инкерманскія и кѣмъ замѣнятъ этого доблестнаго и распорядительнаго военачальника? Рѣшительно некѣмъ, развѣ Липранди. Говорятъ также, будто и Хрулевъ едва ходитъ на ногахъ, давно уже страдаетъ онъ пораженіемъ печени. Если и этотъ, чего Боже сохрани, сойдетъ съ поприща, то гарнизонъ Севастопольскій совсѣмъ останется безъ предводителей, разумѣется, такихъ, на которыхъ общественное мнѣніе могло бы остановиться съ довѣріемъ.

17-го іюля.

Дни бѣгутъ за днями, и ничто не оживляетъ нашего существованія, — въ высшей степени скучнаго, монотоннаго и безсмысленнаго. Каждый день по вечерамъ — толпа идіотовъ собирается у Моравскаго, потолкуетъ немного о драгунской службѣ, о дороговизнѣ фуража, съиграетъ пульку, другую въ эралашъ и потомъ также безсмысленно расходится, какъ безсмысленно сошлась. Ни въ одномъ не замѣтилъ я проявленія живаго участія къ важнымъ

событіямъ, совершающимся среди насъ и около насъ; какъ будто Россія и не несетъ на себѣ тяжкаго креста, поднятаго ею во имя вѣры Православной. А если ненарокомъ и случится кому-либо заговорить о настоящихъ событіяхъ, то услышишь такія нелѣпости, на которыя и отвѣчать стыдно. Неудивительно послѣ этого, что пуще всего — въ нашемъ безотрадномъ положеніи томитъ меня неизвѣстность о томъ, что дѣлается въ Европѣ, въ Россіи, даже въ Крыму, въ двухъ шагахъ, такъ сказать, отъ насъ. Нѣтъ сомнѣній, что въ самомъ отдаленномъ концѣ Россіи, всякій болѣе знаетъ о событіяхъ Севастопольскихъ, чѣмъ мы, удаленные отъ Севастополя всего на 50 верстъ. Журналы, если и доходятъ до насъ, то не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ. Такъ, напр.: „Петербургскія Вѣдомости“ отъ 7-го іюня могъ пробѣжать я только 17-го іюня. Досадно, а нечего дѣлать! Надо, выходитъ, мнѣ испить чашу всевозможныхъ испытаній до самаго дна.

Таковъ ужъ мой удѣлъ!

Въ послѣдніе дни непріятельскій флотъ что-то сильно зашевелился на морѣ. Не проходитъ дня, чтобы нѣсколько кораблей не пришло къ Эвпаторіи, и такое же число не вышло изъ ея бухты по направленію къ Севастополю. Между прочимъ, вчера—явственно видно было, какъ 7 кораблей, въ томъ числѣ 3-трехдечные, подходили къ Эвпаторіи. Не затѣваютъ ли наши благопріятели какого-либо рѣшительнаго предпріятія съ этой стороны? Дай-то Богъ! По крайней мѣрѣ, оживится чѣмъ-нибудь наше томительное положеніе. А мы готовы встрѣтить врага грудью вездѣ: пойдетъ ли онъ на Перекопъ, или потянется на Симферополь. Полки наши расположены такъ, что въ одни сутки могутъ собраться на указанномъ пунктѣ въ значительныхъ массахъ. Въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, главною нашей цѣлью должно быть—отрѣзать ихъ отъ моря, если только не потянутся они къ самому берегу.

19-я и 20-я батареи отдѣлились отъ своей Уланской дивизіи и пошли въ Каменецъ-Подольскую губ. на присоединеніе къ кирасирской дивизіи, состоящей въ составѣ средней арміи. На мѣсто ихъ пришли изъ-подъ Севастополя донскія казачьи батареи. Передвиженіе это внезапное и неожиданное—даетъ поводъ къ предположенію, не заговорилось ли что-нибудь на нашихъ западныхъ границахъ. Если оно такъ, то противъ нѣмцевъ, или вмѣстѣ съ ними станемъ воевать мы? Послѣднее предположеніе можетъ имѣть самое отрадное вліяніе на военныя событія въ Крыму. Сколько я понимаю—Германія въ прошедшемъ году вооружалась не противъ Россіи, но единственно противъ покойнаго нашего императора, грозная личность котораго въ особенности пугала австрійцевъ. Но при нынѣ царствующемъ императорѣ, нѣмцамъ за будущее пугаться нечего, тѣмъ болѣе, что, на

послѣднихъ Вѣнскихъ конференціяхъ, Россія не на однихъ словахъ, но на самомъ дѣлѣ, торжественно передъ цѣлой Европой обнаружила искреннее желаніе свое на окончаніе дѣйствій военныхъ. Поэтому, при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда императоръ грозный сошелъ уже въ могилу, нѣмцы скорѣй должны ожидать надъ собой грозы съ запада, чѣмъ отъ насъ, особенно видя,—въ какой степени—по ту сторону Рейна разыгрывается furia Francesca, это памятное—какъ для итальянцевъ, такъ и для нѣмцевъ чудовище. Во всякомъ случаѣ, не вѣрится мнѣ, чтобы Германія поднялась на Россію, и скорѣе предположить, если война загорится на западѣ,—мы будемъ воевать вмѣстѣ съ нѣмцами, но не противъ нихъ.

Между разными слухами достовѣрное о Севастополѣ только то, что 14-го числа, въ четвертокъ, около 2 часовъ по полудни, произведена была нашими охотниками вылазка изъ 2-го баталіона. Молодцы наши удачно вскочили въ близъ тянувшіяся около бастіона непріятельскія траншеи, многихъ перекололи, другіе бѣжали; работы же траншейныя всѣ разорили. Къ сожалѣнію, удачный исходъ вылазки обошелся и намъ не даромъ: около 300 человѣкъ выбыло изъ строя. Въ этотъ день, 14-го числа, у насъ явственно была слышна учащенная канонада по направленію къ Севастополю.

18-го іюля.

Сегодня, 18-го іюля, полученъ приказъ начальника артиллеріи отъ 7-го іюля о прикомандированіи меня къ штабу начальника артиллеріи Южной арміи и войскъ въ Крыму. Итакъ, настоящая моя боевая служба начинается; черезъ 2 или 3 дня, я буду уже въ Севастополѣ. Не знаю, что готовитъ мнѣ судьба въ будущемъ; но увѣренъ въ самомъ себѣ, что исполню всякую обязанность, которую на меня возложатъ, честно и безукоризненно. И если я такъ охотно обрекаю себя на всѣ труды, лишенія и опасности, то единственно для моего сына, чтобы службою моей доставить ему, столь милому моему сердцу—и почетъ, и безбѣдное существованіе.

Колобовъ ведетъ себя со мною настояще по-братски. Онъ болѣе хлопочетъ объ удовлетвореніи моихъ нуждъ, чѣмъ я самъ. Спасибо ему, и дай Богъ, чтобъ я поставленъ былъ въ такое положеніе, чтобы я могъ когда-нибудь отблагодарить его не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ.

Говорятъ, въ народѣ ходитъ преданіе, будто бы кто выѣдетъ со двора въ дождь и ненастье, тотъ возвратится домой благополучно. Если вѣрить этому преданію, я счастливо кончу Крымскую кампанію. Въ Кременчугъ выѣхалъ я въ самое ненастное время, а изъ Эвпаторійскаго ряда въ Главную квартиру — въ такую погоду скверную,

дождливую и холодную, какая, вѣроятно, среди лѣта въ Крыму рѣдко бываетъ. Дороги испортились, и по горамъ лошадки мои совсѣмъ прибились. Сегодня прибылъ я въ Главную квартиру. Къ сожалѣнію, Крыжановскаго не засталъ, а потому до сихъ поръ не знаю, какое получу назначеніе. Явился къ Сержпутовскому, но онъ сказалъ мнѣ только то, что надо воротить потерянное. Это я и безъ него знаю. Дежурный генералъ Ушаковъ меня не принялъ. Къ начальнику штаба—Коцебу являлся при проходѣ его черезъ корридоръ. Видно, что онъ озабоченъ и не обратилъ на меня вниманія. Въ этомъ же корридорѣ подошелъ ко мнѣ самъ главнокомандующій, спросилъ, откуда прибылъ, зачѣмъ,—какой батареей командовалъ прежде, потомъ, сказавъ скороговоркой: „п р о ш у о б ѣ д а т ь“, скрылся.

Остановился я у А. А. Маркова въ палаткѣ, въ ожиданіи пріѣзда Крыжановскаго, котораго ждутъ сюда или сегодня вечеромъ, или завтра.

Кромѣ Маркова въ Главной квартирѣ я никого не знаю. Тоскливое чувство овладѣло мною. Лошади — безъ корма стоятъ въ полѣ, привязанныя къ бричкѣ. Люди безъ пріюта. Самъ я едва нашелъ себѣ помѣщеніе въ углу палатки. Что будетъ далѣе — не знаю. Но пока больно не хорошо!

Вечеромъ осматривалъ окрестности Севастополя. При въѣздѣ съ Сѣверной стороны—влѣво отъ дороги, разбросано по отлогости горъ нѣсколько палатокъ и землянокъ, въ которыя переселились жители городскіе, а вправо отъ дороги—кладбище со свѣжими могилками, послѣднее жилище защитниковъ Севастополя. Здѣсь ужъ похоронено было 30 тысячъ народу. Много крови русской пролито за Севастополь. А. А. Марковъ показывалъ мнѣ ежедневныя донесенія объ убыли людей въ войскахъ. Изъ этихъ донесеній видно, что каждый день убываетъ у насъ изъ строя среднимъ числомъ до 300 человѣкъ.

У насъ въ Крыму войска не такъ много, какъ многіе полагаютъ. Штыковъ не болѣе 70 тысячъ, а кавалеріи 30 тысячъ.

Нахимовъ передъ смертію лежалъ все время — $1^1/_2$ сутокъ, безъ памяти, но хотя былъ и безъ сознанія, однако безпрестанно подымалъ руку къ головѣ. За нѣсколько минутъ до кончины, вдругъ пришелъ въ себя, судорожно схватился за голову и, проговоривъ слабымъ голосомъ: „Ахъ, Боже мой!“—скончался. Въ тотъ самый день, когда Нахимова ранили, одинъ изъ нашихъ солдатъ, среди дня, въ глазахъ всѣхъ войскъ, побѣжалъ изъ траншеи къ непріятелю. Вся цѣпь открыла по немъ огонь, но, къ сожалѣнію, ни одна пуля не попала въ него. Два случая въ одинъ день, весьма печальныхъ для насъ.

Французы перебѣгаютъ къ намъ ежедневно по 3, по 4 и по 6 человѣкъ; но нашихъ бѣгаетъ немного.

Сегодня, купаясь въ морѣ, любовался я стройнымъ флотомъ союзниковъ, который стоялъ неподвижно передъ рейдомъ въ одну линію, на протяженіи едва-ли не 2-хъ верстъ.—Настоящій городъ—эти сотни кораблей съ ихъ высокими мачтами.

За обѣдомъ у главнокомандующаго видѣлъ едва-ли не весь штабъ. Кромѣ адъют. обѣдали Коцебу, Ушаковъ (начальникъ 7-ой дивизіи), артиллерійскій генералъ Духонинъ и генералъ-адъютантъ Вревскій, присланный сюда изъ Петербурга, неизвѣстно зачѣмъ. Говорятъ, что онъ ежедневно бываетъ пьянъ, но манеры его самыя пріятныя, настоящія придворныя, да и наружность барская. Извѣстно, что онъ креатура К. Чернышева, бывшаго военнымъ министромъ. Я слышалъ, будто бы его прислали сюда, чтобы имѣть предлогъ удалить его изъ министерства. Оффиціальное же его порученіе—быть посредникомъ въ недоразумѣніяхъ, могущихъ встрѣтиться между министерствомъ и главнокомандующимъ по вѣдомствамъ: коммиссаріатскому и провіантскому. Порученіе довольно странное. Главнокомандующій устарѣлъ на видъ, и замѣтно, что онъ въ высшей степени озабоченъ. Никого не узнаетъ и разсѣянъ донельзя.

Скоро, скоро рѣшится моя участь, и кажется, Севастопольскихъ батарей мнѣ не миновать. Всей артиллеріей въ крѣпости завѣдуетъ Шейдеманъ. Не назначатъ ли меня къ нему въ качествѣ помощника? Завтра пріѣдетъ Крыжановскій, и отъ него я узнаю обстоятельно обо всемъ. Сержпутовскій передъ обѣдомъ у главнокомандующаго самъ подошелъ ко мнѣ, но опредѣлительнаго ничего я не могъ узнать отъ него. Замѣтно, что безъ Крыжановскаго онъ распоряженій никакихъ не дѣлаетъ.

22-го іюля.

Крыжановскій принялъ меня 22-го іюля по-товарищески. Онъ сказалъ мнѣ, что Сержпутовскій, начальникъ артиллеріи, добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но уже устарѣлъ и рѣшительно не знаетъ, что у насъ дѣлается въ артиллеріи. Мысль эта его, Крыжановскаго, давно уже тревожитъ: въ случаѣ смерти или раны его, что станется съ артиллеріей? Въ штабѣ рѣшительно нѣтъ никого, кто бы могъ замѣнить его. Объ этомъ писалъ онъ въ Петербургъ и просилъ себѣ помощника, но ему отвѣчали, что въ виду никого не имѣютъ, и чтобъ онъ самъ избралъ. Тогда онъ сталъ просить о назначеніи къ нему полковника Философова, командира одной изъ гвардейскихъ батарей, но Философовъ самъ отказался. Между тѣмъ, получилъ онъ донесеніе о прибытіи моемъ въ армію, и тотчасъ же вытребовалъ меня въ качествѣ помощника начальника штаба, поручивъ мнѣ скорѣй ознакомиться съ общимъ ходомъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ

смерти или раны его дѣла не остановились. Разумѣется, такъ какъ главнѣйшее дѣло—Севастополь, то мнѣ прежде всего надо ознакомиться и съ тѣмъ, что дѣлается на батареяхъ. Сегодня же ночью (сказалъ Крыжановскій мнѣ по секрету) готовится серьезное дѣло въ Севастополѣ, и онъ намѣренъ употребить меня и въ это дѣло.

Все прекрасно, и все подаетъ мнѣ большія надежды, если не убьютъ меня, — возвратить потерянное по службѣ. На случай же смерти моей сдѣлалъ я слѣдующія распоряженія, исполненіе которыхъ возложилъ на Маркова. 1.200 р. с., запечатанные въ особомъ конвертѣ, переслать женѣ. Равно какъ переслать ей всѣ мои вещи, экипажъ, лошадей и людей,—ничего изъ вещей не продавая. Остальныя деньги, которыя найдутся на мнѣ, употребить на расходы отправленія людей по назначенію. Былъ у Н. Я. Ростовцева. Онъ уже подполковникъ генеральнаго штаба и пользуется въ Главной квартирѣ превосходной репутаціей, какъ умный, образованный и храбрый офицеръ. Онъ состоитъ при начальникѣ штаба и исполняетъ обязанности капитана вожатыхъ, т. е. всѣ лазутчики, шпіоны, перебѣжчики и другіе подобные имъ господа—состоятъ въ его вѣдѣніи. Обязанность въ военное время чрезвычайно важная: черезъ него главнокомандующій узнаетъ о томъ, что дѣлается въ непріятельской арміи. Уходя отъ него, я просилъ написать къ отцу, что признательность моя къ нему безграничная, но что самъ я писать объ этомъ ему не смѣю, что въ настоящее время я никакой просьбы къ нему не имѣю; но постараюсь только честной службой доказать, что я былъ не недостоинъ его участія и вниманія ко мнѣ.

Сержпутовскій оказываетъ мнѣ много вниманія. Утромъ рано сидѣлъ я у него часа 2, а послѣ онъ самъ зашелъ ко мнѣ и просилъ меня въ тѣ дни, когда не буду обѣдать у главнокомандующаго, чтобъ обѣдалъ у него.

За обѣдомъ у Сержпутовскаго Крыжановскій между прочимъ разсказывалъ, что когда князь Меншиковъ на Альмѣ былъ разбитъ, тогда Корниловъ прискакалъ къ нему съ вопросомъ, что дѣлать съ флотомъ. „Возьмите его въ вашу табакерку и спрячьте въ карманъ“, отвѣчалъ равнодушно князь. Корнилову послѣ этого ничего не оставалось дѣлать, какъ собрать въ Севастополѣ военный совѣтъ, объявить членамъ совѣта о пораженіи Меншикова и объ угрожающей опасности Севастополю и предложить на обсужденіе вопросъ касательно флота, что онъ и сдѣлалъ. Но, увлекшись участіемъ къ славѣ моряковъ, Корниловъ, не ожидая мнѣній другихъ, самъ предложилъ выйти съ флотомъ изъ рейда, дать отчаянную битву на морѣ союзникамъ и потомъ всѣмъ взлетѣть на воздухъ.

Разумѣется, такое предложеніе было принято съ рукоплесканіями

всѣми, за исключеніемъ капитана 2-го ранга Зорина, который отозвался, что истребленіе флота не спасетъ Севастополь и не принесетъ никакой пользы Россіи, а потому, не л у ч ш е ли будетъ потопить н ѣ с к о л ь к о к о р а б л е й при входѣ въ рейдъ и тотчасъ же приступить къ сооруженію земляныхъ верковъ для обороны южной стороны города. — Такъ вотъ кто спасъ Севастополь въ критическую минуту. Зато и Богъ видимо хранитъ Зорина. Онъ до сихъ поръ остался невредимъ на батареяхъ изъ числа очень немногихъ, принимая участіе въ оборонѣ города съ самаго начала его осады.

Корниловъ, Истоминъ, Нахимовъ — всѣ трое похоронены рядкомъ. А сколько такихъ героевъ, которые совершили настоящіе геройскіе подвиги, а между тѣмъ, имена ихъ остались неизвѣстными и не перейдутъ въ потомство. С е в а с т о п о л ь! С е в а с т о п о л ь!.. чѣмъ болѣе жертвъ ты будешь стоить, тѣмъ болѣе будетъ тебя любить мать Россія!

28-го іюля, какъ слышно въ Главной квартирѣ, предполагается съ нашей стороны общая атака всѣхъ позицій непріятельскихъ. Дѣлаются уже для этого секретныя распоряженія касательно перевязочныхъ пунктовъ. Двѣ дивизіи пѣхотныя уже пришли, и приказано ускорить движеніе ополченію.

Дай-то Богъ поскорѣй выйти изъ этого томительнаго положенія, въ которое поставлена наша армія. Правда, жертвъ будетъ много, но, если только будетъ счастливый исходъ, то все поправится. Впрочемъ, быть можетъ, предположеніе и отмѣнится вовсе, или отложится на время, а легко можетъ случиться, что и самъ непріятель до 26-го числа предупредитъ насъ.

У Ростовцева видѣлъ вѣдомость о числѣ перебѣжавшихъ къ намъ непріятелей. Большая часть—французовъ. Но въ послѣдніе 3 дня стали бѣгать и сардинцы въ весьма значительномъ числѣ. Круглымъ числомъ съ ноября по настоящее время—перебѣжало къ намъ около 500 ч. Бѣгало бы ихъ и больше, особенно сардинцевъ, которые, какъ слышно, крѣпко не сочувствуютъ этой войнѣ, да присмотръ за ними зоркій и бдительный.

Не 28-го іюля, а 1-го августа предполагается атаковать съ нашей стороны непріятельскія позиціи, для чего и составлена уже диспозиція, которая, однако, до сего времени держится въ большой тайнѣ. Вчера ночью вмѣстѣ съ Крыжановскимъ разсматривали мы эту диспозицію. Предполагается двумя главными отрядами—Липранди и Реада, атаковать Сапунъ-Гору съ двухъ пунктовъ, со стороны Черной рѣчки, а именно по направленію дороги, ведущей съ Мекензіи на Каменный мостъ. Въ обоихъ отрядахъ болѣе 100 орудій. Одновременно съ атакой на Сапунъ-Гору, — графъ Сакенъ со всѣмъ своимъ гарнизономъ

сдѣлаетъ вылазку и атакуетъ непріятеля въ его траншеяхъ. Всѣмъ войскамъ быть готовымъ къ бою въ ночь съ 31-го іюля на 1-е августа въ 2 часа по полуночи. По сигнальнымъ ракетамъ, пущеннымъ въ Главной квартирѣ, всѣмъ отрядомъ одновременно начать наступленіе.

Изъ диспозиціи видно, что предполагается приступить къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Если и не успѣютъ овладѣть позиціями на Сапунъ-Горѣ, по крайней мѣрѣ можно надѣяться, что гр. Сакенъ, воспользовавшись столь сильной диверсіей со стороны праваго фланга непріятельскаго, успѣетъ отбросить осаждающія городъ войска на сколь можно дальнѣйшую дистанцію отъ нашихъ передовыхъ батарей и овладѣть тѣми пунктами, съ которыхъ непріятель наиболѣе намъ угрожаетъ.

Судить о распоряженіяхъ главнокомандующаго, не имѣя никакихъ данныхъ, не зная положительно объ укрѣпленіяхъ и силѣ позицій непріятельскихъ, было бы съ моей стороны безуміемъ. Но, соображая ходячіе въ войскахъ слухи объ укрѣпленіяхъ Сапунъ-Горы и о неприступности большей части позицій, занятыхъ непріятелемъ на горѣ, едва-ли можно ожидать полнаго успѣха отъ атаки Сапунъ-Горы отрядами Реада и Липранди; во всякомъ случаѣ, должны мы понесть большую потерю въ людяхъ. Быть можетъ, и ошибаюсь я, не зная настоящихъ предположеній главнокомандующаго, но мнѣ кажется, вѣрнѣе было бы на первый разъ ограничить наступательныя дѣйствія наши овладѣніемъ лѣваго берега Черной рѣчки и Байдарской долины, отбросивъ—дивизіи Канробера, которыя стоятъ въ одной верстѣ отъ лѣваго берега Черной рѣчки, и сардинцевъ, стоящихъ нѣсколько вправо и позади Канробера,—къ Балаклавѣ или за Сапунъ-Гору. Достигнуть этого легче, чѣмъ овладѣть Сапунъ-Горою, а между тѣмъ результаты были бы блестящіе. Во-1-хъ, мы лишили бы непріятеля водопоя, въ которомъ онъ особенно нуждается, и пастбищныхъ мѣстъ въ Байдарской долинѣ. Во-вторыхъ, обратили бы его по-прежнему въ осадное положеніе, заставивъ его стѣсниться на небольшомъ клочкѣ земли съ 100.000 арміей; наконецъ, въ 3-хъ, занятіемъ Байдарской долины и лѣваго берега Черной рѣчки могли бы въ скоромъ времени вызвать непріятеля съ его крѣпко-на-крѣпко укрѣпленныхъ позицій на бой въ открытомъ полѣ, гдѣ съ большею вѣроятностью можно было бы надѣяться нанесть ему пораженіе рѣшительное. Но повторяю, легко быть можетъ, что предположеніе мое не имѣетъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что я убѣжденъ въ томъ, что главнокомандующій не очертя голову рѣшился на атаку Сакунъ-Горы. Многое потому только кажется намъ неразумнымъ, что мы часто судимъ о дѣйствіяхъ, не имѣя понятія о причинахъ, побудившихъ на эти дѣйствія.

Сегодня утромъ аудиторъ явился ко мнѣ отъ Крыжановскаго съ-

предложеніемъ пересмотрѣть нѣкоторыя бумаги по военно-судной части. Сказать правду, всѣ онѣ написаны безграмотно, но я не могъ рѣшиться передѣлывать ихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ пересмотрѣны были уже самимъ Крыжановскимъ и переписаны набѣло. Сдѣлавъ токмо на нѣкоторыхъ бумагахъ отмѣтки карандашемъ, я возвратилъ ихъ аудитору и вмѣстѣ съ тѣмъ доложилъ Крыжановскому, что, если онъ хочетъ, чтобъ я наблюдалъ за исполненіемъ бумагъ по военно-судной части, то аудиторъ долженъ предварительно докладывать мнѣ бумаги вчернѣ; иначе я буду поставленъ въ непріятное положеніе передѣлывать бумаги, которыя уже просмотрѣны и, такъ сказать, одобрены другими. Разумѣется, Крыжановскій на это согласился, но такое распоряженіе не понравилось дежурному штабъ-офицеру, и господинъ этотъ, встрѣтившись со мной, выразилъ неудовольствіе свое на мое вмѣшательство по исполненію текущихъ бумагъ. Удивившись подобной выходкѣ со стороны дежурнаго штабъ-офицера, котораго я вовсе и не знаю, кротко, но серьезно я замѣтилъ ему, что онъ ошибается, если полагаетъ, будто бы я посягаю на его права, что самъ я на письменныя занятія въ штабѣ не навязываюсь, но исполняю и буду исполнять только то, что признаетъ нужнымъ поручить мнѣ начальникъ штаба. Случай этотъ открылъ мнѣ глаза и предсказываетъ много непріятностей, которыя могу я встрѣтить въ неопредѣленномъ положеніи моемъ при штабѣ начальника артиллеріи. Дѣйствительно, какую роль разыгрываю я въ настоящее время? Штабные чиновники, примѣтно, какъ будто оскорблены моимъ вмѣшательствомъ въ ихъ дѣла, а потому присутствіе мое въ штабѣ ежедневно можетъ порождать непріятныя столкновенія. Съ другой стороны, уклониться отъ исполненія порученій, которыя Крыжановскій признаетъ нужнымъ возлагать на меня, можетъ рекомендовать меня въ глазахъ его, или неспособнымъ, или, что̀ еще хуже, неисполнительнымъ. Право, не знаю что и дѣлать!

Сегодня вечеромъ, передъ купаньемъ въ морѣ, ѣздилъ я съ Марковымъ на Сѣверную сторону къ берегу Большой бухты. Весь городъ — на южной сторонѣ, и онъ виденъ какъ на ладони съ пристани, на которой мы стояли. Всѣ почти строенія уцѣлѣли, даже слободки — изъ мазанокъ остались невредимы, чему, какъ я полагаю, много способствовала мѣстность: вся часть города, обращенная къ непріятелю, опоясана большою возвышенностью, служащею строеніямъ естественнымъ прикрытіемъ отъ выстрѣловъ. Нѣкоторыя же слободки построены на внутреннихъ покатостяхъ горъ, черезъ что̀, разумѣется, прикрыты отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ. Бастіоны и батареи наши также почти всѣ видны съ пристани въ подзорную трубу. Орудій множество. Кажется, нѣтъ мѣста, съ котораго можно дѣйствовать изъ орудія и на которомъ не стояла бы пушка или мортира. Артиллерійскій огонь не

прекращается ни днемъ, ни ночью. При насъ нѣсколько бомбъ непріятельскихъ разорвало въ воздухѣ. Съ нашей стороны орудійный огонь поддерживается чаще, чѣмъ со стороны непріятельской. Быть можетъ, у нихъ недостаетъ уже и игрушекъ. Видъ съ пристани на городъ, опоясанный грозными батареями, съ которыхъ безпрерывно раздается громъ выстрѣловъ, и надъ которымъ стелятся облака пороховаго дыма, смѣняясь одно другимъ,—неизъяснимо величественъ. Самый городъ красуется прекрасными строеніями, садами, тополями, чистыми и прямыми улицами. Безъ особаго умиленія нельзя смотрѣть на этотъ прекрасный городъ, обреченный на жертву безконечной осады и бомбардированія. Страшная, но чудная участь твоя, Севастополь! Милъ ты Россіи, какъ мило матери дитя, обреченное на страданія и болѣзни!

Возвращаясь къ пристани, обогнали мы транспортъ съ ранеными. Длинной вереницей фуры тянулись осторожно и шажкомъ по дорогѣ, и на нихъ сидѣли и лежали страдальцы раненые; большая часть изъ нихъ, повидимому, съ головными ранами. Съ уваженіемъ смотрѣлъ я на этихъ героевъ, принесшихъ себя въ жертву на защиту роднаго и милаго намъ Севастополя. И какъ подумаешь, что ежедневно такіе же огромные транспорты съ ранеными отправляются изъ Севастополя, невольно сгрустнется. Говорятъ, что французы ловко изобразили настоящее положеніе Россіи въ остроумной карикатурѣ, нарисовавъ огромнѣйшую жаровню, пылающую пламенемъ, и въ эту жаровню сначала Меншиковъ, а потомъ Горчаковъ вдвигаютъ пребольшущее бревно, которое уже на половину сгорѣло. Жаровня—Севастополь; бревно—Россія; Севастополь въ видѣ жаровни сжигаетъ Россію, обращая въ прахъ ея доблестныхъ сыновъ. Правда, дорого намъ стоитъ нашъ милый Севастополь, но рано ли, поздно ли, Россія искупитъ эти жертвы, и горе тѣмъ, которые подняли на насъ такую брань безчестную и безчеловѣчную. Впрочемъ, развѣ и теперь имъ Севастополь даромъ обходится? Какъ посчитать, такъ на повѣрку выйдетъ, что едва-ли подъ Севастополемъ не легло ихъ труповъ болѣе, чѣмъ нашихъ! А сколько, вмѣстѣ съ трупами, погребли они капиталовъ! Не даромъ Alexandre Dumas сложилъ четырехстишіе:

Dans leur gloire impériale
L'oncle et le neveu sont rivaux:
L'un prenait des capitals,
Et l'autre prend des capitaux.

24-го и 25-го іюля.

Въ Севастополѣ ничего особеннаго не случилось. Подъ вечеръ непріятель ракетами зажегъ какое-то строеніе на Южной сторонѣ, и пожаръ до сихъ поръ не потушенъ. Поэтому быть можетъ, теперь

и усилилась канонада: непріятельскія ракеты, одна за другой, летаютъ на огонь пожара. Но и нашъ орудійный огонь еще сильнѣе. Какъ хватаетъ физическихъ силъ у нашихъ артиллеристовъ для поддержанія огня на батареяхъ день и ночь? И какъ не уважать такихъ героевъ! Вотъ служба настоящая Царю и Отечеству! Доблестные воины! Имена всѣхъ васъ, по всей справедливости, должны перейти въ исторію на удивленіе отдаленнаго потомства. Положеніе мое въ Главной квартирѣ то же, какое было и въ день пріѣзда. Рѣшительно не могу отгадать, какіе виды имѣетъ на меня Крыжановскій и какое предполагаетъ въ будущемъ дать мнѣ назначеніе. Неизвѣстность такая тяготитъ меня какъ нельзя болѣе. Но нечего дѣлать: надо терпѣть и ждать у моря погоды.

Накуралесила вчера въ Севастополѣ непріятельская ракета. Она ударилась въ передокъ, подъ которымъ спало трое канонировъ, разбила передокъ въ щепки, а канонирамъ переломила кости; потомъ рикошетомъ взлетѣла вновь на воздухъ, захвативъ съ собой одного изъ канонировъ и забросивъ его на крышу каземата, въ 7-ми или 8-ми саженяхъ вышины отъ земли. Если бы не разсказывалъ мнѣ про этотъ казусъ самъ начальникъ артиллеріи, ѣздившій на Южную сторону для обслѣдованія столь невѣроятнаго случая,—я не повѣрилъ бы никому. Удивительный снарядъ эти ракеты; при разрывѣ онѣ образуютъ воронку,—въ діаметрѣ болѣе воронки 5 пудовой бомбы; летятъ на 7 и болѣе верстъ съ довольно вѣрнымъ направленіемъ; разрядной снарядъ въ 19 фунтовъ и порохъ превосходный,—рѣдкую не разрываетъ.—Снарядъ этотъ еще не вполнѣ усовершенствованъ, но какъ только усовершенствуется, то относительно другихъ снарядовъ и орудій всевозможныхъ калибровъ сыграетъ такую же штуку, какую сыграли штуцера съ нашими обыкновенными ружьями.

Замѣтно, что приготовленія къ 1-му августа не останавливаются. Главнокомандующій и начальникъ его штаба безпрестанно обозрѣваютъ мѣстность по направленію къ Черной рѣчкѣ. Крыжановскій ѣздилъ сегодня также осматривать дороги для движенія артиллеріи.

Главнокомандующій дотого сосредоточенъ въ себѣ самомъ и дотого озабоченъ, что онъ не только не видитъ ничего, что дѣлается вокругъ его, но даже и не помнитъ многаго. Вообще, какъ я полагаю, рѣдко изъ начальника штаба, который уходилъ себя канцелярскою работою, можетъ выйти хорошій главнокомандующій. Вотъ одна черта, которая довольно вѣрно характеризуетъ князя, отрѣшившагося, такъ сказать, отъ всего, что не входитъ въ составъ его канцеляріи. За обѣдомъ никогда у него не подавали и не подаютъ салатъ, и онъ такъ къ этому привыкъ, что, вѣроятно, и забылъ о немъ. Между тѣмъ, когда обѣдалъ у него великій князь въ Кишиневѣ, поданъ былъ салатъ

къ столу, и онъ кушалъ его съ большимъ аппетитомъ. На другой день опять не стало салата, и князь замѣтилъ объ этомъ своему метръ-д'отелю, но на третій день, когда салата не подали, онъ уже молчалъ и потомъ совсѣмъ забылъ о немъ. Теперь надо, чтобъ опять какой-нибудь почтенный гость напомнилъ ему, что въ мірѣ существуетъ салатъ, а не то, навѣрное, самъ онъ никогда объ этомъ не вспомнитъ.

27-го іюля.

Вчера на Малаховомъ Курганѣ, бомба разорвала на куски одну сестру милосердія, которая жила постоянно на бастіонахъ, для поданія помощи раненымъ, нѣсколько мѣсяцевъ; миръ праху твоему, благороднѣйшая и самоотверженнѣйшая женщина.

Сегодня, утромъ рано, по порученію Крыжановскаго, ѣздилъ я въ Сѣверное укрѣпленіе для наблюденія за исправленіемъ ружей, готовящихся для ополченцевъ. Въ укрѣпленіи познакомился съ ген. Тетеревниковымъ. Онъ командуетъ всѣми войсками этого укрѣпленія. Сколько я могу заключать по первому знакомству, это человѣкъ весьма образованный и энергическій. Тамъ же, совсѣмъ нечаянно встрѣтился я и съ саперами, моими кіевскими знакомцами: Ползиковымъ и Матвѣевымъ. Первый такой же молодецъ, какимъ былъ и прежде, но Матвѣевъ больно постарѣлъ и пріунылъ. Сколько одному служебная фортуна благопріятствуетъ, столько другаго преслѣдуетъ: Ползиковъ за Севастополь получилъ Владиміра съ бантомъ, Георгія, чинъ полковника, баталіонъ и, въ довершеніе, самый лестный рескриптъ отъ его высочества Николая Николаевича. Въ рескриптѣ этомъ великій Князь называетъ Ползикова: „мой любезный Ползиковъ", припоминаетъ ему, какъ они, въ дѣтствѣ, упражнялись гимнастикою, и какъ тогда еще Ползиковъ крѣпко умѣлъ стоять на головѣ верхъ ногами. „Теперь"—заключаетъ его высочество: „Мнѣ пріятно слышать, что ты также крѣпко стоишь головою за Государя и за Россію". Милость большая, но Матвѣевъ, также постоянно присутствующій на батареяхъ, ничего не получилъ. Какъ не сказать послѣ этого, что служба наша настоящая лотерея: одни выигрываютъ, а другимъ попадаютъ нумера пустые.

28-го іюля.

Сегодня, съ разсвѣтомъ, вмѣстѣ съ Крыжановскимъ поѣхалъ я на рекогносцировку, которую производилъ самъ главнокомандующій черезъ Мекензіеву гору по направленію къ Черной рѣчкѣ. Съ возвышенности нашей позиціи лагери непріятельскіе видны, какъ на ладони. Всѣхъ ихъ четыре: главный тянется по цѣпи Сапунъ-Горы, другіе же раскиданы по возвышенностямъ впереди горы. Мѣст-

25225.

ность для атаки лагерей, совершенно ровная и открытая; пока дойдемъ до позицій, много выбудетъ у насъ изъ строя. Да и будетъ ли успѣхъ отъ такого дѣла, въ которомъ всѣ преимущества на сторонѣ непріятеля?...

Крыжановскій представилъ меня Бельгарду, начальнику 6-й пѣх. дивизіи, которая, повидимому, предназначается въ передовыя войска, отрекомендовалъ меня ему съ самой лестной для меня стороны. Кромѣ мортиръ, которыя предназначаются въ передовыя войска, мнѣ поручено и распоряжаться артиллеріею 6-й пѣх. дивизіи, такъ какъ генер. Касторскій, по словамъ Крыжановскаго, глупъ. „Не обращайте на Касторскаго никакого вниманія"—сказалъ мнѣ Крыжановскій,— „а распоряжайтесь именемъ Бельгарда". Познакомилъ меня также Крыжановскій и съ Кишенскимъ, Бухмейеромъ и еще какимъ-то флигель-адъютантомъ, красавцемъ собою, фамилію котораго я не разслышалъ (Исаковъ, нач. шт. 6-го пѣх. корпуса). Теперь, когда сношенія мои съ людьми расширяются, я чувствую, что глухота—большой порокъ: между тѣмъ, какъ въ Кіевѣ этого я не замѣчалъ: не только голосъ, но шепотъ моего ангела Сашеньки я всегда слышалъ.

Назадъ возвращался я вмѣстѣ съ ген. Семякинымъ, героемъ 13-го октября, въ одномъ экипажѣ. Между прочимъ, особенно расхвалялъ онъ мнѣ нашихъ моряковъ, отвагу и сноровку въ самыхъ критическихъ случаяхъ. Числительность людей въ нашихъ войскахъ уменьшилась до чрезвычайности, такъ что въ цѣлой дивизіи, которою онъ командуетъ, едва-ли на лицо наберется 5 т. штыковъ. Штуцерныхъ также мало—въ иныхъ полкахъ 50, а въ другихъ и 40 нѣтъ. По недостатку штуцерныхъ, ночью ружейный огонь на оборонительной нашей линіи вовсе прекращается, потому что некѣмъ смѣнить этихъ, которые дѣйствуютъ днемъ. Вообще, если еще долго продлится такое положеніе, то оборона Севастополя, по мнѣнію Семякина, должна много ослабѣть. При немъ въ траншеяхъ и два юноши сына, оба юнкерами. Разсказывалъ онъ мнѣ также, что зимою, по почтѣ, отъ какого-то неизвѣстнаго ему купца получилъ онъ въ подаркѣ посылку-мѣхъ, съ прекурьезнымъ письмомъ, въ которомъ купецъ выражаетъ свои чувства патріотическія по-своему: на самомъ же мѣху надпись: „Россійскаго воинства храброму генералъ-лейтенанту Семякину отъ кременчугскаго купца Воронцова". Со стороны купца черта настояще русская.

Говорятъ, что главнокомандующій окончательно рѣшилъ планъ атаки, но въ чемъ именно онъ состоитъ, я еще не знаю: сегодня вечеромъ объяснитъ мнѣ Крыжановскій, на чемъ остановились.

Разсказываютъ также, что кто-то сегодня напомнилъ главнокомандующему, что напрасно далъ онъ свое согласіе на отступленіе нашихъ

войскъ изъ Чоргуна Черной рѣчки. Это самое и поставило теперь насъ въ столь затруднительное положеніе, что мы должны рѣшиться на наступленіе самое отчаянное. Князь, подумавъ немного, отвѣчалъ: „Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ“.

29-го іюля.

Вчера, едва я успѣлъ возвратиться изъ рекогносцировки, какъ тотчасъ же поѣхалъ въ Сѣверное укрѣпленіе, для осмотра приготовленныхъ четырехъ съ $^1/_2$ пудовыхъ мортиръ, съ 24-мя матросами, и для производства первыхъ опытовъ изъ мортиръ. Все оказалось въ исправности, а матросы представились истинными молодцами. Прежде всего сталъ я испытывать носку мортиръ на рукахъ четырьмя матросами; тяжело, а нести можно.

Усталый и измученный вернулся уже поздно домой. Крыжановскій принялъ меня какъ будто не совсѣмъ внимательно и даже не вникнулъ въ то, что я говорилъ ему. Не случилось ли уже какого-либо наговора? Но Богъ съ ними, со всѣми: исполню мой долгъ до конца, а тамъ что будетъ, то будетъ, а то будетъ, что Богъ дастъ.

Сегодня вечеромъ главнокомандующій ѣздилъ на Южную сторону для совѣщанія о предполагаемой 1-го августа общей атакѣ всѣхъ позицій непріятельскихъ съ графомъ Сакеномъ и другими генералами. Вообще можно сказать, что намъ въ Севастополѣ приходится очень жутко, до мая мѣсяца этого года мы уже потеряли около 100 т.: 40 т. убитыхъ и 60 т. въ госпиталяхъ больныхъ и раненыхъ. Но судя по отчетностямъ (которыя самъ я видѣлъ), получаемымъ изъ Севастополя ежедневно, можно положить, что гарнизонъ въ меньшей мѣрѣ ежедневно теряетъ изъ рядовъ своихъ 300 ч., что̀ составитъ 9 т. въ мѣсяцъ; присоединивъ же къ этому числу еще тысячу въ мѣсяцъ, заболѣвающихъ разными болѣзнями, съ достовѣрностію можно сказать, что оборона Севастополя, если продлится еще два мѣсяца, будетъ намъ стоить 120 т. человѣкъ; теперь же, за десять мѣсяцевъ, обошлась она намъ въ 100 т. Страшныя жертвы! Въ настоящее время положеніе гарнизона Севастопольскаго самое отчаянное: не только никто не предвидитъ конца осадѣ, но никто и надѣяться не смѣетъ уцѣлѣть. При томъ неимовѣрные труды, лишенія всякаго рода, безсонница, непрерывно, днемъ и ночью, летающая надъ головами смерть, все это вмѣстѣ поставило солдата нашего въ такое положеніе, что онъ самъ ищетъ смерти, убѣжденный не уцѣлѣть въ траншеяхъ, чтобъ только скорѣе избавиться отъ неимовѣрныхъ страданій—душевныхъ и физическихъ, на которыя обреченъ воинскою дисциплиною. Такое страшное положеніе Севастопольскаго гарнизона и побуждаетъ многихъ нашихъ генераловъ, какъ я достовѣрно знаю, настаивать въ

*

военныхъ совѣщаніяхъ, чтобъ главнокомандующій какъ можно скорѣе назначилъ день общей атаки.—Лучше умереть разомъ и скорѣе, чѣмъ страдать и мучиться ежедневно въ ожиданіи вѣрной смерти, — такъ разсуждаютъ генералы, а, вѣроятно, вмѣстѣ съ ними также думаютъ про себя и солдаты. Подобное настроеніе духа въ войскахъ можетъ подать нѣкоторую надежду на успѣхъ, если только онъ возможенъ. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что наши войска отчаянно полѣзутъ на страшныя горы и на грозныя батареи непріятельскія, подъ градомъ пуль, бомбъ и ядеръ. Главное, чтобъ только добраться до рукопашнаго боя, чтобъ только сломить эту страшную цѣпь штуцерныхъ, на которую преимущественно непріятель и надѣется, а тамъ, Богъ дастъ, кое-какъ управимся.

Встрѣтился я сегодня со старикомъ Мессингомъ. Онъ также прикомандированъ къ штабу начальника артиллеріи. Теперь онъ уже штабсъ-капитанъ, представленъ въ капитаны и, сверхъ сего, дозволено ему носить всѣ ордена, которые онъ заслужилъ прежде въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Бѣдный, перенесетъ и онъ много при оборонѣ Севастополя, находясь на батареяхъ съ 7-го января. Между прочимъ, разсказывалъ онъ мнѣ одинъ эпизодъ изъ его страданій. Нѣсколько дней сряду шелъ дождь проливной, и траншеи отъ этого наполнились до того водою, что сообщеніе по нимъ сопряжено было съ неимовѣрными затрудненіями. Какъ нарочно, въ этакое время, рано утромъ, отправили его съ двумя казаками съ одного фланга на другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода въ траншеяхъ доходила почти до пояса, такъ что старикъ совсѣмъ выбился изъ силъ и не могъ уже идти далѣе. Одинъ изъ казаковъ предложилъ обойти часть траншей стороною, тропинкой, на что̀ Мессингъ и согласился. Но не успѣли отойти они и ста шаговъ, какъ вся цѣпь непріятельская открыла по нимъ штуцерный огонь: одного казака тотчасъ же убило, а другой казакъ, вмѣстѣ съ Мессингомъ, должны были лечь въ грязь на землю, и въ этомъ положеніи, не двигаясь, пролежать цѣлый день, пока совсѣмъ не стемнѣло. Право, не вѣрится, какъ это подобныя страданія могъ перенесть старикъ, а онъ теперь на видъ болѣе молодецъ, чѣмъ былъ прежде, когда я зналъ его въ Кіевѣ. Говорилъ онъ мнѣ также свои убѣжденія о нѣкоторыхъ нашихъ прославленныхъ герояхъ, которыхъ лично зналъ въ траншеяхъ. Тимоѳеевъ совсѣмъ не храбрецъ; даже бывалъ болѣе осторожнымъ и благоразумнымъ, нежели слѣдовало въ его положеніи; но обстоятельства, которыхъ покойникъ и не искалъ, вытащили его въ число храбрецовъ, и онъ, по неволѣ, долженъ былъ впослѣдствіи разыгрывать эту роль. Графъ Сакенъ, особенно въ послѣднее время, много дѣлалъ ему непріятностей, за то, что онъ часто уѣзжалъ изъ батареи въ городъ. Такихъ же понятій

Мессингъ и о Семякинѣ. Шейдеманъ также не изъ отчаянныхъ храбрецовъ, но обязанность свою исполняетъ добросовѣстно, слабъ только донельзя, а потому часто и погрѣшаетъ въ распоряженіяхъ; разъ прикажетъ, а кто попроситъ его, отмѣнитъ приказаніе, за что̀ многіе имъ недовольны. Жалѣетъ Мессингъ очень о Баумгартенѣ. По его мнѣнію, генералъ этотъ съ большими достоинствами: хладнокровный и распорядительный; удалился же онъ изъ Севастополя—подъ предлогомъ болѣзни, также отъ непріятныхъ столкновеній съ Сакеномъ. Но настоящіе удальцы-храбрецы, это покойный Нахимовъ и Хрулевъ. Моряковъ также Мессингъ превозноситъ донельзя.

Сегодня цѣлый день я ничего не дѣлалъ. Отъ Крыжановскаго не только не получалъ никакихъ порученій, но даже и не говорилъ съ нимъ. Что бы это значило? Но Сержпутовскій внимателенъ ко мнѣ донельзя. И сегодня у него я обѣдалъ.

30-го іюля.

Сначала щиты для амбразуръ дѣлались у насъ изъ досокъ, но штуцерныя пули на близкомъ разстояніи ихъ пробивали; теперь придумали дѣлать щиты изъ каната, и эти — никакая пуля не пробиваетъ. Говорятъ, и французы переняли у насъ этотъ способъ — прикрывать амбразуры. За то и мы заимствовали у нихъ носилки для раненыхъ—съ ножками. Сперва у насъ носилки дѣлались только изъ парусины и двухъ древковъ. Поэтому, когда люди уставали, то должны были класть раненаго на земь, хотя бы грязь была по колѣно, что̀ безпокоило его донельзя, но теперь неудобство это устранено. Какъ подумаешь, сколько мелочей, которыя, повидимому, такъ легко приловчить къ настоящему ихъ назначенію, а, между тѣмъ, остаются онѣ долго въ несовершенномъ видѣ, пока обстоятельства и опытъ не откроетъ намъ глаза. Не будь осады Севастополя, и, вѣроятно, никому изъ насъ и въ голову не пришло бы, что носилки съ ножками спокойнѣе и удобнѣе для переноски раненыхъ, чѣмъ безъ ножекъ. Быть можетъ, десятки лѣтъ мы продолжали бы еще класть раненыхъ нашихъ или на твердую землю, или въ грязь, и не думая, что такъ легко и просто избѣгнуть этой жестокости.

Видѣлъ я флигель-адъютанта Исакова, исправляющаго должность начальника штаба 6-го пѣх. корпуса. Красота его, дѣйствительно, замѣчательная; мало и встрѣчалъ я такихъ прекрасныхъ, по наружности, мужчинъ. Выраженіе лица его напоминаетъ много нынѣшняго императора (въ первой его молодости, когда еще былъ онъ наслѣдникомъ). Отецъ Исакова былъ берейторомъ при Благословенномъ, но красота жены берейтора снискала ему безграничное снисхожденіе у

императора. По крайней мѣрѣ, по слухамъ, таково происхожденіе нынѣшняго флигель-адъютанта, котораго я еще помню въ бытность его въ военной академіи, въ мундирѣ полевой конно-артиллеріи. И тогда онъ былъ чрезвычайно хорошъ. Многія дамы высшаго полета, любительницы до изящныхъ мужскихъ формъ, просто съ ума отъ него сходили. Говорятъ, что эти же дамы и навели на него покойнаго государя. Это было 4-го декабря, на семейномъ вечерѣ у Нел—ой. Когда государь вошелъ въ гостиную, Исаковъ, въ армейскомъ конно-артиллерійскомъ колетѣ, стоялъ въ кадрилѣ. Дамамъ, покровительницамъ хорошихъ мужскихъ формъ, разумѣется, очень хотѣлось, чтобъ императоръ оказалъ ихъ „protègé“ какое-либо вниманіе. Но государь, посмотрѣвъ довольно пристально на красавца, сказалъ окружавшимъ его: „Я помню отца его, онъ былъ“... Этимъ на первый разъ дѣло и кончилось. Но, впослѣдствіи, дамы все-таки настояли на своемъ; не даромъ же говорится: — „ce qu'une femme veut, Dieu le veut“. Исаковъ теперь въ ходу: полковникъ, флигель-адъютантъ, начальникъ штаба, а, къ довершенію, и богатъ, по женѣ. Онъ женился въ Кіевѣ, на Лопухиной, — о чемъ, въ бытность мою подъ судомъ, много тамъ толковали.

Сегодня цѣлый день провелъ въ Сѣверномъ укрѣпленіи, гдѣ, подъ моимъ наблюденіемъ, за отсутствіемъ князя Оболенскаго, производится починка и чистка ружей. Работа идетъ весьма успѣшно: до 500 ружей уже готовы.

Обѣдалъ у ген. Тетеревникова. Досадуетъ онъ, что Хрулевъ портитъ свою репутацію, высказывая неудовольствіе свое, что будто онъ мало награжденъ за 6-е іюня. Обстоятельства поставили Хрулева въ такое положеніе, что онъ теперь долженъ быть выше всякихъ наградъ. Заслуги его такъ велики, что не ленты и звѣзды, а признательность народная, да исторія могутъ только достаточно ихъ оцѣнить; роптать же на то, что вмѣсто какого-нибудь Александра Невскаго получилъ онъ Владиміра 2-й степени, слишкомъ мелко. Нахимовъ былъ не таковъ: исполняя свой долгъ священный до послѣдней минуты жизни, онъ о наградахъ и не думалъ, а если и получалъ ихъ, то всегда, перекрестясь, говорилъ: „Слава Богу, что государь цѣнитъ нашу службу“. Сегодня, говорятъ, Хрулевъ былъ въ Главной квартирѣ пасмурный и какъ будто страдающій отъ какого-то недуга. Чего добраго, не надѣваетъ ли онъ на себя маску, чтобъ еще болѣе возвысить свои заслуги; отъ него, какъ я его понимаю,—всего ожидать можно. Пріѣзжалъ также утромъ въ Главную квартиру и Шабельскій. Я его видѣлъ и разговаривалъ съ нимъ, когда онъ возвратился отъ главнокомандующаго. Но какія именно получилъ онъ приказанія на счетъ предстоящаго дѣла,—не знаю. Дай-то Богъ, чтобъ съумѣли

употребить нашу кавалерію; это одно преимущество, которое мы можемъ имѣть предъ непріятелемъ на полѣ битвы.

Черезъ Сѣверную бухту строится мостъ. Дѣломъ этимъ занимается Бухмейеръ, но оно, повидимому, не слишкомъ быстро подвигается впередъ. Между тѣмъ, оно чрезвычайно важно: если бъ мы имѣли съ начала осады обезпеченное сообщеніе черезъ Сѣверную бухту, то сколько черезъ это могло бы быть спасено народу! По необходимости должны мы держать наши резервы на Южной сторонѣ, гдѣ они подвергаются значительнымъ потерямъ, тогда какъ, если бъ у насъ былъ мостъ черезъ Сѣверную бухту, то всѣ резервы наготовѣ можно бы сосредоточивать на Сѣверной сторонѣ, внѣ выстрѣловъ непріятельскихъ. Прошедшую ночь перерубили топоромъ три каната, которыми одинъ изъ паромовъ для моста былъ причаленъ къ берегу, и паромъ этотъ унесло бы въ море, если бъ онъ не засѣлъ между потопленными нашими кораблями при выходѣ изъ бухты. Страшно подумать, что у насъ и среди насъ живутъ, а, быть можетъ, и служатъ такіе злодѣи-измѣнники. О поляки, поляки!.. Не мудрено послѣ этого, что солдаты наши въ Севастополѣ осторожны донельзя и часто по одному подозрѣнію задерживаютъ своихъ офицеровъ, имъ незнакомыхъ. Драгунскій офицеръ Засядка, который со мною сюда пріѣхалъ, переправившись съ Сѣверной на Южную сторону, послалъ на бастіонъ за своимъ братомъ, съ которымъ желалъ видѣться, а самъ, между тѣмъ, сталъ ходить, въ ожиданіи, по площади, зѣвая, разумѣется, во всѣ стороны. Солдаты тотчасъ же вообразили себѣ, что это долженъ быть переодѣтый шпіонъ, задержали его и повели къ Хрулеву. Такимъ образомъ, Засядка, вовсе не располагавшій обозрѣвать оборонительную линію, по неволѣ долженъ былъ прогуляться по нашимъ батареямъ и траншеямъ.

Ползиковъ много разсказывалъ сегодня объ оборонѣ и о томъ, сколько наши офицеры и солдаты терпѣли и терпятъ, защищая Севастополь противъ такой жестокой и яростной атаки. Много, много было ужасовъ и на бастіонахъ, и даже въ городѣ, особенно въ первую бомбардировку 5-го октября, когда еще немногіе изъ жителей выѣхали изъ города. Нѣкоторыя изъ дамъ показали себя настоящими героинями: ободряли подъ выстрѣлами солдатъ, жертвовали для раненыхъ всѣмъ своимъ достояніемъ, а многія даже присутствовали на перевязочныхъ пунктахъ, ухаживая за ранеными. Раны вообще были самыя жестокія, такъ что хирургія и не могла предвидѣть, чтобъ человѣкъ могъ быть такъ ужасно исковерканъ какимъ-нибудь снарядомъ. Вотъ причина, почему до сихъ поръ столь мало операцій имѣютъ счастливый исходъ. Даже операціи, произведенныя самимъ Пироговымъ, большей частію кончались смертію. По мнѣнію Ползикова, Тотлебенъ храбрости

необыкновенной, едва-ли даже не храбрѣе онъ самого Хрулева. Бывало, бомба упадетъ у самыхъ ногъ, и солдаты съ испугомъ закричатъ: „берегитесь, бомба!“ а Тотлебенъ, стоя надъ бомбою, прехладнокровно имъ отвѣтитъ: „Не бось, ребята, не разорветъ“. И, дѣйствительно, бомбу не рвало. Если же нѣсколько бомбъ разорветъ вокругъ его, такъ что и не видать его за облакомъ пороховаго дыма, онъ даже и не нагнется, а только скажетъ: „Фи, какъ навоняли!“ Теперь, какъ увѣряетъ Ползиковъ, оборона въ рукахъ надежныхъ и искусныхъ. Правымъ флангомъ оборонительной линіи завѣдываетъ Гарднеръ, а лѣвымъ—Гейнрихъ. Особенно послѣдній отличается замѣчательнымъ знаніемъ своего дѣла.

Сейчасъ разговаривалъ о настоящихъ событіяхъ съ Ушаковымъ. Взглядъ его, сколько я понимаю, вѣрный. Надо ничего не жалѣть и употребить всѣ средства, чтобъ кончить скорѣе войну. Нужны, главное, войска и ополченія, и чтобъ доставить ихъ какъ можно поспѣшнѣе на театръ войны, надо употребить для этого всѣ средства, не торгуясь; нуженъ фуражъ, дайте по три, по четыре рубля за пудъ сѣна, но чтобъ онъ былъ. Словомъ, чтобъ не нуждались мы ни въ чемъ, что намъ нужно для одолѣнія врага; чтобъ мы не торговались на средства, изъ опасенія израсходовать много денегъ, на томъ основаніи, что какъ бы дорого все необходимое намъ ни обошлось, но все-таки оно будетъ дешевле, если война кончится въ скоромъ времени. Напротивъ, торгуясь и жалѣя большую трату денегъ, мы подвергаемся этимъ самымъ опасности еще болѣе ихъ израсходовать, потому что замедляемъ исходъ войны, поставляя себя въ невозможность одолѣть врага. Говорилъ онъ также, что надо было доставлять порохъ не изъ Шостки, а построить новые заводы пороховые въ Перекопѣ и въ Бреславѣ. Мы могли также и устроить въ самое короткое время желѣзную дорогу отъ Москвы до Перекопа; для этого не нужны ни вокзалы, ни вагоны, а только рельсы для перевозки однѣхъ тяжестей. Все это, кажется, справедливо; но не сдѣлалось это, какъ мнѣ кажется, потому, во-первыхъ, что сначала правительство не ожидало, чтобъ театръ войны былъ на Крымскомъ полуостровѣ, а во-вторыхъ, потому, что надѣялись и съ малыми средствами отбить непріятеля. Безъ сомнѣнія, въ Россіи никто и не думалъ, чтобъ осада Севастополя могла затянуться на столь долгое время. Полагали, что потребуютъ, да и отойдутъ. Никто и не предполагалъ со стороны союзниковъ такого отчаяннаго упорства; никто не думалъ, что они пожертвуютъ и огромными капиталами, и многочисленными арміями, чтобъ только овладѣть хотя развалинами Севастополя. Говорятъ, одна апрѣльская бомбардировка стоила имъ 18 милліоновъ франковъ.

1-го августа.

Наступательное движеніе наше не отмѣнено, но отложено на нѣсколько дней, пока не будетъ окончена постройка моста черезъ Сѣверную бухту. Самое опасное въ предполагаемомъ предпріятіи, что, въ случаѣ неудачи, пути наши отступленія не обезпечены. Гарнизону, если мостъ и готовъ будетъ, придется отступать черезъ бухту, а отряду Липранди на Мекензіеву гору. Въ случаѣ же неудачи, безъ всякаго сомнѣнія, непріятель станетъ преслѣдовать насъ горячо по пятамъ. Изъ всего этого можно заключить за достовѣрное, что послѣ дѣла, чѣмъ бы оно ни кончилось, мы не останемся въ теперешнемъ положеніи. При полномъ успѣхѣ съ нашей стороны, то есть, при занятіи нами Сапунъ-Горы, непріятель долженъ будетъ самъ снять осаду; въ случаѣ же неудачи, едва-ли удержимъ мы за собою оборонительную линію Севастополя.

Вчера у Сержпутовскаго обѣдалъ Бухмейеръ. Онъ разсуждалъ о предполагаемой атакѣ величаво и съ какою-то странною самоувѣренностью. По словамъ его, орудійнаго огня бояться намъ нечего: надо только молодцами пройти линію прицѣльнаго ихъ выстрѣла; штуцерный ихъ огонь силенъ въ траншеяхъ, но въ полѣ никакого преимущества предъ нашимъ не имѣетъ; въ числительности, правда, они имѣютъ предъ нами преимущество, но позиціи ихъ растянуты на 16-ть верстъ, тогда какъ мы сосредоточимъ наши силы на извѣстные пункты.—„Главное“, продолжалъ декламировать этотъ генералъ послѣ сытнаго обѣда и наслаждаясь куреніемъ сигары: „не надо ограничиваться полумѣрами, не надо останавливаться на полъ-пунктахъ. Бросьте прежде всего 60 и 80 эскадроновъ, и чтобъ они летѣли, сломя голову, опрокидывая все, что имъ ни встрѣтится. Занявъ Ѳедюхины возвышенности, пѣхотѣ не останавливаться, но, вздохнувъ немного,—„трахъ,—трахъ“, и впередъ на Сапунъ-Гору. И съ этимъ словомъ: „трахъ—трахъ“, Бухмейеръ дѣлалъ преуморительный жестъ правой рукою. По-моему, весь комизмъ подобной выходки не въ томъ, что ораторъ разсуждалъ неосновательно, но въ томъ преимущественно, что онъ выдаетъ себя за горячаго партизана рѣшительныхъ и даже, можно сказать, отчаянныхъ мѣръ, зная напередъ, что персонально не приметъ въ нихъ никакого участія. Скажи то же самое Бухмейеръ у подошвы Сапунъ-Горы, предводительствуя штурмовыми колоннами, и я съ уваженіемъ снялъ бы предъ нимъ шапку, но храбриться и разыгрывать роль отчаяннаго воина, постоянно просиживая на Сѣверной сторонѣ,—внѣ выстрѣловъ, какъ-то неловко и даже смѣшно. Саперы, въ оправданіе его, говорятъ, что онъ не принялъ участія въ оборонѣ Севастополя единственно по чувству деликатности: онъ не хотѣлъ своимъ вмѣша-

тельствомъ лишать лавровъ Тотлебена, который началъ оборону и такъ славно продолжалъ ее. Положимъ, что это такъ. Но когда Тотлебена ранили, и когда онъ принужденъ былъ уѣхать изъ траншей на Бельбекъ, то что̀ подвигало Бухмейера оставаться у постройки моста? Неужели также лавры Гейнриха и Гарднера? Но ихъ лавры и въ настоящее время такъ еще зелены и не зрѣлы, что, право, большой бѣды для нихъ не было бы, если бы Бухмейеръ принялъ персонально участіе въ оборонѣ. Изъ всего этого я заключаю, что Бухмейеръ—генералъ умный, ловкій, приличный, представительный, но генералъ мирный, а не военный, какихъ у насъ, къ сожалѣнію, едва-ли не болѣе, чѣмъ нужно. Теперь особенно сапернымъ и инженернымъ генераламъ—нѣтъ другаго мѣста, какъ на траншеяхъ. Кончится осада, начнутся полевыя дѣла, и тогда, пожалуй, живи они при Главной квартирѣ и храбрись, внѣ выстрѣловъ, сколько имъ угодно: никто о нихъ ничего не скажетъ, но, въ настоящее время, Бухмейеръ права голоса имѣть не можетъ потому уже, что онъ не на своемъ мѣстѣ. Будь живъ Шильдеръ, онъ не посмотрѣлъ бы ни на какіе тотлебенскіе лавры, а полѣзъ бы въ траншеи, да тамъ и пропадалъ бы до тѣхъ поръ, пока не взорвалъ бы непріятельскихъ саперовъ на воздухъ.

Вчера переселился я на новоселье. Теперь помѣщенъ я въ особой палаткѣ, рядомъ съ шалашомъ Крыжановскаго. Оно удобнѣе и спокойнѣе. Утромъ сегодня навѣстилъ меня Сержпутовскій. Добрый онъ старикъ. Крыжановскаго третій день какъ не вижу. Вчера онъ ѣздилъ смотрѣть 5-ую бригаду и не знаю, вернулся ли сегодня. Если не ошибаюсь, Крыжановскій, какъ мнѣ кажется, что-то противъ меня имѣетъ. Какъ сначала онъ желалъ со мною сблизиться, такъ теперь какъ будто отталкивается: и причины отгадать я никакой не могу, развѣ какія-нибудь сплетни. Посмотримъ, что будетъ далѣе.

Говорятъ, что главнокомандующій самъ не совсѣмъ еще рѣшился на рѣшительное дѣло. По крайней мѣрѣ достовѣрно то, что онъ не довольствовался изустными мнѣніями генераловъ на совѣщаніяхъ, но потребовалъ, чтобъ каждый изъ нихъ изложилъ свое мнѣніе на счетъ этого дѣла на бумагѣ. Большая часть, и особенно тѣ, на долю которыхъ досталось защищать Севастополь, настаиваютъ, чтобъ общая атака всѣхъ позицій непріятельскихъ была произведена, и какъ можно скорѣе, предвидя полный успѣхъ отъ этой атаки. Но нѣкоторые съ такимъ мнѣніемъ не соглашаются. Въ числѣ ихъ Ушаковъ, дежурный генералъ, отозвался, что если общее наступленіе необходимо, то лучше произвесть его не теперь, но въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда подойдутъ къ намъ всѣ войска, которыя мы ожидаемъ изъ Россіи, а ихъ наберется до 80 тысячъ, почти цѣлая армія. Правда, что въ два мѣсяца

у насъ выбудетъ изъ строя до 10 тысячъ, но за то мы замѣнимъ ихъ свѣжими 80 тысячами штыковъ. Правда и то, что для Севастопольскаго гарнизона ожидать развязки еще два мѣсяца—мука страшная, но за то тогда болѣе представится вѣроятія на успѣхъ, чѣмъ теперь. Какъ бы то ни было, но, повидимому, день наступленія еще не назначенъ, хотя всѣ приготовленія для общаго дѣла не останавливаются; заряды приготовляются, войска на указанные пункты стягиваются: и рекогносцировки мѣстностей дѣятельно производятся каждый день. И сегодня, послѣ обѣда, самъ главнокомандующій, вмѣстѣ съ Шабельскимъ, начальникомъ кавалерійскаго резерва, ѣздилъ на Мекензіеву гору, чтобъ обозрѣть и указать мѣстность для атакъ кавалерійскихъ. Говорятъ также, будто всѣ мнѣнія генераловъ посланы съ особымъ курьеромъ къ государю. Немудрено, что это и справедливо. Трудно князю взять на свою личную отвѣтственность столь рисковое предпріятіе, на которое преимущественно вызываетъ насъ отчаянное положеніе Севастополя и храбрыхъ его защитниковъ; вѣроятій же на успѣхъ—столь мало, что скорѣе предвидѣть можно пораженіе, чѣмъ побѣду. Нельзя даже разсчитывать и на неожиданность удара. По всему видно, что непріятель уже знаетъ о приготовленіяхъ нашихъ. Онъ также стягиваетъ на нѣкоторыя позиціи свои войска и укрѣпляетъ отлогости горъ новыми батареями. Въ особенности роется онъ въ землѣ на возвышенностяхъ близъ Чоргуна.

Послѣ обѣда, ежедневно, когда только время дозволяетъ, ѣзжу я, вмѣстѣ съ Марковымъ, купаться въ морѣ. Въ это время обыкновенно купаются на берегу и сестры милосердія. Марковъ не сводитъ съ нихъ глазъ, по часу и болѣе любуясь ихъ формами въ зрительную трубку, не взирая на то, что между этими сестрами всѣ некрасивы. Значитъ, правда, что въ степи и жукъ мясо. Что же касается до меня, то будь эти сестры всѣ красавицы, я и не взглянулъ бы на нихъ, такъ сильно преисполненъ я чистымъ чувствомъ къ моей Сашенькѣ. Послѣ ея,—для меня нѣтъ женщинъ, и мнѣ даже кажется, если бъ я и лишился моего ангела навѣки, то и тогда не увлекся бы чувственностью!.. Удивительное созданіе—человѣкъ. Марковъ не развратникъ, напротивъ того, примѣрный отецъ семейства и старше меня лѣтами, при томъ—по характеру человѣкъ серьезный, а, между тѣмъ, находитъ наслажденіе въ такомъ грубомъ чувствѣ. Какъ объяснить это? По правую сторону отъ насъ — купались сестры милосердія, а по лѣвую матросъ съ какими-то двумя дѣвами, изъ которыхъ одну, въ волнахъ намъ было видно, какъ онъ обнималъ и цѣловалъ.

Кстати о сестрахъ милосердія. Большая часть изъ нихъ—происхожденія и репутаціи не совсѣмъ чистыхъ. Молодость ихъ прошла

въ различныхъ положеніяхъ, особенно тѣхъ, которыя навербованы въ Одессѣ. Но теперь исполняютъ онѣ свой долгъ съ примѣрнымъ усердіемъ и самоотверженіемъ; выходитъ, правда, милыя грѣшницы, что покаяться придетъ всегда пора.

Послѣ штурма 6-го іюня самъ непріятель просилъ у насъ перемирія на шесть часовъ—для уборки тѣлъ. По этому случаю, какъ наши, такъ и непріятельскіе офицеры выѣхали одинъ другому навстрѣчу. Щеголевитость одежды англійскихъ, но особенно французскихъ офицеровъ поразила всѣхъ; всѣ они были раздушены, въ глянцовыхъ ботинкахъ, въ лайковыхъ перчаткахъ, въ прекрасныхъ мундирахъ, изъ-за которыхъ виднѣлось бѣлье, самое тонкое и бѣлое, какъ снѣгъ. Между тѣмъ, какъ наши выползли изъ траншей грязные, не бритые, не чесанные, съ засаленными перчатками и съ такими же фуражками, а, къ довершенію, и въ сапогахъ съ длинными поверхъ штановъ голенищами, смазанными саломъ. Контрастъ поразительный! Немудрено послѣ этого, что они считаютъ насъ настоящими варварами. Да и солдатъ нашъ опустился теперь донельзя: по походкѣ и по выправкѣ вновь обратился въ первобытное состояніе—въ мужика. Всегда безъ галстука, въ грязной рубахѣ и съ накинутой на плечи безобразной сѣрой шинелью, которую носитъ, какъ звѣрь шкуру, во всѣ времена года,—и лѣтомъ, когда жаръ доходитъ до 40 гр., и зимою, когда холодъ въ 30 гр. Послѣ этой войны пройдетъ много времени, пока снова не подтянутъ нашего солдата. Но, главное, нужно одѣть его благообразнѣе. Вообще, у насъ какъ будто два особыхъ войска: одно для мирнаго, а другое для военнаго времени. Какъ будто нельзя держать солдатъ такъ, чтобъ и на войнѣ онъ былъ такимъ же, какимъ представляется на смотры въ мирное время; развѣ нельзя придумать головной уборъ, который былъ бы и красивъ, и удобенъ; развѣ нельзя одѣть его такъ, чтобъ платье его было и изящно, и спокойно? А теперь, напримѣръ, все то, что украшало солдата на смотрахъ: мундиры, каски, султаны, даже штаны,—все это бросили, потому что все это оказалось неудобнымъ, неловкимъ, стѣсняющимъ въ движеніяхъ,—и пустили его на поле брани въ однихъ подштанникахъ, да въ безобразной шинели. Отъ этого теперь полки наши походятъ болѣе на толпу мужиковъ, чѣмъ на благоустроенное и дисциплинированное войско.

Теперь полночь. Канонада подъ Севастополемъ что-то разгорѣлась не на шутку. Я вышелъ изъ палатки, чтобъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Сотни бомбъ и гранатъ летятъ навстрѣчу одна другой. Но нашъ огонь сильнѣе едва-ли не въ пять разъ. Вѣрно, непріятель затѣялъ какія-нибудь работы новыя, по которымъ мы и стрѣляемъ.

6-го августа.

Прошло дней не много, до 6-го августа, а испыталъ я въ это время много. Кровопролитное дѣло было 4-го августа, и кончилось, какъ и должно было ожидать, неудачно. Потеря съ нашей стороны страшная: три генерала убиты (Реадъ, Веймарнъ и Вревскій), семь ранены; болѣе трехъ сотъ штабъ и оберъ-офицеровъ убито и ранено, изъ числа ихъ шесть полковыхъ командировъ; всего же выбыло изъ строя 8.700 человѣкъ. Наканунѣ дѣла пришли двѣ дружины курскаго ополченія; подъ ружьемъ ихъ было 1.900 человѣкъ, а теперь осталось всего 400. Они были употреблены въ составѣ баталіоновъ [1]).

Сначала дѣло началось успѣшно. Непріятель насъ не ожидалъ. Телеграфическую гору заняли наши быстро молодцами. Но какъ только спустились на долину къ рѣчкѣ и бросились на мостъ, мы встрѣтили сопротивленіе со стороны непріятеля самое усиленное. Не прошло и получаса, вся долина покрылась ранеными и убитыми. Однако, не взирая на это, пѣхота наша все-таки успѣла завладѣть мостомъ, перебѣжала его и бросилась уже на Уральскія высоты, какъ вдругъ густыя цѣпи стрѣлковъ непріятельскихъ ее остановили. Никѣмъ не поддержанная, наша передовая пѣхота не устояла и стала отступать; вмѣстѣ съ нею получили приказаніе и всѣ прочія войска къ отступленію. Дѣло началось въ началѣ 5-го часа по полуночи и кончилось въ 11-мъ. Много нашихъ тяжело раненыхъ осталось за мостомъ и около рѣчки.

Самъ я лично наблюдать за общимъ ходомъ дѣла не могъ, потому что состоялъ въ особомъ отрядѣ, въ качествѣ начальника артиллеріи, а потому пишу со словъ другихъ. Говорятъ, будто бы не было разсчитано—во сколько времени пѣхота съ артиллеріею могла спуститься съ Мекензіевой горы, а потому резервы наши не могли быть во-время введены въ дѣло. Говорятъ также, что не ожидали встрѣтить сильный огонь, такой дружный—у подошвъ Уральскихъ высотъ. Словомъ, наткнулись на то, чего не ожидали, и не нашли того, чего ожидали. Но, не довѣряя вполнѣ всѣмъ толкамъ, могу за достовѣрное сказать только то, что дѣло 4-го августа было предпринято безъ всякаго вѣроятія разумнаго на успѣхъ. Теперь мы поставлены въ худшее положеніе, нежели были. Непріятель торжествуетъ точно такъ же, какъ мы торжествовали послѣ 6-го іюня. Со вчерашняго дня началась усилен-

[1]) Объ ополченцахъ говорилъ лейт. А. А. Марковъ, со словъ Бѣлявцева. Но это несправедливо: ополченцы вовсе въ дѣлѣ не были.

ная бомбардировка Севастополя и продолжается до сего времени. Ждутъ штурма.

2-го августа Крыжановскій пригласилъ меня ѣхать съ нимъ на рекогносцировку. У Липранди застали мы всѣхъ генераловъ 6-го пѣхотнаго корпуса на совѣщаніи. Здѣсь получилъ я приказаніе состоять, во время дѣла, при генералъ-лейтенантѣ Бельгардѣ, для командованія артиллеріею его отряда.

3-го августа, утромъ, прибылъ я въ отрядъ, расположенный въ Каралескомъ ущельѣ. Двинулись и вступили мы въ дѣло въ слѣдующемъ порядкѣ:

3-го августа, какъ только начало смеркаться, въ часу 8-мъ вечера, отрядъ началъ движеніе, сложивъ ранцы въ Юкаръ-Каралескомъ ущельѣ, въ сторонѣ отъ дороги, отъ Юкаръ-Каралеса по Шулинской дорогѣ.

Дошедъ до Мокрой-Луговины, въ часу двѣнадцатомъ, отрядъ расположился въ резервномъ боевомъ порядкѣ, въ совершенной тишинѣ и не раскладывая огней. Отъ непріятеля мы были въ такомъ еще разстояніи, что, при соблюденіи тишины, не должны были его встревожить. Нечего и говорить, что движеніе и расположеніе отряда нашего на Мокрой-Луговинѣ было прикрыто густою цѣпью казаковъ.

4-го августа, за часъ до разсвѣта (въ $2^1/_2$ часа) отрядъ началъ движеніе съ Мокрой-Луговины на Чоргунъ и Карловку.

По Чоргунской дорогѣ два баталіона пѣхоты съ легкою № 8-й батареей 6-й бригады двинулись для занятія такъ называемой Артиллерійской горы.

Двѣ батареи, съ двумя горными орудіями, повелъ я самъ на Среднюю или Безъименную гору (Чоргунскія высоты).

Обѣ горы, Артиллерійскую и Среднюю—заняли мы безъ выстрѣла, и благополучно снялись съ передковъ. Въ это время уже разсвѣтало, и мы тотчасъ же открыли огонь усиленный по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, на Телеграфической горѣ построеннымъ. Непріятель отвѣчалъ на огонь нашъ не скоро, а по прошествіи по крайней мѣрѣ 20 минутъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ, что онъ не ожидалъ нашего появленія на этихъ высотахъ. Черезъ полчаса, Егерская бригада Веселитскаго быстро атаковала и завладѣла Телеграфическою горою—тогда весь огонь орудійный на Средней горѣ сосредоточили мы на ближайшія части горы Гасфорта. Съ этого момента все дѣйствіе отряда ограничилось стрѣльбою изъ 24-хъ орудій съ Безъименной горы по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, построеннымъ по скату горы Гасфорта. Сначала непріятель засыпалъ насъ ядрами и гранатами, дѣйствуя по насъ съ шести батарей. Огонь его поддерживался усиленно около $1^1/_2$ часа, но потомъ постепенно сталъ ослабѣвать и наконецъ совсѣмъ замолкъ.

Во время дѣла, главнокомандующій потребовалъ отъ насъ бригаду егерей на подкрѣпленіе войскъ, дѣйствовавшихъ на Телеграфической горѣ; генералъ Бельгардъ самъ пошелъ съ бригадою. Наконецъ, и артиллерія получила приказаніе идти туда же. Но едва, и съ большимъ усиліемъ, взобрались мы на гору Телеграфическую, какъ получено было приказаніе вернуться назадъ. Едва смогли мы, на узкой дорогѣ, повернуть орудія на лѣво-кругомъ. Едва пришли на Мокрую-Луговину, какъ казакъ за казакомъ стали къ намъ прискакивать съ извѣщеніями, что непріятель наступаетъ на насъ въ большихъ силахъ. Сначала поставили всю артиллерію у выхода изъ ущелья; потомъ три батареи стянули въ ущельѣ, оставивъ на позиціи, и весь отрядъ направился въ Юкаръ-Каралесъ, занявъ тамъ тѣ же мѣста, которыя занималъ до 4-го августа. Этимъ 4-го августа дѣйствіе отряда генерала Бельгарда и кончилось.

Положеніе мое въ отрядѣ генерала Бельгарда было довольно фальшивое. Прибывъ наканунѣ сраженія, я никого тамъ не зналъ; правъ положительныхъ на командованіе не имѣлъ; при томъ бригадный командиръ Касторскій, въ чинѣ генерала и, слѣдовательно, старше меня. При мнѣ не было не только адъютанта, но даже и казака. А между тѣмъ, всѣ распоряженія должны были идти отъ меня, и во всемъ, что касалось только до артиллеріи, Бельгардъ относился не къ Касторскому, а ко мнѣ. Разумѣется, при такомъ фальшивомъ положеніи нельзя было миновать нѣкоторыхъ столкновеній, для меня непріятныхъ. Ночью, когда ни зги не было видно, отрядъ тихо поднялся съ Мокрой-Луговины. Одна батарея (подполковника Рогозинскаго) опоздала и не попала на свое мѣсто. Я тотчасъ же объ этомъ послалъ сказать Бельгарду, вслѣдствіе чего весь отрядъ остановился; но какъ только Рогозинскій примкнулъ къ своему мѣсту, я самъ поѣхалъ доложить объ этомъ отрядному начальнику. Бельгардъ принялъ меня тономъ начальническимъ, и въ выраженіяхъ самыхъ серьезныхъ, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе за такой въ артиллеріи безпорядокъ. Потомъ, какъ нарочно, тотъ же Рогозинскій опоздалъ во второй разъ, не пришелъ во-время на позицію. И за это Бельгардъ мнѣ же сдѣлалъ выговоръ. Но я по совѣсти исполнилъ мой долгъ честно. Цѣлую ночь, пока отрядъ въ Луговинѣ отдыхалъ, я былъ на ногахъ: получалъ безпрестанно приказанія отряднаго начальника и лично долженъ былъ въ темнотѣ отыскивать батарейныхъ командировъ, потому что при мнѣ никого не было, чрезъ кого могъ бы я переслать приказаніе. Кромѣ того, всѣ распоряженія, относившіяся до дѣла, были сдѣланы мною во-время. Касторскій велъ себя, какъ угорѣлый. Онъ даже не сдѣлалъ никакихъ распоряженій касательно общихъ приказаній начальника артиллеріи, разосланныхъ еще 2-го числа циркуляромъ по всѣмъ отрядамъ.

Да и ловко повелъ онъ себя во время дѣла. Какъ только отрядъ вступилъ, онъ куда-то скрылся, и его, во время ночнаго движенія, и потомъ, во время самаго дѣла, никто не видалъ. И это генералъ, и въ его командованіи состоитъ артиллерійская бригада.

Ночное движеніе чрезъ ущелье было для меня самое утомительное. По крайней мѣрѣ, въ продолженіе трехъ сутокъ я не смыкалъ глазъ. Были минуты, въ которыя я просто приходилъ въ отчаяніе. Не знаю, какъ стало у меня силъ перенесть все то, что перенесъ я. Но, вѣрно, это такъ мнѣ не обойдется: рано или поздно, но отзовется. Теперь еще весь разбитъ. Эти три дня: 2-е, 3-е и 4-е августа 1855 года—самые мучительные дни въ моей жизни. Къ физическимъ страданіямъ присоединилась и душевная тревога:—опасеніе потерять орудія, отвѣтственность за малѣйшіе безпорядки, которые я, въ моемъ положеніи, и отвратить не могъ; столкновеніе съ людьми мнѣ незнакомыми и оффиціально не подчиненными; лишеніе всѣхъ средствъ и способовъ распоряжаться, какъ бы хотѣлъ; словомъ, все соединилось вмѣстѣ, и одинъ Богъ знаетъ, какъ много въ эти три дня перестрадалъ я.

Хотя, благодаря Бога, все кончилось благополучно, и я разстался со всѣми и съ самимъ Бельгардомъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, однако, до сихъ поръ, продолжаю страдать и тѣломъ и душою. Нѣтъ,—впечатлѣнія, мною испытанныя, не скоро проходятъ!

Реадъ убитъ ядромъ въ голову, въ передовой цѣпи: тѣло его осталось вмѣстѣ съ другими убитыми у непріятеля, такъ какъ войска наши въ это время отступали уже отъ Черной рѣчки. Тамъ же убитъ и Веймарнъ,—штуцерною пулею въ голову. Вревскій убитъ въ свитѣ главнокомандующаго—черепкомъ отъ гранаты въ щеку. Всѣ трое, какъ бы предчувствуя свою смерть, наканунѣ сдѣлали духовныя завѣщанія. Особенно всѣ сожалѣютъ о Веймарнѣ. Лично я его не зналъ, но репутація о немъ превосходная, и какъ о человѣкѣ благороднѣйшемъ, и какъ о генералѣ самомъ способномъ. Жалѣютъ также многіе и о Реадѣ. Это былъ рыцарь чести. Еще въ Польскую кампанію я служилъ подъ его начальствомъ. Онъ былъ человѣкъ просвѣщенный и самыхъ благородныхъ правилъ. Въ дѣлѣ 4-го августа отвага его была даже безразсудна: всѣ почти окружающіе его перебиты или переранены. Не искалъ ли онъ самъ смерти? Извѣстно, что репутація его, какъ военачальника, не была еще обозначена. Онъ не былъ ни въ одномъ дѣлѣ, гдѣ бы могъ выказать свои военныя способности: между тѣмъ какъ достигъ до званія главнокомандующаго—послѣ удаленія князя Воронцова съ Кавказа. Но и тамъ въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ, а жилъ въ Тифлисѣ, между тѣмъ какъ Барятинскій, Андрониковъ, Бебутовъ и другіе одерживали славныя побѣды. Съ назначеніемъ Н. Н. Муравьева на Кавказъ,

Реада назначили корпуснымъ командиромъ, mais on a doré la pilule—назначивъ его генералъ-адъютантомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ, 4-го августа представился первый случай Реаду показать передъ арміей, что онъ не недостоинъ тѣхъ званій и наградъ, которыми такъ щедро осыпалъ его покойный императоръ. Съ его благородствомъ и самолюбіемъ, онъ не могъ, вѣроятно, допустить мысли—быть ниже своего званія, а между тѣмъ, дѣло 4-го августа, кромѣ страшной потери въ людяхъ, не обѣщало ни одному генералу никакой славы. Напротивъ, многіе изъ нихъ могли быть обвинены за ихъ распоряженія, что̀, безъ сомнѣнія, предчувствовалъ и Реадъ. Мнѣ кажется, что только подобное настроеніе духа могло подвинуть его, безъ всякой видимой надобности, въ такія опасныя мѣста, гдѣ не онъ одинъ, но почти и вся свита его пали жертвами.

Крыжановскій также велъ себя безразсудно, бросаясь въ самыя опасныя мѣста. Но Богъ на этотъ разъ его миловалъ. Лошадь подъ нимъ убило ядромъ, которое пролетѣло чрезъ животъ, около сѣдла, и у самыхъ его ногъ. Ногу съ наружной стороны какъ бы обожгло, но теперь пока онъ особой боли не чувствуетъ. Контузіи, впрочемъ, часто отзываются впослѣдствіи. Потомъ сталъ онъ подымать самъ хоботъ, вмѣстѣ съ фейерверкомъ, и положилъ на его плечо руку, какъ вдругъ ядро фейерверкеру этому оторвало голову. Наконецъ, въ сѣдлѣ его, на другой уже лошади, нашли нѣсколько шрапнелевыхъ пуль [1]). Я ему сказалъ откровенно, что онъ напрасно, въ его званіи и на его мѣстѣ, рискуетъ такъ много собою. Боже сохрани, не стань его, и управленіе наше артиллерійское остановится. По крайней мѣрѣ, здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ замѣнить его. Онъ съ большими способностями и съ удивительнымъ усердіемъ исполняетъ свою обязанность. Если есть въ немъ недостатокъ, то одинъ—молодость. Отъ этого часто въ немъ нѣтъ такта въ обращеніи съ подчиненными. Нѣкоторые полагаютъ даже, въ томъ числѣ и Шейдеманъ, что онъ слишкомъ много о себѣ думаетъ и чрезъ это черезчуръ уже заносится. Но я этого не думаю. Если онъ становится иногда на дыбки, то именно потому, что боится, чтобъ предъ нимъ не манкировали. Настоящее обращеніе его и со мной я тому же приписываю. Впрочемъ, за его полезную и примѣрную службу я готовъ ему многое извинить, и далъ себѣ слово — на манеру обращенія его со мною никакого не обращать вниманія.

Изъ убитыхъ командировъ особенно сожалѣютъ о храбромъ Скю-

[1]) Извѣстно, что французскія шрапнелевыя пули почти недѣйствительны. Онѣ отскакиваютъ даже отъ солдатской шинели, не нанося никакого вреда. Это происходитъ, вѣроятно, отъ незначительнаго разрывнаго заряда.

дери и о Бельгардѣ, родномъ братѣ бывшаго отряднаго моего начальника. Этотъ послѣдній сначала былъ раненъ пулею въ грудь, когда полкъ его былъ уже за рѣчкою. Двое солдатъ, также раненыхъ, но слегка, повели его подъ руки; но, подойдя къ рѣчкѣ, Бельгардъ хотѣлъ самъ пройти чрезъ нее—безъ помощи солдатъ, а солдаты оставить его на произволъ собственныхъ силъ не соглашались. Пока они вели между собою этотъ разговоръ, бывши уже въ водѣ, непріятельская картечь повалила всѣхъ трехъ наповалъ.

Теперь трудно провѣрить справедливость всѣхъ фактовъ. По приказанію главнокомандующаго Бутырскій полкъ первый пошелъ за рѣчку, а за нимъ Московскій, а потомъ оба эти полка изъ-за рѣчки бѣжали. Московцы говорятъ, что подлецы бутырцы первые обратились назадъ и, въ бѣгствѣ, смяли ихъ и заставили также бѣжать; съ своей стороны говорятъ бутырцы, что подлецы московцы не поддержали ихъ, и что они были уже на половинѣ горы, и непремѣнно заняли бы гору, если бы московцы не побѣжали и не оставили ихъ на произволъ судьбы. И разнорѣчатъ такъ не одни солдаты, но и ихъ начальники—генералы и полковники. Время одно можетъ открыть истину.

Вчера бомбардировка нанесла намъ вредъ чувствительный: 1.200 нижнихъ чиновъ и 15 офицеровъ выбыло изъ строя. Потеря отъ сегодняшней бомбардировки еще неизвѣстна. Слышно только, что сильно раненъ осколкомъ отъ бомбы Денъ, сынъ инспектора инженеровъ.

Говорятъ, что когда Пелисье поздравляли съ побѣдой, онъ отвѣчалъ, что одержанный ими верхъ не есть побѣда, но только удачное отраженіе отчаяннаго натиска. Оно и справедливо. Въ такомъ только случаѣ непріятель одержалъ бы надъ нами побѣду, если бы онъ насъ преслѣдовалъ и нанесъ намъ пораженіе на нашихъ позиціяхъ. Говорятъ также, что Пелисье въ приказѣ по войскамъ своимъ благодарилъ за мужество, ими оказанное, но понесенную нами потерю въ этомъ приказѣ обозначалъ не точно, опредѣливъ ее до 6 тысячъ, тогда какъ мы потеряли около 9 тысячъ.

Пелисье сегодня прислалъ въ нашу Главную квартиру письмо, духовное завѣщаніе и 300 руб. денегъ, найденные въ карманѣ Реада, но тѣло теперь найти не могутъ, такъ какъ французскіе солдаты, въ числѣ другихъ труповъ, раздѣли и трупъ Реада, который при томъ и безъ головы. Вѣроятно, похоронятъ его, вмѣстѣ съ другими, безъ особенныхъ почестей. Касательно завѣщаній, въ нашемъ отрядѣ остроумно распорядился своимъ достояніемъ одинъ изъ баталіонныхъ командировъ — Ольхинъ. За полчаса до вступленія въ дѣло, онъ объявилъ всѣмъ чинамъ своей батареи, что на немъ 1.700 руб. сереб., и что если его убьютъ, чтобы они знали объ этомъ и деньги пред-

ставили бы по начальству — для пересылки ихъ куда слѣдуетъ. Въ карманѣ у Реада была также и диспозиція на 4-е августа, но ее Пелисье не возвратилъ. Вѣроятно, будетъ она цѣликомъ напечатана въ иностранныхъ журналахъ.

Бомбардировка усиленно продолжается. Теперь уже полночь, а бомбы безъ умолку летаютъ въ городъ и на бастіоны. Не будетъ ли съ разсвѣтомъ штурма? И уцѣлѣетъ ли Севастополь? Во всякомъ случаѣ, не даромъ онъ, родимый, имъ достанется. Нашъ гарнизонъ будетъ драться до послѣдняго, тѣмъ болѣе, что отступить ему некуда: мостъ черезъ Сѣверную бухту до сихъ поръ еще не готовъ. Какъ подумаешь, что осада продолжается уже десять мѣсяцевъ, и до сего времени не могли мы устроить надежнаго сообщенія съ Южной стороной, такъ, право, становится грустно на душѣ. Одинъ только героизмъ нашихъ солдатъ спасаетъ Севастополь, и Крымъ, и Россію. Дайте этимъ солдатамъ предводителей, и никакія арміи заморскія не устоятъ противъ нихъ. Не далѣе какъ 4-го августа я еще болѣе убѣдился, что русскій солдатъ, если разумно повести его, сломитъ всякую преграду, даже преграду изъ штуцернаго огня.

Какую потерю понесъ непріятель 4-го августа? Я думаю, сравнительно съ нашею, самую ничтожную. Въ колоннахъ онъ не стоялъ подъ нашимъ огнемъ, а дѣйствовалъ во все время разсыпнымъ строемъ; при томъ, былъ укрытъ за укрѣпленіями; что же касается до штыковъ, то до нихъ дѣло не доходило. Если онъ потерялъ тысячу или двѣ, то это уже много. Въ плѣнъ нами взято всего десять человѣкъ: 1 офицеръ и 9 нижнихъ чиновъ. Въ этомъ и всѣ трофеи наши.

7-го августа.

Я возвратился въ Главную квартиру на другой день послѣ сраженія, 5-го августа. Крыжановскій приказалъ мнѣ тотчасъ же изложить на бумагѣ о дѣйствіи артиллеріи въ отрядѣ Бельгарда. Пока составлялъ я это изложеніе, главнокомандующій прислалъ за мною казака. Въ недоумѣніи, зачѣмъ это главнокомандующій требуетъ меня къ себѣ, побрелъ я къ нему, вслѣдъ за казакомъ. Князь принялъ меня въ палаткѣ, и вотъ какой разговоръ я имѣлъ съ нимъ:

— Гдѣ два баталіона дѣвались?

— Какіе, ваше сіятельство?

— А развѣ артиллеріи не было при нихъ?

— Я не знаю, ваше сіятельство, о какихъ баталіонахъ вы изволите меня спрашивать?

— Такъ вы не знаете, возвратились ли эти баталіоны?

— Не знаю.

— Ступайте.

*

И я, разумѣется, вышелъ отъ главнокомандующаго еще въ большемъ недоумѣніи, нежели пришелъ къ нему. Впослѣдствіи, вся мистификація объяснилась. Дѣйствительно, два баталіона, при двухъ орудіяхъ, заблудились въ ущельяхъ, но не изъ отряда нашего, а изъ отряда Митона. Когда же я возвратился въ Главную квартиру, то, вѣроятно, Ушаковъ, дежурный генералъ, который видѣлъ меня у начальника артиллеріи, доложилъ главнокомандующему, не слыхалъли я чего-нибудь о заблудившихся баталіонахъ, такъ какъ я пріѣхалъ изъ тѣхъ мѣстъ. Вслѣдствіе сего, меня и потребовали къ князю.

Тѣло Реада нашли французы и похоронили его съ почестями. Вчера происходила уборка тѣлъ, почему и было дано перемиріе на нѣсколько часовъ. Князь Барятинскій и графъ Строгановъ, которые тамъ были вмѣстѣ съ начальникомъ штаба Липранди Исаковымъ, разсказывали, что къ нимъ навстрѣчу выѣхало много французскихъ офицеровъ и долго съ ними бесѣдовали, угощая нашихъ шампанскимъ и сигарами. Спрашивали каждаго какъ называется полкъ, который первый перешелъ мостъ, и когда имъ сказали, что это Одесскій, то одинъ изъ нихъ, вынувъ изъ кармана бумажникъ и записавъ въ немъ названіе полка, сказалъ: „я никогда не забуду названіе этого храбраго полка, противъ котораго имѣлъ честь сражаться“. Вообще, французы отдавали полную справедливость отчаянному мужеству нашихъ войскъ. Когда же Барятинскій спросилъ, отчего между ними не видно англичанъ, то они отвѣчали, что бульдоги подлецы, и что они не любятъ быть вмѣстѣ съ ними; одинъ же прибавилъ: „покажись сюда англичане, я приказалъ бы этимъ фузелерамъ прогнать ихъ палками“. Потомъ стали они снова расхвалять нашихъ солдатъ и вообще русскій народъ, увѣряя, что только съ нами могутъ быть они настоящими союзниками, а не съ подлецами англичанами. Всѣ эти подробности передавали мнѣ Барятинскій и Строгановъ, и если онѣ справедливы, то какъ скоро рушился этотъ сердечный союзъ, о которомъ такъ громко прокричали въ Европѣ! Когда узнали они, что Исаковъ—начальникъ штаба у Липранди, то въ одинъ голосъ всѣ вскрикнули: „Ah! le général Lipriandi!“ Выходитъ, фамилія этого генерала памятна имъ послѣ 13-го октября.

Реадъ подъѣхалъ къ передовой цѣпи, когда она стала отступать, и послѣднія слова его были:—„стой, ребята. Я вашъ корпусный командиръ. Я уже приказалъ подкрѣпить васъ резервами, они уже идутъ: остановись, реб...“ И съ этимъ словомъ — ядро оторвало ему голову.

Тутъ же убитъ и Веймарнъ. Когда ихъ засыпали пулями и ядрами, то онъ сказалъ оберъ-квартирмейстеру, бывшему при немъ: „Ii

faut que nous payions ici de nos personnes", — и съ этими словами упалъ съ лошади.

Говорятъ, что у Реада было вѣрное предчувствіе близкой смерти. Вотъ разговоръ, который велъ онъ при графѣ Строгановѣ съ Ушаковымъ, начальникомъ 7-й пѣх. дивизіи, наканунѣ сраженія.

— Съ какой стороны видѣли вы новый мѣсяцъ?—спросилъ Реадъ.

— Какъ съ какой?

— Съ лѣвой или съ правой?

— Ни съ той, ни съ другой, а прямо взглянулъ ему въ рыло.

— А я такъ взглянулъ на мѣсяцъ съ лѣвой стороны, — сказалъ Реадъ, задумавшись немного.

— Ну такъ что жъ?

— Да у меня примѣта: когда взгляну на мѣсяцъ съ лѣвой стороны, всегда проиграю въ карты.

— Сраженіе не карты...

— Тотъ же банкъ: ставятъ карту; одному даютъ, а другаго бьютъ.

Первоначальная диспозиція на 1-е августа, которую разсматривалъ я вмѣстѣ съ Крыжановскимъ на 4-е августа совершенно была измѣнена. Реадъ дѣйствовалъ не на лѣвомъ флангѣ, а на правомъ, а на лѣвомъ былъ Липранди. Говорятъ, что Липранди и Ушаковъ много погрѣшили въ этомъ дѣлѣ: первый дѣйствовалъ нерѣшительно и, занявъ Телеграфическую гору, не атаковалъ Гасфортову; другой же, когда получилъ отъ Реада приказаніе идти къ нему на помощь, не пошелъ, отозвавшись: „Я самъ знаю, когда идти". И пошелъ тогда, когда уже было поздно, и тѣмъ потерялъ безъ нужды едва-ли не половину своей дивизіи. Сомнѣваются даже въ личной храбрости Ушакова. Впрочемъ, объ этомъ слышно было и въ Кіевѣ, послѣ перехода его черезъ Дунай: онъ держалъ себя при переправѣ войскъ чрезъ рѣку на самомъ благородномъ разстояніи отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Бѣдный Бельгардъ! На другой день сраженія получилъ онъ печальное извѣстіе о смерти жены своей, а въ тотъ же день вечеромъ узналъ о смерти брата. Два тяжкихъ удара разомъ.

Бомбардировка Севастополя продолжается. Малаховъ курганъ, кажется, совсѣмъ замолкъ. Около сорока амбразуръ у насъ совсѣмъ засыпано. Людей гибнетъ пропасть. Одинъ изъ полковъ 4-й дивизіи шелъ на работу, какъ вдругъ бомба падаетъ среди полка и до сорока человѣкъ ранитъ и убиваетъ осколками. Полкъ этотъ еще не обстрѣленъ, оробѣлъ и отказался идти далѣе; поневолѣ, надо было замѣнить его другимъ. Но сегодня ночью опять поведутъ оробѣвшихъ и, вѣроятно, возьмутъ мѣры, чтобъ они исполняли свой долгъ. Вообще потеря у насъ за эти два дня большая въ Севастополѣ.

Всего въ продолженіе двухъ сутокъ выбыло изъ строя: 3.232. Вотъ какъ дорого обходится намъ бомбардированіе. А уменьшить числительность гарнизона нельзя, потому что ждутъ штурма. Въ настоящую пору въ Севастополѣ 50 т. войска; на одной Южной сторонѣ: 27 т. на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи у Хрулева, и 23 т. на правомъ флангѣ у Семякина.

Говорятъ, ловкую штуку съиграла сегодня бомба въ Севастополѣ. Она упала въ полковую канцелярію, убила тамъ четырехъ писарей и уничтожила всѣ дѣла, оставивъ только невредимою опись дѣламъ, которую, при рапортѣ, и представилъ полковой командиръ Хрулеву, прося его выдать ему свидѣтельство, что письменныхъ дѣлъ при ввѣренномъ ему полку не состоитъ ни одного. Слава Богу. Жаль только писарей.

8-го августа.

Кто злобно улыбнется, когда узнаетъ о неудачномъ дѣлѣ 4-го августа, это князь Меншиковъ. При немъ высоты, которыя мы атаковали, были за нами. Мы сдѣлали большую глупость, уступивъ ихъ непріятелю безъ боя, а теперь едва-ли не впали еще въ бо́льшую глупость, вздумавъ отбить ихъ у него.

Бомбардировка сегодня продолжается, но особенно усиленна была она послѣ обѣда и подъ вечеръ. Одна бомба пробила блиндажъ, гдѣ укрывалось нѣсколько офицеровъ: шесть изъ нихъ убито наповалъ, а восемь тяжко ранены. Страшное убійство! Что-то будетъ послѣ бомбардировки?

Говорятъ, Хрулевъ письменно предлагалъ главнокомандующему бросить Южную сторону и укрѣпиться на Сѣверной, мѣстность которой командуетъ надъ городомъ. Слова нѣтъ, что съ Сѣверной стороны мы могли бы болѣе поражать орудійнымъ огнемъ непріятеля, чѣмъ теперь съ Южной, а при томъ за бухтою избавились бы и отъ ихъ штуцернаго огня. Но для этого надо пожертвовать послѣдними остатками флота и приморскими нашими укрѣпленіями. Говорятъ даже, что объ этомъ представлялъ главнокомандующій и въ Петербургъ, но и оттуда повелѣно: „держаться до послѣдняго на Южной сторонѣ“.

Пріѣзжалъ сегодня въ Главную квартиру Колобовъ, чтобъ явиться Сержпутовскому. Приняли его, какъ я могъ замѣтить, не слишкомъ привѣтливо. Несчастная страсть его къ стяжанію и копленію злата много вредитъ служебной его репутаціи. Былъ также у насъ и Шабельскій. По словамъ его, непріятель въ значительныхъ силахъ обходитъ Чоргунъ и Шулу. Но, сколько я понимаю и изучилъ наши позиціи, намъ съ той стороны опасаться нечего. Напротивъ, намъ

надо желать, чтобъ гг. французы вылѣзли изъ своихъ норъ и отошли отъ Черной рѣчки подалѣе по направленію къ Бахчисараю. Еще неизвѣстно, кто кого отрѣжетъ: они ли насъ, или мы ихъ. Послѣднее вѣроятнѣе, если только не будемъ мы дремать. Но, къ сожалѣнію, мы имѣемъ дѣло съ такимъ врагомъ, котораго въ западню поймать не легко: всякій шагъ, всякое предпріятіе его разсчитаны, и ничего не предпринимаетъ онъ безъ достовѣрнаго вѣроятія на успѣхъ. Липранди спросилъ у одного плѣннаго солдата французскаго: не думаютъ ли они атаковать наши позиціи? — Pas si bête, — отвѣчалъ солдатъ, не запинаясь. Отвѣтъ этотъ до того понравился Липранди, что онъ велѣлъ дать солдату стаканъ вина.

9-го августа.

Сейчасъ, въ 9-ть часовъ вечера, въ Севастополѣ подняли съ обѣихъ сторонъ такую канонаду, какой я еще и не видалъ; слышенъ былъ также и батальный ружейный огонь. Чего добраго, не полѣзли ли они на приступъ, или наши сдѣлали вылазку. Вся Главная квартира вылѣзла изъ своихъ палатокъ, чтобы посмотрѣть на это страшное, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и величественное явленіе. Тысячи бомбъ и ракетъ не переставали летать въ воздухѣ. Завтра все узнаемъ.

Въ часу седьмомъ вечера Крыжановскій самъ подошелъ ко мнѣ, и мы пошли гулять около музыки. Между прочимъ, стали разговаривать о мостѣ, который теперь только строится черезъ Сѣверную бухту. Чѣмъ болѣе вглядываюсь въ дѣла Севастопольскія, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что никто и не заботился у насъ объ обезпеченіи обороны. Все дѣлается, такъ сказать, случайно. Напримѣръ, мысль о постройкѣ моста черезъ бухту родилась случайно, а, между тѣмъ, какія огромныя выгоды принесъ бы онъ гарнизону, если бы былъ построенъ ранѣе. Но объ этомъ никто и не помышлялъ; начали же его строить по слѣдующему случаю. Въ Главной квартирѣ разнесся слухъ, будто бы главнокомандующій представилъ къ наградамъ всѣхъ генераловъ, за исключеніемъ гр. Орлова и Бухмейера. Этотъ послѣдній огорчился и пріѣхалъ подѣлиться своимъ горемъ съ Крыжановскимъ, жалуясь ему на свои неудачи по службѣ. Крыжановскій, какъ человѣкъ прямой, откровенно сказалъ ему, что его и не за что представлять къ наградѣ, такъ какъ онъ ничего въ арміи не дѣлаетъ.

— Какъ ничего? — возразилъ Бухмейеръ: — кто же построилъ мостики черезъ Черную рѣчку, какъ не я?

— Мостики, а не мосты, — смѣясь, сказалъ Крыжановскій: — но вотъ, если бы вы построили намъ мостъ черезъ бухту, то это было бы дѣло славное.

И говоря это, самъ Крыжановскій вовсе и не думалъ о возможности построить мостъ черезъ бухту.

— Да на какомъ же мѣстѣ его построить?

— Какъ на какомъ? — тѣмъ же тономъ продолжалъ Крыжановскій, — у выхода, гдѣ затоплены корабли: вамъ стоитъ только перебросить черезъ нихъ доски, и мостъ готовъ.

Чрезъ три или четыре дня снова пріѣзжаетъ Бухмейеръ, и уже серьезно объявляетъ Крыжановскому, что онъ находитъ возможнымъ построить мостъ чрезъ бухту, но только не у выхода, а посрединѣ бухты, и что онъ составилъ уже и смѣту, и проситъ его доложить обо всемъ главнокомандующему. Крыжановскій отказался докладывать князю, но, одобривъ вполнѣ мысль Бухмейера, предложилъ ему самому доложить главнокомандующему. Такимъ образомъ, отъ шутки — родилась мысль о столь важной работѣ, которая принесетъ намъ, безъ сомнѣнія, пользу необычайную, если только будетъ окончена прежде паденія Севастополя. Да и смѣта незначительная: всего 30 тысячъ рублей.

Говорили также о предложеніи Хрулева перенесть оборону на Сѣверную сторону. На счетъ этого предложенія, мнѣніе Крыжановскаго совершенно совпадаетъ съ моимъ. Отдать Южную сторону Севастополя значитъ отдать Севастополь. По крайней мѣрѣ, такъ прокричатъ въ Европѣ. Правда, обороняться на Сѣверной сторонѣ легче, чѣмъ на Южной, но для этого мы должны пожертвовать нашими фортами, флотомъ и значительною частію артиллеріи. Но если непріятель заставитъ насъ отступать отъ оборонительной линіи на Южной сторонѣ, тогда, поневолѣ, придется намъ обороняться на Сѣверной. — „Но отчего же предварительно не подумать укрѣпить эту сторону?“ — спросилъ я.

— Рукъ нѣтъ, — отвѣчалъ Крыжановскій.

— А ополченцы?

— Правда, надо объ этомъ подумать. Знаете что, — прибавилъ Крыжановскій: — я поручу вамъ осмотрѣть внимательно береговую мѣстность на Сѣверной сторонѣ; дамъ вамъ офицера, который начертитъ, по указаніямъ вашимъ, планъ; вы изберете мѣста для укрѣпленій, назначите число орудій, а я, при случаѣ, обо всемъ доложу главнокомандующему. Но пока, до поры до времени, станемъ держать все въ секретѣ, а не то, пожалуй, тотчасъ же разнесется молва, что мы уже переходимъ на Сѣверную сторону, и это можетъ имѣть пагубное вліяніе на гарнизонъ.

Въ заключеніе, толковали мы о взяточникахъ, о разнаго рода мошенникахъ, которыми наполнена наша армія, и о средствахъ, какъ бы уменьшить это зло. Крыжановскій надѣется на строгія мѣры:

не щадить никого, кто попадется; но я думаю, что это не такъ. Мошенники не исправляются отъ того, что одного изъ нихъ уничтожаютъ. Главное, надо какъ можно менѣе оставить способовъ мошенникамъ мошенничать.

Горбатаго могила исправитъ. Такъ и меня ничто не исправитъ отъ глупой откровенности, иногда неумѣстной. Въ бесѣдѣ съ Крыжановскимъ, между прочимъ, я замѣтилъ ему, что онъ напрасно въ бояхъ не бережетъ себя, что не его дѣло снимать батареи съ позиціи, а, тѣмъ болѣе, надѣвать на передки лафеты, что и безъ его личнаго вмѣшательства все это сдѣлается: ему надо только приказать. На это Крыжановскій отвѣчалъ мнѣ, что, къ сожалѣнію, въ этой арміи репутація его, какъ боеваго офицера, еще не составлена, а потому онъ долженъ вести себя такимъ образомъ. Это едва-ли справедливо. Напротивъ, всѣ, съ которыми имѣлъ я случай говорить о Крыжановскомъ, всѣ относятся о немъ съ отличной стороны, и какъ объ администраторѣ, и какъ о военномъ генералѣ. Сказавъ ему это, я замѣтилъ въ пылу разговора, и, легко быть можетъ, весьма не кстати, что его въ одномъ только можно упрекнуть, это въ томъ, что онъ не бережетъ старика [1]), не оказываетъ ему должной атенціи и какъ будто бы совсѣмъ отпираетъ его отъ командованія артиллеріею; даже въ бумагахъ служебныхъ всѣ распоряженія дѣлаются отъ имени Крыжановскаго, а о старикѣ даже и не упоминается. Выслушавъ меня, онъ сильно покраснѣлъ. Замѣтно было, что я попалъ прямо въ жилу. Въ оправданіе свое, онъ мнѣ сказалъ, что, къ сожалѣнію, самъ главнокомандующій не обращаетъ на старика никакого вниманія; когда они оба, по какому-нибудь важному дѣлу, являются къ князю, то онъ подойдетъ прямо къ Крыжановскому, возьметъ его за руку, поведетъ въ кабинетъ, а на Сержпутовскаго даже и не взглянетъ. — Какъ же вы хотите, — сказалъ Крыжановскій въ заключеніе, — чтобъ я, въ служебныхъ отношеніяхъ, поднялъ на ноги старика, когда самъ главнокомандующій сбрасываетъ его на-земь. Мнѣ остается только сожалѣть о старикѣ, этомъ достойнѣйшемъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ. — Такъ, да не такъ, — подумалъ я про себя. Главнокомандующій можетъ вести себя въ отношеніи другихъ —какъ ему угодно, но Крыжановскій долженъ вести себя въ отношеніи прямаго своего начальника, какъ подобаетъ подчиненному. Хотя бы по наружности былъ онъ внимательнѣе и почтительнѣе къ старику, но и этого не видно.

Командиромъ 3-го пѣх. корпуса, на мѣсто Реада, назначенъ Н. О. Сухозанетъ. Пушкари наши идутъ въ гору: два главнокомандующихъ:

---

[1]) Сержпутовскаго.

Горчаковъ и Сумароковъ, и оба артиллеристы, а вотъ теперь и корпусный командиръ назначенъ изъ артиллеріи. Давай-то Богъ, чтобъ нашихъ не затирали. Но каковъ-то будетъ Сухозанетъ въ новомъ его званіи? Говорятъ, что онъ человѣкъ честный и благородный; съ моей стороны я знаю его за умнаго, дѣльнаго и распорядительнаго: Крыжановскій говоритъ, что онъ и боевой. Но, не командуя никогда никакими отрядами, а начальствуя постоянно одною только артиллеріею, достанетъ ли у него столько силъ, чтобъ на полѣ битвы разомъ обнять цѣль и назначеніе всѣхъ трехъ родовъ войска. Замѣчательно, недѣлю тому назадъ, Шейдеманъ показывалъ мнѣ письма, полученныя имъ въ разное время отъ Сухозанета. Въ одномъ изъ нихъ, жалуясь на свое бездѣйствіе, онъ выражалъ сожалѣніе, что не раздѣляетъ трудовъ и опасностей съ героями Севастополя, и что настанетъ время, когда русскому генералу стыдно будетъ сознаться, что онъ не участвовалъ въ такой славной и небывалой оборонѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка.

XIII [1]).

Во главѣ земщины Грознымъ были поставлены Мстиславскій и Бѣльскій, но уже въ 1571 г. первый изъ нихъ былъ обвиненъ въ преступныхъ сношеніяхъ съ татарами; прощенный благодаря заступничеству митрополита Кирилла, онъ навлекъ на себя, нѣсколько времени спустя, новыя подозрѣнія; этотъ разъ въ дѣлѣ оказались замѣшанными его сыновья. Тогда Іоаннъ казнилъ многихъ бояръ, и „всякаго чина людей“, обвиненныхъ въ сообщничествѣ съ Мстиславскимъ, посадилъ въ Кремлѣ „царемъ всея Россіи“ крещенаго татарина, касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича, самъ же, отказавшись отъ царскаго званія и всѣхъ связанныхъ съ нимъ почестей, назвался „Иваномъ Московскимъ“, выѣхалъ изъ города и, живя въ слободѣ, ѣздилъ на поклонъ къ Симеону просто, какъ бояринъ, „въ оглобляхъ“, и всѣ грамоты и челобитья приказалъ писать на имя Симеона.

Начиная съ 1575 г. сохранилось множество документовъ, подъ которыми Симеонъ Бекбулатовичъ подписался оффиціально „царемъ всея Россіи“; изъ другихъ документовъ видно, что Іоаннъ оказывалъ ему всевозможные знаки почтенія, писалъ ему челобитныя, какъ любой изъ его подданныхъ и, посѣщая названнаго царя, высаживался изъ повозки вмѣстѣ съ боярами далеко отъ палатъ, предоставленныхъ въ его полное распоряженіе. Симеонъ, повидимому, былъ даже коро-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1904 г.

нованъ, хотя Іоаннъ, упомянувъ объ этомъ однажды въ своихъ бесѣдахъ съ англичаниномъ Даніиломъ Сильвестеромъ, отрицалъ впослѣдствіи этотъ фактъ, показывая семь коронъ и прочіе знаки своего царскаго достоинства, которые находились у него. Но, какъ никакъ, восьмая корона была возложена на главу Симеона.

Что же означала эта комедія, продолжавшаяся вплоть до 1576 г.?

Едва-ли нужно говорить, что Іоаннъ не думалъ предоставить своему замѣстителю сколько-нибудь серьезную, фактическую власть. Какъ разъ въ это время происходили переговоры относительно польскаго наслѣдія и Симеонъ Бекбулатовичъ не принималъ въ нихъ ни малѣйшаго участія.

Въ 1576 году, когда въ Москву пріѣхали послы императора германскаго, Кобенцель и князь фонъ-Бухау, Іоаннъ держалъ себя такъ, какъ будто новаго царя не существовало вовсе, а вскорѣ послѣ этого, онъ выслалъ его изъ Москвы, давъ ему въ управленіе Тверь и Торжокъ, гдѣ Симеонъ далеко не игралъ роли независимаго царька, въ родѣ бывшихъ удѣльныхъ князей, и въ своихъ письмахъ къ Іоанну подписывался его холопомъ.

Какой же тайный смыслъ имѣлъ этотъ кратковременный эпизодъ царствованія Грознаго?

Горсей объясняетъ его финансовыми соображеніями и говоритъ, что Іоаннъ придумалъ эту комедію для того, чтобы совершить нѣчто въ родѣ банкротства и сложить на царя Симеона денежныя обязательства, которыя онъ не въ состояніи былъ выполнить. Флетчеръ упоминаетъ о конфискаціи церковныхъ имуществъ, произведенной будто бы Симеономъ; послѣ чего, Іоаннъ, вступивъ снова въ правленіе, поспѣшилъ возвратить церквамъ и монастырямъ ихъ имущества,—удержавъ, однако, изъ нихъ нѣкоторую часть и потребовавъ „за эту милость“ большую сумму денегъ. По мнѣнію того же автора, посадивъ на престолъ Симеона, царь хотѣлъ побороть дурное впечатлѣніе, какое производило его царствованіе, замѣнивъ его еще болѣе тяжелымъ.

Другіе объясняютъ этотъ фактъ желаніемъ Іоанна унизить земщину и ненавистныхъ ему бояръ, иные говорятъ, что онъ хотѣлъ, прикрываясь именемъ Симеона, дать полную волю своей необузданной жестокости.

Но все это одни предположенія, коимъ противорѣчатъ факты. Въ сущности, Симеонъ не правилъ Россіей ни худо, ни хорошо, ибо онъ вовсе не управлялъ ею. Онъ былъ на престолѣ не болѣе какъ куклою и не имѣлъ случая ни въ чемъ проявить своихъ способностей; всѣ документы, на которыхъ встрѣчается его подпись, касаются ничтожныхъ, второстепенныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, истинная цѣль, которую имѣлъ въ виду Грозъ-

ный, посадивъ на престолъ Симеона Бекбулатовича, остается исторической загадкой.

Возможно также, какъ предполагаютъ нѣкоторыя лица, что эта комедія имѣла отношеніе къ переговорамъ, которые были начаты въ это время съ Англіей.

Добиваясь союза съ королевой Елисаветой, Грозный мечталъ о поѣздкѣ за море. Несомнѣнно, что для временнаго правителя, котораго было бы необходимо назначить на это время, личность Симеона представляла всѣ необходимыя качества. Іоаннъ не рисковалъ бы, по возвращеніи, найти свое мѣсто занятымъ, такъ какъ Симеонъ былъ полнымъ ничтожествомъ, не имѣлъ ни съ кѣмъ связей, и никто не интересовался имъ.

Въ то время какъ Іоаннъ пытался завоевать Ливонію и Прибалтійскій край, чтобы войти въ сношеніе съ Западомъ, въ Европѣ нашлись люди, готовые пойти ему въ этомъ случаѣ навстрѣчу.

То была эпоха великихъ открытій и смѣлыхъ предпріятій, въ которыхъ Англія была заинтересована болѣе всѣхъ другихъ странъ, ибо тогда, какъ и теперь, для ея промышленности были необходимы новые рынки. Въ 1552 г. нѣсколько именитыхъ купцовъ Лондона вступили въ переговоры съ извѣстнымъ венеціанскимъ мореплавателемъ, Себастіаномъ Каботомъ [1]) и, на слѣдующій годъ, составили экспедицію для розыска новыхъ земель на сѣверо-востокѣ и для открытія пути черезъ сѣверъ въ Китай. По подпискѣ были собраны нужныя для этого деньги, 6.000 ф. стерл. и 23-го мая (н. ст.) 1553 г. изъ Гарвичской гавани вышло три судна: „Good-Hop“ („Добрая Надежда“), подъ командою сэра Виллоуби, „Bonne Aventure“, подъ командою Ричарда Ченслера и „Bonne Confiance“, подъ командою Корнеліуса Дерфорта. Такъ какъ Каботъ былъ извѣстенъ какъ космографъ и въ эспедиціи принимали участіе самые высокопоставленныя лица, лордъ казначейства маркизъ Винчестеръ, церемоніймейстеръ графъ Арундель, хранитель печати графъ Пемброкъ, то весьма вѣроятно, что она преслѣдовала также какую-нибудь научную цѣль, и хотя случайность играла вѣроятно не малую роль въ плаваніи экспедиціи, но весьма возможно, что члены ея знали приблизительно, куда они направляются, такъ какъ по прибытіи ихъ на русское побережье, на одномъ изъ судовъ очутились переводчики.

---

[1]) Себастіанъ Каботъ (Caboto), одинъ изъ даровитѣйшихъ космографовъ и мореплавателей своего времени, открывшій о. Ньюфаундлендъ, проливъ и заливъ, носящіе имя Гудзона и совершившій по порученію Карла V большое путешествіе въ Ю. Америку, которое довело его до Лапланы. Умеръ около 1557 г. въ Лондонѣ.

Мартенсъ упоминаетъ въ своемъ Собраніи трактатовъ (IX и X, стран. VI) о дипломатическихъ актахъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что между Іоанномъ и Эдуардомъ VI еще ранѣе происходили дипломатическія сношенія. Чѣмъ они были вызваны, не извѣстно, но во всякомъ случаѣ они не содѣйствовали распространенію сколько-нибудь правильныхъ свѣдѣній о Россіи, ибо еще двадцать лѣтъ спустя Герберштейнъ говорилъ о Московіи, какъ о странѣ легендарной, и пресерьезно передавалъ о ней самые невѣроятные разсказы, вродѣ того, что въ Московіи обитали народы, имѣвшіе обыкновеніе умирать осенью и воскресать весною; что они жили на берегу большой рѣки гдѣ ловилась рыба, у которой „голова, глаза, носъ, ротъ, руки и ноги были человѣчьи, но рыбы эти были нѣмы и мясо ихъ было очень вкусное“...

Виллоуби и его спутниковъ ожидали болѣе тяжелыя испытанія, нежели встрѣча съ подобными чудовищами. Буря разсѣяла ихъ эскадру, и Ченслеръ съ своей „Bonne Aventure“ потерялъ изъ вида остальныя два судна. Тщетно ожидалъ онъ ихъ въ Вардегусѣ (Vardöhus), условленномъ сборномъ пунктѣ на норвежскомъ берегу, былъ вынужденъ отправиться въ дальнѣйшій путь одинъ и очутился 24-го августа въ какомъ-то заливѣ, гдѣ, при его появленіи, нѣсколько рыбацкихъ лодокъ обратились въ бѣгство; англичане преслѣдовали ихъ и, настигнувъ, узнали отъ рыбаковъ, что они въ Московіи. Холмогорскія власти поспѣшили дать знать царю о прибытіи иностранцевъ, и Іоаннъ пригласилъ ихъ въ Москву, предоставивъ имъ, однако, право отказаться отъ этой поѣздки и свободно заниматься торговлей, если они пріѣхали съ этой цѣлью.

Ченслеръ поспѣшилъ въ столицу, гдѣ онъ провелъ 13 дней, видѣлъ царя, былъ имъ обласканъ и возвратился въ Англію съ дружелюбнымъ отвѣтомъ на циркулярное посланіе, представленное членами экспедиціи.

Слѣдующей зимой въ Москвѣ разнеслась вѣсть, что на берегу Бѣлаго моря найдено два судна съ трупами, нагруженныя товарами. Это и были „Bonne Aventure“ и „Bonne Confiance“ съ ихъ экипажами: на нихъ оказалось 83 человѣка изъ 125 сѣвшихъ на суда въ Гарвичѣ. Виллоуби, загнанный бурею въ заливъ Сѣверной Двины, былъ свидѣтелемъ гибели всѣхъ своихъ спутниковъ, которые умерли одинъ за другимъ отъ голода и холода. Оставленный имъ дневникъ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ пережилъ ихъ всѣхъ до января мѣсяца 1554 г.

Ченслеръ, возвратясь въ Англію, не засталъ болѣе въ живыхъ короля Эдуарда VI; но Марія и Филиппъ испанскій, выслушавъ его донесеніе, послали его вторично въ Москву представителемъ вновь обра-

зованной кампаніи „Fellowship of english merchants for discovery of new trades“ (Англійская торговая кампанія для открытія новыхъ торговыхъ путей), замѣнившей собою первоначальное общество „для открытія новыхъ земель“ (Society for the discovery of unknown lands), организовавшее экспедицію. На практикѣ эта компанія называлась просто Московской или русской компаніей. При начальникѣ новой экспедиціи состояли два спеціальныхъ агента, Ричардъ Грей и Георгъ Киллингворсъ; имъ дана была инструкція, представляющая собою верхъ совершенства. Агентамъ вмѣнялось въ обязанность: изучить характеръ и нравы московскаго населенія, монеты, мѣры и вѣсы, принятыя въ странѣ; слѣдить за тѣмъ, чтобы ихъ соотечественники строго соблюдали русскіе законы: организовать въ Москвѣ и прочихъ большихъ городахъ конторы и магазины; изучить и выяснить родъ и качество товаровъ, кои могли находить сбытъ въ Московіи, и изыскать наиболѣе удобный путь на Дальній Востокъ и, главнымъ образомъ, въ Китай. Въ инструкціи также были перечислены русскіе продукты: воскъ, сало, деготь, конопля, ленъ, мѣха, ввозъ которыхъ въ Англію былъ желателенъ; поручалось достать образчики минераловъ, которые было бы желательно добывать въ Россіи, и свѣдѣнія о нѣмецкихъ или польскихъ матеріяхъ, которыя можно было бы замѣнить на русскомъ рынкѣ англійскими произведеніями. Наконецъ, въ инструкціи обсуждалась возможность монополизировать нѣкоторыя отрасли внѣшней торговли Московіи. Она давала, такимъ образомъ, цѣлую программу, для выполненія которой Ченслеръ, Грей, Киллингворсъ и ихъ преемники оказались вполнѣ на высотѣ своего призванія.

Отплывъ вторично въ Россію, Ченслеръ прибылъ безпрепятственно въ Москву, вступилъ въ переговоры съ канцлеромъ Висковатымъ и успѣлъ выхлопотать грамоту, которая даровала его компаніи огромныя привилегіи: полную свободу торговли, особую юрисдикцію для англичанъ, проживавшихъ въ Россіи, въ силу которой всѣ недоразумѣнія, возникавшія между англійскими подданными, рѣшались на основаніи англійскихъ законовъ и подчинялись рѣшенію царя только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ были замѣшаны и русскіе.

Первое время компанія получала огромные барыши. Согласно донесенію одного изъ агентовъ этой кампаніи, они продавали въ Новгородѣ за 17 рублей, или столько же фунтовъ стерл. по тогдашнему курсу, кусокъ сукна, цѣна котораго, вмѣстѣ съ провозомъ, не превышала 6 фунтовъ.

Но эти крупные барыши вызвали въ скоромъ времени опасную конкурренцію. По слѣдамъ англійскихъ мореплавателей шли уже норвежскія и голландскія суда. Монополіи англичанъ грозила опасность.

Возникли недоразумѣнія и распри, и Іоаннъ Грозный былъ вынужденъ послать съ своей стороны въ Англію посредника, которому было поручено выяснить эти недоразумѣнія.

10-го (21-го) іюля 1556 г., вологодскій намѣстникъ Іосифъ Григорьевичъ Непѣя отправился въ Англію, съ тремя судами, нагруженными товаромъ, коими командовалъ Ченслеръ.

Къ несчастью, послѣ трехмѣсячнаго плаванія только одно судно достигло цѣли путешествія, разбившись на берегу Шотландіи, остальныя два пропали безвозвратно. Ченслеръ, ѣхавшій на этомъ суднѣ вмѣстѣ съ Непѣемъ, погибъ со своимъ сыномъ и частью экипажа, геройски стараясь спасти московскаго посла. Семь человѣкъ русскихъ, сопровождавшихъ его, также погибли вмѣстѣ съ товаромъ на 7.000 фунтовъ стерл., при чемъ удалось спасти только жалкіе остатки этого груза.

Московскому послу удалось спастись; но онъ былъ задержанъ слѣдствіемъ, назначеннымъ по повелѣнію королевы для розыска товаровъ, расхищенныхъ при спасаніи прибрежными жителями, и добрался до Лондона только въ февралѣ 1557 г. Въ награду за испытанныя имъ бѣдствія, ему приготовили великолѣпный пріемъ. Къ его свитѣ присоединились 140 купцовъ съ ихъ приказчиками. Онъ въѣхалъ въ Лондонъ на подаренной ему лошади съ роскошной сбруей; навстрѣчу ему выѣхалъ самъ лордъ-мэръ. Въ мартѣ мѣсяцѣ Непѣя получилъ аудіенцію у Филиппа, только-что возратившагося изъ Фландріи, а въ маѣ мѣсяцѣ этотъ вновь испеченный дипломатъ, несмотря на испытанныя имъ бѣдствія, считалъ свою миссію благополучно оконченной. Ему удалось въ свою очередь выговорить для своей страны нѣкоторыя привилегіи: свободу торговли въ Англіи, особую юрисдикцію для русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ великобританскихъ владѣніяхъ; дозволеніе приглашать тамъ на службу царя ремесленниковъ, инженеровъ и врачей.

Самый важный вопросъ о торговой монополіи англичанъ въ предѣлахъ Московскаго государства не былъ рѣшенъ окончательно; но, отправляя Непѣя обратно на англійскомъ суднѣ, Филиппъ и Марія разсчитывали для устройства этого дѣла на командира этого судна Антона Дженкинсона, которому суждено было, дѣйствительно, играть видную роль въ исторіи сближенія Англіи и Россіи.

Онъ состоялъ на службѣ московской компаніи, получая 40 фун. стерл. жалованья, но стоилъ гораздо бо́льшаго. Это былъ опытный человѣкъ, объѣхавшій почти всю Европу и берега Азіи и Африки. Высадившись въ Россіи въ іюлѣ мѣсяцѣ 1557 г., онъ прожилъ, съ цѣлью познакомиться съ мѣстными нравами, довольно долго въ Холмогорахъ и Вологдѣ и прибылъ въ Москву только въ декабрѣ. Ласково принятый Іоанномъ, онъ повелъ дѣло такъ ловко, что царь ни съ кѣмъ

инымъ не хотѣлъ болѣе имѣть дѣла. Дженкинсонъ былъ типичнымъ представителемъ той категоріи „дѣловыхъ людей“ (business men), коимъ Великобританія обязана видной ролью, какую она играетъ въ мірѣ: онъ обладалъ умѣніемъ великолѣпно вести дѣла, широтою взглядовъ, предпріимчивостью, твердой волей и желѣзнымъ характеромъ и былъ всегда готовъ на всякій смѣлый шагъ.

Проведя зиму въ Москвѣ, онъ очутился на слѣдующій годъ въ Астрахани, и въ августѣ мѣсяцѣ, первый изъ англичанъ, появился на Каспійскомъ морѣ. Пріѣхавъ въ сопровожденіи всего двухъ соотечественниковъ, онъ привезъ съ собою массу товара, для перевозки котораго далѣе, въ Бухару, въ Туркестанскія степи, и еще далѣе, если бы оказалась возможность, ему пришлось нанять у туркменъ тысячу верблюдовъ. Онъ замышлялъ даже проѣхать въ Китай.

Но въ Бухарѣ его застигла война: повелитель Самарканда осадилъ городъ. Ловкій и смѣлый Дженкинсонъ во-время уѣхалъ восвояси и въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1559 г. появился снова въ Москвѣ, вмѣстѣ съ бухарскимъ посольствомъ и двадцатью пятью русскими плѣнными, взятыми у туркменъ. Онъ поднесъ царю подарки: хвостъ бѣлаго буйвола и татарскій барабанъ, которые были милостиво приняты Іоанномъ.

Изъ своего путешествія Дженкинсонъ вынесъ убѣжденіе, что съ точки зрѣнія торговли страны Дальняго Востока, которыя онъ посѣтилъ, не представляли для англичанъ никакого интереса; но онъ задался цѣлью завести сношенія съ Персіей.

Стараясь пріобрѣсти для англійской торговли новые рынки и обезпечить Англіи пріобрѣтенныя уже ею въ Московіи привилегіи, Дженкинсонъ велъ одновременно ожесточенную борьбу съ италіанскими и брабантскими конкуррентами. Одному ловкому италіанскому торговому агенту, Рафаилу Барберини, удалось получить въ Москвѣ патентъ на торговлю; воспользовавшись этимъ, онъ сталъ распространять слухи, будто англичане не болѣе какъ посредники, привозящіе въ Москву для продажи произведенія голландской и французской промышленности. Дженкинсонъ отвѣчалъ на это, добившись въ пользу московской компаніи новой грамоты, коей не только подтверждалось ея исключительное право на торговлю въ Москвѣ, но оно было распространено на земли отъ устьевъ Сѣверной Двины до береговъ Оби, включая сюда Холмогоры, Колу, Мезень, Печору и Соловецкъ; этой грамотой за англичанами было признано исключительное право имѣть торговый дворъ въ Москвѣ и склады на Двинѣ, въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Астрахани, Новгородѣ, Псковѣ, Нарвѣ, Юрьевѣ и безпошлинный провозъ товаровъ въ Бухару и Самаркандъ.

Эти совершенно неожиданныя и съ точки зрѣнія русскихъ несомнѣнно чрезмѣрныя привилегіи были вызваны, вѣроятно, особаго рода соображеніями, подъ вліяніемъ которыхъ англо-московскія сношенія вступили въ совершенно новый фазисъ.

Іоанна не могло не поразить все то, что онъ слышалъ за послѣдніе годы отъ своихъ англійскихъ гостей или что онъ могъ заключить изъ ихъ разсказовъ о геніи и величіи ихъ народа. Съ другой стороны, борьба, которую царю приходилось вести внутри и извнѣ, вызвала въ немъ тягостное чувство одиночества. Было вполнѣ естественно, что подъ вліяніемъ этихъ чувствъ въ его пылкомъ и своевольномъ умѣ зародилась навязчивая мысль о необходимости пріобрѣсти себѣ союзницу въ Англіи и что эта мысль преслѣдовала его до самой смерти.

Заручиться для борьбы съ внѣшними врагами, обладавшими сильной арміей и флотомъ, союзомъ державы, которая благодаря своимъ вооруженнымъ силамъ, торговлѣ и богатству начинала уже играть первенствующую роль въ Европѣ; обезпечить себѣ поддержку и, въ случаѣ надобности, дѣятельную помощь противъ своихъ внутреннихъ враговъ представлялось для царя весьма заманчивымъ, тѣмъ болѣе, что при его пылкомъ и нѣсколько болѣзненномъ воображеніи Іоанну подчасъ дѣйствительно могло казаться необходимымъ искать убѣжища внѣ предѣловъ Россіи; а благодаря столь могучей союзницѣ онъ могъ бы всегда вернуться побѣдоносно, когда ему заблагоразсудится. Возможно, что къ этимъ планамъ примѣшивались и соображенія болѣе романическаго характера. Такова уже была судьба Елисаветы, что ей дѣлались то и дѣло болѣе или менѣе лестныя предложенія, въ которыхъ матримоніальные виды сочетались съ интересами политики. Возможно, что и Іоаннъ, не взирая на свои преклонныя лѣта и недуги, вздумалъ причислить себя къ числу соискателей руки англійской королевы. Съ другой стороны, Елисавета съ юныхъ лѣтъ была мастерица уклоняться отъ брачныхъ предложеній, не оскорбляя своихъ претендентовъ, и Дженкинсонъ, какъ ловкій дипломатъ, могъ воспользоваться этимъ свойствомъ своей монархини. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что, возвращаясь въ Англію въ 1567 году, онъ получилъ отъ царя секретное порученіе, въ точности намъ неизвѣстное, но вѣроятно крайне щекотливое, такъ какъ отвѣтъ на него заставилъ себя долго ждать, такъ долго, что это отразилось даже на судьбѣ англійской торговли въ Москвѣ.

Открытіе для иностранцевъ Нарвскаго порта и образованіе въ Антверпенѣ и въ самой Англіи нѣсколькихъ новыхъ торговыхъ компаній угрожало монополіи той компаніи, интересы которой были такъ прекрасно обезпечены Дженкинсономъ.

Въ 1568 г. Елисавета сочла нужнымъ помочь бѣдѣ и такъ какъ Дженкинсонъ въ то время не былъ свободенъ, то она рѣшила послать вмѣсто него человѣка съ положеніемъ, именно почтъ-директора Ѳому Рандольфа. Изъ данныхъ ему инструкцій можно, хотя отчасти, составить себѣ понятіе о томъ, какого рода секретныя предложенія были сдѣланы Іоанномъ королевѣ Елисаветѣ. Рандольфу было поручено „водворить порядокъ въ англійской торговлѣ", обойдя, насколько возможно, эти предложенія молчаньемъ, но увѣрить однако царя, что въ случаѣ какого-либо несчастія королева не откажетъ ему въ гостепріимствѣ. Слѣдовательно, Іоаннъ дѣйствительно думалъ уѣхать въ Англію. Но дѣло затруднялось еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что, желая обезпечить себѣ въ Англіи временный пріютъ, царь хотѣлъ, со своей стороны, оказать королевѣ подобную же услугу. Гордость не позволяла ему просить болѣе того, что онъ самъ могъ дать, поэтому онъ требовалъ, чтобы королева, которой также приходилось вести борьбу съ внутренними врагами и подвергаться всевозможнымъ случайностямъ, признала Кремль мѣстомъ убѣжища, оффиціально предоставленнымъ въ ея распоряженіе. Можно себѣ представить, имѣла ли дочь Генриха VIII возможность заключить подобную сдѣлку.

Рандольфъ пріѣхалъ въ Москву въ октябрѣ мѣсяцѣ; время было неудачное: тогда происходила извѣстная распря Іоанна съ митрополитомъ Филиппомъ. Грозный былъ не въ духѣ; къ тому же продолжительное молчаніе Елисаветы оскорбило и раздражило вспыльчиваго царя. Въ результатѣ оказалось, что посолъ, какъ это нерѣдко случалось въ Москвѣ, подвергся до февраля мѣсяца 1569 г. домашнему аресту; къ нему никого не допускали, и онъ не имѣлъ возможности выполнить даннаго ему порученія. Когда же, по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, ему наконецъ удалось добиться аудіенціи, то это совершилось безъ обычной торжественности; царь даже не пригласилъ его, какъ это было принято, къ столу.

Что произошло на этой аудіенціи, намъ не извѣстно; но она видимо совершенно измѣнила настроеніе царя, ибо, нѣсколько дней спустя, Іоаннъ снова пригласилъ Рандольфа во дворецъ, но на этотъ разъ посолъ долженъ былъ явиться къ нему съ соблюденіемъ величайшей тайны, въ ночное время, переодѣтымъ. Свиданіе продолжалось три часа; что на немъ говорилось — не извѣстно.

На другой день царь уѣхалъ въ Слободу, откуда онъ вернулся только въ апрѣлѣ; и въ его отношеніи къ англичанамъ тотчасъ обнаружилась совершенная перемѣна. Онъ не только согласился подтвердить вновь всѣ привилегіи, дарованныя московской компаніи, но предоставилъ ей новыя весьма существенныя льготы.

Очевидно, Рандольфъ подалъ царю какія-нибудь новыя надежды,

для осуществленія которыхъ былъ посланъ въ Лондонъ новый московскій посланникъ.

Его звали Савинъ. Къ сожалѣнію, пробывъ десять мѣсяцевъ на берегу Темзы, онъ не добился ничего существеннаго и только привезъ письмо Елисаветы, написанное въ крайне туманныхъ и неудовлетворительныхъ выраженіяхъ. Къ обѣщанію придти на помощь царю, на которое трудно было полагаться, королева присовокупляла только увѣреніе, что ей будетъ пріятно принять царя съ подобающими его сану почестями, когда ему заблагоразсудится стать ея гостемъ, и что она готова взять на себя расходы по его содержанію.

Это была милостыня, которую она предлагала Іоанну вмѣсто союза, о коемъ онъ мечталъ.

Прочитавъ это посланіе, Іоаннъ какъ будто очнулся отъ дивнаго сновидѣнія, а какъ мы знаемъ, онъ часто просыпался не въ духѣ. Потерявъ, по обыкновенію, всякое самообладаніе, онъ написалъ Елисаветѣ рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ, что онъ не допускаетъ мысли, чтобы королева по своей волѣ отнеслась столь пренебрежительно къ монарху, который считалъ себя потомкомъ римскихъ кесарей; онъ полагалъ, что она вольна дѣлать, что хочетъ, а теперь убѣдился, что ею управляютъ мужчины, и какіе мужчины? мужики. „А ты сама пошлая дѣвица, писалъ онъ, и ведешь себя какъ таковая. Я отказываюсь поддерживать съ тобою сношенія. Москва можетъ обойтись и безъ англійскихъ мужиковъ“. Эти бранныя рѣчи были не особенно страшны и могли только вызвать улыбку у Елисаветы, привыкшей къ мадригаламъ. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что еще до полученія этого письма въ Лондонѣ узнали, что царь лишилъ московскую компанію всѣхъ ея привилегій, старыхъ и новыхъ, приказалъ конфисковать ея товары и наложилъ запрещеніе на англійскую торговлю. Это было несравненно важнѣе его сердитаго отвѣта.

Торговый рынокъ, пріобрѣтенный цѣною такихъ усилій, былъ потерянъ. Приходилось отказаться отъ надежды отвоевать его у конкурентовъ. Надобно было, во что бы то ни стало, предотвратить это бѣдствіе, на что былъ способенъ только одинъ человѣкъ; отправляя въ Москву новое посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ оффиціально Робертъ Бестъ, бывшій агентъ московской компаніи, Елисавета дала ему въ помощники Дженкинсона.

Попавъ въ Россію, этотъ энергичный человѣкъ сразу почувствовалъ, насколько обстоятельства измѣнились. Высадившись въ 1571 г. на одномъ островѣ въ заливѣ св. Николая, прозванномъ англійскими мореплавателями Rose-Island (Розовый островъ) по причинѣ увидѣнныхъ тамъ дикихъ розъ, онъ послалъ въ Москву извѣстить о своемъ пріѣздѣ бывшаго переводчика Савина, Даніила Сильвестера, который

не имѣлъ однако возможности ни доѣхать въ столицу, ни дать о себѣ извѣстій по причинѣ чумы, свирѣпствовавшей въ странѣ, вслѣдствіе которой на всѣхъ дорогахъ были установлены карантины и заставы. Другаго посланнаго едва не сожгли живьемъ, когда онъ попытался пробраться сквозь заставы силою. Іоаннъ былъ занятъ въ то время войною со Швеціей и, по словамъ русскихъ, о свиданіи съ нимъ нечего было и думать. Они утверждали, что ѣхать Дженкинсону въ Москву значило рисковать жизнью, такъ какъ царь, считая его виновнымъ въ томъ, что предложенія его не были приняты, объявилъ, что онъ поплатится головою, если осмѣлится появиться въ Россіи.

Англичанина это заявленіе не смутило, но оно возъимѣло свое дѣйствіе на русскихъ властей: холмогорскій губернаторъ не хотѣлъ дать ему ни помѣщенія, ни провизіи и отказалъ ему въ покровительствѣ, когда мѣстные жители стали относиться къ нему враждебно. Дженкинсонъ промаялся такимъ образомъ до января 1572 г.; тогда, рѣшивъ дѣйствовать смѣло, онъ добился наконецъ того, что его пропустили въ Москву, и не побоялся явиться къ Грозному въ село Александровское. Вѣроятно, Дженкинсону удалось тѣмъ временемъ какъ-нибудь оправдаться передъ царемъ, такъ какъ онъ принялъ его весьма милостиво.

Сокративъ церемоніи обязательной публичной аудіенціи, Іоаннъ поспѣшилъ назначить англичанину частное свиданіе, на которое были допущены только двое изъ его приближенныхъ. По обыкновенію, Грозный началъ разговоръ издалека и къ главному и единственно важному вопросу, присоединилъ десять другихъ; распространился о какихъ-то англійскихъ купцахъ, у которыхъ были перехвачены письма съ оскорбительными отзывами о немъ и его правительствѣ, и только, послѣ всевозможныхъ околичностей, заговорилъ о дѣлѣ, спросивъ, въ какомъ положеніи находилось „секретное дѣло“, о которомъ онъ говорилъ съ Дженкинсономъ и относительно котораго Рандольфъ далъ самыя положительныя обѣщанія?

Дженкинсонъ отвѣчалъ: „Я дословно передалъ королевѣ сдѣланныя чрезъ меня предложенія, и ея величество, *принявъ* ихъ, поручила Рандольфу вести дальнѣйшіе переговоры, но послѣдній отрицалъ, что онъ принялъ какія бы то ни было обязательства. Вѣроятно, произошло какое-нибудь „недоразумѣніе, по винѣ переводчика“.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, Дженкинсонъ предъявилъ письмо Елисаветы.

Іоаннъ былъ конечно пріятно изумленъ, не найдя въ немъ упоминанія о его дерзостяхъ. Королева отвѣчала, съ большимъ достоинствомъ, что ея подданные не внушаютъ ей никакого неудовольствія или опасеній, которыя побуждали бы ее искать пріюта въ чужой

странѣ. Увѣряя царя въ своемъ совершенномъ расположеніи, она писала, что если онъ согласится предать забвенію свое законное неудовольствіе противъ англійскихъ купцовъ и возвратитъ имъ ихъ привилегіи, то она готова дать ему самыя несомнѣнныя доказательства своей дружбы.

Благодаря ловкости Дженкинсона, Грозный принялъ должно быть за знакъ почтенія слова, выражавшія пренебреженіе, и такъ какъ Елисавета не отвѣтила ему бранью, то онъ счелъ себя удовлетвореннымъ и былъ обезоруженъ. Нѣкоторое время Іоаннъ колебался, но, давъ Дженкинсону вторичную аудіенцію, заявилъ ему о своей готовности возвратить московской компаніи, безъ всякихъ условій, дарованныя ей привилегіи, а на вопросъ Дженкинсона: кто именно изъ англійскихъ подданныхъ возбудилъ неудовольствіе царя, отвѣчалъ, въ свою очередь, съ большимъ достоинствомъ: „Къ чему называть ихъ имена! Я простилъ ихъ не для того, чтобы ваша королева наказывала ихъ".

Какую царь имѣлъ заднюю мысль, говоря это, не извѣстно; но успѣхъ, одержанный Дженкинсономъ, былъ непродолжителенъ; поэтому его слѣдуетъ приписать исключительно его собственной ловкости и умѣнью.

Этотъ ловкій дипломатъ уѣхалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1572 г. изъ Москвы навсегда, а на слѣдующій годъ, Сильвестръ, посланный московской компаніей въ Лондонъ, привезъ нерадостныя вѣсти: царь, ссылаясь на сношенія, которыя англійскіе купцы завязали яко бы съ Польшею, обложилъ ихъ пеней въ видѣ пошлинъ на товары, и хотя эти пошлины были не столь значительны, какъ платимыя прочими иностранцами, но все же это противорѣчило дарованнымъ привилегіямъ. Когда уполномоченный компаніей выразилъ предположеніе, что это враждебное отношеніе вызвано неудовольствіемъ царя по поводу его неудавшихся плановъ относительно союза, то Елисавета рѣшилась возложить на самого Сильвестра новое порученіе: она велѣла ему передать царю свое согласіе вести съ нимъ секретные переговоры, о чемъ бы онъ ни пожелалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказала объяснить ему, что она не могла подать своимъ подданнымъ мысли, что она не чувствуетъ себя въ безопасности среди нихъ, ибо этимъ она могла бы дѣйствительно поставить себя въ опасное положеніе.

Сильвестръ засталъ Іоанна въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1575 г. въ новомъ помѣщеніи, которое царь построилъ себѣ и гдѣ онъ намѣревался жить какъ частный человѣкъ, предоставивъ Кремль и престолъ царю Симеону.

— Вы видите,—сказалъ онъ англійскому послу,—что я былъ правъ, обратившись за помощью къ вашей королевѣ; она поступила нехорошо, отвергнувъ мои предложенія.

Сильвестръ не зналъ, что думать относительно перемѣны, которую онъ засталъ въ Москвѣ и которая не была предусмотрѣна въ Лондонѣ и какъ ему отнестись къ этому, когда Іоаннъ, предоставивъ его своимъ размышленіямъ, уѣхалъ изъ Москвы навстрѣчу посламъ, прибывшимъ отъ германскаго императора.

По возвращеніи въ столицу, Іоаннъ заговорилъ уже совершенно инымъ тономъ. „Если онъ не получитъ отъ Елисаветы полнаго удовлетворенія,—сказалъ Іоаннъ, — то вся русская торговля будетъ предоставлена венеціанцамъ или нѣмцамъ".

Съ этимъ ультиматумомъ посланный отправился въ Лондонъ. Какой онъ везъ отвѣтъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ на обратномъ пути онъ былъ убитъ молніей въ Холмогорахъ и его бумаги сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ онъ жилъ.

Въ послѣдующіе три года сношенія между Англіей и Россіей совершенно прекратились. Чтобы возобновить ихъ, надобно было, чтобы въ душѣ Іоанна зародилась новая несбыточная мечта, внушенная ему, повидимому, однимъ изъ иностранцевъ, находившихся въ числѣ его приближенныхъ. Этого иностранца звали Бомелій или Бомеліусъ. Родомъ изъ Вестфаліи, онъ изучилъ медицину въ Кэмбриджѣ, но занимался преимущественно астрологіей и въ тотъ моментъ, когда Савинъ пріѣхалъ въ Лондонъ, онъ былъ заключенъ по повелѣнію лондонскаго архіепископа, за свои предсказанія, въ тюрьму. Такъ какъ его соглашались выпустить лишь подъ условіемъ, что онъ уѣдетъ изъ Англіи, то Бомелій рѣшился сопровождать русскаго посла и поступить на службу къ Іоанну. Въ Москвѣ онъ быстро нажилъ себѣ большое состояніе, но пріобрѣлъ очень дурную славу: говорили, что онъ изготовляетъ различныя зелья или яды, предназначаемые царемъ для своихъ жертвъ. Его же внушеніямъ приписывали намѣреніе Іоанна бѣжать въ чужіе края.

Но мы уже видѣли, что Грозный до пріѣзда этого искателя приключеній пытался войти въ сношеніе съ Англіей и даже имѣлъ виды на Елисавету; къ тому же Бомелію не суждено было принять участіе въ дальнѣйшихъ попыткахъ Іоанна съ цѣлью сближенія съ Англіей.

Обвиненный въ 1579 году въ соучастіи въ заговорѣ, онъ погибъ въ ужасныхъ мученіяхъ. Его жена, англичанка, осталась однако въ Россіи, съ нѣсколькими соотечественниками, и была отослана въ Англію только по смерти Іоанна, въ то время, какъ всѣ иностранцы были вынуждены оставить Россію.

Отдавъ приказаніе казнить несчастнаго астролога, Грозный былъ въ то же время не прочь вступить снова въ переговоры съ Англіей но уже съ иной цѣлью.

Въ 1580 году одному изъ агентовъ московской компаніи, Горсею, было поручено просить Елисавету о присылкѣ нѣкоторыхъ предметовъ, для военныхъ цѣлей: свинца, мѣди, селитры, сѣры и пороха. Іоаннъ собирался воевать съ Баторіемъ. Но инструкціи, данныя Горсею и запрятанныя въ водочную бутылку, не ограничивались этой просьбой. Подъ вліяніемъ своихъ бесѣдъ съ Бомеліемъ, царь болѣе чѣмъ когда-либо мечталъ найти себѣ въ Англіи супругу. Если Елисавета упорно отказывала всѣмъ претендентамъ, то у нея были родственницы въ такомъ возрастѣ, который позволялъ думать о бракѣ.

Весною 1581 года Горсей вернулся въ Россію съ тринадцатью судами, нагруженными требуемыми предметами; съ нимъ пріѣхало нѣсколько врачей и аптекарей, а взамѣнъ Бомелія Елисавета прислала своего собственнаго врача, которымъ она очень дорожила, такъ что, посылая его царю, она, по ея словамъ, лишала себя его. Этотъ врачъ, Яковъ Робертсъ, болѣе извѣстный въ Россіи подъ именемъ Романа Элизарова, взялся указать Іоанну на ту изъ родственницъ королевы, на которой онъ могъ остановить свой выборъ: дѣлалось ли это имъ согласно даннымъ ему указаніямъ или же онъ руководствовался своимъ собственнымъ побужденіемъ — не извѣстно.

Въ томъ же году отправился въ Англію московскій посолъ, Ѳедоръ Ивановичъ Писемскій, съ оффиціальнымъ порученіемъ вести переговоры о заключеніи союза и о бракѣ царя съ племянницей королевы — дочерью „князя Титунскаго“, или Хантинской, какъ ее называютъ въ русскихъ документахъ. Дѣло шло о Маріи Гастингсъ, дочери лорда Гунтингдона. Ея бабушка была двоюродной сестрой Елисаветы.

Царь поручилъ Писемскому быть наединѣ у королевы и „за тайну открыть ей мысль государеву въ разсужденіи женитьбы, если Марія имѣетъ качества, нужныя для царской невѣсты, для чего требовать свиданія съ нею и живописнаго образа ея“.

XIV.

Передъ этимъ Іоаннъ только-что вступилъ въ новый бракъ съ дочерью одного изъ своихъ думныхъ дворянъ, Маріей Нагой. Но это не шло въ счетъ: этому браку придавалось такъ мало значенія, что отецъ Маріи, Аѳанасій Нагой, состоялъ въ коммиссіи, назначенной для переговоровъ съ Робертсомъ по поводу предстоящаго брака.

Незадолго до отъѣзда Писемскаго, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1581 года прибылъ въ Архангельскъ представитель англійскаго купечества, торго-

вавшаго съ Россіей. Онъ привезъ письмо королевы Елисаветы, съ жалобою на короля датскаго, который стѣснялъ англійскую торговлю и какъ владѣтель Норвегіи и Исландіи заявлялъ желаніе взимать пошлину со всѣхъ судовъ, плававшихъ между этими двумя странами. Англійскій посланникъ долженъ быть привезти отвѣтъ царя на этотъ вопросъ. Іоаннъ предложилъ королевѣ конвоировать военными судами товары, которые возлись въ Россію подъ англійскимъ флагомъ. Это предложеніе долженъ былъ передать ей Писемскій, но прежде всего ему было приказано добиться отъ Елисаветы разрѣшенія увидѣть „принцессу Титунскую“, разсмотрѣть ее хорошенько, замѣтить, какой у нея цвѣтъ лица, ростъ и дородность; собрать свѣдѣнія о томъ, сколько ей лѣтъ и какіе у нея родственники и, наконецъ, постараться привезти ея портретъ и точную ея мѣрку „обозначенную на бумагѣ“; на тотъ случай, если королева замѣтитъ, что у государя уже есть супруга и что это есть препятствіе къ браку, ему велѣно было отвѣтствовать: „правда, но она не царевна, не владѣтельная княжна, не угодна ему и будетъ оставлена для племянницы королевиной“.

Что касалось дѣтей, которыя могли родиться отъ этого брака, то такъ какъ наслѣдникомъ престола былъ объявленъ Ѳедоръ, то царь предоставитъ имъ приличные удѣлы. Само собою разумѣлось, что будущая царица такъ же точно, какъ и всѣ лица ея свиты, коихъ она пожелала бы оставить при себѣ, должны будутъ перемѣнить вѣру. Наконецъ, браку должно было предшествовать заключеніе дружескаго союза.

Іоаннъ не просилъ милости: взамѣнъ политическаго союза онъ предлагалъ самого себя, а для того, чтобы Марія Гастингсъ сдѣлалась счастливою соперницею Маріи Нагой, Англія должна была помочь Іоанну своей арміей и флотомъ въ его борьбѣ съ Баторіемъ.

Писемскаго сопровождалъ агентъ московской компаніи, Кру (Egide Crew), которому было поручено уладить спеціально торговые вопросы; въ качествѣ переводчика Писемскій взялъ съ собой доктора Робертса; послѣднему было дано спеціальное порученіе: извѣстить Елисавету о намѣреніи Іоанна отправиться тайно въ Англію. Іоаннъ повелъ на Елисавету настоящую атаку, въ надеждѣ, что ему удастся наконецъ осуществить свою давнишнюю мечту.

Пріѣхавъ въ Англію въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1582 года, Писемскій получилъ аудіенцію у королевы только 1-го (11-го) ноября. Къ этому времени, его миссія до нѣкоторой степени утратила свой смыслъ, такъ какъ война съ Баторіемъ окончилась, и Іоаннъ заключилъ съ нимъ миръ. Но русскій посолъ сдѣлалъ видъ, будто это обстоятельство ему не извѣстно. По всей вѣроятности, онъ получилъ новыя секретныя инструкціи, предписывавшія ему продолжать переговоры относительно

заключенія союза и подготовить такимъ образомъ возобновленіе непріязненныхъ дѣйствій противъ побѣдоносной Польши. Онъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ и поставилъ себя въ смѣшное положеніе, тѣмъ болѣе, что въ Лондонѣ находился въ то же время посолъ Баторія, который съ своей стороны не терялъ тамъ времени напрасно. Въ польскихъ и англійскихъ архивахъ не сохранилось документовъ, которые могли бы пролить свѣтъ на этотъ эпизодъ, но крайней мѣрѣ они до сихъ поръ не извѣстны, и объ немъ можно судить только по тому, какъ англійскій кабинетъ отнесся къ московскому послу, а это отношеніе указываетъ, повидимому, на то, что въ моментъ его пріѣзда въ Лондонъ королева Елисавета уже приняла извѣстное рѣшеніе и что Польша одержала и на дипломатическомъ поприщѣ побѣду. Писемскій горѣлъ нетерпѣніемъ приступить къ дѣлу, а англичане оттягивали начало переговоровъ, съ недѣли на недѣлю, подъ разными предлогами: то при дворѣ предстояли празднества, то свирѣпствовала чума.

— Однако чума не мѣшаетъ вамъ вести переговоры съ поляками! — ворчалъ Писемскій.

Ему пришлось дожидаться отъѣзда полька и, будь онъ опытнѣе, онъ бы замѣтилъ, что отъ него только старались приличнымъ образомъ отдѣлаться.

Торжественно введенный на аудіенцію къ королевѣ графомъ Лейчестерскимъ, лордомъ Говардомъ, сэромъ Христофоромъ Гаттономъ и самимъ графомъ Гунтингдономъ, онъ вручилъ Елисаветѣ подарки царя, свои собственные и своего помощника, который носилъ весьма мало обѣщавшее имя „Неудача“.

Подарки состояли, по обыкновенію, изъ собольихъ шкуръ. По словамъ посла, Елисавета была къ нему весьма милостива, „развеселилась“, освѣдомилась о здоровьѣ царя, сказавъ, что она любитъ его, какъ брата, и была бы рада видѣть его и заключить съ нимъ союзъ. Но послѣ аудіенціи было еще менѣе рѣчи о переговорахъ. Черезъ мѣсяцъ Писемскій получилъ приглашеніе принять участіе въ охотѣ на оленя. Онъ отвѣчалъ довольно грубо, что ему некогда терять время на развлеченія, тѣмъ болѣе, что онъ и его товарищи не ѣдятъ въ это время года дичи: это былъ Рождественскій постъ. Наконецъ, онъ узналъ 3-го (13-го) декабря, что для переговоровъ съ нимъ были назначены четыре лорда. Засѣданія должны были происходить въ Гринвичѣ и на нихъ были допущены представители русскихъ купеческихъ домовъ, ведшихъ торговлю съ Англіей.

Съ самаго начала обнаружилось разногласіе по существу. Предлагая Англіи освободить всѣ ввозимые ею русскіе товары отъ пошлинъ, Писемскій настаивалъ на заключеніи союза противъ

короля польскаго, „которому помогали: папа, императоръ и прочіе монархи“.

— Но вашъ царь заключилъ уже миръ съ королемъ польскимъ при посредничествѣ папы,—возражали ему на это.

Русскій посолъ упорно прикидывался ничего не знающимъ:

— Папа можетъ говорить исподтишка что хочетъ. Царь, въ письмѣ къ королевѣ, называетъ Баторія своимъ врагомъ, значитъ, оно такъ и есть.

При такихъ условіяхъ трудно было о чемъ-либо сговориться.

Елисавету интересовалъ въ то время главнымъ образомъ вопросъ о томъ, какъ обезпечить англійскую торговлю на Бѣломъ морѣ отъ посягательства Даніи, поэтому, желая задобрить царя и его посланника, она изъявила въ январѣ 1583 г. согласіе дать Писемскому тайную аудіенцію. Пріѣхавъ въ Ричмондъ къ назначенному часу, посолъ былъ крайне удивленъ, увидавъ, что дворецъ имѣлъ праздничный видъ: въ немъ играла музыка и шли танцы. Ему объяснили, что такъ бываетъ ежедневно; впрочемъ, королева оставила вскорѣ веселую компанію и приняла посла наединѣ; при ихъ разговорѣ присутствовалъ только Робертсъ, какъ неизбѣжный переводчикъ. „Неудачу“ допустили только только часъ спустя, и Елисавета сказала ему, извиняясь, что „она увлеклась разговоромъ“.

Предметомъ этого разговора была, разумѣется, Марія Гастингсъ. Когда Писемскій настаивалъ, чтобы ему позволили увидать принцессу и написать съ нея портретъ, королева пришла въ замѣшательство. „Она была бы очень рада вступить въ родственный союзъ съ царемъ“, сказала она, „но она слыхала, что онъ любилъ красивыхъ женщинъ, а Марія Гастингсъ не хороша собою. Кромѣ того, у нея только-что была оспа и въ настоящую минуту нечего было и думать писать съ нея портретъ“. Тѣмъ не менѣе, хитрая королева сдѣлала видъ, что она готова обсудить условія брачнаго договора, и даже выразила заботу о судьбѣ дочерей, которыя могли родиться отъ этого брака.

— Наши государи — гордо заявилъ Писемскій, — выдаютъ своихъ дочерей замужъ за иноземныхъ монарховъ.

Онъ привелъ въ доказательство единственный, впрочемъ, въ своемъ родѣ случай брака великой княжны Елены, выданной въ 1495 г. за короля польскаго, Александра. Но прежде нежели говорить о бракѣ, надобно было обсудить вопросъ о союзѣ. Посланникъ представилъ по этому поводу записку. Елисавета обѣщала ускорить отвѣтъ, но тѣмъ дѣло и кончилось.

Прошло еще два мѣсяца; получивъ, наконецъ, такъ долго жданный отвѣтъ, посолъ былъ жестоко разочарованъ. Королева изъявляла согласіе заключить союзъ съ царемъ и помочь ему своимъ войскомъ,

но требовала за это для Англіи монополію всей внѣшней торговли Россіи. Писемскій еще разъ выказалъ изумительное простодушіе, не понявъ, что это была насмѣшка надъ нимъ и надъ его царемъ. Онъ спорилъ, оспаривалъ разныя выраженія документа, какъ будто его можно было принять по существу.

Англійскіе уполномоченные предложили измѣнить выраженія, но не смыслъ договора. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ они пригласили посланника на банкетъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ сѣли за столъ семнадцать высшихъ сановниковъ, Эдуардъ Клинтонъ, графъ Линкольнъ, Георгъ Тальботъ, графъ Шрусберри, Томасъ Радклиффъ, графъ Суссексъ, Дудлей, графъ Варвикъ, графъ Бедфордъ и т. д.; королева пила за здоровье Іоанна; по окончаніи пира, докучливому послу было объявлено, что она дастъ ему прощальную аудіенцію.

— Не имѣя полномочій, чтобы принять предложенія, сдѣланныя ему англичанами, не лучше ли ему будетъ возвратиться въ Россію и получить тамъ новыя инструкціи? — было сказано послу.

— А дѣло о бракѣ! — воскликнулъ онъ, оторопѣвъ.

Ему показали газеты, въ которыхъ писали о рожденіи у царя сына отъ Маріи Нагой.

Писемскій притворился снова ничего не знающимъ.

— Злые языки распространяютъ басни, — сказалъ онъ, — чтобы помѣшать доброму согласію между его государемъ и королевою.

Онъ былъ до того озлобленъ и такъ шумѣлъ, что хотя вопросъ былъ въ сущности рѣшенъ, но Елисавета рѣшила розыграть комедію — иначе это нельзя назвать, — которая дѣйствительно могла ввести посла въ заблужденіе и поддержать обманчивыя надежды Іоанна.

7-го (17-го мая) Писемскому предложили отправиться, въ сопровожденіи одного только Робертса, въ загородный домъ канцлера, лорда Бромлея. Встрѣтивъ его очень вѣжливо на крыльцѣ, лордъ повелъ его въ садъ, гдѣ были приготовлены прохладительныя. Нѣсколько времени спустя въ одной изъ аллей появилась группа женщинъ. Въ главѣ ихъ, между лэди Бромлей и лэди Гунтингдонъ шла та, которую посолъ называлъ уже не иначе, какъ „невѣстою царя“.

При этомъ канцлеръ заявилъ, что королева повелѣла показать Писемскому свою племянницу „не въ комнатѣ, а при дневномъ свѣтѣ, чтобы онъ могъ лучше разсмотрѣть ее“.

Посолъ смотрѣлъ во всѣ глаза. Ему предложили погулять по парку, чтобы встрѣтиться съ Маріей нѣсколько разъ.

— Хорошо ли вы ее разглядѣли? — спросилъ его канцлеръ послѣ прогулки.

— Я слѣдовалъ даннымъ мнѣ инструкціямъ, — отвѣчалъ Писемскій.

Въ донесеніи своемъ онъ писалъ, что „принцесса ростомъ высока,

стройна, тонка; лицомъ бѣлая, глаза у нея голубые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ тонкіе и долгіе".

Елисавета хотѣла розыграть комедію до конца. Пригласивъ Писемскаго, она выразила ему снова свое сожалѣніе по поводу того, что ея племянница не достаточно хороша собою, чтобы понравиться царю.

— Я думаю, что она и вамъ самимъ не понравилась, — сказала она, на что Писемскій возразилъ:

— По-моему она прекрасна; но все въ волѣ Божьей, и онъ настаивалъ, чтобы королева высказала свои намѣренія. Но Елисавета придумала уже новую уловку: она обѣщала послать въ Россію вмѣстѣ съ Писемскимъ довѣреннаго человѣка, которому будутъ даны соотвѣтствующія инструкціи и полномочія.

Вслѣдъ за тѣмъ Писемскому была дана прощальная аудіенція.

Въ половинѣ іюня портретъ Маріи Гастингсъ былъ готовъ и Писемскій уѣхалъ съ „Неудачей", въ сопровожденіи Джерома Боуса (Bowes). Выборъ посла оказался не совсѣмъ удачнымъ.

На долю Боуса выпала нелегкая задача: ему приходилось вести рѣчь о торговлѣ и „только о торговлѣ" съ человѣкомъ, который только и мечталъ о политическомъ и брачномъ союзѣ. А интересы торговли въ это время сильно страдали. Англійскіе купцы, коимъ были подтверждены ихъ привилегіи и которые платили, по сравненію съ другими, половинныя пошлины, были обложены побочными поборами, налагаемыми совершенно произвольно и которые то и дѣло увеличивались. Это было слѣдствіемъ войны съ Польшей, которую царь мечталъ возобновить при содѣйствіи Англіи и которая совершенно истощила казну.

Этимъ тяжелымъ финансовымъ положеніемъ воспользовались другія страны. Опустѣвшая казна продавала новыя привилегіи тому, кто болѣе предлагалъ за нихъ; особенно съумѣли воспользоваться обстоятельствами голландцы, заручившіеся содѣйствіемъ трехъ приближенныхъ царя: Никиты Романовича Захарьина, Богдана Бѣльскаго и Андрея Щелкалова.

Весьма возможно, что, поощряя этихъ конкуррентовъ англійской торговли, царь видѣлъ въ этомъ средство произвести давленіе на Елисавету и сдѣлать ее болѣе послушной его желаніямъ.

Новый посолъ англійской королевы совершенно не походилъ на Дженкинсона.

Рѣзкій и высокомѣрный, дурно воспитанный и неловкій, онъ обладалъ всѣми недостатками своей націи. На первыхъ же порахъ онъ затѣялъ исторію изъ-за лошади, которую ему предоставили для въѣзда въ столицу и которая ему не понравилась. Дальнѣйшія его дѣйствія,

въ коихъ онъ руководствовался данными ему инструкціями, не могли загладить этого перваго неблагопріятнаго впечатлѣнія. Елисавета не только настаивала на своемъ требованіи объ исключительной монополіи для англійскихъ торговцевъ, но она старалась придать весьма странный характеръ союзу, который она соглашалась заключить ради этихъ привилегій, а именно, выражая согласіе оказать Іоанну дѣятельную помощь въ его борьбѣ съ врагами, она обязывалась сдѣлать это лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ попытки къ примиренію царя съ Баторіемъ, которыя будутъ сдѣланы ею, окажутся недѣйствительны. Это было равносильно тому, какъ если бы она сказала:

— Вы желаете моего содѣйствія, чтобы отомстить Баторію, хорошо; но я сначала предупрежу короля о вашихъ намѣреніяхъ.

Существуетъ два источника, на основаніи которыхъ можно судить о переговорахъ, происходившихъ въ Москвѣ: донесеніе самого Боуса [1]) и протоколы московскаго приказа [2]). Эти документы находятся въ совершенномъ противорѣчіи одинъ другому.

Упоминая о кое-какихъ недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ, неизбѣжныхъ при всякихъ переговорахъ, англійскій дипломатъ хвастаетъ, что онъ одержалъ верхъ по всѣмъ пунктамъ, и что царь былъ готовъ не только возвратить подданнымъ королевы ихъ привилегіи, но даже увеличить ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ болѣе чѣмъ когда-либо желалъ вступить въ бракъ съ англичанкой, остановивъ свой выборъ на какой-нибудь другой родственницѣ Елисаветы, если Марія Гастингсъ не приняла бы его предложеніе; для этой цѣли царь готовъ былъ самъ ѣхать въ Лондонъ. Боусъ писалъ, будто Іоаннъ просилъ даже англійскаго пастора доставить ему записку съ изложеніемъ главнѣйшихъ пунктовъ протестантской вѣры и велѣлъ прочесть ее въ присутствіи многочисленныхъ слушателей, щедро вознаградивъ составителя записки. Онъ строго наказывалъ тѣхъ приближенныхъ, кои выказывали нерасположеніе къ Боусу, и совѣтывалъ имъ измѣнить свое отношеніе къ нему. Наконецъ, по словамъ Боуса, актъ, въ которомъ были изложены результаты переговоровъ, былъ уже готовъ и снабженъ надлежащими подписями и печатью, когда неожиданная смерть царя разстроила все дѣло, и побѣда оказалась на сторонѣ противниковъ Англіи.

Русскіе передаютъ объ этомъ дѣлѣ совершенно иначе. По ихъ словамъ, Іоаннъ отвѣчалъ на англійскій ультиматумъ слѣдующими предложеніями: такъ какъ король польскій, нарушивъ договоры, отнялъ у царя Полоцкъ и Ливонію, то королева должна была склонить его

---

[1]) Hakluyt. I, стран. 458 и сл.

[2]) Сборникъ рус. ист. общ., т. XXXVIII, стран. 71 и сл.

возвратить эти земли и заплатить вознагражденіе, а въ случаѣ отказа, принудить его къ тому, соединивъ свои войска съ войсками московскаго царя. Въ вознагражденіе за это Англіи будетъ предоставлено исключительное право пользоваться нѣкоторыми портами, а на другіе уже дано право брабантскимъ и французскимъ купцамъ. Въ Колу только-что прибыло нѣсколько французскихъ судовъ; французскій король искалъ дружбы царя и просилъ его послать во Францію посольство.

Іоаннъ давалъ этимъ понять, что у него были друзья и кромѣ Англіи.

Баусъ только могъ отвѣтить на это отрицательно, сославшись на свои полномочія. Тогда бояре, кои вели съ нимъ переговоры: Захарьинъ, Бѣльскій, Щелкаловъ и Фроловъ, коснулись „секретнаго дѣла“. Развѣ Боусъ не имѣлъ ничего сказать по этому поводу?— спросили они.

Да, — но только самому царю.

Ему была обѣщана частная аудіенція, а между тѣмъ продолжалось обсужденіе условій предполагаемаго союза. Особенно сильныя пререканія вызвалъ вопросъ о монополіи.

Въ видѣ послѣдней уступки, Іоаннъ соглашался предоставить въ пользованіе Англіи пять гаваней на Бѣломъ морѣ, за исключеніемъ Колы, которая оставалась за французами, и Пудожерска, при устьѣ Сѣверной Двины, гдѣ имѣлъ свои конторы купецъ изъ Нимеги, Іоаннъ Валле, прозванный русскими Бѣлобродъ.

Боусъ протестовалъ: какое же значеніе имѣли въ такомъ случаѣ торжественныя привилегіи, дарованныя нѣкогда московской компаніи?

Ему отвѣчали: „Англійскіе купцы, Ѳома Гловеръ и Родольфъ Риттеръ злоупотребили милостями царя, составивъ заговоръ съ его врагами и служа имъ шпіонами“.

— Гловеръ—негодяй,—возразилъ на это Боусъ,—но Англія—страна свободная, гдѣ каждый можетъ предлагать свои услуги, кому онъ заблагоразсудитъ. Къ тому же ни ваши французы, ни ваши брабантцы не доставятъ вамъ товаровъ перваго сорта, какъ наши купцы...

На это русскіе воскликнули, что именно они имѣли поводъ жаловаться на англійскія сукна, и показали образчики.

— Я не знатокъ въ сукнахъ!—воскликнулъ Боусъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства.

Въ такомъ родѣ происходило двадцать совѣщаній, которыя не привели ни къ чему.

Частная аудіенція у царя состоялась 3-го (13-го) декабря 1583 года. Боусу велѣно было отправиться во дворецъ безъ оружія и свиты, такъ какъ царь „приметъ его съ глаза на глазъ“, чтобы говорить о „секретномъ дѣлѣ“, т. е. о бракѣ.

Однако на аудіенціи присутствовалъ новый царскій любимецъ, будущій царь — Борисъ Годуновъ, и человѣкъ двѣнадцать приближенныхъ.

Въ ихъ присутствіи была розыграна комедія, начатая Елисаветой въ Лондонѣ. Іоаннъ выразилъ желаніе знать намѣренія королевы по поводу Маріи Гастингсъ, а Боусъ заявилъ, въ свою очередь, что онъ присланъ узнать намѣренія царя.

Когда же Іоаннъ потребовалъ, чтобы посолъ высказался яснѣе, то онъ прибѣгнулъ къ всяческимъ уловкамъ и отговоркамъ.

— Племянница королевы больна, очень больна, — сказалъ онъ, при томъ онъ не думалъ, чтобы она согласилась перемѣнить религію... Изъ числа родственницъ ея величества она была самая отдаленная. Среди нихъ было десять другихъ, на которыхъ царь могъ бы предпочтительно остановить свой выборъ...

Іоаннъ живо прервалъ его.

— Что это за особы? Дочери удѣльныхъ князей или подданныя королевы? Говори, объяснись!..

— Я не имѣю на этотъ счетъ инструкціи...

Этотъ разъ Грозный не могъ сдержать свой гнѣвъ. Прибѣгнувъ къ своей обычной тактикѣ и желая ошеломить своего противника, онъ свернулъ на другую тему.

Боусъ, вслѣдствіе своей „заносчивости и дерзкаго поведенія“, имѣлъ неоднократно стычки съ русскими уполномоченными, говорилъ непристойныя вещи. Іоаннъ припомнилъ ему это и такъ какъ Боусъ отрицалъ свою вину, то царь по обыкновенію потерялъ всякое самообладаніе.

Въ русскихъ протоколахъ объ этомъ обстоятельствѣ упоминается вскользь, но Боусъ разсказалъ этотъ эпизодъ подробно.

Вотъ какъ имъ записанъ этотъ разговоръ:

„Царь, обращаясь къ Боусу:—ты принялъ въ разговорѣ съ моими уполномоченными видъ такого превосходства, который не можетъ быть терпимъ, ибо между монархами, мнѣ равными, я знаю такихъ, которые имѣютъ шагъ передъ вашей королевой.

Боусъ. — Моя государыня столь же великая монархиня, какъ всѣ прочіе монархи христіанскаго міра; она равна тѣмъ, кои считаютъ себя самыми первыми монархами, и можетъ считаться равною всѣмъ.

Царь. — Ты хочешь сказать: короли Франціи и Испаніи?

Боусъ. — Да. Я считаю, что королева можетъ считаться имъ равной.

Царь. — А императоръ?

Боусъ. — Король, отецъ королевы, имѣлъ нѣкогда императора на жалованьи въ своихъ войнахъ съ Франціей...

Если вѣрить Боусу, эти слова окончательно вывели Іоанна изъ себя, и онъ пригрозилъ послу, что прикажетъ выкинуть его изъ окна, на что̀ Боусъ отвѣчалъ, что царь воленъ дѣлать, что хочетъ, но что королева англійская съумѣетъ отомстить за оскорбленіе, нанесенное ея представителю. Послѣ этихъ словъ Грозный вдругъ простился съ Боусомъ и, когда тотъ вышелъ, онъ отозвался о немъ съ похвалою и сказалъ, что онъ почелъ бы за счастье имѣть такихъ слугъ.

Въ русскихъ источникахъ объ этомъ разговорѣ умалчивается, а говорится только, что когда зашелъ споръ по поводу дерзостей, сказанныхъ Боусомъ, которыя тотъ отрицалъ, то царь прекратилъ разговоръ и произнесъ длинную рѣчь о началѣ англійской торговли въ Россіи и причинахъ, по которымъ были отмѣнены данныя ей чрезмѣрныя привилегіи. „Подданные королевы доставляютъ на рынокъ недоброкачественный товаръ,“—сказалъ Грозный, не привозятъ въ Россію драгоцѣнныхъ камней и продаютъ свой товаръ по баснословнымъ цѣнамъ и, снявъ съ руки перстень, царь присовокупилъ, что онъ заплатилъ за него де-Валлю всего 60 р. и 1.000 рублей за крупный изумрудъ, украшавшій его шапку, а перстень стоитъ 300 руб., а изумрудъ — 40.000, если не больше; Боусъ долженъ былъ съ этимъ не согласиться. Черезъ Писемскаго царь просилъ прислать ему сукна, шелковыхъ матерій хорошаго качества и кружевъ. Кружева еще не были получены, а сукна и шелковыя ткани, оцѣненныя очень дорого, ничего не стоили. Изъ Польши получался такой товаръ гораздо лучшаго достоинства. По знаку царя были внесены матеріи; ощупывая ихъ и дѣлая сравненія, на что̀ Боусъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ, Іоаннъ продолжалъ разглагольствовать. „Что означала дружба, которую предлагала ему королева, которая ограничивалась только торговыми сношеніями и союзомъ на словахъ!“

Посолъ могъ только сослаться на свои полномочія.

Вторичное, еще болѣе конфиденціальное свиданіе съ царемъ, на которое были допущены только Трубецкой, Захарьинъ, Бѣльскій, Щелкаловъ и Фроловъ, да и тѣ стояли въ концѣ комнаты, „возлѣ печки“, не привело также ни къ чему.

Между тѣмъ Робертсъ, служившій переводчикомъ во время этихъ бесѣдъ, заявилъ Іоанну, что Боусъ желаетъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ. Боусъ въ своемъ разсказѣ отрицаетъ это, утверждая, что онъ говорилъ только, что когда на него возлагались порученія къ другимъ монархамъ, то при обсужденіи важныхъ вопросовъ давали ему всегда аудіенцію безъ свидѣтелей; такъ поступалъ и французскій король.

— Король французскій намъ не примѣръ,—пробурчалъ Іоаннъ. Говори, что ты имѣешь сказать намъ по поводу нашего брака.

— Королева, моя монархиня, говорила мнѣ, что она ищетъ вашей дружбы преимущественно передъ всѣми прочими монархами, я же лично не имѣю инаго желанія, какъ снискать ваше благоволеніе и служить вамъ.

— Скажи намъ, назвавъ ихъ поименно, каковы племянницы королевы, о которыхъ ты говорилъ намъ. Я пошлю съ тобою въ Англію посла, который посмотритъ ихъ и потребуетъ ихъ портреты...

— Я предлагаю вамъ свои услуги на этотъ счетъ.

Такъ переданъ этотъ разговоръ въ русскомъ толкованіи, согласно которому Боусъ будто бы отрицалъ, что онъ говорилъ о другихъ родственницахъ Елисаветы, коихъ царь могъ бы предпочесть Маріи Гастингсъ. Уличенный во лжи, онъ ссылался снова на свои инструкціи или, принимая таинственный видъ, давалъ понять, что онъ вскорѣ сдѣлаетъ угодное царю, но что для этого еще не настало время. Онъ просилъ позволеніе послать въ Англію сухимъ путемъ гонца, который привезъ бы ему болѣе обширныя полномочія; заводилъ пустяшные споры о количествѣ провизіи, которую ему выдавали, требовалъ до 10 пудовъ (160 кило) масла въ день; просилъ царя наказать собственноручно Щелкалова, котораго онъ обвинялъ въ причиненныхъ ему непріятностяхъ, на что̀ царь обратился къ нему съ внушеніемъ, которое закончилъ словами:

„Ты человѣкъ невоспитанный, ты не имѣешь понятія о томъ, какъ долженъ себя вести посолъ“.

Казалось бы, что послѣ этого не могло быть болѣе никакихъ разговоровъ. Но Іоаннъ слишкомъ хотѣлъ добиться своего и съ упорствомъ маніака преслѣдовалъ мысль о бракѣ, снова и снова приглашалъ Боуса на секретныя бесѣды и повторялъ ему одно и то же.

Эти весьма частыя свиданія закончились 14-го февраля 1584 года новой, еще болѣе бурной сценой. Обѣщавъ взять на свое судно посла, котораго Іоаннъ посылалъ къ французскому двору, Боусъ взялъ свое слово назадъ, подъ предлогомъ, что королева приказала ему возвратиться сухимъ путемъ.

— Чтобы продать меня моимъ врагамъ!—воскликнулъ Іоаннъ внѣ себя,—я этого не потерплю.

Со времени потери Ливоніи, дорога сухимъ путемъ шла черезъ Польшу.

Овладѣвъ собою, но все еще раздраженный, Іоаннъ продолжалъ:

„Коли ты пріѣхалъ не съ тѣмъ, чтобы вести переговоры серьезно, можешь ѣхать обратно съ тѣмъ же, съ чѣмъ пріѣхалъ, мы уволимъ тебя сейчасъ“.

Боусъ уже зналъ, какъ относиться къ этимъ гнѣвнымъ вспышкамъ и, по свидѣтельству русскаго протокола, ничуть не смутился. Прощальной аудіенціи ему дано не было, а три дня спустя онъ былъ приглашенъ выслушать чтеніе проекта договора, въ которомъ царь изложилъ minimum своихъ желаній и требованій.

Сущность этого проекта извѣстна намъ лишь по тѣмъ возраженіямъ, какія она вызвала со стороны Боуса. Іоаннъ хотѣлъ заключить наступательный союзъ, чтобы завоевать обратно Ливонію. Посолъ, по своему обыкновенію, отвѣчалъ уклончиво.

Его монархиня очень набожна и не любитъ завоеваній, говорилъ онъ. Голландія тщетно умоляетъ принять ее подъ покровительство королевы, сама Франція была бы счастлива перейти подъ ея скипетръ...

— Но рѣчь идетъ вовсе не о завоеваніяхъ!—возразилъ царь. Ливонія—наша вотчина...

— Такъ ли это?

Іоаннъ подпрыгнулъ:

— Мы не просимъ королеву быть судьею между нами и королемъ Польши.

Этотъ разъ прощальная аудіенція была назначена на 20-е февраля. Она задержалась болѣзнію царя, а 8-го (18-го) марта Щелкаловъ объявилъ Боусу, что „его англійскій царь скончался".

Посолъ очутился какъ бы въ плѣну въ своемъ домѣ и подвергся всевозможнымъ непріятностямъ, которыя продолжались до мая мѣсяца, когда сынъ Іоанна Грознаго отпустилъ его обратно въ Англію съ письмомъ къ Елисаветѣ, въ которомъ уже не было рѣчи ни о союзѣ, ни о какихъ-либо особыхъ привилегіяхъ въ пользу англійскихъ купцовъ.

Если вѣрить Горсею, то Щелкаловъ и прочіе враги англійскаго посла замышляли даже убить его, и только вмѣшательство его соотечественника (Горсея) предотвратило эту катастрофу. Но Горсей вѣроятно прихвастнулъ. Дѣйствительнымъ хозяиномъ страны былъ въ это время Борисъ Годуновъ, а извѣстно, что онъ сдѣлалъ отъ себя подарокъ Боусу, хотя онъ и скрывалъ это, и что онъ увѣрилъ его въ своей преданности.

Несмотря на хвастливыя увѣренія Боуса, несомнѣнно, что англичане утратили всѣ преимущества, пріобрѣтенныя ими въ Россіи при Грозномъ, и на правомъ берегу Двины, по сосѣдству съ древнимъ монастыремъ, возникъ уже въ то время новый городъ—Архангельскъ и устраивался портъ въ мѣстѣ, указанномъ голландцами, гдѣ, при ихъ содѣйствіи, сосредоточилась съ теченіемъ времени вся морская торговля Россіи, освободившаяся окончательно отъ британской моно-

поліи. Англійскіе купцы появились въ этомъ портѣ гораздо позднѣе и играли тамъ второстепенную роль.

Побѣда въ этой, на первый взглядъ, неравной борьбѣ осталась за Голландіей, какъ свидѣтельствуетъ о томъ исторія Петра Великаго, и союзъ съ Англіей, котораго такъ страстно искалъ Грозный, остался въ области мечты.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По дѣлу о Петрашевекомъ.

17-го мая [1]).

Вашему сіятельству угодно было изъявить желаніе, чтобы для высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора о сущности раскрытій, дѣлаемыхъ коммиссіею, учрежденною надъ чиновникомъ Буташевичемъ-Петрашевскимъ и лицами, арестованными по ихъ сообществу съ нимъ, я представлялъ краткое описаніе ея дѣйствій еженедѣльно.

„Вслѣдствіе сего, я вмѣнилъ въ обязанность начать изложеніемъ въ прилагаемой запискѣ того, что исполнено коммиссіею со дня учрежденія ея до настоящаго времени".

Записка о дѣйствіяхъ секретной слѣдственной коммиссіи высочайше учрежденной надъ чиновникомъ Буташевичемъ-Петрашевскимъ и его сообщниками.

Съ 26-го апрѣля по 16-ое мая.

Коммиссія открыла свои засѣданія 26-го апрѣля и занималась до настоящаго времени предварительными разспросами всѣхъ лицъ, переданныхъ ей въ числѣ 40 для произведенія надъ ними слѣдствія. Кромѣ сихъ лицъ, основываясь на ихъ показаніяхъ, коммиссія сочла необходимымъ сдѣлать распоряженіе объ арестованіи студента Спб. университета Ханыкова и коллежскаго секретаря Европеуса, а также

---

[1]) Въ редакціи не имѣется свѣдѣній, кѣмъ это письмо писано и къ кому. За отсутствіемъ этого надо полагать, что докладчикомъ государю былъ шефъ жандармовъ графъ Орловъ.

объ опечатаніи бумагъ у нѣкоторыхъ другихъ лицъ, находившихся съ ними въ близкомъ знакомствѣ.

Разспросы вполнѣ подтвердили правильность розысканій, сдѣланныхъ полиціею, и вѣрность, съ которою они изложены въ свѣдѣніяхъ, по высочайшему повелѣнію переданныхъ коммиссіи. Объясненія же Ханыкова и Европеуса послужили доказательствомъ, что они не могли оставаться на свободѣ.

Европеусъ, во-первыхъ, давалъ 7-го апрѣля обѣдъ въ честь Фурье, такъ какъ это былъ день рожденія сего послѣдняго. На обѣдѣ находились: Ханыковъ, Ахшарумовъ, Петрашевскій, Спѣшневъ, два брата Дебу, Есаковъ и Ващенко; изъ нихъ первые три говорили рѣчи, о коихъ будетъ упомянуто ниже. За симъ Европеусъ самъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно изучалъ Фурье, но понимаетъ его за человѣка, который желаетъ всему міру такого счастія, какое только можетъ быть ему дано, и что чрезъ нѣсколько дней послѣ обѣда всѣ участвовавшіе въ ономъ согласились перевести Фурье на русскій языкъ.

Ханыковъ показалъ, что у него была мысль примѣнить ученіе Фурье къ Россіи. Рѣчь, произнесенная имъ на обѣдѣ Европеуса, найдена въ бумагахъ Петрашевскаго и заключаетъ въ себѣ, между прочими, слѣдующія мѣста:

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Ахшарумовъ объяснилъ, что Петрашевскій получилъ новый взглядъ на жизнь чрезъ чтеніе соціальныхъ книгъ, старался передать свои мысли знакомымъ и, имѣя въ виду лучшее устройство общества, не желалъ однако же насильственнаго переворота, но всегда совѣтовалъ дѣйствовать убѣжденіемъ. О себѣ собственно онъ присовокупилъ, что, увлекшись идеями Фурье, онъ думалъ, какимъ образомъ примѣнить ихъ къ Россіи, и помышлялъ даже о побужденіи правительства къ принятію ихъ. Вотъ нѣкоторые отрывки рѣчи, говоренной имъ на обѣдѣ Европеуса:

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Впрочемъ, Ахшарумовъ, повидимому, чистосердечно раскаивается во всѣхъ своихъ преступленіяхъ.

Петрашевскій съ дерзостію просилъ коммиссію сообщить ему, въ чемъ онъ обвиняется, ибо если онъ и желалъ лучшаго въ нашемъ управленіи, то это желаніе преступленіемъ считать нельзя. По мнѣнію его, законы наши хороши, но исполненіе ихъ порочно, ученіе же Фурье едва-ли утопія и лѣтъ чрезъ пять или шесть можетъ осуществиться. Вообще, отвѣты его были смѣлы и неудовлетворительны.

Рѣчь его у Европеуса начиналась слѣдующими словами: „Явясь среди васъ, господа, и получивъ право рѣчи какъ одинъ изъ старѣйшихъ, сколько мнѣ извѣстно, пропагаторовъ соціализма, я осмѣлюсь предложить вамъ тостъ, который выразитъ содержаніе моей рѣчи, именно, тостъ за знаніе дѣйствительности".

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Изъ частныхъ показаній другихъ лицъ именно: Кошкина, Дебу 1-го, Дебу 2-го, Кайданова, Плещеева, Ястржембскаго, Момбелли, Кузьмина, Достоевскаго 1-го, Ламанскаго и Модерскаго обнаруживается, что на вечерахъ у Петрашевскаго разные государственные вопросы разсматривались въ духѣ соціализма, что тамъ разсуждали о пользѣ вооружить подчиненныхъ противъ начальства, дабы потомъ ввести улучшенія въ административной части, что иногда разговоры касались и до устройства въ Россіи конституціоннаго правленія, что три главные предмета, обращавшіе на себя вниманіе собраній, были: свобода книгопечатанія, перемѣна судопроизводства и освобожденіе крестьянъ. Съ особенною рѣзкостію говорили о двухъ послѣднихъ Петрашевскій и Головинскій (студентъ, назначенный стряпчимъ въ Казань), но Головинскій увѣрялъ коммиссію, что сужденія о сихъ предметахъ онъ не полагалъ противозаконными, такъ какъ само правительство ими занималось; что ученикъ Толь развивалъ вопросъ о религіи по системамъ Штрауса, Фейербаха и Базера, доказывая, что религія подавляетъ образованіе ума и заставляетъ человѣка быть добрымъ и полезнымъ своему ближнему не по собственному убѣжденію, а по чувству страха наказанія; что иногда у Петрашевскаго порицали дѣйствія высшихъ сановниковъ и даже самого государя и что собранія, подобныя тѣмъ, которыя постоянно назначались у Петрашевскаго по пятницамъ, бывали изрѣдка у Кошкина, Кузьмина и братьевъ Дебу.

Кромѣ того, нѣкоторыя лица, какъ-то: Кошелевъ, литераторъ, Толстовъ, студентъ, и другіе съѣзжались у мѣщанина Петра Григорьева Шапошникова, державшаго табачную лавку на Петербургской сторонѣ. Кошелевъ сознался, что онъ не признавалъ христіанской вѣры, отвергалъ власти правительства и въ пьяномъ видѣ могъ сказать что-либо дурное о самомъ государѣ, присовокупивъ, что отъ Петра Григорьева онъ слышалъ возмутительныя рѣчи и сужденія о народномъ правленіи.

Григорьевъ съ своей стороны утверждалъ, что онъ никакого злаго замысла никогда не имѣлъ, но что Толстовъ, зная его желаніе сдѣлаться актеромъ, отговаривалъ его отъ этого намѣренія и вызывался дать ему другую дѣятельность, сказавъ однажды, что даръ слова его,

Шапошникова, нуженъ будетъ для площади и что онъ можетъ быть со временемъ значительнымъ человѣкомъ, если будетъ его слушаться (Толстовъ показаніе это отвергаетъ). О Кошелевѣ же Шапошниковъ добавилъ, что онъ одинъ разъ сказалъ ему въ пьяномъ видѣ, что онъ готовъ убить...

Всѣ прописанныя сознанія рождаютъ прискорбное убѣжденіе, что соціальныя идеи развиваются въ разныхъ сословіяхъ и въ Россіи, что собранія Петрашевскаго, въ которыя принимались люди всякаго разбора, другія—фурьеристовъ, т. е. Кошкина и Европеуса, коихъ составъ былъ нѣсколько приличнѣе, и третьи, повидимому, довольно малочисленныя, мѣщанина Григорьева, отличались вообще духомъ противнымъ правительству, что наконецъ они клонились къ измѣненію существующаго порядка вещей. Но принадлежали ли сіи собранія къ разряду тайныхъ организованныхъ обществъ, это до сихъ поръ не доказывается никакими положительными данными; равнымъ образомъ еще не видно, имѣли ли они какія-либо сношенія внутри Россіи или за границею.

Впрочемъ, такъ какъ бумаги, опечатанныя у арестованныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подозрѣваемыхъ лицъ, окончательно еще не разсмотрѣны, наблюденія же за дѣйствіями сихъ послѣднихъ продолжаются, то, можетъ быть, при терпѣливомъ стараніи откроется еще многое доселѣ неизвѣстное.

Съ настоящаго времени коммиссія приступитъ къ допросамъ по законнымъ формамъ, т. е. предложитъ лицамъ, находящимся подъ слѣдствіемъ, письменные вопросные пункты, принявъ для составленія ихъ за основаніе какъ собственныя предварительныя показанія тѣхъ лицъ, такъ и содержаніе найденныхъ у нихъ бумагъ.

Съ 16-го по 23-ое мая.

Продолжая разспросы арестованныхъ лицъ, коммиссія употребляла всѣ возможныя старанія, дабы открыть, не составляли ли они какое-либо тайное общество, но никто изъ нихъ до сего времени въ этомъ не сознался. Между тѣмъ изъ отвѣтовъ Ахшарумова оказалось, что у Петрашевскаго бывалъ еще братъ содержащагося нынѣ въ крѣпости отставнаго капитанъ-лейтенанта Тимковскаго, тит. сов. Константинъ Тимковскій, находящійся въ Ревелѣ, и что на одномъ вечерѣ онъ говорилъ рѣчь о соціализмѣ, а на другомъ о средствахъ дѣйствія и вліянія на общество, предлагая солидарность между всѣми знакомыми Петрашевскаго, т. е. взаимное вспоможеніе и покровительство по службѣ для занятія высшихъ мѣстъ, а также чтобы каждый давалъ отчетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ въ извѣстное время.

Имѣя столь вредныя внушенія въ виду, коммиссія немедленно просила распоряженія объ арестованіи въ Ревелѣ означеннаго Тимковскаго и вслѣдъ за симъ, при разборѣ бумагъ Спѣшнева, какъ бы въ подтвержденіе принятой ею мѣры, нашла три письма того самаго Тимковскаго, въ которыхъ онъ увѣдомляетъ, что имъ учреждены въ Ревелѣ два круга, что онъ тамъ дѣятелемъ, но нуждается въ книгахъ, что Бекл... (по словамъ Спѣшнева, это долженъ быть Беклемишевъ, котораго также приказано арестовать чрезъ нарочно посланнаго въ Ревель жандармскаго офицера) написалъ рядъ писемъ „къ помѣщику“, а самъ онъ занимается переводами. Кромѣ того, Тимковскій упоминаетъ о непонятномъ къ нему письмѣ Петрашевскаго, коего содержаніе полагаетъ извѣстнымъ Спѣшневу, и проситъ сообщить ему объ оном свое мнѣніе.

Спѣшневъ увѣряетъ, что объ этомъ письмѣ онъ ничего не знаетъ и что дѣйствія, о коихъ извѣщалъ его Тимковскій, относились не до предпріятій противъ правительства, а до распространенія ученія Фурье, но и это показаніе обнаруживаетъ преступныя намѣренія, соотвѣтствующія гнусному духу, господствующему въ разныхъ бумагахъ, опечатанныхъ у Спѣшнева.

Одна изъ нихъ, между прочимъ, есть обязательная подписка для поступленія въ какое-то Русское тайное общество и хотя Спѣшневъ клянется, что это былъ только проектъ, написанный имъ тому нѣсколько лѣтъ, давно имъ забытый и никогда имъ никому не показанный, и тоже что подобнаго общества никогда не существовало, но означенная подписка заслуживаетъ особеннаго вниманія. Содержаніе ея есть слѣдующее:

Прилож. 1-ое.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Сверхъ сего у Спѣшнева же найдена рукопись подъ заглавіемъ: Солдатская Бесѣда, писанная не его почеркомъ, которая, какъ онъ объясняетъ, была получена имъ въ числѣ разныхъ писемъ, присланныхъ ему въ одно время отъ разныхъ лицъ, и изъ коей приводится здѣсь отрывокъ:

Прилож. 2-ое.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Коммиссія, убѣждаясь изъ таковыхъ девизовъ въ зловредномъ направленіи мыслей Спѣшнева, усугубитъ старанія, дабы побудить его къ откровеннымъ сознаніямъ, но если бы въ немъ замѣчено было упорство, то полагаетъ прибѣгнуть къ заключенію его въ оковы, на каковую мѣру она испрашиваетъ уже предварительное разрѣшеніе по начальству.

За симъ въ бумагахъ Дурова оказалось письмо къ нему изъ Москвы лит. Плещеева (привезеннаго уже въ крѣпость), въ которомъ онъ пишетъ:

Прилож. 3-ье.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Плещеевъ объясняетъ, что разговоры его съ профессорами Кудрявцевымъ и Грановскимъ имѣли предметомъ искусства, въ чемъ онъ и сочувствуетъ имъ, а вліяніе ихъ на студентовъ состояло въ возбужденіи въ нихъ любви къ наукѣ. Тѣмъ не менѣе коммиссія сочла необходимымъ просить г. военнаго министра о сношеніи съ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, чтобы онъ не оставилъ принять подлежащія мѣры къ обнаруженію дѣйствій помянутыхъ профессоровъ и увѣдомить о послѣдующемъ.

Здѣсь кромѣ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Ващенко и воспитывавшагося въ лицеѣ Есакова, которые взяты уже въ крѣпость, постановлено по близкому знакомству съ Петрашевскимъ и Головинскимъ арестовать также чиновника Париновскаго, предназначавшагося губернскимъ прокуроромъ въ Петрозаводскъ.

Новыя открытія, выше сего изложенныя, болѣе и болѣе удостовѣряютъ въ преступности арестованныхъ лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ къ заключенію, что настоящее дѣло должно производить съ осмотрительностью и терпѣніемъ, ибо иначе если какое-либо тайное общество дѣйствительно было составлено, то коммиссія можетъ быть лишена средствъ къ обнаруженію его сущности. Самый разборъ огромнаго числа бумагъ, переданныхъ и безпрерывно поступающихъ въ коммиссію, сношеніе съ мѣстными начальствами насчетъ подозрѣваемыхъ лицъ, находящихся внѣ Петербурга, приведеніе въ порядокъ и соображеніе письменныхъ показаній, предварительно уже полученныхъ отъ тѣхъ, которые содержатся въ крѣпости, и снятіе съ нихъ допросовъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ,—все это требуетъ весьма много времени, и потому трудно надѣяться, чтобы дѣйствія коммиссіи могли скоро кончиться.

Съ 23-го по 30-ое мая.

По доставленіи въ крѣпость арестованнаго въ Ревелѣ отставнаго капитанъ-лейтенанта Тимковскаго, коммиссія немедленно приступила къ дознанію всѣхъ обстоятельствъ, по которымъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе.

Тимковскій сознался, что онъ дѣйствительно приверженъ къ ученію соціальному, но присовокупилъ, что по его понятіямъ ученіе это имѣетъ цѣлью не перемѣну въ государственномъ управленіи, а устройство труда и что, убѣждаясь въ пользѣ его, онъ думалъ со временемъ предложить правительству, не признаетъ ли оно возможнымъ осуществить оное. Кромѣ того изъ объясненій его оказывается, что онъ, Тимковскій, Спѣшневъ и Данилевскій [1]) болѣе другихъ изучили соціализмъ и полагали втроемъ распространять его; что въ рѣчи, которую онъ говорилъ на одномъ изъ собраній Петрашевскаго, разсуждая о солидарности между членами того собранія, онъ разумѣлъ взаимное вспоможеніе другъ другу не въ политическомъ смыслѣ, а по развитію науки; и что хотя въ письмѣ къ Спѣшневу онъ и упоминалъ о составленныхъ имъ въ Ревелѣ двухъ кругахъ, но что онъ не такъ выразился, ибо имъ только полагалось искать людей, дабы устроить подобные круги.

Это самое подтвердилъ и Беклемишевъ (надв. совѣтникъ мин. вн. дѣлъ), равнымъ образомъ привезенный въ крѣпость изъ Ревеля. Онъ объяснилъ, что Тимковскій точно много говорилъ даже съ нимъ о соціализмѣ, коммунизмѣ, фурьеризмѣ и другихъ новыхъ системахъ, господствующихъ въ Европѣ, но что образованіе круговъ въ Ревелѣ есть ложь, на которую онъ вѣроятно рѣшился, будучи весьма хвастливъ и самолюбивъ.

О себѣ собственно Беклемишевъ добавилъ, что онъ занимался наиболѣе часто земледѣльческими вопросами, вмѣстѣ съ тѣмъ однако и вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ; у Петрашевскаго же былъ только одинъ разъ и удостовѣряетъ честью, что никакихъ никогда противозаконныхъ замысловъ не имѣлъ.

Спѣшневъ не отказывается отъ того, что прежде онъ мечталъ о бунтѣ и потомъ о пропагандѣ, но говоритъ, что это было только предметомъ его размышленій безъ примѣненія къ дѣлу. До сего времени всѣ разспросы заставляютъ полагать, что ни обязательная подписка о Русскомъ обществѣ, найденная въ его бумагахъ и написанная имъ, какъ онъ говоритъ, тому нѣсколько лѣтъ, ни существованіе подобнаго общества никому изъ арестованныхъ не были извѣстны. Впрочемъ, Спѣшневъ просилъ еще нѣсколько дней сроку, дабы представить коммиссіи письменное о себѣ объясненіе.

При разборѣ бумагъ помянутыхъ лицъ оказалось нѣсколько таковыхъ самаго преступнаго содержанія и у поручика Момбелли; здѣсь приводится два отрывка.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

---

[1]) Объ арестованіи Данилевскаго распоряженіе сдѣлано, но такъ какъ его въ Петербургѣ нѣтъ, то за нимъ послано въ Москву.

Момбелли признался, что эти бумаги писаны дѣйствительно имъ, и когда ему предложили прочесть ихъ, онъ просилъ какъ милость, чтобы ему позволили ихъ не читать. Впрочемъ, онъ, кажется, искренно чувствуетъ себя въ высшей степени виновнымъ.

О цѣли собраній Петрашевскаго Момбелли показалъ, что опредѣлить ее положительно невозможно, но что они клонились къ распространенію фурьеризма посредствомъ чтенія книгъ, до этой системы относящихся.

Самъ Петрашевскій при второмъ разспросѣ показалъ, что убѣжденіе его въ истинѣ и пользѣ системы Фурье несомнѣнно, но что онъ никакихъ переворотовъ насильственными средствами въ виду не имѣлъ. Въ письменномъ же объясненіи изложилъ, что для изслѣдованія возникшихъ противъ него обвиненій надлежало бы назначить не слѣдственную, а ученую коммиссію, которая бы могла разобрать всѣ предметы сихъ обвиненій въ видахъ науки. Кромѣ того, полагая, что въ настоящей коммиссіи такъ называемый имъ штатскій членъ есть директоръ или вице-директоръ департамента полиціи исполнительной министерства внутреннихъ дѣлъ, коего имя ему неизвѣстно, онъ просилъ объ удаленіи его, но потомъ извинился въ своихъ словахъ, узнавъ, что это д. т. с., князь П. П. Гагаринъ [1]).

Въ бумагахъ студента Филиппова найдены также нѣкоторыя изъ нихъ, составленныя въ возмутительномъ духѣ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія строки:

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Филипповъ показалъ, что это толкованіе написано имъ давно, въ одинъ вечеръ „подъ какимъ-то страннымъ вліяніемъ, можетъ быть подъ вліяніемъ разговоровъ Петрашевскаго“.

О собраніяхъ сего послѣдняго онъ объяснилъ, что они продолжались въ теченіе 5-ти лѣтъ, что лица, бывавшія на нихъ, перемѣнялись, что тамъ обсуживались дѣйствія правительства и указывались тѣ реформы, которыхъ должно желать, но вообще же ни изъ его дальнѣйшихъ объясненій, ни изъ показаній прочихъ арестованныхъ лицъ

---

[1]) Во время заточенія своего въ крѣпости Петрашевскій нашелъ способъ отломаннымъ отъ вентилятора кусочкомъ жести писать на обломкахъ верхняго клееваго слоя стѣнной штукатурки. Обломки эти у него отобраны, и посредствомъ увеличительнаго стекла открыто, что на нихъ написаны разныя подозрительныя слова и фразы, какъ-то: courage, patience, требовать очныхъ ставокъ, не вѣрить письменнымъ показаніямъ и т. п. Петрашевскій объявилъ, что слова эти имѣли цѣлью предостереженіе другихъ содержащихся въ крѣпости въ описаніи ихъ и его личности.

нельзя и до сихъ поръ имѣть вѣрныхъ основаній къ заключенію, что они составляли устроенное тайное общество.

Съ 30-го мая по 6-е іюня.

Въ предшествовавшей запискѣ было сказано, что Спѣшневъ просилъ у коммиссіи нѣсколько дней сроку, дабы представить о себѣ объясненіе письменно.

Онъ исполнилъ это и, сколько можно судить по содержанію объясненія, изложилъ его добросовѣстно. Изъ него видно, что Спѣшневъ, проведя нѣкоторое время за границею, возвратился въ Россію проникнутый коммунистскими идеями и мечтами о способахъ въ томъ же духѣ произвести переворотъ и въ нашемъ общественномъ бытѣ. Онъ познакомился съ Петрашевскимъ, Кошкинымъ, Плещеевымъ и другими приверженцами соціальныхъ системъ, участвовалъ на ихъ собраніяхъ (которыя безъ намѣренія назывались комитетами или сходками) и принималъ тѣхъ же лицъ у себя. Впрочемъ, собранія эти занимались большею частію разборомъ означенныхъ системъ, разныхъ политическихъ вопросовъ и улучшеній, которыя могутъ у насъ быть введены, а не насильственными какими-либо дѣйствіями противъ правительства. Если же въ видахъ Петрашевскаго произошла перемѣна, то, по словамъ Спѣшнева, это должно было случиться съ конца 1848 года, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ у Петрашевскаго появился нѣкто Черносвитовъ, отставной офицеръ, одаренный умомъ, познаніями и краснорѣчіемъ. Онъ старался внушать мысль, что либерализмъ и соціализмъ—одно и то же, разсказывалъ, что Восточная Сибирь (гдѣ онъ, кажется, имѣетъ постоянное мѣстопребываніе) совсѣмъ отдѣльная страна отъ Россіи, богатая, прекрасная, которой вѣрно когда-нибудь суждено быть отдѣльной имперіей, и вообще даже первыми разговорами своими породилъ въ слушателяхъ своихъ мнѣніе, что онъ или шпіонъ или глава какого-нибудь тайнаго общества.

На послѣдующихъ свиданіяхъ Черносвитовъ между прочимъ говорилъ: „ну, вотъ, посмотрите, господа, не можетъ быть, чтобы въ Россіи не было тайнаго общества—всѣ пожары въ 1848 году, да то, что въ низовыхъ губерніяхъ было,—все это доказываетъ существованіе тайнаго общества, только люди они осторожные, молчащіе“, а въ другой разъ: „что всѣ сосланные въ Сибирь глупы, что они на той точкѣ и остались, какъ были, что о фурьеризмѣ и соціализмѣ и слышать не хотѣли“ и потомъ спросилъ Спѣшнева: „какая бы по его мнѣнію была самая теперь полезная реформа въ Россіи“? На это Спѣшневъ отвѣчалъ: „реформа крѣпостнаго состоянія“, а Черносвитовъ сказалъ что и онъ тоже думаетъ.

Кромѣ того однажды на слова Спѣшнева: „вѣдь вы же сами говорили, что должно быть общество“, Черносвитовъ возразилъ: „ну да, я это такъ по соображенію изъяснилъ, вы же только намекните мнѣ, гдѣ оно? Здѣсь или въ Москвѣ?“ И когда Спѣшневъ сказалъ: „ну, разумѣется, въ Москвѣ“, Черносвитовъ промолвилъ: „не знаю, Москва тоже мнѣ немного извѣстна, а впрочемъ можетъ быть“.

При новой встрѣчѣ Черносвитовъ спрашивалъ Спѣшнева про планъ дѣйствія и на отзывъ, что плана собственно еще нѣтъ, сталъ намекать „что возстаніе должно ожидать не на Волыни, ибо тамъ войска много, развѣ будетъ заграничная война, а на Пермскихъ заводахъ, гдѣ 400 тысячъ народа, оружіе подъ рукою и все только и ждетъ первой вспышки, что сначала однако же надобно, чтобы загорѣлось возмущеніе въ Восточной Сибири, что если туда пошлютъ корпусъ, то едва онъ перейдетъ Уралъ, какъ Уралъ возстанетъ, и тогда весь корпусъ останется въ Сибири; что затѣмъ съ 400 тыс. заводскихъ людей можно кинуться на низовыя губерніи и на землю Донскихъ казаковъ, что на потушеніе этого потребуются всѣ войска, если же къ тому присоединится бунтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и все кончено; что для приготовленія всего къ возстанію нужно по крайней мѣрѣ годъ; но что впрочемъ можно въ теперешнемъ положеніи придержать это еще лѣтъ пять-шесть“.

Наконецъ, пригласивъ къ себѣ Спѣшнева и Петрашевскаго, Черносвитовъ сказалъ имъ: „ну, господа, вѣдь теперь дѣло надо вести на чистоту“, и затѣмъ, поворотивъ разговоръ на то, что ему говорено было Спѣшневымъ относительно тайнаго общества въ Москвѣ, спросилъ: „не существуетъ ли чего въ гвардіи“ и на отрицательный отзывъ присовокупилъ: „а это было бы очень важно“.

Спѣшневъ увѣряетъ, что его собственные отвѣты Черносвитову не имѣли никакого основанія, а клонились только къ тому, чтобы развѣдать его мысли и что послѣ послѣдняго ихъ разговора втроемъ съ Петрашевскимъ онъ съ нимъ совершенно разстался.

Петрашевскій подтвердилъ вполнѣ показаніе Спѣшнева о Черносвитовѣ и прибавилъ, что вліяніе, произведенное симъ послѣднимъ на него, было, какъ ему „кажется, болѣе схоже съ вліяніемъ человѣка возмутительнаго и желающаго возмущенія“. При томъ объявилъ, что въ продолженіе послѣдняго разговора, о коемъ выше сего упомянуто, Черносвитовъ между прочимъ также сказалъ: „надобно всѣхъ запереть и разомъ хватить“; онъ, на вопросъ коммиссіи о значеніи этихъ словъ, отвѣчалъ: „что смыслъ ихъ самъ собою объясняется и не можетъ быть другой, какъ относящійся къ высшему правительству безъ исключенія“.

Насчетъ дальнѣйшихъ замысловъ и дѣйствій Черносвитова ни

Спѣшневъ, ни Петрашевскій ничего не могли сообщить, и оба удостовѣряютъ, что по отъѣздѣ его изъ С.-Петербурга, откуда онъ отправился въ Москву и Ярославль, никакихъ съ нимъ сношеній не имѣлъ.

Объ арестованіи Черносвитова тамъ, гдѣ его можно будетъ найти, распоряженіе сдѣлано. Такая мѣра принята и относительно студента Латкина, который ввелъ его въ домъ Петрашевскаго.

Независимо отъ выше прописаннаго Спѣшневъ изъяснилъ „что въ декабрѣ 1848 года Момбелли предлагалъ ему у Петрашевскаго составить товарищество для взаимнаго поддерживанія другъ друга, такъ какъ авторитетъ—важная вещь въ обществѣ, что на это согласился одинъ Петрашевскій, что черезъ нѣсколько времени Момбелли развивалъ свою мысль и предлагалъ образованіе капитала посредствомъ вкладовъ, считая сіи вклады нужными болѣе для узнанія числа членовъ, которые согласились бы поступить въ товарищество; что кассу полагалъ Момбелли ввѣрить комитету, а комитетъ составить изъ основателя общества, т. е. его самого, Петрашевскаго, Спѣшнева и приглашенныхъ къ совѣщанію объ этомъ предметѣ, Львова и Дебу 1-го; что въ общество онъ думалъ приглашать соціалистовъ вообще и людей передовыхъ мнѣній, что послѣ этого онъ, Спѣшневъ, написалъ планъ тайнаго общества, коего главныя основанія суть слѣдующія:

„Есть три внѣправительственные пути дѣйствій: іезуитскій, пропагандный и возстаніе, — каждый изъ нихъ не вѣренъ и отъ того больше шансовъ, если взять всѣ три дороги. Для этого надобно одинъ центральный комитетъ, котораго занятіе будетъ состоять въ созданіи частныхъ: 1) комитета товарищества, 2) комитета для устройства школъ пропаганды фурьеристской, коммунитсской и либеральной, и, наконецъ, 3) комитета тайнаго общества на возстаніе“.

Означенный планъ Спѣшневымъ сожженъ и никакого исполненія не получилъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ почелъ обязанностію о немъ коммиссіи объявить и кончилъ объясненіе свое словами: „Теперь я исполнилъ свой долгъ. Вотъ моя полная исповѣдь. Я виноватъ, и меня слѣдуетъ наказать“.

Обо всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся до предложеній Момбелли, допросы начнутся немедленно.

Кромѣ Спѣшнева въ коммиссію представилъ объясненіе и студентъ Филишовъ, которому отецъ его написалъ самое благородное и назидательное письмо, требуя, чтобы онъ объявилъ о себѣ всю истину. Родительская воля тронула его глубоко, и онъ, какъ кажется, покорился ей чистосердечно, ибо показанія его, хотя не новыя для коммиссіи, вообще справедливы. Между прочимъ, какъ изъ его объясненія, такъ и изъ объясненія Спѣшнева оказывается, что они предполагали

завести домашнюю типографію для распространенія своихъ понятій и печатанія запрещаемыхъ цензурою статей. Всѣ вещи для этой типографіи были уже готовы и привезены къ Спѣшневу за нѣсколько дней до его арестованія.

Формальные допросы по пунктамъ произведены Бернардскому, Кузьмину 2-му, Берестову, Щелкову и Есакову. Они заключаютъ въ себѣ и обстоятельства уже извѣстныя и подаютъ поводъ къ убѣжденію, что между лицами, находящимися въ крѣпости, есть и мало виновные. Такъ напр. отставной лейтенантъ Кузьминъ былъ у Петрашевскаго одинъ только разъ, ни о чемъ предосудительномъ тамъ не говорилъ и ничего преступнаго не писалъ, но коммиссія не признаетъ себя въ правѣ ходатайствовать о дозволеніи освобождать даже и подобныхъ людей впредь до положительнаго разъясненія всѣхъ подробностей производимаго ею слѣдственнаго дѣла.

Съ 6-го по 13-ое іюня.

Коммиссія, имѣя въ виду показаніе Спѣшнева о предложеніи, сдѣланномъ въ декабрѣ 1848 года поручикомъ Момбелли насчетъ составленія товарищества для взаимнаго поддержанія другъ друга, производила самые подробные допросы по этому предмету лицамъ, которыя кромѣ Спѣшнева должны были участвовать въ означенномъ товариществѣ, именно Момбелли, Львову, Петрашевскому и Дебу 1-му.

Изъ этихъ допросовъ оказывается: что мысль объ образованіи товарищества была дѣйствительно предложена поручикомъ Момбелли; но, по его словамъ, она первоначально имѣла основаніемъ только взаимное вспомоществованіе другъ другу въ разныхъ случаяхъ жизни, обращеніе же этого товарищества въ политическое общество внушено уже послѣ Спѣшневымъ съ тою цѣлію, чтобы воспользоваться переворотомъ, который долженъ будто бы самъ собою произойти въ Россіи черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, подобно какъ это случилось въ западныхъ государствахъ Европы.

Что помянутое общество полагалось составить изъ „прогрессистовъ“, которые могли бы двинуть гражданскій бытъ впередъ на новыхъ началахъ; что для управленія обществомъ предназначался комитетъ изъ учредителей онаго, т. е. изъ Момбелли, Спѣшнева, Петрашевскаго, Львова и Дебу 1-го; что всякій членъ общества долженъ былъ дѣлать денежный вкладъ, дабы изъ капитала, который такимъ образомъ составится, помогать тому изъ членовъ, который бы по какому-либо случаю попался (это выраженія Петрашевскаго и Дебу); что кромѣ плана Спѣшнева, о которомъ упоминалось въ предшествовавшей запискѣ, формы общества излагались и Львовымъ. Онѣ состояли между прочимъ, въ томъ, чтобы сначала было принято въ оное не менѣе

9 или 11 человѣкъ, и когда послѣ составятся афильяціи, то чтобы въ каждой изъ нихъ было по два главныхъ члена; и что Петрашевскій читалъ на собраніяхъ у Спѣшнева о необходимости образованія по системѣ Фурье, которая объясняетъ множество предметовъ и даетъ средства приготовить людей къ тому времени, когда они будутъ нужны.

Дебу и согласно съ нимъ Петрашевскій присовокупили, что по предложеніямъ Момбелли надлежало также порицать мѣры, предпринимаемыя правительствомъ, и превозносить какъ литераторовъ, такъ и другихъ лицъ, которыя будутъ принадлежать къ обществу.

Всѣ эти совѣщанія продолжались до февраля мѣсяца текущаго года, но такъ какъ участвовавшіе въ оныхъ не могли совершенно согласиться ни въ основныхъ правилахъ, ни въ способахъ дѣйствій общества, то оно, по утвержденію ихъ всѣхъ, не состоялось, и сужденія о немъ прекратились.

Независимо отъ лицъ, выше сего поименованныхъ, формальные допросы производили Тимковскому 2-му, Достоевскому 1-му, Кайданову и Ястржембскому. Отвѣты ихъ въ общемъ объемѣ не доставили коммиссіи никакихъ новыхъ свѣдѣній, заключающихъ въ себѣ особую важность, но подтверждаютъ зловредное направленіе всѣхъ собраній, на которыхъ бывали лица, содержащіяся въ крѣпости, и преступность ихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, въ большей или меньшей мѣрѣ. Изъ числа же частныхъ показаній между прочими обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

а) Ястржембскаго: что, говоря на вечерахъ у Петрашевскаго о статистикѣ, онъ, придерживаясь мнѣнія Нимана, называлъ ее теоріею государства, или общества, присовокупивъ однажды, „что другіе называютъ такую науку политическою экономіею и что такъ она называется у насъ, съ утвержденія великаго князя“;

б) что онъ вообще смѣялся надъ чиноманіею;

г) что о человѣчествѣ онъ разсуждалъ по системѣ Фурье;

д) что когда на одномъ вечерѣ заговорили о томъ, что теперь въ Европѣ поляки возмущеніями своими препятствуютъ развиваться системѣ Фурье, которая можетъ водвориться только при совершенномъ спокойствіи и твердости правительства, то онъ, Ястржембскій, сказалъ, что „онъ въ душѣ полякъ и готовъ жизнь свою отдать за возстановленіе польской народности, но готовъ пожертвовать даже этою народностію, если того потребуетъ счастье человѣчества“.

и б) Львова: что въ рѣчи, которую говорилъ у Петрашевскаго Тимковскій (привезенный изъ Ревеля), онъ объяснялъ, что всякій долженъ дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ, и прибавилъ: „сильные, не торопитесь, слабые, не бойтесь, я васъ не вызывалъ на площадь“.

Эти показанія будутъ приняты на видъ при дальнѣйшихъ допросахъ.

Относительно Черносвитова купеческій сынъ Латкинъ, обучавшійся въ здѣшнемъ университетѣ, не могъ сообщить ничего опредѣлительнаго, хотя онъ же и привезъ его въ первый разъ къ Петрашевскому, но знакомство его съ Черносвитовымъ было, повидимому, случайное и самъ Латкинъ, кажется, непричастенъ къ настоящему дѣлу. По соображенію коммиссіи означенный Черносвитовъ долженъ быть тотъ самый, который, согласно свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Инспекторскомъ департаментѣ, вступилъ въ службу въ 1826 году подпрапорщикомъ во Владимірскій пѣхотный полкъ, изъ дворянъ Ярославской губерніи, потомъ переведенъ въ Муромскій пѣхотный полкъ, произведенъ въ прапорщики въ декабрѣ 1829 года, участвовалъ въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ, раненъ въ правую ногу, которая и отнята, и уволенъ отъ службы въ 1832 году подпоручикомъ съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ. Послѣ того онъ, по словамъ его знакомыхъ, былъ исправникомъ въ Ирбитѣ, а теперь занимается порученіями частныхъ компаній на золотыхъ пріискахъ, должно быть въ Иркутскѣ.

Съ 13-го по 20-е іюня.

Въ теченіе минувшей недѣли формальные допросы производились слѣдующимъ лицамъ: Дурову, Дѣеву, Михайлову, Ламанскому, Ольдекопу, Серебрякову, двумъ Достоевскимъ, Григорьеву, Кропотову, Пальму, Момбелли, Плещееву и Десбуту 2-му.

Допросы сіи представляютъ нѣкоторыя новыя частности только относительно вечеровъ, бывавшихъ прошедшею зимою у коллежскаго асессора Дурова, который жилъ вмѣстѣ съ поручикомъ л.-гв. егерскаго полка Пальмомъ и коллежскимъ секретаремъ Щелковымъ. Къ нимъ собирались люди, большею частію занимающіеся науками или искусствами (какъ-то: Львовъ, Достоевскіе, Филипповъ, Спѣшневъ, Плещеевъ, Момбелли, Григорьевъ) и желавшіе составить между собою отдѣльный кругъ, менѣе смѣшанный, нежели у Петрашевскаго. Первоначально вечера эти были чисто литературные и музыкальные, но чрезъ нѣсколько времени они приняли направленіе политическое, чему, какъ кажется, наиболѣе содѣйствовали Момбелли и Филипповъ. Въ числѣ сочиненій, которыя на оныхъ обсуждались, стали читать статьи противныя существующему порядку и правительству; за симъ предложено было въ томъ же духѣ разрабатывать разные предметы историческіе и статистическіе и, наконецъ, полагалось то, что на подобномъ основаніи будетъ написано, распространять посредствомъ

литографіи. Впрочемъ, всѣхъ вечеровъ у Дурова было, повидимому, не болѣе 7 или 8, ибо когда явно обнаружилось, что цѣль ихъ измѣняется, то Достоевскій 2-й, Пальмъ и нѣкоторые другіе признали необходимымъ ихъ прекратить. Такимъ образомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ не за долго до арестованія вышепоименованныхъ лицъ, собранія ихъ были совершенно кончены.

Черносвистовъ мало кому изъ допрошенныхъ хорошо извѣстенъ; тѣ же, которые видѣли его чаще, подтверждаютъ, что разговоры его были довольно увлекательны и носили печать вольнодумства.

Остальные отвѣты служатъ только повтореніемъ того, что коммиссіею дознано прежде на счетъ образа мыслей содержащихся въ крѣпости лицъ и ихъ намѣреній.

Съ 20-го по 27-е іюня.

Коммиссія произвела формальные допросы слѣдующимъ лицамъ: Десбуту 1-му, Чирикову, Модерскали, Кузьмину, Филиппову, Головинскому, Толю, Болосоглу, Кошкину, Европеусу, Ващенкѣ, Есакову, Ханыкову, Ахшарумову и Беклемишеву.

Кромѣ того были дополнительно допрашиваемы:

Достоевскій 1-й, Достоевскій 2-й и Десбутъ 2-й.

Относительно сущности дѣла, по коему производится слѣдствіе, показанія вышепоименованныхъ лицъ не открыли ничего новаго и подтверждаютъ съ нѣкоторыми только маловажными различіями то, что извѣстно уже изъ прежнихъ разспросовъ. Главными предметами, ихъ занимавшими, были, какъ объяснено въ первыхъ запискахъ: распространеніе соціальныхъ системъ, дабы приготовить лучшее устройство гражданскаго общества, перемѣна судопроизводства, освобожденіе крестьянъ и свобода книгопечатанія; но исполненія всего этого, если имъ вѣрить, они большею частію ожидали отъ времени, безъ насильственныхъ переворотовъ, и однимъ изъ дѣйствительныхъ къ тому средствъ полагали, между прочимъ, чтобы министры и другія правительственныя лица были окружены людьми, изучившими соціализмъ. Система Фурье имѣла, какъ видно, самое значительное число приверженцевъ, потому что, по ихъ словамъ, она нисколько не требуетъ разрушенія существующаго порядка и можетъ согласоваться со всякою формою правленія. Нѣкоторые, въ особенности Тимковскій, Данилевскій, Европеусъ, до такой степени увлечены ея мнимою нравственностію, что не представляютъ себѣ, почему она не могла бы не осуществиться; иные же присоединились къ этому ученію, не вникнувъ даже въ его основанія. Такъ, напримѣръ, Европеусъ выразилъ искреннее соболѣзнованіе о Кошкинѣ, съ которымъ онъ былъ друженъ, и

сказалъ: „Кошкина мнѣ жаль болѣе, нежели самого себя. Я по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ самосознательно, онъ же рѣшительно не понималъ того, что дѣлалъ".

Здѣсь необходимымъ почитается присовокупить, что въ отвѣтахъ на снятые допросы названы по разнымъ случаямъ имена лицъ, которыя бывали на вечерахъ у Петрашевскаго, у Дурова и другихъ, но не арестованы. Свѣдѣнія о нихъ собираются, но такъ какъ въ дѣлѣ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, чтобы они принимали участіе въ преступныхъ рѣчахъ или мнѣніяхъ, которыми тѣ собранія отличались, то коммиссія, имѣя въ виду, что арестованіе ихъ теперь могло бы безъ причины подать поводъ къ тревожнымъ толкамъ въ городѣ, положила не приступать къ этой мѣрѣ, если она не будетъ вынуждена дальнѣйшими раскрытіями, а просить въ свое время, чтобы за ними установлено было надлежащее наблюденіе.

Съ 27-го іюня по 4-е іюля.

Въ теченіе минувшей недѣли изъ лицъ, содержащихся въ крѣпости, были допрошены коммиссіею: Барановскій, Тимковскій, Ламанскій, Щелковъ, Филипповъ, Бѣлицкій, Ханыковъ, Данилевскій, Толстовъ, Утинъ, Кошелевъ, Дѣевъ, Кропотовъ и Петрашевскій.

Независимо отъ цѣли раскрыты болѣе положительныя подробности насчетъ собраній Петрашевскаго и другихъ имъ подобныхъ; предметъ разспросовъ состоялъ еще въ томъ, чтобы узнать, кѣмъ составлены и гдѣ продаются найденныя въ бумагахъ учителя Бѣлецкаго и студента Филиппова литографированныя записки, двѣ о всеобщей исторіи и одна о русской литературѣ. Извлеченія изъ этихъ записокъ были предъявлены коммиссіи по приказанію г. военнаго министра членомъ оной ген.-лейт. Дубельтомъ, такъ какъ въ нихъ многія мѣста обращаютъ на себя особенное вниманіе по вредному ихъ духу и опасному направленію.

Бѣлецкій показалъ, что записка о всеобщей исторіи, находившаяся у него, пріобрѣтена имъ въ 1843 году въ Педагогическомъ институтѣ отъ воспитанника Славянскаго, составлена профессоромъ Лоренцомъ, и, какъ онъ полагаетъ, служила тогда руководствомъ къ преподаванію исторіи въ означенномъ институтѣ, но что онъ, Бѣлецкій, никогда по той запискѣ не обучалъ.

Филипповъ же отозвался, что записки, въ его бумагахъ оказавшіяся, ему не принадлежатъ, а, вѣроятно, оставлены у него кѣмъ-либо изъ его товарищей по Спб. университету, самъ же онъ, Филипповъ, находясь въ числѣ студентовъ по факультету физико-математическому, лекцій по этимъ запискамъ не слушалъ. Другія спрошенныя

лица, именно, Толстовъ, Дѣевъ и Ханыковъ, бывшіе также въ университетѣ, объяснили, что они думаютъ, но не увѣрены, что по помянутымъ запискамъ преподавалъ профессоръ Касторскій. Находя мнѣніе это не довольно опредѣлительнымъ и убѣдившись, что другихъ данныхъ отъ арестованныхъ лицъ получить по сему предмету не будетъ возможнымъ, коммиссія положила довести о томъ до свѣдѣнія г. военнаго министра и представить подлинныя записки на распоряженіе его сіятельства.

Въ остальныхъ отвѣтахъ, не представляющихъ, вообще, ничего новаго, заключается, между прочимъ, показаніе Тимковскаго, что у Петрашевскаго разсуждали большею частію о способахъ вести соціальную пропаганду, порочили дѣйствія правительства, о религіи же произносили такія рѣчи, которыя сначала приводили его въ ужасъ, но потомъ колебали его вѣру. Въ этихъ рѣчахъ доказывалось, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ былъ такой же человѣкъ, какъ и мы, но геніальный и посвященный въ таинства, нововводитель, умѣвшій воспользоваться своимъ положеніемъ, что все зданіе христіанской вѣры искусно сооружено духовенствомъ и т. п., что самъ онъ, Тимковскій, говорилъ у Петрашевскаго рѣчь о фурьеризмѣ, но вовсе не желая возмущенія, предлагалъ дѣйствовать для введенія его путемъ убѣжденія и мира; что предъ отъѣздомъ въ Ревель онъ рѣшился отстать отъ общества Петрашевскаго и составить особый кружокъ для распространенія системы Фурье съ Данилевскимъ и Спѣшневымъ; что въ Ревелѣ онъ принялся ревностно проповѣдывать ее, но не имѣлъ успѣха и что, наконецъ, удостовѣрившись, что система эта, а тѣмъ болѣе остальной соціализмъ, прямымъ путемъ ведетъ къ безбожію, онъ горько раскаивается, что вдался въ столь вредное ученіе.

Петрашевскій сознался во всемъ, что относительно его собраній и собственнаго его образа мыслей обнаружено; онъ даже написалъ письмо къ слѣдователямъ, прося ихъ передать его участь высочайшему милосердію, но вчерашній день отъ него получено новое объясненіе, въ которомъ онъ старается себя оправдывать.

За симъ коммиссія, основываясь на всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи ходатайствовать объ освобожденіи лицъ по слѣдствію, ею производимому, оказывающихся невинными или мало виновными, занималась подробнымъ разборомъ ихъ дѣйствій и постановила войти съ представленіемъ о дарованіи свободы 12-ти изъ нихъ, именно: 1) Людерскому, 2) Дѣеву, 3) Берестову, 4) Бернардскому, 5) кандидату Михайлову, 6) надв. сов. Чирикову, 7) отстав. кап.-лейт. Тимковскому, 8) тит. сов. Кайданову, 9) кол. секр. Серебрякову, 10) 1-го кад. корп. шт.-кап. Кропотову, 11) кол. секр. Щелкову и 12) губ. секр. Ламанскому, съ тѣмъ, однако же, чтобы они обязались подпискою содержать

въ строгой тайнѣ сдѣланные имъ въ коммиссіи разспросы, никогда не принадлежать ни къ какому тайному обществу и не распространять подъ какимъ то видомъ ни было соціальныхъ идей, а также, чтобы за ними на всякій случай установленъ былъ секретный надзоръ.

Съ 19-го по 24-ое іюля.

Въ теченіе этой недѣли коммиссія, не останавливая составленія выписокъ и общей записки о возложенномъ на нее дѣлѣ, производила дополнительные разспросы: Петрашевскому, Момбелли, Достоевскому, Катеневу и мѣщанину Василью Быстрову, бывшему прикащикомъ у содержавшаго табачную лавку мѣщанина П. Гр. Шапошникова.

За симъ такъ какъ лица, находящіяся въ крѣпости по означенному дѣлу, всѣ уже допрошены и потому теперь можно будетъ приступить къ призыву тѣхъ лицъ, которыя по какимъ-либо случаямъ въ продолженіе онаго были названы, но не арестованы, то коммиссія разсматривала въ подробности списокъ помянутымъ лицамъ, раздѣлила ихъ по имѣющимся даннымъ на разряды и положила основанія, которыя должны быть приняты для правильнаго и болѣе успѣшнаго хода ея дѣйствій. При этомъ хотя нельзя быть увѣрену, чтобы разборъ бумагъ, принадлежащихъ тѣмъ лицамъ, въ особо учрежденной для онаго коммиссіи, не потребовалъ продолжительнѣйшаго времени, нежели сколько нужно на ихъ допросы, но къ устраненію таковаго неудобства будутъ употреблены всѣ возможныя старанія.

22-го числа привезенъ въ крѣпость Черносвистовъ, котораго посланный за нимъ корпуса жандармовъ кап. Шевелевъ настигъ на станціи Камышенской, въ Омскомъ округѣ, и доставилъ со всѣми найденными при немъ бумагами. Сіи послѣднія ничего подозрительнаго въ себѣ не заключаютъ, лично же при первомъ разспросѣ Черносвистовъ показалъ, что онъ дѣйствительно былъ знакомъ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ, но ничего преступнаго у нихъ не слыхалъ и ни о какомъ тайномъ обществѣ не знаетъ. Вслѣдствіе сего ему приказано обо всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ вышепоименованными лицами дать письменное объясненіе, и это онъ долженъ исполнить неотлагательно.

Въ донесеніи о своей поѣздкѣ кап. Шевелевъ говоритъ, что онъ проѣзжалъ по Сибири почти за г. Тюмень и вездѣ видѣлъ совершенный порядокъ, тишину и спокойствіе. О Черносвистовѣ многіе отзывались ему какъ о человѣкѣ образованномъ и отличавшимся большою распорядительностью въ то время, когда онъ былъ въ Сибири исправникомъ.

Съ 24-го по 31-ое іюля.

Главнымъ предметомъ занятій коммиссіи въ минувшіе дни было дознаніе обстоятельствъ, относящихся до отставнаго поручика Черносвистова, арестованнаго вслѣдствіе обвиненій, взводимыхъ на него Спѣшневымъ и Петрашевскимъ.

Обвиненія эти, какъ уже объяснено было прежде, состояли въ томъ, что Черносвитовъ, явившись на вечеръ Петрашевскаго, разговорами своими вызывалъ всѣхъ на рѣзкости; что онъ разсказывалъ о Сибири, какъ о странѣ, которой когда-нибудь суждено быть отдѣльною имперіею, и звалъ всѣхъ туда ѣхать, что онъ наводилъ Спѣшнева и Петрашевскаго на мысль о существованіи въ Россіи тайнаго общества, доказывая это пожарами 1848 года; что онъ разспрашивалъ Спѣшнева о преобразованіи, которое теперь было бы по его мнѣнію наиболѣе полезнымъ въ Россіи, и соглашался съ нимъ, что преимущество должно быть дано уничтоженію крѣпостнаго состоянія, что онъ говорилъ о возможности возстанія на Пермскихъ заводахъ, о развитіи, которое оно получило бы въ прочихъ частяхъ Россіи, что онъ совѣтовалъ Петрашевскому заводить тайныя общества въ высшемъ аристократическомъ кругу и даже внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, и что вообще вліяніемъ своимъ Черносвитовъ значительно усилилъ зловредное направленіе собраній Петрашевскаго.

Черносвитовъ въ предварительныхъ отвѣтахъ своихъ показалъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1848 года по золотопромышленнымъ дѣламъ, онъ узналъ о вечерахъ Петрашевскаго и сталъ ихъ посѣщать, такъ какъ на нихъ обсуждались соціальныя знанія, въ которыхъ онъ чувствовалъ въ себѣ недостатокъ. Вечера эти сначала показались ему занимательными, потому что онъ нашелъ тамъ свободную передачу мнѣній, тутъ же подвергавшихся критикѣ, но потомъ убѣдился, что они мало заслуживаютъ вниманія, и бросилъ ихъ, дабы не терять напрасно времени. О Сибири онъ дѣйствительно говорилъ, разбирая географическое и административное ея положеніе, разсказывалъ о всѣхъ происшествіяхъ, случившихся съ нимъ со времени опредѣленія его на службу въ Пермскую губернію и при этомъ, вѣроятно, какъ весьма часто случается въ частномъ разсказѣ обиженнаго человѣка, могъ выражаться довольно свободно, а можетъ быть и дерзко о своемъ начальствѣ и даже о правительствѣ.

Вмѣстѣ съ симъ Черносвитовъ представилъ въ коммиссію двѣ особыя записки,—одну о бунтѣ, бывшемъ тому нѣсколько лѣтъ въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, въ прекращеніи котораго онъ принималъ самое дѣятельное участіе, а другую—о видахъ на Сибирь въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ.

Послѣ того Черносвитовъ на формальномъ допросѣ объяснилъ, что, хорошо владѣя русскимъ языкомъ, онъ всегда говоритъ рѣзко и опредѣлительно, а въ обществѣ Петрашевскаго это могло броситься въ глаза и показаться вызовомъ на рѣзкости; что, говоря о Сибири, онъ часто называетъ ее Америкою, Калифорніею, Eldorado, Русскою Мексикою, и пр.; что Восточная Сибирь по географическому положенію своему дѣйствительно есть страна отдѣльная отъ Россіи и что онъ, Черносвитовъ, увлекаясь иногда въ сужденіяхъ о будущности Сибири, не разъ называлъ ее Великою имперіею, но не отдѣльною, и, любя Сибирь, какъ свою родину, могъ приглашать туда другихъ, но это было только шуткою; что объ образованіи тайнаго общества онъ не говорилъ, но дѣйствительно выражалъ свои подозрѣнія, а не убѣжденіе, насчетъ общества поджигателей вслѣдствіе свирѣпствовавшихъ въ Россіи пожаровъ; что если между нимъ, Спѣшневымъ и Петрашевскимъ былъ разговоръ о крѣпостномъ состояніи, какъ о предметѣ, привлекавшемъ общее вниманіе, то весьма легко могло быть, что онъ подалъ голосъ за уничтоженіе этого состоянія, ибо оно ему не нравится; что мысль о возстаніи на Пермскихъ заводахъ могла родиться при разсказѣ его о бунтѣ, бывшемъ въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, при которомъ изъ самолюбія, желая выставить собственныя свои дѣла и мысли, онъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, упоминалъ о послѣдствіяхъ, которыя непремѣнно бы произошли, если бы онъ не распорядился въ то время такъ, какъ это имъ было сдѣлано; что собственно въ Восточной Сибири онъ, Черносвитовъ, зная и Сибирь и возмущенія по опыту, полагаетъ, что могутъ загорѣться лѣса, а не возстанія людей, коими она такъ бѣдна, но что можетъ быть это обстоятельство и было въ числѣ прочихъ возможнымъ при разговорѣ, что мыслей своихъ онъ вовсе не сообщалъ какъ планъ къ какому-либо дѣйствію, потому что никогда не носитъ въ душѣ своей возмутительнаго начала; впрочемъ, если бы этотъ планъ и созрѣлъ въ его головѣ, то онъ, Черносвитовъ, не могъ предлагать его Спѣшневу и Петрашевскому, такъ какъ по его понятіямъ подобное предложеніе дѣлается только вслѣдствіе убѣжденія въ людяхъ, и при томъ людямъ, которые въ состояніи дѣйствовать или по положенію служебному—высокому, или по вліянію на общество въ моральномъ или даже соціальномъ отношеніи; въ Петрашевскомъ же и Спѣшневѣ онъ ничего этого не подозрѣвалъ, и выдумка объ означенномъ предложеніи со стороны его, Черносвитова, вѣроятно, родилась у нихъ только по инстинкту самосохраненія; и что мысли о цареубійствѣ онъ не только никогда не имѣлъ, но гнушается ею, а поручать Петрашевскому заводить тайныя общества въ аристократическомъ кругу онъ не могъ, ибо самъ Петрашевскій не имѣетъ и не можетъ имѣть туда доступа,

Наконецъ, выходя изъ коммиссіи въ послѣдній разъ, какъ онъ былъ туда призванъ, Черносвитовъ сказалъ: „Я кругомъ виноватъ, виноватѣе другихъ, потому что я имъ сообщилъ такія мысли, какія самимъ имъ придти не могли, и это весьма естественно, ибо между ними и мною большая разница; они каждому моему слову давали большой вѣсъ. . . . . я буду виноватъ предъ закономъ, по совѣсти же я не виноватъ.

Таковы въ главныхъ чертахъ объясненія, данныя до сего времени Черносвитовымъ. Они доказываютъ, что показанія Спѣшнева и Петрашевскаго о его разговорахъ большею частію правильныя, но онъ не признаетъ въ нихъ той преступной цѣли, которую должно было въ нихъ предполагать. Впрочемъ, по новымъ настоятельнымъ разспросамъ коммиссіи, онъ просилъ позволенія письменно изложить еще съ большею подробностію взглядъ свой на разные предметы, по коимъ онъ оказывается причастнымъ къ дѣлу Петрашевскаго, и обѣщался представить свою записку черезъ нѣсколько дней. Разсмотрѣвъ сію записку, коммиссія увидитъ, нужно ли будетъ дать ему съ кѣмъ-либо очныя ставки.

Лично Черносвитовъ — человѣкъ съ выразительною наружностію, мысли свои онъ изъясняетъ съ пылкостію, но нѣтъ часто опредѣлительности; вообще въ немъ замѣтны самостоятельность, способности, но болѣе всего чрезвычайное самолюбіе и увѣренность, что онъ и познаніями и умомъ превосходилъ всѣхъ, коихъ встрѣчалъ у Петрашевскаго.

Со 2-го по 6-е августа.

Коммиссія, основываясь на высочайшихъ разрѣшеніяхъ, ей объявленныхъ, приступила къ допросамъ лицъ, которыя въ продолженіе производимаго ею слѣдствія были по разнымъ случаямъ поименованы, но находятся на свободѣ, и допросила по настоящее время 34 человѣка, именно:

(Перечень лицъ отсутствуетъ).

Съ арестованіемъ этихъ лицъ были опечатаны ихъ бумаги, и разсмотрѣніе сихъ послѣднихъ передано особо учрежденной для того коммиссіи.

Всѣ они, какъ по допросамъ, такъ и по содержанію принадлежащихъ имъ бумагъ, оказались не подлежащими дальнѣйшему содержанію подъ арестомъ и потому отъ онаго освобождены.

Что касается до Черносвитова, то письменное объясненіе, о

которомъ упоминалось въ предшествовавшей запискѣ, онъ представилъ.

Объясненіе это въ сущности есть болѣе подробное развитіе, того что имъ показано уже прежде.

Начиная его описаніемъ своихъ свойствъ, онъ подтверждаетъ, что вечера Петрашевскаго были посѣщаемы имъ единственно въ надеждѣ найти ихъ составленными изъ образованнаго общества и увеличить кругъ своихъ познаній. Затѣмъ онъ говоритъ, что народъ русскій въ тѣхъ краяхъ, гдѣ онъ бывалъ, ему хорошо извѣстенъ и что по его мнѣнію общаго бунта противъ правительства въ Россіи быть не можетъ, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и происходятъ, особенно между государственными крестьянами, безпорядки, но ихъ должно отнести къ крутымъ нововведеніямъ и къ дѣйствительному злоупотребленію власти сельскаго начальства, вообще же вѣрность къ престолу въ народѣ тверда и имя царя для него священно; что на горныхъ заводахъ люди гораздо образованнѣе государственныхъ крестьянъ, и на нѣкоторыхъ только частныхъ угнетены, но заводы Тагильскіе, Яковлевскіе и казенные близъ Екатеринбурга благоденствуютъ, слѣдовательно, мысль о возстаніи едва-ли можно вложить имъ въ головы. Уральскія страны южнѣе Сибирскаго тракта, пролегающаго черезъ гор. Пермь въ Екатеринбургъ, онъ, Черносвитовъ, не знаетъ; что къ востоку отъ Урала, по дорогѣ за Красноярскъ, народъ, занимаясь земледѣліемъ, тихъ, скроменъ и понятія свои останавливаетъ на первыхъ почти потребностяхъ жизни. Неудовольствіе нигдѣ незамѣтно до самаго округа Барнаульскихъ заводовъ около Колывани, гдѣ жители бѣднѣе и жалуются на тягость заводскихъ повинностей; что далѣе къ Красноярску народъ совершенно доволенъ, къ Иркутску онъ менѣе зажиточенъ, за Байкаломъ же край бѣдный; что на золотыхъ пріискахъ работники составляютъ народъ безнравственный страстный болѣе къ бродячей, нежели осѣдлой жизни, но что, будучи порочны, они вмѣстѣ съ тѣмъ и трусы; слѣдовательно, если бы они и вздумали волноваться, то съ тѣми средствами, которыя имѣетъ мѣстное начальство, ихъ усмирить можно безъ всякаго труда; что возстаніе Урала можно допустить только при полномъ согласіи всего хребта Уральскаго, но сколько разнородныхъ интересовъ и требованій нужно удовлетворить на такомъ пространствѣ въ народѣ, разъединенномъ и разстояніемъ и потребностями? Для этого необходимъ обширный заговоръ всѣхъ чиновниковъ, горныхъ и военныхъ, согласіе войскъ и управляющихъ заводами; что все вышеприписанное доказываетъ нелѣпость приписываемыхъ ему мыслей, но что разсказы его, сужденія и фантазіи могли дѣйствительно ввести Спѣшнева и Петрашевскаго въ заблужденіе, такъ какъ ни тотъ, ни другой топографиче-

скихъ свѣдѣній объ отечествѣ своемъ не имѣютъ, и для нихъ Восточная Россія была въ родѣ Средней Африки. „Здѣсь, присовокупляетъ Черносвитовъ, я чувствую себя болѣе ихъ виноватымъ, я старше ихъ, опытнѣе ихъ, и съ ними ли мнѣ должно было разсуждать о дѣлахъ государственныхъ. Въ состояніи ли они понять мои святыя убѣжденія! но я не участникъ въ преступленіи".

Что объ измѣненіи въ формѣ нашего правленія онъ никогда не помышлялъ, но что въ разговорахъ онъ не таилъ своихъ желаній нѣкоторыхъ улучшеній въ гражданскомъ нашемъ устройствѣ, какъ-то: чтобы классъ чиновниковъ былъ уничтоженъ, чтобы къ административнымъ должностямъ были свободно допускаемы всѣ сословія и т. п.

Что личная только обида могла бы возродить въ душѣ его мысль объ убійствѣ, но и это по свойствамъ его невозможно иначе какъ явно, благородно; какая же можетъ быть личность между нимъ и великимъ недосягаемымъ царемъ, безъ помощи котораго онъ пропалъ бы, не будучи еще въ состояніи самъ обезпечить свое существованіе. Государь императоръ, по словамъ Черносвитова, пожаловалъ ему 1 тыс. руб. сер. въ такое время, когда все состояніе его было описано за долги казнѣ, и потому онъ питаетъ къ нему благодарность вѣчную, а не вражду въ душѣ своей.

Въ заключеніе снова опровергая, что имъ будто бы предложенъ былъ планъ возстанія на Уралѣ, въ Сибири и Петербургѣ, Черносвитовъ пишетъ, что: „не имѣя болѣе никакой гарантіи отъ настоящаго подозрѣнія, онъ съ чистою совѣстію равнодушно предаетъ участь свою благонамѣренности высокаго суда коммиссіи и милостивому вниманію монарха".

Вслѣдствіе этого объясненія Черносвитову надлежало бы дать съ Петрашевскимъ очную ставку, но, имѣя въ виду, что Петрашевскій въ недавнемъ времени подвергался разстройству въ умственныхъ способностяхъ, коммиссія сочла нужнымъ предварительно удостовѣриться въ настоящемъ его положеніи и убѣдилась, что онъ находится еще подъ вліяніемъ нервнаго разстройства. Находя, что при таковомъ разстройствѣ и при раздражительности его характера онъ не только не можетъ быть употребленъ для уличенія Черносвитова, но еще по извѣстному его упорству скорѣе съ умысломъ затмитъ сдѣланныя уже раскрытія, коммиссія опредѣлила очной ставки Петрашевскому съ Черносвитовымъ не давать и сообразить другія мѣры къ дознанію истины на счетъ сего послѣдняго.

Относительно неудовольствія, побуждавшаго Черносвитова (какъ имъ сказано въ прежнихъ показаніяхъ) выражаться свободно и иногда даже дерзко о правительствѣ, онъ отозвался, что почиталъ себя оби-

женнымъ невниманіемъ начальства къ услугамъ его, при усмиреніи въ 1843 году мятежа въ Пермской губерніи между государственными крестьянами и несправедливыми съ нимъ дѣйствіями по золотопромышленнымъ дѣламъ.

Съ 8-го по 13-е августа.

Коммиссія, продолжая арестованіе лицъ по разнымъ случаямъ, поименованныхъ въ теченіе возложеннаго на нее слѣдствія, допрашивала:

1) учителя 9-го класса Егорова;
2) занимающагося ходатайствомъ по дѣламъ Нагурнаго;
3) бывшаго секретаря дворянской опеки Григоровскаго;
4) титулярнаго совѣтника Зотова;
5) книгопродавца Лури;
6) купца Поонина
и 7) купца Чернова.

По разсмотрѣніи собственныхъ отвѣтовъ сихъ лицъ, собранныхъ о нихъ свѣдѣній и ихъ бумагъ, всѣ они отпущены кромѣ книгопродавца Лури, который возвращенъ въ III отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, какъ подлежащій полицейскому преслѣдованію за продажу запрещенныхъ книгъ.

Кромѣ того произведены дополнительные допросы Спѣшневу и такъ какъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ между его показаніями и объясненіями Черносвитова оказалось разнорѣчіе, то имъ обоимъ дана очная ставка.

Спѣшневъ положительно подтвердилъ самому Черносвитову все, что имъ показано было прежде насчетъ разговоровъ его о планѣ возстанія на Пермскихъ заводахъ и на Уралѣ; уличалъ его съ благородствомъ и настойчивостью, но Черносвитовъ, избѣгая совершенно опредѣленныхъ отвѣтовъ, никакъ не хотѣлъ сознаться въ тѣхъ намѣреніяхъ, которыя ему приписываются. По его словамъ, если онъ и упоминалъ объ означенномъ возстаніи, то вѣроятно только какъ о возможности, вслѣдствіе разсказовъ своихъ о бунтѣ, происходившемъ тому нѣсколько лѣтъ въ Пермской губерніи, но рѣшительно отвергаетъ, чтобы это было предложено имъ какъ планъ дѣйствій, или чтобы онъ говорилъ о существованіи въ Россіи тайныхъ обществъ.

Всѣ старанія вполнѣ согласить его со Спѣшневымъ остались безуспѣшными, но главныя черты вольнодумныхъ его разговоровъ не подлежатъ сомнѣнію. Засимъ, имѣя въ виду отзывы, полученные относительно Черносвитова отъ оренбургскаго военнаго губернатора и генералъ-губернатора Западной Сибири, а также выводы изъ самаго

хода дѣла, должно думать, что онъ дѣйствительно ограничивался изложеніемъ вредныхъ своихъ мыслей и можетъ быть желаніемъ внушить ихъ другимъ, но никакого преступнаго исполненія не предпринималъ.

Съ 15-го по 27-ое августа.

Изъ новыхъ лицъ по настоящему дѣлу, подлежавшихъ допросамъ, коммиссія призывала коллежскихъ ассесоровъ Александра и Владиміра Стасовыхъ, студента Павла Европеуса, аукціониста Острогина и маклера Селинова, но по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, до нихъ относящихся, согласно правиламъ, съ высочайшаго разрѣшенія принятымъ коммиссіею къ руководству, лица эти отъ содержанія подъ арестомъ освобождены.

Черносвитову дана была со Спѣшневымъ вторичная очная ставка. Она никакихъ новыхъ показаній не возбудила и имѣла послѣдствіями одно только объясненіе Черносвитова, что онъ дѣйствительно излагалъ Спѣшневу планъ возстанія въ Восточной Сибири и на Уралѣ, однако же излагалъ его не какъ планъ къ исполненію, а какъ возможность.

Послѣдующія занятія коммиссіи будутъ заключаться въ продолженіи допросовъ нѣкоторымъ лицамъ, объ арестованіи коихъ распоряженіе уже сдѣлано и въ подробномъ разсмотрѣніи общей записки о сущности произведеннаго ею слѣдствія, которая въ проектѣ уже изготовлена.

Съ 22-го по 29-ое августа.

Коммиссія призывала въ теченіе этой недѣли еще нѣсколько лицъ для допросовъ, именно:

1. Титулярнаго совѣтника Витте.
2. Канцелярскаго служителя Степанова
и 3. Бат. адъютанта Зимняго дворца поручика Стасова.

Но всѣ они признаны не подлежащими содержанію подъ арестомъ и возвращены къ своимъ мѣстамъ.

Кромѣ того, имѣя въ виду пользу, которую могла бы принести очная ставка между Черносвитовымъ и Петрашевскимъ, коммиссія требовала сего послѣдняго, дабы удостовѣриться, не въ состояніи ли онъ будетъ теперь дѣлать Черносвитову улики, если ихъ свести, но снова убѣдилась, что по нервному его разстройству онъ употребленъ для сего быть не можетъ. При этомъ случаѣ Петрашевскій рѣшился даже на колѣняхъ просить объ исходатайствованіи ему всемилостивѣйшаго

помилованія. Коммиссія хотѣла воспользоваться таковыми расположеніями его духа, чтобы побудить его къ открытію всего того, что имъ, можетъ быть на счетъ его собственныхъ или другихъ ему извѣстныхъ замысловъ еще не показано; но онъ рѣшительно объявилъ, что сверхъ объясненій, имъ уже данныхъ, ничего болѣе сообщить коммиссіи по дѣлу, на нее возложенному, не имѣетъ.

Независимо отъ сихъ допросовъ коммиссія занималась подробнымъ разсмотрѣніемъ первой части общей записки о произведенномъ ею слѣдствіи.

Тарговицкая конфедерація.

VII[1]).

Слухи о раздорахъ и несогласіяхъ, возникшихъ между конфедератами, на коихъ основывалъ свои надежды Станиславъ-Августъ, присоединяясь къ конфедераціи, оказались справедливы. Отношенія между лицами, стоявшими во главѣ коронной и литовской конфедераціи, не отличались ни искренностью, ни доброжелательствомъ.

Щенсный-Потоцкій получивъ оффиціальное извѣщеніе объ образованіи генеральной литовской конфедераціи, выразилъ въ отвѣтѣ на это извѣщеніе свою радость по поводу того, что Литва приняла актъ генеральной коронной конфедераціи „безъ всякихъ измѣненій“ и избрала маршаломъ „человѣка, пользовавшагося въ краѣ всеобщимъ уваженіемъ“, но его отвѣтъ заставилъ ожидать себя довольно долго, былъ адресованъ не генеральной литовской конфедераціи, а „наияснѣйшей конфедераціи великаго княжества Литовскаго“ и по тону совершенно не соотвѣтствовалъ тѣмъ чувствамъ, какія Потоцкій питалъ къ творцамъ литовской конфедераціи.

Онъ не терпѣлъ Коссаковскихъ за ихъ высокомѣріе и за своеволіе, съ какимъ они распоряжались въ Литвѣ и, между тѣмъ, Коссаковскіе, желая самовластно управлять краемъ, были довольны отказомъ Сапѣги отъ званія маршала и разсчитывали замѣнить его своимъ родственникомъ Забѣллою; но Потоцкій завязалъ сношенія съ Сапѣгою и постарался склонить его къ принятію предложеннаго ему званія, что̀ ему и удалось.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1905 г.

Присяга Сапѣги на званіе маршала генеральной литовской конфедераціи, состоявшаяся 30-го іюля (10-го августа), была для Коссаковскихъ совершенной неожиданностью, она разстраивала ихъ планы.

Впрочемъ, Сапѣга, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Вильно и стать во главѣ конфедераціи, оставался въ своемъ имѣніи въ полномъ бездѣйствіи, и Коссаковскіе, не обращая вниманія на Потоцкаго, попрежнему безконтрольно управляли Литвою.

Универсаломъ, обнародованнымъ Коссаковскимъ 15-го (26-го) іюня, жителямъ Литвы былъ данъ, какъ мы уже знаемъ, для присоединенія къ конфедераціи двухнедѣльный срокъ, по истеченіи котораго, маршалы мѣстныхъ конфедерацій начали сгонять, при помощи русскихъ войскъ, шляхту и силою заставляли ее подписывать актъ конфедераціи. Впрочемъ, нѣкоторые обыватели, не желая компрометтировать свою фамилію, подписывались вымышленными именами.

Болѣе всего хлопотъ доставили конфедератамъ тѣ вліятельныя лица, кои, пользуясь своимъ значеніемъ въ краѣ, удерживали обывателей отъ присоединенія къ конфедераціи. Въ числѣ ихъ не мало крови испортили Потоцкому и Злотницкому каштелянъ Морскій и генералъ Орловскій.

Вызванный конфедераціей въ судъ, Морскій обратился къ Щенсному-Потоцкому съ письменной просьбой выдать ему документъ, коимъ обезпечивалась бы его личная безопасность. Щенсный отвѣчалъ, что такъ какъ Морскій не присоединился къ конфедераціи, то онъ лишается званія сенатора, полученнаго имъ во время послѣдняго сейма. На это Морскій возразилъ, что въ вопросѣ о сохраненіи за нимъ званія, пожалованнаго ему королемъ, онъ будетъ ожидать рѣшенія сейма, а между тѣмъ, ему хотѣлось бы знать,—писалъ онъ: „какимъ образомъ Потоцкій сдѣлался генеральнымъ маршаломъ до сконфедерованія воеводствъ и повѣтовъ? Онъ не признаетъ его маршаломъ и не намѣренъ повиноваться ему“. При этомъ Морскій укорялъ Потоцкаго за то, что онъ привлекъ въ страну тѣхъ, противъ коихъ сражались: Жолкѣвскій, Госѣвскій, Чарнецкій и „не одинъ Потоцкій!“.

Взволнованный этимъ письмомъ, Щенсный писалъ Злотницкому, что если Морскій будетъ бунтовать, то онъ будетъ преданъ суду.

Орловскій, командовавшій каменецкимъ гарнизономъ, не получая никакихъ распоряженій изъ Варшавы, отвѣчалъ на полученный имъ отъ Потоцкаго приказъ о присоединеніи къ конфедераціи, что онъ не подчинится ему до тѣхъ поръ, пока король или военная коммиссія не увѣдомятъ его о томъ, что онъ находится уже подъ властью конфедераціи и обязанъ повиноваться ей. Курьеръ, посланный Орловскимъ въ Варшаву, не возвращался, и Потоцкій выходилъ изъ себя.

Только 27-го августа (7-го сентября), получивъ, наконецъ, приказъ военной коммиссіи, Орловскій присягнулъ конфедераціи съ своимъ гарнизономъ.

Хотя обыватели, устрашенные строгими карами, и присоединялись къ конфедераціи, но всѣхъ удручала мысль о необходимости дать присягу, и они, подъ разными предлогами, просили объ отсрочкѣ.

Помимо тяготѣвшаго, такимъ образомъ, надъ всѣми нравственнаго гнета, обыватели нѣкоторыхъ воеводствъ страдали отъ постоя сорокатысячной русской арміи.

Постоянное требованіе подводъ подъ багажъ, провіантъ и фуражъ было причиною, что жители не имѣли возможности во-время убрать жатву, и хлѣбъ стоялъ еще на корню во второй половинѣ сентября; войска брали фуражъ, выдавая росписки и безъ оныхъ, дѣлали порубки. Мѣстныя конфедераціи обращались къ генеральной съ просьбой о защитѣ, и для разбора этихъ жалобъ и вознагражденія потерпѣвшихъ была назначена особая коммиссія.

По присоединеніи Станислава-Августа къ конфедераціи, политическіе друзья Щенснаго-Потоцкаго закидали его совѣтами, предостерегая его относительно происковъ придворной партіи, и совѣтовали остерегаться тѣхъ лицъ, которыя объявятъ себя теперь настоящими конфедераціи; „это будутъ волки, прикрытые бараньими шкурами“, говорили они: „никто не можетъ такъ предать насъ, какъ друзья-пріятели московско-королевской партіи“.

Предостерегалъ Потоцкаго также и гетманъ Браницкій.

„Мнѣ сообщаютъ,—писалъ онъ,—что придворные также составляютъ конфедерацію въ Подлѣсьи и другихъ мѣстностяхъ; хотя они дѣйствуютъ, повидимому, согласно съ нами, но въ иномъ духѣ; они выкидывали изъ присяги нѣкоторыя фразы, какъ, напр., слова „противъ усиленія королевской власти“ и т. п.

Потоцкій немедленно принялъ мѣры къ тому, чтобы „псевдопатріоты не втерлись въ кругъ доблестныхъ дѣятелей, трудящихся на благо общества“, съ цѣлью поселить разладъ въ умахъ и тѣмъ погубить Польшу; онъ подтвердилъ воеводствамъ, чтобы актъ, изданный въ Тарговицахъ 14-го мая, былъ признанъ ими безъ всякихъ измѣненій, ибо „раздвоенность можетъ погубить все дѣло,—говорилось въ изданномъ имъ универсалѣ,—и виновные въ этомъ отвѣтятъ передъ Богомъ, республикой и потомствомъ“. Обыватели обязывались не избирать ни на какія должности лицъ, участвовавшихъ въ переворотѣ 3-го мая, бывшихъ депутатами отъ февральскихъ сеймиковъ для принесенія благодарности королю и сейму за конституцію и всѣхъ тѣхъ, кои по рѣшенію генеральной конфедераціи подлежали суду.

Ходилъ слухъ, будто Коллонтай, маршалы сейма и прочіе эми-

гранты помышляли о реконфедераціи, что они отправились съ этой цѣлью въ Берлинъ и предлагали королю прусскому Гданскъ, Торнъ, и воеводство Познанское, если онъ поможетъ имъ поддержать конституцію 3-го мая. Маршаломъ реконфедераціи называли каштеляна Яблоновскаго, объ этомъ говорили даже въ Петербургѣ [1]).

Между тѣмъ, конфедерація вступала въ свои права; для принятія подъ ея власть правительственныхъ учрежденій было назначено четыре депутата изъ совѣтниковъ конфедераціи, кои получили соотвѣтственныя инструкціи, для принятія присяги на вѣрность Рѣчи Посполитой и конфедераціи отъ коменданта варшавскаго гарнизона, духовенства, магистрата, цеховъ, скарбовой коммиссіи и т. д.

Королю, какъ главѣ государства, было разрѣшено представиться только въ частной аудіенціи.

Въ то же-время маршалы конфедераціи обратились къ Станиславу-Августу, чрезъ Булгакова, съ просьбою подписать вторично актъ о присоединеніи его къ Тарговицкой конфедераціи, согласно съ утвержденной формулой, „безъ малѣйшаго въ ней измѣненія“; на ходатайство же короля за вызванныхъ въ судъ: Малаховскаго, Сапѣгу, Игнатія Потоцкаго и Коллонтая отвѣчали, что онъ не только не поможетъ имъ своими просьбами, но даже повредитъ имъ. То же самое отвѣчали ему, когда онъ просилъ о сохраненіи хотя бы нѣкоторыхъ постановленій послѣдняго сейма [2]).

Король колебался. Въ присланной ему формулѣ находилось два, особенно тяжелыхъ для него, пункта: по одному изъ нихъ онъ долженъ былъ отречься отъ участія во всемъ, что было сдѣлано 3-го мая; по второму требовалось его отреченіе отъ монархично-демократической системы.

Делегаты, посланные въ Варшаву, остановились по пути въ имѣніи каштеляна Ожаровскаго и выжидали тамъ заявленія Станислава-Августа о его согласіи исполнить требованія конфедераціи. Не дождавшись этого, они прибыли 8-го (19-го) августа въ Варшаву, остановились въ домѣ гетмана Браницкаго и немедленно приступили къ дѣйствію.

12-го (23-го) августа ими была упразднена военная коммиссія. Коронное войско, не исключая гвардіи, присягнуло на вѣрность королю и генеральной конфедераціи и на повиновеніе гетманамъ; литовское войско присягнуло на повиновеніе приказаніямъ Коссаковскаго. На слѣдующій день была упразднена полицейская коммиссія, литовская скарбная коммиссія отдѣлена отъ коронной и отослана въ Гродно. Начальство надъ варшавскимъ гарнизономъ принялъ каштелянъ Ожаровскій.

---

[1]) Архивъ Гос. Сов., т. I, стран. 938.

[2]) Король Букатому 18-го (29-го) августа.

Въ то время, какъ делегаты дѣйствовали столь рѣшительно, Булгаковъ побуждалъ короля подписать вторично актъ конфедераціи. Станиславъ-Августъ просилъ измѣнить формулу акта, говорилъ, что онъ не можетъ исполнить это требованіе, но наконецъ уступилъ.

Подписанный имъ актъ, вмѣстѣ съ письмами къ императрицѣ и Потоцкому, былъ немедленно посланъ русскому посланнику; Булгаковъ препроводилъ его Щенсному.

Вторичное присоединеніе къ конфедераціи не принесло королю никакой пользы. Делегаты выполняли самымъ строгимъ образомъ инструкціи, данныя имъ генеральной конфедераціей; особенно тяжело было для Станислава-Августа то обстоятельство, что онъ лишился командованія гвардіей и что въ присяжномъ листѣ, разосланномъ офицерамъ кадетскаго корпуса, были опущены слова, повелѣвавшія соблюдать вѣрность королю.

Правда, генеральная конфедерація выразила ему благодарность за его присоединеніе и въ награду разрѣшила ему назначить двухъ скарбовыхъ коммиссаровъ изъ числа обывателей, не устраненныхъ отъ управленія универсаломъ 26-го іюля (6-го августа), но удовольствіе, доставленное ему этой снисходительностью, было омрачено новымъ универсаломъ, коимъ воспрещалось всѣмъ военнымъ, какъ находящимся на дѣйствительной службѣ, такъ и отставнымъ носить установленный королемъ орденъ „Virtuti militari“—первымъ подъ страхомъ строгаго наказанія и лишенія чиновъ, вторымъ подъ страхомъ увольненія съ занимаемыхъ ими должностей по гражданскому вѣдомству. Этотъ приказъ глубоко поразилъ короля, раздававшаго этотъ орденъ, и вызвалъ переполохъ въ войскѣ и въ обществѣ. Военные, награжденные орденомъ, просили генеральную конфедерацію объ отмѣнѣ этого приказанія. Косцюшко написалъ Потоцкому письмо, въ которомъ вступался за своихъ сотоварищей. Король, съ своей стороны, писалъ ему: „не стану вспоминать приказовъ относительно гвардіи, кадетъ и булавы литовской... но долженъ признаться, что было бы свыше силъ моихъ промолчать относительно распоряженія, касающагося военнаго знака отличія, такъ какъ если бы эта мѣра была приведена въ исполненіе, то отчаяніе столькихъ храбрыхъ людей оторвало бы ихъ навсегда отъ лона отечества“.

Подъ вліяніемъ настоятельной просьбы короля и всеобщаго возбужденія, делегаты рѣшили повременить исполненіемъ этого приказа и обратиться къ генеральной конфедераціи съ соотвѣтствующимъ представленіемъ. Но прежде нежели они успѣли сдѣлать это, была получена резолюція конфедераціи на записку, поданную военными, и отвѣтъ на письма Косцюшки и короля. Военнымъ повелѣвалось, чтобы

*

они „воодушевленные патріотизмомъ и вѣрные своему отечеству, сняли съ себя знаки отличія, дарованные имъ деспотомъ".

Въ письмѣ къ Косцюшкѣ, которое было написано въ весьма вѣжливомъ тонѣ и въ менѣе любезномъ отвѣтѣ королю, Потоцкій писалъ, что „Рѣчь Посполитая не можетъ награждать войско за храбрость, когда его заставили сражаться обманнымъ образомъ, и не можетъ утвердить уставъ ордена, учрежденнаго королемъ безъ всякаго на то права".

Новыя инструкціи, полученныя Булгаковымъ изъ Петербурга, повелѣвали ему поддержать всѣ требованія конфедераціи. „Вообще",—говорилось въ инструкціи,—„надобно избѣгать всего того, что можетъ быть поводомъ къ возбужденію мнѣнія въ комъ-либо изъ націи польской, чтобы съ здѣшней стороны королевскимъ видамъ и устремленіямъ содѣйствовать хотѣли" [1]).

„У насъ, здѣсь, въ Варшавѣ, настоящее положеніе считаютъ какъ бы междуцарствіемъ,—писало одно лицо 24-го августа (4-го сентября),—ибо король не пользуется никакой властью и его ни о чемъ не спрашиваютъ".

„Не вмѣшивайтесь пока ни во что",—совѣтовали ему друзья—„все само собою уладится".

VIII.

Въ началѣ августа Екатерина предложила начальникамъ генеральной конфедераціи перенести свое мѣстопребываніе въ Брестъ, избранный ею мѣстомъ засѣданій будущаго сейма, какъ центральный пунктъ, изъ коего соединенный корпусъ русскихъ войскъ, находившійся подъ начальствомъ генералъ-поручика Ферзена, могъ обезпечить спокойствіе населенія и сейма.

Баронъ Бюлеръ не придавалъ особеннаго значенія Бресту и, по настоянію Щенснаго-Потоцкаго, согласился перенести конфедерацію въ Варшаву, но это рѣшеніе было принято въ Петербургѣ съ неудовольствіемъ. „Выборъ Бреста",—писала ему императрица,—„по соглашенію съ нашими друзьями, былъ основанъ на высшихъ соображеніяхъ, превозносящихся надъ всякимъ событіемъ. Измѣнять его отнюдь не слѣдовало безъ особаго приказанія". Екатерина вообще еще разъ подтвердила Бюлеру „строго и буквально держаться посылаемыхъ инструкцій" [2]).

---

[1]) Архивъ Гос. Сов., т. I, стран. 941.

[2]) Сборникъ, т. 47, стран. 398, 399, 426, 427, 445.

Такъ какъ Брестъ былъ незадолго передъ тѣмъ истребленъ пожаромъ, то Потоцкій предложилъ избрать Влодаву, какъ пунктъ болѣе удобный для съѣзда многочисленныхъ участниковъ сейма, но и на это не послѣдовало согласія изъ Петербурга.

Въ исходѣ августа въ Брестъ стали съѣзжаться представители обѣихъ конфедерацій. Генеральная литовская конфедерація, для соединенія своего съ коронной, послала въ Брестъ нѣсколько сенаторовъ и 22 совѣтника, въ томъ числѣ троихъ Коссаковскихъ.

Вслѣдъ за Потоцкимъ пріѣхали гетманы Браницкій и Ржевусскій, канцлеры: коронный—Малаховскій и литовскій—Сапѣга, сенаторы, маршалы и совѣтники конфедерацій. Они размѣстились по монастырямъ, іезуитскимъ коллегіямъ и въ домахъ частныхъ лицъ. Съѣздъ былъ такъ великъ, что за одну комнату платили по 3—4 дуката и болѣе въ недѣлю. Помѣщеніе Потоцкаго было такъ тѣсно, что онъ приказалъ разбить нѣсколько палатокъ. Самая большая, свѣтлозеленаго цвѣта была установлена на рынкѣ противъ іезуитскаго костела.

31-го августа (11-го сентября) должно было состояться торжество соединенія обѣихъ конфедерацій.

Къ 8 часамъ утра всѣ собрались. При звукахъ военной музыки Потоцкій вошелъ въ палатку, поставленную на рынкѣ. Вскорѣ послѣ него пріѣхалъ маршалъ литовской конфедераціи, Сапѣга, которому были отданы воинскія почести. Обмѣнявшись привѣтствіями, конфедераты отправились въ іезуитскій костелъ, посреди котораго былъ поставленъ огромный столъ, накрытый сукномъ; подлѣ него стояли кресла для совѣтниковъ. Въ концѣ стола стояло два столика, изъ нихъ на одномъ лежало распятіе, звонокъ и чернильница. Передъ алтаремъ было приготовлено два аналоя, обитые дорогой матеріей.

По окончаніи обѣдни, которую служилъ епископъ Сѣраковскій, маршалы и совѣтники конфедерацій заняли свои мѣста у стола — коронный съ правой, литовскій съ лѣвой стороны. Сѣраковскій произнесъ подходящую къ случаю рѣчь и прочелъ актъ уніи или соединенія конфедерацій обѣихъ народовъ. Затѣмъ былъ прочитанъ вторичный актъ присоединенія къ конфедераціи Станислава-Августа.

Въ это время раздались пушечные выстрѣлы. Засѣданіе открылъ Сапѣга; принявъ благословеніе епископа инфляндскаго, онъ привѣтствовалъ коронную конфедерацію, превознесъ заслуги Щенснаго-Потоцкаго, гетмановъ, канцлера Малаховскаго и надворнаго короннаго маршала Рачинскаго. Затѣмъ произнесли рѣчи: Потоцкій на тему о деспотизмѣ и великой монархинѣ, которая, оказавъ имъ могущественную поддержку, помогла имъ свергнуть иго неволи и рабства; Гулевичъ говорилъ о преступленіяхъ, совершенныхъ конституціоннымъ

сеймомъ, и о необходимости дѣйствовать осторожно, такъ какъ „семиголовая гидра монархизма еще жива“ и т. д.

Послѣ того когда былъ подписанъ актъ соединенія конфедерацій, Потоцкій пригласилъ сенаторовъ, совѣтниковъ и многихъ обывателей на обѣдъ. При произнесеніи тостовъ за здоровье императрицы, маршаловъ и другихъ знатныхъ особъ было произведено 300 выстрѣловъ. Вечеромъ горѣла иллюминація, на площадяхъ гремѣла музыка, въ палаткахъ пѣнилось вино.

На послѣдующихъ засѣданіяхъ были избраны депутаты, которыхъ рѣшено было послать въ Петербургъ, къ императрицѣ, чтобы благодарить ее за оказанную полякамъ помощь и заключить съ Россіей „вѣчный союзъ“; нѣсколько человѣкъ было послано въ Варшаву благодарить короля за присоединеніе къ конфедераціи.

Всѣ эти рѣшенія, также какъ и главнѣйшія постановленія, общей генеральной конфедераціей были приняты подъ вліяніемъ совѣтовъ и указаній барона Бюлера, который руководствовался, въ свою очередь, инструкціями изъ Петербурга.

Указомъ отъ 16-го (27-го) августа, императрица повелѣла Каховскому удалить изъ Польши французскаго посла при Варшавскомъ дворѣ Декорта. Узнавъ объ этомъ, генеральная конфедерація немедленно предписана великому коронному маршалу удалить Декорта изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой.

Вскорѣ послѣ этого Бюлеръ получилъ отъ императрицы рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Я желаю, чтобы конфедерація приняла такое же рѣшеніе и относительно лица, носящаго фамилію Жене; лицо это, проникнутое тѣми же принципами и тѣмъ же духомъ, какъ и Декортъ, не замедлитъ заняться распространеніемъ принциповъ и отвратительнаго ученія партій, которой оба они являются наиболѣе фанатическими и опасными сектантами, если присутствіе его, въ какомъ бы то ни было званіи, будетъ и впредь терпимо въ Варшавѣ или какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ Польши. Вы скажете отъ моего имени г. главному маршалу, равно какъ и главнымъ начальникамъ конфедераціи, что если бы эти смутьяны еще не удалились изъ столицы, то было бы хорошо поспѣшить ихъ высылкою, употребивъ, если окажется нужнымъ, принудительныя средства, которыя вполнѣ оправдывались бы недавними событіями въ Парижѣ, налагающими, повидимому, на всѣ націи обязанность прервать всякія связи съ народомъ, поправшимъ всѣ законы божескія и человѣческія. Дѣлая это замѣчаніе, вы присовокупите, что вообще въ нынѣшнее время волненій и броженій нельзя не быть особенно внимательнымъ ко всему, что касается миссій, принимаемыхъ у себя и содержимыхъ за границею, что вслѣдствіе этого соображенія,

нельзя, конечно, не обратить вниманіе конфедераціи на польское посольство, учредившееся въ Константинополѣ при содѣйствіи и подъ вліяніемъ партіи, которая хотя и низвергнута усиліями патріотовъ при помощи нашего оружія, однако старается подняться вновь всѣми интригами, какія только могутъ быть придуманы коварствомъ и ловкостью; что, какъ мы знаемъ, глава этого посольства, поддерживаемый г. Хржановскимъ, которому долгое пребываніе при Портѣ облегчаетъ происки, въ коихъ они нуждаются, чтобы поднять, если возможно, свою партію, не пренебрегаетъ ничѣмъ, стремясь посѣять подозрѣніе и побудить турецкое министерство къ вмѣшательству въ нынѣшнія дѣла Польши, и что поэтому настоятельно необходимо тотчасъ же перемѣнить означенное посольство, какъ безполезное съ одной стороны, а съ другой, въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ, опасное, немедленно отозвать графа Потоцкаго и помянутаго Хржановскаго, при чемъ имъ должно быть предписано выѣхать въ назначенное возможно скорѣйшее время изъ Константинополя и отправиться въ свое отечество. Вы будете настаивать на этой мѣрѣ, какъ на одной изъ самыхъ важныхъ для общественнаго блага“ [1]).

Конфедерація приказала канцлерамъ извѣстить европейскіе дворы о своей резолюціи по поводу Декорта, которому было приказано выѣхать изъ Польши не позже 29-го сентября (10-го) октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано отозвать польскихъ пословъ при дворахъ: Константинопольскомъ, Версальскомъ, Вѣнскомъ, Мадридскомъ, Берлинскомъ, Стокгольмскомъ, Копенгагенскомъ и Голландскомъ. Были отозваны и высланные уже по приказанію Петербургскаго двора: Деболи и Батовскій.

Также слѣпо повиновалась конфедерація приказаніямъ барона Бюлера и въ дѣлѣ ксендза Садковскаго, высланнаго изъ Варшавы, который не только былъ безъ всякаго суда возвращенъ изъ Ченстохова и отосланъ въ русское посольство, но жилъ въ Варшавѣ и свободно ѣздилъ въ лагерь Коссаковскаго, для торжественнаго служенія, какъ, напримѣръ, по случаю рожденія дочери у наслѣдника россійскаго престола. Конфедерація возвратила Сѣраковскому все принадлежавшее ему недвижимое имущество, и оба генеральные маршалы написали ему письмо съ выраженіемъ своего соболѣзнованія по поводу испытанной имъ несправедливости, отдали должное его заслугамъ и выразили ему свою готовность быть ему полезными въ поправленіи его матеріальныхъ обстоятельствъ.

За этимъ послѣдовалъ рядъ мѣръ военнаго, финансоваго и полицейскаго характера, которыя принимались по большей части по требованію и настоянію Коссаковскаго.

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стран. 451 и 458.

„Многія лица, ѣздившія изъ Варшавы въ Брестъ,—писалъ одинъ изъ современниковъ,—очень скоро вернулись оттуда; всѣ они не особенно довольны своей поѣздкой, такъ какъ они ровно ничего не могли узнать о томъ, въ какомъ духѣ пойдутъ дальнѣйшія работы конфедераціи, когда будетъ открытъ сеймъ, а главное—что это будетъ за республиканское правленіе, относительно котораго такъ много обѣщаютъ? Многіе изъ бывшихъ въ Брестѣ не имѣли даже счастья говорить съ наияснѣйшимъ маршаломъ коронной конфедераціи... Тайна всевозможныхъ постановленій, нынѣшнихъ и будущихъ, извѣстна только Щенсному и Бюлеру, которые между собою совѣщаются и все рѣшаютъ“ [1]).

На самомъ дѣлѣ тайна дальнѣйшихъ работъ конфедераціи не была извѣстна ни Щенсному, ни даже Бюлеру. Во всѣхъ наиболѣе важныхъ вопросахъ они выжидали рѣшенія Петербургскаго двора, до того, что когда генеральная литовская конфедерація вздумала возстановить орденъ іезуитовъ, то и объ этомъ намѣреніи было сообщено Булгакову, который, со своей стороны, донесъ о томъ своему двору и просилъ рѣшенія.

Въ депешѣ, посланной въ Петербургъ 7-го (18-го) августа, Бюлеръ также просилъ сообщить ему: 1) долженъ ли былъ король вновь присягать настоящимъ pacta conventa и когда именно: въ присутствіи ли делегатовъ конфедераціи или же на сеймѣ? 2) что отвѣчать полякамъ, кои желаютъ, чтобы польское войско состояло впредь изъ 45 тысячъ, тогда какъ другіе помышляютъ учредить въ воеводствахъ нѣкотораго рода милицію; 3) какъ взглянутъ въ Петербургѣ на предложеніе о заключеніи съ Россіей вѣчнаго союзнаго договора?

На эти вопросы послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ: „что поляковъ, желающихъ имѣть съ Россіей союзъ и имѣть ея ручательство на вольность и права ихъ, нужно содержать и ободрять въ таковой благонамѣренности, обнадеживая ихъ, что е. и. в. желаемое ими ручательство на себя принять соизволяетъ, и внушая имъ пристойнымъ образомъ, что о союзѣ можно бы съ вящшей удобностью помышлять тогда, когда у нихъ учредится новый образъ правленія и приведутся въ дѣйствіе установляемые коренные законы“ [2]).

Отвѣтъ императрицы на письмо Потоцкаго отъ 3-го (14-го) августа, коимъ онъ увѣдомлялъ ее о соединеніи конфедерацій въ Брестѣ, кромѣ комплиментовъ и общихъ мѣстъ, не заключалъ никакихъ положительныхъ обѣщаній.

„Я съ удовольствіемъ вижу приближеніе минуты, когда мы вос-

---

[1]) Письмо изъ Варшавы отъ 26-го сентября. (Рукоп. Карп. I, 296).
[2]) Архивъ Гос. Сов., т. I, стран. 940.

пользуемся плодами нашихъ совмѣстныхъ заботъ“,—писала императрица, т. е. возстановленіемъ прежней свободы Польской республики и упроченіемъ ея благополучія впредь до самыхъ отдаленныхъ временъ“ [1]).

И болѣе ничего! Одно было ясно: императрица не желала, чтобы сеймъ происходилъ въ Варшавѣ. Когда Потоцкій донесъ чрезъ Бюлера о томъ, что сейму неудобно происходить въ Брестѣ, то императрица предложила на выборъ: Люблинъ или Гродно, но предпочитала послѣдній, въ виду болѣе удобнаго сообщенія съ Петербургомъ [2]).

Между тѣмъ Потоцкій занялся составленіемъ проекта новой конституціи для Польши, который былъ препровожденъ во французскомъ переводѣ въ Петербургъ.

Касательно вопроса объ избраніи королю преемника въ этомъ проектѣ не было высказано ничего опредѣленнаго: рѣшеніе его представлялось народу, а быть можетъ императрицѣ, ибо Потоцкій полагалъ, что въ душѣ она не была противъ избранія великаго князя Константина Павловича.

Отославъ свой проектъ въ Петербургъ, Потоцкій отправился съ двумя сыновьями, съ Мощенскимъ и Сухоржевскимъ и нѣсколькими офицерами конфедерацкихъ войскъ, въ Сѣдлецъ къ супругѣ гетмана Огинскаго, рожденной Чарторыйской. Онъ засталъ у нея много гостей, дамъ и мужчинъ, между прочимъ примаса и вице-канцлера Хрептовича, которымъ было поручено склонить маршала дѣйствовать совмѣстно съ королемъ. Но Потоцкій уклонялся отъ разговоровъ съ мужчинами, болталъ больше съ дамами, въ особенности съ женою троцкаго каштелана Платера. На ея вопросъ, будетъ ли Варшава лишена удовольствія видѣть въ своихъ стѣнахъ начальниковъ конфедераціи, онъ отвѣчалъ, что онъ былъ бы непрочь переѣхать въ столицу для того, чтобы работать въ городскихъ архивахъ, но что это зависитъ не отъ его воли. Онъ много говорилъ объ ошибкахъ, сдѣланныхъ послѣднимъ сеймомъ, и о своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Въ исходѣ октября Потоцкій отправился на засѣданія въ Гродно, гдѣ былъ встрѣченъ съ подобающимъ почетомъ и торжественностью.

Онъ уже получилъ въ это время отвѣтъ императрицы на свое письмо отъ 25-го сентября (6-го октября).

„Необходимость привести въ порядокъ и пополнить (въ проектѣ конституціи) различныя статьи не позволяютъ мнѣ высказать въ настоящую минуту мое мнѣніе о проектѣ, который непремѣнно надо

[1]) Сборникъ, т. 47, стран. 455.
[2]) Тамъ же, стран. 456.

видѣть цѣликомъ, чтобы судить объ общей сообразности частей, изъ коихъ онъ долженъ быть составленъ,—писала Екатерина,—но я не хочу медлить ни минуты, чтобы засвидѣтельствовать вамъ, съ какимъ удовольствіемъ я увидѣла въ развитіи вашихъ принциповъ и взглядовъ, направленныхъ къ благу вашего отечества, подтвержденіе благопріятнаго мнѣнія, которое я всегда имѣла о прямотѣ вашихъ намѣреній, о вашемъ патріотизмѣ и вашихъ большихъ дарованіяхъ. Продолжайте проявлять всѣ эти качества и оканчивайте трудъ, который долженъ упрочить и обезпечить счастіе и спокойствіе республики, коей вы являетесь столь достойнымъ гражданиномъ, и будьте увѣрены, что я буду самымъ дѣйствительнымъ образомъ содѣйствовать столь похвальной цѣли“ [1]).

Также сдержанно былъ написанъ рескриптъ, данный одновременно барону Бюлеру, въ которомъ Екатерина повторяла еще разъ, что она можетъ высказать свое мнѣніе о проектѣ Потоцкаго только тогда, когда этотъ трудъ будетъ представленъ ей „съ дополненіемъ недостающихъ къ нему статей... Впрочемъ,—продолжала она,—время, когда долженъ собраться сеймъ, назначено такое, что нѣтъ никакого основанія опасаться, чтобы трудъ этотъ не могъ быть оконченъ во-время. До тѣхъ поръ существенно важно, чтобы мысли, предлагаемыя графомъ Потоцкимъ въ его проектѣ будущаго управленія, оставались извѣстными, по возможности, лишь самому небольшому кружку людей, дабы не распалить некстати воображеніе, предполагая, что нѣкоторыя изъ этихъ мыслей не особенно соотвѣтствуютъ всей совокупности проекта и взглядовъ, на основаніи коихъ проектъ долженъ быть составленъ“.

По прочтеніи этого рескрипта, для Бюлера все-таки осталось загадкой, когда именно долженъ былъ открыться сеймъ и что это были за взгляды, на основаніи коихъ надлежало выработать проектъ конституціи.

Относительно вопросовъ, затронутыхъ Потоцкимъ въ письмѣ къ Зубову, императрица высказалась болѣе опредѣленно.

„По моему мнѣнію, перемѣщеніе конфедераціи въ Варшаву, нужно стараться замѣнить“,— писала она —„перевозкою необходимыхъ для вышеупомянутаго дѣла архивовъ туда, гдѣ будетъ мѣстопребываніе конфедераціи, ибо Варшава, какой бы духъ въ ней ни господствовалъ, будетъ достаточно сдерживаема присутствіемъ войскъ; интриги же, которыя тамъ стали бы пытаться привести въ дѣйствіе,—по мнѣнію императрицы—могли гораздо менѣе повліять на публику, чѣмъ на нѣкоторыхъ членовъ самой конфедераціи... которые могли бы склониться

[1]) Сборникъ, т. 47, стран. 459.

къ поступкамъ, способнымъ нарушить существующія согласіе и гармонію". Кромѣ того, императрица выражала желаніе, чтобы Потоцкій держалъ конфедерацію какъ можно далѣе „отъ коварныхъ вліяній Варшавскаго двора", но она не имѣла ничего противъ его личнаго присутствія въ Варшавѣ, если бы этого потребовали интересы дѣла.

Первое засѣданіе соединенныхъ конфедерацій состоялось въ Гродно, въ новомъ королевскомъ замкѣ 18-го (29-го) октября.

На характеръ и ходъ работъ, происходившихъ въ этихъ засѣданіяхъ, имѣла огромное вліяніе перемѣна во взглядахъ, происшедшая въ Варшавѣ и во всей странѣ со времени съѣзда конфедератовъ въ Брестѣ.

Вторичное присоединеніе Станислава-Августа къ конфедераціи произвело на всѣхъ, какъ уже было сказано, самое тягостное впечатлѣніе. Многіе громко выражали свое неудовольствіе.

Въ день годовщины избранія Станислава-Августа 27-го августа (7-го сентября), который праздновался съ обычной торжественностью, варшавская публика отнеслась къ этому торжеству совершенно равнодушно. Только придворные собрались на богослуженіе. Король заперся въ своихъ аппартаментахъ, поздравленія депутатовъ отъ генеральной коронной конфедераціи и отъ офицеровъ варшавскаго гарнизона принималъ отъ его имени Мнишекъ. Въ городѣ не было никакихъ праздничныхъ увеселеній и зрѣлищъ. Только генералъ Зубовъ, братъ Платона, устроилъ великолѣпный фейерверкъ съ иллюминаціей и военной музыкой.

При дворѣ все было тихо; за то Булгаковъ далъ парадный обѣдъ. Былъ пріемъ и у генерала Каховскаго, въ роскошномъ дворцѣ Бѣлинскихъ.

Спокойствіе столицы охранялось четырьмя делегатами генеральной коронной конфедераціи, къ услугамъ коихъ, кромѣ русскаго войска, былъ варшавскій гарнизонъ, коронные маршалы и муниципальный совѣтъ.

Поляки были чрезвычайно взволнованы вѣстями о побѣдахъ французскихъ войскъ надъ союзной арміей.

„Неоднократно уже я имѣлъ честь доносить",—писалъ Булгаковъ [1]),— „что отступленіе назадъ во Францію соединенныхъ войскъ и онаго слѣдствія производятъ въ Польшѣ, и особливо въ Варшавѣ, нѣкоторое волнованіе, которое то умножается, то уменьшается по мѣрѣ полученія изъ той стороны добрыхъ или худыхъ извѣстій. Занятіе Майнца и Франкфурта, взятыя съ нихъ контрибуціи, успѣхи французовъ въ Савойѣ и въ другихъ мѣстахъ и наконецъ сношенія живу-

[1]) Депеша отъ 30-го октября (10-го ноября) 1792 г. къ Остерману (Соловьевъ гл. XI).

щихъ въ Лейпцигѣ недовольныхъ поляковъ съ Парижемъ, опять вскружили головы до такой степени, что начались было безпорядки въ публичныхъ мѣстахъ, какъ-то въ театрахъ и на редутахъ...

„Броженіе умовъ выражается въ безыменныхъ сочиненіяхъ, въ дерзкихъ разсужденіяхъ, въ крикахъ, въ шумѣ, въ повтореніяхъ такихъ пассажей изъ комедій, кои могутъ толковать наизворотъ или обращать во вредъ и посмѣяніе членовъ конфедераціи!“

Дѣйствительно, ободренные извѣстіями о побѣдахъ республиканскихъ войскъ, единомысленные съ французами поляки, убѣжденные въ томъ, что судьба Польши зависитъ отъ ихъ побѣды, устраивали манифестаціи, направленныя противъ конфедератовъ и русскихъ офицеровъ, съ которыми многіе даже искали ссоры въ публичныхъ мѣстахъ. Между княземъ Евстафіемъ Сангушко и маіоромъ Каховскимъ, сыномъ генерала, произошла въ театрѣ ссора, и дѣло обошлось безъ поединка только благодаря вмѣшательству короля.

„Ненависть къ русскимъ, разжигаемая главными дѣятелями послѣдняго сейма, возрастаетъ въ Варшавѣ съ каждымъ днемъ“,—доносилъ своему двору англійскій посолъ. „Я такъ часто бываю свидѣтелемъ столкновеній, происходящихъ между ними на улицахъ, въ театрѣ и иныхъ мѣстахъ, что по-моему можно каждую минуту ожидать какой-либо вспышки“ [1]).

Взаимная ненависть проявлялась при всякомъ удобномъ случаѣ; такъ, напримѣръ, на большой балъ, данный въ ноябрѣ мѣсяцѣ Каховскимъ, изъ числа многихъ приглашенныхъ поляковъ пріѣхало всего нѣсколько мужчинъ и только восемь дамъ польскаго общества.

Каховскій, черезъ барона Бюлера, требовалъ, чтобы генеральная конфедерація приняла мѣры къ успокоенію умовъ, и просилъ короля, чтобы онъ, со своей стороны, не допускалъ распространенія „вредныхъ“ извѣстій. Когда къ концѣ октября пронесся слухъ, что существуетъ заговоръ напасть 30-го октября (10-го ноября) ночью на русскія войска, расположенныя въ Варшавѣ, то Каховскій удвоилъ осторожность.

28-го октября (8-го ноября) король пригласилъ его и Булгакова къ обѣденному столу. Между прочими разговорами онъ спросилъ Каховскаго, правда ли, что онъ намѣренъ ввести еще больше войскъ въ Варшаву?

— Я отвѣчалъ,—пишетъ Каховскій въ донесеніи императрицѣ [2]),— „что по сіе время не нахожу въ томъ надобности, поелику сверхъ расположенныхъ въ Варшавѣ (войскъ), окружаютъ оную болѣе 10 тыс.

---

[1]) Депеша Гардинера отъ 3-го (14-го) ноября.

[2]) Сборникъ, т. 47, стран. 463.

воиновъ, которые въ случаѣ надобности со всѣхъ сторонъ черезъ нѣсколько часовъ могутъ сюда сблизиться".

Король отвѣчалъ, что онъ не надѣется, чтобы до того дошло, ибо не нарушено спокойствіе въ воеводствахъ Познанскомъ и Калишскомъ, гдѣ и войскъ россійскихъ нѣтъ.

Однако Каховскій все-таки счелъ нужнымъ выставить на Зеленой площади, передъ дворцами Радзивилла и Красинскихъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ орудія, заряженныя картечью. По улицамъ днемъ и ночью расхаживали патрули.

Возбужденіе умовъ охватило не только столицу, но и провинцію, гдѣ жители къ тому же были чрезвычайно обременены доставкою русскому войску фуража и провіанта.

Въ концѣ октября послѣдовала дислокація русскихъ войскъ. Сообщая объ этомъ генеральной конфедераціи, баронъ Бюлеръ просилъ о доставкѣ фуража и провіанта въ теченіе восьми мѣсяцевъ русскому войску по установленнымъ цѣнамъ, но раскладка повинности была произведена такъ неравномѣрно, что въ нѣкоторыхъ воеводствахъ пришлось на одинъ дымъ сѣна, напримѣръ, по 30 слишкомъ фунтовъ, между тѣмъ какъ въ другихъ по 4 и 5 пудовъ и т. п., при томъ военное начальство спекулировало съ запасами: продавало муку, крупу, овесъ и сѣно, а солдатъ размѣщало на квартирахъ по городамъ и селамъ.

Жители громко жаловались на эти злоупотребленія и засыпали жалобами генеральную конфедерацію и короля, а тѣ въ свою очередь обращались къ Каховскому, а частныя конфедераціи вовсе отказывались доставлять для войскъ провіантъ и фуражъ [1]).

Каховскому донесли вскорѣ о волненіи, охватившемъ провинцію, и между прочимъ о заговорѣ, образовавшемся въ Сѣрадскомъ воеводствѣ среди шляхты, которая подговаривала крестьянъ убивать русскихъ солдатъ, что̀ подтвердилось при допросѣ свидѣтелей.

„Въ Польшѣ есть много недоброжелателей, нашихъ и генеральной конфедераціи, доносилъ Каховскій императрицѣ, „и что кроется въ нихъ постоянная къ намъ злоба, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; если бы они хотя малые имѣли успѣхи, то конечно бы навѣрное противу насъ покусились [2]).

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стран. 473.

[2]) Донесеніе отъ 2-го декабря ст. ст. 1792 г. (Сборникъ, т. 47, стран. 472).

IX.

Защитники республиканской свободы подвергались всевозможнымъ нападкамъ не только со стороны общества, но и со стороны печати за исключеніемъ „Варшавской Газеты“ (Gazeta Warszawska), противъ нихъ ополчились всѣ органы печати, съ рѣдкимъ единодушіемъ критиковавшіе ихъ планы и дѣйствія. Болѣе всего доставила имъ досады и огорченія „Народовая газета“ (Gazeta narodowa i obca). Кромѣ того по рукамъ ходило множество печатныхъ и рукописныхъ памфлетовъ, брошюръ, записокъ, эпиграммъ, загадокъ и т. п.

Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ изданъ универсалъ, коимъ прекращено изданіе Народовой Газеты, „за распространеніе ложныхъ свѣдѣній... и печатаніе пасквилей и злословій противъ доблестныхъ дѣятелей отечества“. Послѣдній нумеръ этой газеты вышелъ 24-го іюля (4-го августа).

Броженіе умовъ, начавшееся въ Варшавѣ и во всей Польшѣ, побудило конфедератовъ прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ полицейскаго характера, которыя вызвали въ Варшавѣ настоящую панику [1]). Былъ учрежденъ строгій надзоръ за дѣйствіями частныхъ лицъ, между прочимъ за родственниками Коллонтая, Дмоховскаго и Конопки. Особенно строго слѣдили за иностранцами, находившимися въ Варшавѣ, списокъ коихъ былъ препровожденъ генеральной конфедераціи. По отъѣздѣ изъ Варшавы Декорта, начальникъ полиціи, Рогожинскій явился къ бывшимъ членамъ французскаго посольства: Бонно и Ларошу и взялъ съ нихъ подписку въ томъ, что они остаются въ Варшавѣ въ качествѣ частныхъ лицъ и никакого участія въ дѣлахъ принимать не будутъ. Вскорѣ послѣ этого Ларошу было приказано выѣхать немедленно изъ Варшавы, а Бонно отданъ подъ надзоръ полиціи и т. п.

Въ Вильнѣ также были приняты всевозможныя мѣры предосторожности, хотя, по отъѣздѣ генеральной литовской конфедераціи въ Гродно, городъ опустѣлъ.

Въ самомъ Гродно розыскивали и арестовывали тѣхъ лицъ, кои распространяли пасквили на Щенснаго-Потоцкаго. Почтмейстеру приказано было слѣдить за тѣмъ, откуда получались письма, въ коихъ осуждалась конфедерація. За найденную запрещенную брошюру „Fragment biblie targowickiej“ взимался штрафъ въ 300 зл.

При обсужденіи мѣръ, кои надлежало принять для обузданія недовольныхъ, совѣтники конфедераціи подавали голосъ за болѣе суровыя мѣры, нежели самъ Потоцкій, которому приходилось даже обузды-

---

[1]) Письма отъ 3-го и 9-го января 1793 г. н. ст. изъ Варшавы (Рукоп. Карп., т. II, стран. 5, 17).

вать ихъ рвеніе. Такъ, напр., Сивицкій предлагалъ не допускать въ Польшу безъ цензуры ни одной книжки и газеты на иностранныхъ языкахъ, подъ страхомъ штрафа въ 200 дукатовъ и ареста на 12 недѣль. Злотницкій предлагалъ вывести изъ Варшавы коронную гвардію, закрыть театры и т. п.

Усиливъ полицейскія мѣры въ Варшавѣ, которую онъ считалъ очагомъ монархизма и якобинства, Щенсный-Потоцкій не хотѣлъ раздражать обывателей Литвы чрезмѣрно суровыми мѣрами, а напротивъ хотѣлъ доказать имъ, что республиканское правленіе сулитъ народу болѣе, нежели монархическій деспотизмъ.

Желая расположить въ свою пользу обывателей, генеральная конфедерація не спѣшила съ карами, и для успокоенія населенія потребовали отъ Каховскаго, чтобы жители были вознаграждены за провіантъ и фуражъ и чтобы были прекращены злоупотребленія, на которыя то и дѣло поступали со всѣхъ сторонъ жалобы.

Каховскій со своей стороны жаловался на плохое продовольствіе войскъ, хотя не винилъ въ томъ конфедерацію.

„Несмотря на усердіе и преданность в. и. в. генеральной конфедераціи, нельзя полагаться на нее“,—писалъ онъ императрицѣ,—какъ то уже и оказывается, чтобъ она довольствовала войска провіантомъ и фуражомъ съ земли, по причинѣ многихъ ея недоброжелателей, которые разными образами въ томъ ей препятствуютъ, и потому опасается она устанавливать провіанту и фуражу умѣренныя цѣны, дабы чрезъ то не умножить еще больше теперешняго число своихъ непріятелей“ [1]).

Видя недовольство обывателей настоящимъ и его тревогу за будущее, конфедерація старалась успокоить ихъ убѣжденіями и обѣщаніями, которыя составляли содержаніе ея гродненскихъ универсаловъ. Этими обѣщаніями она прикрывала на самомъ дѣлѣ свое бездѣйствіе и свое безсиліе.

Стараясь снискать расположеніе шляхты, конфедерація была неумолима относительно Станислава-Августа.

Принудивъ его присоединиться къ конфедераціи, она не допускала его до участія ни въ какихъ трудахъ и обращалась къ королю за подписью актовъ только тогда, когда они предназначались для сообщенія иноземнымъ дворамъ, но не щадила его и всячески унижала его въ своихъ универсалахъ. Такъ, напр., для раздачи „защитникамъ республиканской свободы“ конфедерація постановила выбить медали, на которыхъ изображеніе короля было замѣнено республиканской

---

[1]) Донесеніе Каховскаго отъ 16-го (27-го) ноября 1792 г. Сборникъ, т. 47, стран. 468.

надписью. Сообщая Станиславу-Августу о своемъ постановленіи, конфедераты просили его приказать монетному двору „исполнить это какъ можно скорѣй“. До короля дошелъ также слухъ о намѣреніи конфедераціи прибить возлѣ трона мраморную доску съ именами противниковъ конституціи 3-го мая.

Годовщина коронаціи Станислава-Августа и тезоименитство императрицы приходились въ одинъ и тотъ же день, но были отпразднованы отдѣльно. Въ день коронаціи короля, 25-го ноября н. ст., на обѣдѣ, данномъ Потоцкимъ на 140 человѣкъ, былъ предложенъ только одинъ тостъ за здоровье короля; именины же императрицы праздновались 5-го декабря (25-го ноября ст. ст.) съ большой торжественностью.

Канцлеръ Сапѣга далъ въ этотъ день большой обѣдъ, во время котораго играла музыка; когда пили за здоровье императрицы, то были сдѣланы выстрѣлы изъ орудій. Вечеромъ былъ пріемъ у Потоцкаго; на дворѣ замка была сооружена статуя въ греческомъ стилѣ, съ надписью: „Екатеринѣ Великой въ благодарность отъ возродившейся Рѣчи Посполитой“. Статуя была увѣшана множествомъ лампочекъ.

На рынкѣ, противъ дома, въ которомъ жилъ Бюлеръ, была сооружена декорація съ надписью: Catharinae Magnae (Екатеринѣ Великой); подъ нею изображены три алтаря съ эмблемами.

12-го (23-го) декабря былъ обѣдъ у виленскаго епископа Массальскаго, только-что возвратившагося изъ-за границы, на которомъ кромѣ высшихъ сановниковъ конфедераціи присутствовалъ Бюлеръ съ русскими генералами и штабъ-офицерами. Вечеромъ былъ большой балъ у Потоцкаго.

Король геройски переносилъ всѣ эти униженія и подчинялся безпрекословно всѣмъ приказаніямъ конфедераціи, но у него хватило чувства собственнаго достоинства отказаться, по выступленіи изъ Варшавы литовской гвардіи, отъ русскаго караула, предложеннаго ему Каховскимъ. Въ день празднованія коронаціи онъ уѣхалъ въ Лазенки и провелъ тамъ весь день въ кругу родныхъ.

То и дѣло издавая универсалы, въ коихъ на всѣ лады осуждались заговоръ 3-го мая, монархія и деспотизмъ, конфедерація старалась этимъ убѣдить общественное мнѣніе въ своей дѣятельности и своихъ заботахъ о благѣ народа, а торжественнымъ празднованіемъ дня тезоименитства государыни она хотѣла выразить свою увѣренность въ безкорыстной готовности Екатерины упрочить въ Польшѣ республиканскую форму правленія. Но несмотря на всѣ старанія конфедераціи, нельзя было скрыть ни странную медлительность Петербургскаго двора въ дѣлѣ созванія сейма, ни упорно ходившій слухъ объ опасности, угрожавшей со стороны Пруссіи.

Слухи о приготовленіяхъ короля прусскаго къ вступленію въ

Польшу, распространившіеся въ половинѣ іюля, были подтверждены осенью эмигрантами, проживавшими въ Саксоніи, которые были какъ нельзя лучше освѣдомлены о тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ. Коллонтай уже въ августѣ 1792 г. писалъ о предполагаемомъ раздѣлѣ Польши [1]). Въ началѣ сентября онъ увѣдомилъ объ этомъ Бнинскаго, находившагося въ Брестѣ, и просилъ его предупредить Щенснаго, что Россія вошла въ соглашеніе съ королемъ прусскимъ относительно раздѣла Рѣчи Посполитой.

„Неужели вы думаете,—писалъ онъ 6-го (17-го) октября Гулевичу,—что король прусскій, начавъ походъ противъ Франціи согласно мысли и желанію императрицы, не обезпечилъ себѣ вознагражденія при раздѣлѣ Польши?“ Въ концѣ ноября ему было уже извѣстно, что 15.000 пруссаковъ займутъ воеводства Познанское, Калишское и Гнѣзненское.

Считая эти вѣсти злонамѣреннымъ вымысломъ эмигрантовъ, конфедераты утверждали, что имъ обѣщаны самымъ торжественнымъ образомъ цѣлость и неприкосновенность границъ Рѣчи Посполитой. Только послѣ появленія въ „Гамбургской газетѣ“ статьи, о предстоящемъ раздѣлѣ въ связи съ донесеніями, которыя начали поступать отъ войскъ, расположенныхъ въ Великой Польшѣ, увѣренность конфедератовъ была поколеблена и великому коронному канцлеру было приказано обратиться къ прусскому посланнику Бухгольцу съ нотой и просить у него объясненія по поводу тревожныхъ слуховъ, волновавшихъ польское общество.

Бухгольцъ отвѣчалъ, что онъ не получилъ отъ своего двора никакого извѣстія относительно вступленія войскъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой.

Канцлера Малаховскаго успокоивалъ съ своей стороны Булгаковъ, а Потоцкаго Бюлеръ. Послѣдній сообщилъ конфедераціи полученное имъ отъ Бухгольца извѣстіе, что въ Познанскомъ воеводствѣ бунтуютъ противъ конфедераціи не столько обыватели, сколько польскіе офицеры, и что по этому поводу прусскій король стянулъ туда часть войскъ.

Чтобы разсѣять опасенія поляковъ, конфедераціи было весьма важно какъ можно скорѣе похвастать предъ народомъ дружественными отношеніями къ ней европейскихъ державъ; поэтому она ожидала съ нетерпѣніемъ отвѣта на ноту, коей она увѣдомила ихъ о соединеніи обѣихъ генеральныхъ конфедерацій въ Брестѣ. Но отвѣтъ былъ полученъ только отъ папы, который благословилъ труды конфедераціи.

Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій отъ уполномоченныхъ, посланныхъ въ Петербургъ благодарить императрицу за помощь и предложить ей заключить вѣчный миръ. Въ числѣ делегатовъ находи-

[1]) Письмо къ Страссеру отъ 6-го (17-го) августа (Listy, wyd. Siemienskiego. I, 13).

лись: гетманы Браницкій и Ржевусскій, воевода кіевскій Протъ Потоцкій, Вѣльгорскій, Грановскій, Мейеръ, Симонъ Коссаковскій, Платеръ, витебскій воевода Коссаковскій, литовскій канцлеръ князь Сапѣга.

Вскорѣ послѣ отъѣзда делегатовъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Варшавѣ были получены изъ-за границы предостереженія; писали, что императрица оттягиваетъ сеймъ, выжидая результата военныхъ дѣйствій коалиціи противъ Франціи. Вслѣдствіе этого делегаты полагали, что ихъ роль въ Петербургѣ не ограничится принесеніемъ благодарности императрицѣ и предложеніемъ ей союза, что если положеніе дѣлъ на западѣ нѣсколько выяснится, то императрица предложитъ имъ принять участіе въ обсужденіи дѣлъ польскихъ.

Делегаты и не подозрѣвали, какую роль они будутъ играть въ Петербургѣ и какъ недолго они тамъ пробудутъ.

Имъ отвели во дворцѣ парадные апартаменты, возили ихъ въ придворныхъ экипажахъ, дали каждому на расходы карманныя деньги.

Посламъ не понравилось требованіе Петербургскаго двора, чтобы они, предъ аудіенціей у императрицы, посѣтили министровъ. Они были заносчивы и находили, что имъ воздается мало чести. Ржевусскій требовалъ даже, чтобы ему показанъ былъ напередъ отвѣтъ, каковой долженъ былъ произнести, отъ имени государыни, на ихъ рѣчь, вице-канцлеръ Остерманъ [1]).

7-го (18-го) ноября делегаты отправились изъ квартиры Ржевусскаго въ трехъ придворныхъ каретахъ съ визитомъ прежде всего къ вице-канцлеру Остерману, которому Браницкій передалъ копіи съ ихъ вѣрительныхъ грамотъ и съ рѣчей, которыя они должны были произнести у императрицы и великаго князя; оттуда они отправились къ Безбородко.

3-го (14-го) ноября послы были приняты въ аудіенціи императрицей, которая допустила ихъ къ цѣлованію своей руки. Затѣмъ они были приняты наслѣдникомъ престола, а вечеромъ присутствовали на спектаклѣ въ Эрмитажѣ.

„На польскихъ пословъ,—писалъ одинъ корреспондентъ изъ Петербурга,—здѣсь всѣ смотрятъ какъ на измѣнниковъ“.

Кромѣ добрыхъ пожеланій и комплиментовъ, делегаты ничего не слыхали въ Петербургѣ. Безрезультатность посольства повергла конфедератовъ въ глубокое уныніе. Ихъ встревожила также вѣсть о назначеніи вмѣсто Булгакова посломъ Сиверса. Многіе конфедераты, измучившись ожиданіемъ рѣшенія изъ Петербурга, разъѣхались по домамъ. Изъ Гродно уѣхалъ даже одинъ изъ самыхъ горячихъ поклон-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій Куракину 17-го (28-го) ноября („Рус. Архивъ“ 1876, т. III, стран. 279).

никовъ Щенснаго—Гулевичъ. Коронныхъ совѣтниковъ осталось при Потоцкомъ не болѣе девяти человѣкъ.

Послѣ ноябрьскихъ празднествъ въ Гроднѣ настало новое веселіе: двѣ дочери Потоцкаго вышли замужъ: одна за канцлера Сапѣгу, а другая за воеводу витебскаго Коссаковскаго. Въ день обрученія старшей дочери, главный коронный маршалъ былъ такъ веселъ, что принималъ даже участіе въ танцахъ.

Но радостное настроеніе его было вскорѣ омрачено письмами, полученными изъ-за границы.

6-го (17-го) декабря на засѣданіе конфедераціи пріѣхали Потоцкій и Сухоржевскій съ извѣстіемъ, что, судя по депешѣ, полученной изъ Берлина отъ посланника Рѣчи Посполитой, прусское войско вступитъ въ непродолжительномъ времени въ Великую Польшу. „Въ голосѣ маршала дрожали слезы; многіе были тронуты до глубины души... Что предпринять?“ — сказалъ онъ. И совѣтовалъ немедленно просить совѣта у императрицы, какъ у союзницы. Сказавъ это, онъ залился слезами.

Нѣсколько дней спустя была получена нота прусскаго посла Бухгольца о вступленіи прусскихъ войскъ. Въ ней говорилось, что „въ Польшѣ сталъ распространяться духъ французскаго демократизма; якобинскіе агенты находятъ себѣ поддержку; открываются революціонные клубы; въ особенности Великая Польша отравлена этимъ ядомъ... Обязанный продолжать войну противъ Франціи вмѣстѣ съ союзными государствами, король прусскій совѣтовался съ Австрійскимъ и Русскимъ дворами, и оба союзные дворы признали, что здравая политика не дозволяетъ оставлять въ Польшѣ свободными руки заговорщиковъ... по этой причинѣ прусскій король рѣшился ввести въ Великую Польшу значительную часть войска для удержанія въ этомъ краѣ спокойствія“.

Дѣйствительно ли въ Польшѣ орудовали якобинскіе эмиссары и учреждались якобинскіе клубы? — какъ это говорилось въ нотѣ Бухгольца.

Слухами о дѣятельности въ Варшавѣ якобинцевъ забавляли императрицу польскіе магнаты, гостившіе въ Петербургѣ, въ апрѣлѣ 1792 г. указывая на то, что король выписалъ изъ Парижа Массея. Якобинцами считали также Піатоли и членовъ французскаго посольства.

Количеству и дѣятельности этихъ якобинскихъ эмиссаровъ соотвѣтствовало число революціонныхъ клубовъ. Ихъ не было вовсе. Политическій клубъ, дѣйствовавшій въ Варшавѣ подъ названіемъ „Друзей конституціи 3-го мая“ (Przyjaciół konstytucyi 3 maja), прекратилъ свое существованіе во время военныхъ дѣйствій и закрытія сейма. По мнѣнію самихъ конфедератовъ „клубовъ на манеръ французскихъ“,

осужденныхъ актомъ коронной конфедераціи 14-го мая, не существовало во время войны и по окончаніи ея.

Для того, чтобы побить въ Варшавѣ нѣсколькихъ конфедератовъ, нанести оскорбленіе нѣсколькимъ русскимъ офицерамъ и устроить нѣсколько манифестацій въ театрахъ и собраніяхъ, не было надобности въ якобинцахъ и политическихъ клубахъ. Въ нихъ не было надобности и для того, чтобы вызвать негодованіе общества противъ злоупотребленій, учиненныхъ русскими войсками. Оригинальные и переводные памфлеты, ходившіе по рукамъ, нерѣдко весьма радикальные, также не были плодомъ революціонной организаціи. Народъ, неудовлетворенный устарѣлыми идеалами конфедераціи, отзывался на новыя проявленія человѣческой мысли, пробудившейся на западѣ отъ долговѣчнаго сна, и выражалъ это въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ бѣдѣ онъ кидалъ взоры на Францію, связывая свою будущность съ ея побѣдами.

По выраженію Коллонтая, „языкъ свободы пріятенъ каждому человѣку, его понимаютъ во всѣхъ странахъ“.

Неудивительно, что польскій народъ подпалъ подъ вліяніе Франціи, но причиною этого были не революціонные клубы и даже не эмигранты, коихъ конфедераты обвиняли въ распространеніи „проклятыхъ философскихъ идей“.

Подъ вліяніемъ извѣстій о побѣдахъ французовъ надъ союзными австро-прусскими войсками, Коллонтай рѣшилъ, что Россіи уже не было надобности считаться съ сосѣдними дворами и что она согласится на проектъ посадить на польскій престолъ великаго князя Константина Павловича.

„Къ этому отнеслась бы сочувственно вся Польша,—писалъ онъ,—ибо всѣ желающіе блага своему отечеству не желаютъ ничего лучшаго, какъ только, чтобы въ Польшѣ не было безкоролевья и чтобы въ ней царствовалъ монархъ изъ могущественнаго дома, пользующагося значеніемъ въ Европѣ... Если императрица согласится на этотъ планъ, то она привлечетъ этимъ сердца всѣхъ поляковъ, соединитъ всѣ партіи и обезсмертитъ свое имя“.

Коллонтай сообщилъ эти мысли Станиславу-Августу и Булгакову и выразилъ готовность пріѣхать въ Варшаву, если его проектъ будетъ подвергнутъ обсужденію. Въ томъ же смыслѣ писали королю: маршалъ Малаховскій и Игнатій Потоцкій. Станиславъ-Августъ не отвѣчалъ ни одному изъ нихъ. Булгаковъ же передалъ Коллонтаю чрезъ третье лицо, что Россія не можетъ принять предложеніе поляковъ, ибо этого не допустятъ европейскіе дворы.

Такова была политика эмигрантовъ до начала декабря, т. е. до того времени, когда побѣды французовъ наэлектризовали Варшаву и

всю Польшу. Стараясь о сближеніи съ Россіей, эмигранты были крайне смущены слухами о волненіи, охватившемъ поляковъ, и объ ихъ враждебныхъ демонстраціяхъ противъ русскихъ. Находя ихъ совершенно несвоевременными, Коллонтай высказывалъ даже предположеніе, что это было дѣломъ недоброжелателей и что неудовольствіе, посѣянное среди жителей Варшавы, было дѣломъ рукъ Коссаковскаго и гетмана Ржевусскаго. Только получивъ отвѣтъ Булгакова и убѣдившись, что ихъ надежды на помощь со стороны Россіи неосуществимы, они рѣшили прибѣгнуть къ другому способу дѣйствій, чтобы спасти отечество. „Несомнѣнно,—писалъ Коллонтай Малаховскому, по полученіи отвѣта Булгакова,—что намъ нельзя ожидать благопріятнаго рѣшенія отъ Москвы, ибо всѣ дворы, какъ мнѣ кажется, ни о чемъ другомъ нынѣ не думаютъ, какъ о совмѣстномъ дѣйствіи противъ французовъ... Во всей Европѣ есть только двѣ партіи: Франція, которая борется противъ всѣхъ монарховъ за свободу народовъ, и „всѣ монархи", готовые бороться противъ Франціи за деспотизмъ и старые обычаи".

Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ у эмигрантовъ зародилась мысль искать поддержку у парижскаго революціоннаго правительства и вызвать въ Польшѣ народное возстаніе. Съ этой цѣлью въ первыхъ числахъ января 1793 г. былъ посланъ въ Парижъ съ инструкціями и письмами Косціюшко, высланный незадолго передъ тѣмъ австрійскими властями изъ Галиціи; прибывъ въ Лейпцигъ, онъ принялъ участіе въ трудахъ эмигрантовъ.

О посылкѣ Коллонтая въ Парижъ вѣроятно не было извѣстно королю прусскому въ то время, когда онъ издалъ декларацію о введеніи въ Польшу своихъ войскъ, ибо онъ навѣрное воспользовался бы этимъ фактомъ, чтобы оправдать имъ свое вторженіе въ Польшу, неприкосновенность которой была гарантирована Берлинскимъ договоромъ, заключеннымъ 27-го января (7-го февраля) 1792 г.

Но въ этотъ моментъ судьба Польши была уже рѣшена, ибо въ рескриптѣ, данномъ 8-го (19-го) декабря вновь назначенному въ Польшу послу своему Ив. Як. Сиверсу, Екатерина писала:

„Нѣтъ нужды упоминать здѣсь о причинахъ, понудившихъ насъ присоединить къ имперіи нашей отъ республики польской земли, издревле Россіи принадлежавшія; грады, русскими князьями созданные, и народы общаго съ россіянами происхожденія и намъ единовѣрные, и о нашихъ на то правахъ. Вы увидите ихъ изъ манифеста, который въ свое время напечатанъ и изданъ быть имѣетъ... Прусскій дворъ, вступая въ союзъ съ нами и съ Вѣнскимъ дворомъ, съ коимъ и составляетъ общее дѣло противу мятежниковъ французскихъ, по несчастному обороту послѣдней кампаніи и извѣстнымъ слѣдствіямъ оной, прусскій король поставленъ въ невозможность продолжать войну безъ

награжденія убытковъ, отчасти имъ уже понесенныхъ, а болѣе для того, дабы привести себя въ состояніе продолжать съ вящшимъ стремленіемъ и силою войну сію, содѣлавшуюся общею для всѣхъ государей... По симъ причинамъ императоръ и король прусскій предложили намъ раздѣлъ Польши... по коему Берлинскій дворъ пріобрѣтаетъ Данцигъ и Торнъ и всю Великую Польшу, кромѣ воеводства Мазовецкаго. Вѣнскій дворъ удовлетворенъ будетъ Баваріею, а намъ слѣдуетъ занять и протянуть кордонъ нашъ, начиная отъ угла границы, Семигаліи, на поставы, на озера Спеталу и Шпахту, на Велико при рѣкѣ Виліи, потомъ по рубежу воеводства Виленскаго до столицы, отъ онаго перейдя рѣку Нѣманъ до Несвижа, потомъ до рѣки Припети на Пинскъ и оттуда на Куневъ прямѣйшей линіей до Вышгорода при границѣ Галиціи, а оттуда до Днѣстра, соединяясь нынѣшнею границей польскою съ границею цесарскою, а по Днѣстру съ Молдавіею. Всѣ земли, входящія въ черту сію, имѣютъ быть въ вѣчномъ владѣніи нашемъ". Затѣмъ послѣ длиннаго и подробнаго перечня тѣхъ мѣръ, кои Кречетникову надлежало принять для занятія новой пограничной линіи русскими войсками, императрица кончала свой указъ такъ:

„Мы желаемъ—такъ заканчивала императрица свой указъ,—чтобы сіи области не токмо сплою оружія были намъ покорены, но чтобы вы сердца людей въ оныхъ живущихъ добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ Россійской Имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отторженіе свое отъ анархіи республики Польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію" [1]).

Какъ далеки были конфедераты отъ мысли объ угрожавшей ихъ отечеству опасности, видно изъ того, что когда 5-го (16-го) января 1793 г. Бухгольцъ вручилъ канцлеру Малаховскому декларацію о вступленіи въ Польшу корпуса прусскихъ войскъ и задалъ вслѣдъ затѣмъ каштеляну Ожаровскому вопросъ, какъ поступитъ въ этомъ случаѣ генералъ Бышевскій, то онъ получилъ отвѣтъ, что Бышевскому приказано генеральной конфедераціей не впускать въ Польшу иноземныхъ войскъ; на это посолъ прусскій сказалъ: „Cela pourrait avoir de mauvaises suites" (Это можетъ возъимѣть дурныя послѣдствія).

На другой день Малаховскій послалъ въ Гродно курьера съ прусской декларацією, съ проектомъ отвѣта на нее и съ просьбой дать новую инструкцію Бышевскому, а 15-го (26-го) января конфедераты постановили поручить польскому посланнику въ Петербургѣ, Віельгорскому, просить императрицу о помощи противъ прусскихъ войскъ. На этомъ

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стран. 473—482.

засѣданіи Потоцкій былъ весь красный отъ слезъ и безсонныхъ ночей. Сухоржевскій кричалъ, какъ одержимый. Къ вящшему огорченію конфедератовъ разнесся слухъ о раздѣлѣ Польши, о соглашеніи, заключенномъ между Россіей и Пруссіей. Въ Гроднѣ разбросали стишки:

Zwioadł król pruski marszałków, marszałkowie posłów,
A carowa rosyjska targowickich osłów.

(Король прусскій провелъ маршалковъ,—маршалки пословъ, а русская царица тарговицкихъословъ).

20-го (31-го) января пріѣхалъ въ Варшаву Сиверсъ. Онъ увѣрялъ, что ему совершенно неизвѣстно, что означаетъ вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу. Конфедераты вѣрили ему, но не всѣ. Не обольщался въ этомъ случаѣ и Щенсный, который въ письмѣ къ императрицѣ горевалъ о судьбѣ Польши и о своей собственной.

„Существованіе Рѣчи Посполитой зависѣло и зависитъ только отъ Россіи,—писалъ онъ.—...Приближается моментъ, который долженъ рѣшить судьбу Польши. Спасите ее отъ погибели... Я готовъ отдать жизнь за спасеніе отечества“...

Въ свою очередь Станиславъ-Августъ, пораженный декларацією Бухгольца и вторженіемъ прусскихъ войскъ, писалъ императрицѣ, что онъ готовъ отречься отъ престола, если только долги его будутъ заплачены.

3-го (14-го) февраля имѣлъ у него аудіенцію русскій посланникъ. Онъ открылъ Станиславу-Августу цѣль своего пріѣзда въ Варшаву. Ему было дано приказаніе склонить короля отправиться въ Гродно и принять участіе въ трудахъ конфедераціи. „Тамъ, вдали отъ варшавскихъ интригъ, будутъ приняты мѣры къ упорядоченію положенія Рѣчи Посполитой—говорилъ онъ.—Императрица, разгнѣванная на короля за его поведеніе во время послѣдняго сейма и за сношенія съ польскими эмигрантами, готова забыть все прошлое, если онъ подчинится ея требованію“.

Въ длинной рѣчи, продолжавшейся три четверти часа, Станиславъ-Августъ старался оправдаться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, жаловался на оскорбленія со стороны Щенснаго-Потоцкаго и просилъ избавить его отъ совмѣстныхъ работъ съ конфедератами. Сиверсъ успокаивалъ его, говоря, что подъ его защитою ему не будетъ причинено никакихъ непріятностей. Король попросилъ дать ему время на размышленіе.

Въ тотъ же день явился къ Сиверсу банкиръ Тепперъ съ просьбою, чтобы императрица поручилась въ уплатѣ ему долга короля —

свыше 1½ милліона дукатовъ. Сиверсъ отвѣчалъ, что это можетъ быть сдѣлано только въ томъ случаѣ, если Станиславъ-Августъ исполнитъ волю государыни и уѣдетъ въ Гродно.

Въ тотъ же день, посовѣтовавшись съ братомъ и съ Булгаковымъ, который былъ у него на прощальной аудіенціи, король прислалъ Сиверсу черновикъ письма къ императрицѣ, въ которомъ онъ изъявлялъ согласіе исполнить ея требованіе.

Истинная цѣль посольства, возложеннаго на Сиверса, не составляла уже ни для кого тайны, и всѣмъ было ясно, что Пруссія и Россія дѣйствуютъ заодно.

Потоцкій былъ въ совершенномъ отчаяніи. Опасались, чтобы онъ не покончилъ съ собою. На засѣданіяхъ генеральной конфедераціи онъ говорилъ, что „не имѣетъ уже никакой надежды на спасеніе отечества и что у него остается слабый лучъ надежды только на одну императрицу".

Съ этимъ послѣднимъ проблескомъ надежды Потоцкій отправился въ Петербургъ, куда его звала императрица; засыпавъ передъ отъѣздомъ Сиверса письмами, въ коихъ онъ то оправдывалъ дѣйствія конфедераціи въ послѣднее время, то просилъ помочь ему въ устройствѣ личныхъ дѣлъ его собственныхъ и его политическихъ друзей; то хлопоталъ о выдачѣ ему денегъ за поставленный для русскаго войска провіантъ, то просилъ объ Андреевской лентѣ для Боржецкаго, князя Четвертинскаго и двухъ братьевъ Холоневскихъ. Этотъ великій радѣтель шляхетскаго равенства не стыдился выпрашивать ордена и у короля, котораго онъ такъ глубоко оскорблялъ, не стыдился просить у него и денежной помощи для тѣхъ людей, кои вмѣстѣ съ нимъ всячески досаждали Станиславу-Августу [1]).

4-го (15-го) марта Потоцкій выѣхалъ изъ Гродно, въ сопровожденіи своихъ двухъ сыновей и совѣтниковъ конфедераціи: Петра Боржецкаго и Игнатія Ледоховскаго. Его провожалъ конвой русскаго и польскаго войска.

Онъ ѣхалъ на сѣверъ въ то время, когда Ченстоховъ уже капитулировалъ и пруссаки подходили къ Гданску, бѣжалъ отъ Сиверса и короля, которые ѣхали въ Гродно, чтобы созвать сеймъ, узаконившій новый раздѣлъ Польши, и у него не было въ душѣ надежды на то, что ему удастся спасти свое отечество отъ погибели, а себя отъ позора.

— Какъ ваше здоровье, любезный Потоцкій?—привѣтствовала импе-

---

[1]) Письма Потоцкаго къ Сиверсу отъ 19, 25, 27 и 28 февраля н. ст. изъ Гродно (Рукоп. библ. бар. Крон.). Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ напечатаны у Askenazy (Dwa stulecia, 18 i 19. Warz. 1901, стран. 513).

ратрица Щенснаго на частной аудіенціи, по пріѣздѣ его въ Петербургъ.

— Я здоровъ, ваше величество,—отвѣчалъ онъ, но мое отечество... Екатерина не дала ему договорить.

— Votre patrie est ici![1])—сказала она, топнувъ ногою о паркетъ.

[1]) Ваше отечество здѣсь.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

XIII [1]).

Дробная работа, добытая отцомъ Никитой, переводъ двухъ страницъ съ нѣмецкаго языка, была одобрена, и Перепелкинъ получилъ адресъ, куда онъ долженъ былъ явиться для переговоровъ. Отправляясь по этому адресу къ неизвѣстному лицу, котораго отецъ Никита почему-то не хотѣлъ назвать, Перепелкинъ прежде всего пожелалъ справиться въ канцеляріи попечителя о результатахъ ходатайства вельможи. Правитель канцеляріи любезно сообщилъ ему, что свидѣтельства о бѣдности отъ него не потребуютъ, такъ какъ находятъ возможнымъ освободить его отъ взноса денегъ за право слушанія и безъ этого документа; а что касается увольнительнаго свидѣтельства, то слишкомъ безпокоиться о немъ нѣтъ особенной надобности, потому что и такъ уже разрѣшено ему посѣщать лекціи въ началѣ курса, въ качествѣ приватнаго слушателя.

— Вотъ оно какъ!—подумалъ Перепелкинъ: несогласное съ законами, когда просилъ обыкновенный смертный, оказалось совершенно согласнымъ, вслѣдствіе ходатайства лица сильнаго, къ которому онъ и направился теперь, чтобы поблагодарить его за доброе дѣло. Но отецъ Никита отсовѣтовалъ это дѣлать, сказавъ, что этотъ вельможа не любитъ вообще никакихъ изліяній чувствъ благодарности. При этомъ же онъ открылъ и содержимое имъ почему-то въ секретѣ имя лица, отъ котораго будетъ зависѣть работа. Оказалось, что это былъ извѣстный ученый философъ отецъ Ѳедоръ, съ философскимъ сочиненіемъ котораго Перепелкинъ познакомился еще въ семинаріи.

— Работа-то, собственно, будетъ отъ книгопродавцевъ, редакти-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1905 г.

руетъ ее отецъ Ѳедоръ, и деньги отъ него будете получать. Скупенекъ онъ, говорятъ студенты академіи, но за то работа ужъ будетъ постоянная и деньги вѣрныя,—пояснилъ отецъ Никита.

Перепелкинъ чрезвычайно обрадовался тому, что онъ будетъ имѣть дѣло съ такимъ ученымъ, о которомъ онъ составилъ самое высокое мнѣніе, прочитавъ нѣсколько разъ его „Введеніе въ науку философіи“, когда еще былъ въ семинаріи, и зная его почти наизусть.

Отецъ Ѳедоръ принялъ Перепелкина ласково, привѣтливо, похвалилъ переводъ, но замѣтилъ, что настоящей сноровки еще нѣтъ, такъ какъ она пріобрѣтается только продолжительной практикой.

— Понимать въ чтеніи текстъ чужестранной рѣчи и передать ее въ переводѣ на свой языкъ, сохранивъ, въ точности, смыслъ и силу ея,—это двѣ вещи разныя,—говорилъ онъ медленно, съ тяжеловѣсною обдуманностью, часто закрывая глаза по привычкѣ.

— Я понимаю требованія хорошаго перевода и потому буду стараться исполнять ихъ добросовѣстно,—поспѣшилъ отрекомендоваться Перепелкинъ.

— Я вамъ дамъ теперь „Путешествіе въ Іерусалимъ“, Арнольда, на нѣмецкомъ языкѣ. Плата у меня отъ семи до десяти съ полтиной за печатный листъ обыкновенно, глядя по переводу. Вамъ назначаю сразу послѣднюю цѣну, — сказалъ отецъ Ѳедоръ и пошелъ доставать это сочиненіе.

Перепелкинъ чуть не вскрикнулъ: зачѣмъ такъ много? — и уже занесся мечтой Богъ знаетъ куда: и родныхъ-то всѣхъ облагодѣтельствуетъ, и поможетъ труженицамъ-вдовамъ, и дѣтей побалуетъ гостинцами.

Только полтинка, пристегнутая философомъ къ десяти рублямъ, какъ-то смущала его, не переваривалась въ его умѣ, а въ связи съ переданнымъ отцомъ Никитой отзывомъ студентовъ, что редакторъ „скупенекъ“, зловѣще шевельнула мысль: не на ассигнаціи ли это счетъ, какъ этого держались еще многіе въ провинціи?

Отецъ Ѳедоръ вынесъ книгу и, подавая ее Перепелкину, медленно говорилъ: шрифтъ не очень убористый и листика два печатныхъ въ недѣльку безъ особеннаго затрудненія можно перевести—вотъ ужъ и 21 рубликъ.

— Такъ! такъ! на ассигнаціи,—шевелилось въ головѣ Перепелкина, и онъ спускался съ облаковъ.

— Въ двѣ недѣльки 42 рублика—вотъ ужъ и есть за квартиру, (Вы, кажется, такъ и платите за квартиру со столомъ, по словамъ Никиты,—замѣтилъ онъ мимоходомъ). А другіе сорокъ два рублика въ мѣсяцъ пойдутъ на покупку книгъ, на табачекъ, коли курите, ну, и на другія тамъ юношескія удовольствія,—шутилъ батюшка-философъ,

съ улыбкой посматривая пытливымъ взоромъ на вспыхнувшаго юношу-дѣвственника.

Перепелкинъ окончательно упалъ съ высоты полета своей расходившейся пылкой фантазіи, но все-таки не могъ не признать себя, относительно, въ счастливомъ положеніи: во-1-хъ, это дѣло уже вѣрное, дававшее возможность получать въ мѣсяцъ не менѣе 24 рублей; во-2-хъ, онъ входилъ въ ближайшее сношеніе съ человѣкомъ, очень ученымъ, начитаннымъ и большимъ знатокомъ того предмета, который особенно интересовалъ его еще съ поступленія въ семинарію; въ 3-хъ, у этого въ самомъ широкомъ смыслѣ просвѣщеннаго и очень даровитаго человѣка была прекрасная библіотека, на которую онъ не скупился тратить деньги, живя самъ очень скромно, и которою пользоваться онъ предоставлялъ многимъ изъ работавшихъ у него по части переводовъ. Впослѣдствіи Перепелкинъ привыкъ смотрѣть на него съ глубокимъ уваженіемъ и считалъ себя болѣе обязаннымъ ему по части дальнѣйшаго умственнаго своего развитія и разрѣшенія многихъ философскихъ недоразумѣній, чѣмъ университету. Съ необыкновенною ясностью комментируя всѣ тѣ философскія проблемы, которыя засѣли въ головѣ Перепелкина еще съ семинарской скамейки и оставались на половину неразрѣшенными даже въ академіи, отецъ Ѳедоръ тутъ же предлагалъ изъ своей библіотеки сочиненіе, въ которомъ пытливый юноша могъ найти руководящую нить для болѣе обстоятельнаго уясненія интересующихъ его вопросовъ.

Съ полученіемъ постоянной работы началась для Перепелкина жизнь правильная, регулярная, и если бы не сидѣла въ головѣ Клодочка и любовь къ этому милому существу не пустила глубокихъ корней въ сердцѣ, то даже и совершенно счастливая, беззаботная. Онъ и здѣсь сохранилъ деревенскія привычки, вставалъ рано и тотчасъ уходилъ гулять часа на два, потомъ пилъ чай и немедленно принимался за работу. Въ одиннадцать часовъ занимался съ дѣтьми, назначалъ имъ работы, въ родѣ черченія, рисованія, писанія по прописи, списыванія съ книги, заучиванія молитвъ и стиховъ.

Все это дѣлалось по росписанію, ежедневно, и въ его комнатѣ, на его глазахъ, что̀ нисколько ему не мѣшало заниматься своимъ дѣломъ, которое онъ повелъ такъ первыя три недѣли, до начала курса въ университетѣ, что сдалъ семь печатныхъ листовъ отцу Ѳедору, который остался очень доволенъ этимъ переводомъ и сейчасъ же уплатилъ 73 руб. съ полтинкой, какъ онъ выразился, т. е. 21 рубль серебромъ, и при томъ же все новенькими цѣлковыми, которые составляли чувствительную ношу для кармана.

Но еще по пути въ квартиру Перепелкинъ на половину облегчилъ себя отъ этой ноши, купивъ дѣтямъ гостинцевъ и сережки золотыя

своей сестрѣ Любѣ къ ея именинамъ, 17-го сентября. Послѣднее онъ поспѣшилъ сдѣлать изъ тщеславія: пусть, молъ, знаютъ, что онъ и здѣсь не пропадетъ. Отцу онъ, впрочемъ, все описалъ правдиво, не утаивъ и своихъ неудачъ.

Когда дѣти шумно стали выражать свою радость по поводу накупленныхъ имъ гостинцевъ, особенно хозяйскій Коля, на порогѣ комнаты Перепелкина явился „настоящій князь русскій“ и попросилъ его къ себѣ пить кофе. Съ нимъ Перепелкинъ еще мало былъ знакомъ. Слышалъ только, какъ онъ препирался иногда съ своей экономкой, Лушей, и читалъ ей вслухъ божественное изъ книгъ, а иногда и собственныя нравоученія. Вдовушки иногда подтрунивали между собой надъ этой парочкой, но изъ скромности ничего не говорили о нихъ при Перепелкинѣ, и онъ почти не зналъ до этого времени, что это за личности были, хотя привѣтствіями приходилось ежедневно обмѣниваться съ ними. Иногда князь, проходя мимо комнаты Перепелкина, отворялъ дверь къ нему, а то и просто стукнетъ тихонько раза три, не отворяя ее, и своимъ пискливымъ, непріятно-дребезжащимъ голосомъ, скажетъ: мой сердечный привѣтъ господину студенту! Послѣ чего такъ скоро улетучится, что Перепелкинъ едва успѣетъ встать съ мѣста и, пріотворивъ дверь, крикнуть ему въ догонку: здравствуйте, князь!

Двѣ комнаты князя были гораздо бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ тѣ, которыя занимали Перепелкинъ и обѣ вдовы. Онѣ и лучше освѣщались, потому что въ каждой изъ нихъ было по два окна, содержались экономкой въ образцовой чистотѣ и порядкѣ, но все это не могло скрыть крайней скудости средствъ захудалаго сіятельства.

Обстановка была, по его сану, убогая, мизерная. На немъ самомъ халатъ очень поношенный и не безъ заплатъ, хотя и довольно искусно приставленныхъ. Экономка, какъ видно, только теперь принарядилась въ новенькій ситцевый капотъ, а то ее всегда встрѣчалъ Перепелкинъ въ очень поношенномъ платьѣ. Оба они были низенькіе, толстенькіе, съ заплывшими глазами, съ лоснящимися лицами, какъ будто ихъ сейчасъ вымазали масломъ, отличались крайнею наивностью, свойственною только дѣтямъ, и постоянно сохраняли такое выраженіе на лицѣ, какъ-будто когда-то, что-то вызвало въ нихъ сильное удивленіе, которое уже никогда не проходило и такъ и осталось при нихъ разъ навсегда. Они удивительно напоминали другъ друга, какъ-будто были братъ и сестра.

— Слышу, — говорилъ князь, — усаживая гостя, что зашумѣли и заскакали дѣти отъ радости,—ну, значитъ, пришелъ студентъ и нанесъ гостинцевъ,—дай, думаю себѣ, и я попрошу у него два рублика до воскресенья.

Перепелкинъ вынулъ сейчасъ же изъ кармана и подалъ просимое его сіятельству.

— Я тебѣ говорилъ, что можно позаимствоваться до воскресенья,—обратился онъ къ сожительницѣ, подавая ей два цѣлковыхъ.

Экономка, спрятавъ деньги и разливъ въ стаканы кофе, вышла въ другую комнату и больше ужъ сюда не являлась.

— Насчетъ отдачи вы не сомнѣвайтесь: вотъ мнѣ предстоитъ сколько получекъ съ 1-го сентября, — говорилъ онъ, и, развернувъ засаленную записную книжечку, прочелъ длинный рядъ незначительныхъ суммъ, въ видѣ ежемѣсячной пенсіи, выдаваемыхъ ему разными сановитыми лицами, всего на сумму 157 рублей съ полтиною — пояснялъ онъ — а цѣлковиками выходитъ 45 рубликовъ: давно назначены, когда еще счетъ вели на ассигнаціи. Самъ я когда-то не такіе куши раздавалъ, а теперь вотъ... сказалъ онъ плаксиво, пряча книжечку. Анемподистъ все... вся вина въ немъ,—воскликнулъ онъ, почти всхлипывая.

Это ужъ не разъ слышалъ Перепелкинъ и раньше при разговорахъ князя со вдовушками, но дальше этого онъ обыкновенно не шелъ, оставивъ и теперь этотъ возгласъ безъ объясненій. Перепелкинъ не счелъ удобнымъ разспрашивать его объ этомъ таинственномъ обстоятельствѣ, да и думалъ преимущественно только о томъ, какъ-бы не засидѣться тутъ лишнее время, а уйти и заняться дѣломъ.

Пили кофе молча, изрѣдка посматривая другъ на друга.

— Вотъ вы ученый изъ духовныхъ, — заговорилъ вдругъ князь таинственно, вполголоса и нагибаясь къ гостю:—скажите, правда ли, что есть уже теперь явственные признаки втораго пришествія Христа на землю? Самъ слышалъ-съ отъ людей именитыхъ. Какъ объ этомъ говорится тамъ у васъ въ богословіи или философіи?

— А тамъ говорится только, что „не вѣсте ни дне, ни часа, въ онь же Сынъ человѣческій пріидетъ“,—отвѣчалъ Перепелкинъ, съ недоумѣніемъ посматривая на князя.

— Нѣтъ, вы не бойтесь,—говорилъ онъ тихонько, и, подойдя на цыпочкахъ къ обѣимъ дверямъ, заперъ ихъ на крючки.

„Вотъ оригиналъ!“ думалось Перепелкину.

— Сказываютъ,—шепталъ онъ на ухо гостю:—митрополитъ нарочно пріѣзжалъ съ докладомъ объ этомъ во дворецъ, и всѣ замѣтили, какъ государь былъ разстроенъ и блѣденъ весь этотъ день.

— Это вздоръ!—сорвалось съ языка у Перепелкина:—митрополитъ ничего подобнаго не имѣетъ права сказать уже на основаніи тѣхъ словъ Спасителя, которыя я привелъ.

— Молодо, зелено! — наставительно покачалъ головой князь и, тихонько подкравшись, отперъ двери, какъ бы давая почувствовать,

что съ такимъ молокососомъ не стоитъ и словъ терять по поводу важныхъ матерій.

Лекціи открылись нѣсколько позже, чѣмъ Перепелкинъ предполагалъ, и онъ успѣлъ, пользуясь полной свободой, еще снести отцу Ѳедору на 6 печатныхъ листовъ перевода и получить отъ него 18 рублей серебромъ. Но тутъ произошло обстоятельство, которое сильно его потрясло, такъ что съ нимъ въ продолженіе трехъ дней было нѣчто въ родѣ нервной горячки.

Возвращаясь однажды съ утренней прогулки около восьми часовъ, онъ увидѣлъ во дворѣ дома, около своей квартиры, много народа и двухъ полицейскихъ, которые сообщили ему, что сейчасъ умерла тутъ скоропостижно какая-то барыня. У Перепелкина кровь хлынула изъ носа. Онъ чувствовалъ, что это непремѣнно должна быть захирѣвшая отъ непосильной работы вдова, Настасья Ивановна, мать Саши и Кати. Такъ и было.

Дѣти покрывали лицо и руки матери поцѣлуями и нѣсколько, повидимому, успокоились, когда и Перепелкинъ присоединилъ свой голосъ къ голосамъ другихъ, что это обморокъ, который пройдетъ. Покойницу увезли. Дѣти опять разрыдались.

Наконецъ Перепелкинъ рѣшился дѣйствовать. Сказавъ дѣтямъ, что ему нужно посмотрѣть, какъ уложатъ маму въ клиникѣ, потому что потомъ долго къ ней пускать не будутъ, онъ взялъ извозчика и полетѣлъ къ извѣстному вельможѣ. Прежде всего онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ отцомъ Никитой, какъ лучше въ этомъ случаѣ дѣйствовать, но его не было дома, а жена его посовѣтовала прямо обратиться къ Мур—ву. Перепелкинъ перешелъ черезъ улицу и позвонилъ къ нему. Къ ужасу его, слуга предупредилъ, что врядъ-ли генералъ приметъ, потому что не такъ-то здоровъ, но все-таки пошелъ доложить, а минутъ черезъ пять вышелъ въ залу Андрей Николаевичъ, привѣтливо кивнулъ головой Перепелкину и освѣдомился, какъ его идутъ дѣла.

— Я, ваше превосходительство, осмѣливаюсь безпокоить теперь васъ не за себя, — заговорилъ взволнованный юноша, — а за несчастныхъ малютокъ, сейчасъ осиротѣвшихъ въ той квартирѣ, гдѣ я живу. Здѣсь голосъ его дрогнулъ, и изъ глазъ закапали слезы.

— Ну, успокойтесь и разскажите мнѣ, какъ все произошло,—говорилъ участливо добрый вельможа, взявъ юношу за руку и уводя его къ себѣ въ кабинетъ.

Выслушавъ внимательно все, что считалъ нужнымъ сообщить ему Перепелкинъ, А. Н. Мур—въ написалъ коротенькое письмецо и, запечатывая его, говорилъ:

— Вы сейчасъ же отправитесь на Крестовскій островъ, найдете

тамъ дачу по адресу письма, которое и передадите слугѣ. Княгиня васъ приметъ, и вы ей разскажете всю эту исторію. Надѣюсь, что дѣти будутъ пристроены. Успокойтесь сами и ихъ успокойте.

— А не нужно ли дѣтямъ чего-нибудь теперь же, сейчасъ? — крикнулъ А. Н. М—въ, когда Перепелкинъ проходилъ уже черезъ залу, и на отвѣтъ послѣдняго, что пока ничего не нужно, прибавилъ: если что потребуется, сообщите мнѣ письменно.

Но ничего этого не потребовалось: дѣти черезъ три дня были увезены въ Гатчину, подъ предлогомъ, что черезъ мѣсяцъ и маму ихъ туда привезутъ.

Княгиня Б—ая-Б—ая приняла Перепелкина въ своемъ саду на дачѣ, когда прочитала письмо Му—ва, поданное ей камердинеромъ. Она такъ же, какъ и добрый сановникъ, внимательно выслушала разсказъ Перепелкина и, отпуская его, поручила ему написать адресъ дома и оставить его у камердинера, который тутъ же дожидался.

Было уже около двухъ часовъ, когда измучившійся Перепелкинъ вернулся домой. Дѣти, намаявшись, къ счастію уснули.

Добрая вдовушка сначала горячо запротестовала было противъ своевольнаго, какъ она, подъ вліяніемъ жгучаго горя и неожиданности, выразилась, распоряженія объ участи дѣтей.

— И кто васъ просилъ объ этомъ? — тихонько, чтобы не разбудить дѣтей, упрекала она Перепелкина—ни за что не отпущу ихъ отъ себя, уморю себя на работѣ, а вырощу ихъ и воспитаю.

Но Перепелкину стоило небольшихъ трудовъ переломить ея минутное упорство.

Вдовушка мало-по-малу сдалась на эти доводы. Перепелкинъ далъ ей денегъ на извозчика, чтобы она свозила дѣтей въ Екатерингофскій садъ для развлеченія, когда они проснутся, а самъ въ изнеможеніи бросился на кушетку и уснулъ, какъ убитый. Вечеромъ его разбудили. Пріѣхала какая-то пожилая дама, обласкала дѣтей, пересмотрѣла документы ихъ матери, и, переговоривъ съ Перепелкинымъ и вдовой, сказала малюткамъ, что она дня черезъ два пріѣдетъ за ними и повезетъ ихъ съ собою въ Гатчину, а можетъ быть и въ другое мѣсто, куда потомъ привезутъ и маму, когда ее доктора вылѣчатъ. Дѣти разрыдались, но она ихъ перецѣловала и успокоила, сказавъ, что все это она дѣлаетъ по желанію мамы ихъ, которая понемногу стала приходить въ себя и просила объ этомъ доктора. Съ большимъ трудомъ удалось дѣтей увезти въ Гатчину.

Начавшіяся въ университетѣ лекціи далеко не соотвѣтствовали ожиданіямъ Перепелкина, что̀ приписывалъ онъ сначала двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, малому числу первокурсниковъ на филологическомъ факультетѣ, во-вторыхъ, такой ихъ моложавости, что всѣ

они, за исключеніемъ Перепелкина, скорѣе походили на гимназистовъ 4-го—5-го класса, чѣмъ на студентовъ университета. Перепелкинъ пожаловался на свое разочарованіе относительно университетскихъ лекцій отцу Ѳедору, но тотъ только улыбнулся на такія претензіи и сказалъ, что университетъ стоитъ только изрѣдка посѣщать не ради лекцій, гдѣ на филологическомъ факультетѣ двое хорошихъ профессоровъ-лингвистовъ даже по-русски не говорятъ, а для того, чтобъ присмотрѣлись всѣ къ лицу и не придирались на экзаменѣ; образованіе же свое дополнять и расширять лучше всего самостоятельнымъ изученіемъ науки, для чего Петербургъ представляетъ огромныя преимущества предъ другими университетскими городами, заключая въ себѣ Императорскую публичную библіотеку, Румянцовскій музей, хорошія библіотеки въ Академіи наукъ, въ университетѣ, Духовной академіи, да и въ другихъ спеціальныхъ учрежденіяхъ и нѣкоторыхъ частныхъ домахъ, гдѣ всегда можно найти случай пользоваться книгами. Собственно только этотъ путь ведетъ къ глубокому, истинному просвѣщенію, говорилъ онъ: другіе же, дипломовъ ради, образуютъ людей поверхностныхъ, пустыхъ, мало пригодныхъ къ дѣлу на всѣхъ поприщахъ, требующихъ серьезнаго умственнаго развитія.

Перепелкинъ скоро убѣдился въ этомъ, познакомившись въ университетѣ съ однимъ юношей, моложе его лѣтами, который хотѣлъ было слушать лекціи приватнымъ образомъ, преимущественно по исторіи, словесности и исторіи литературы, но въ скоромъ времени совершенно пересталъ ходить въ университетъ, положительно не удовлетворенный тѣмъ, что нашелъ здѣсь. И онъ совершенно былъ правъ. По послѣднимъ двумъ предметамъ, несмотря на свою молодость, онъ имѣлъ такія обширныя и основательныя познанія, что хоть сейчасъ сажай его на каѳедру: не ударилъ бы лицомъ въ грязь. Между тѣмъ какъ занимавшіе эти каѳедры два профессора, несомнѣнно умные и достойные ученые, вели это дѣло кое-какъ, черезъ пень—колоду, чтобъ не сказать болѣе. Одинъ, напримѣръ, который всегда казался Перепелкину весьма даровитымъ по природѣ, любилъ чаще всего останавливаться на внѣшней сторонѣ произведеній, трактуя подолгу о выразительности, изобразительности и проч., и рѣдко затрагивалъ внутреннюю, принципіальную, а если и касался ея, то большею частію разводилъ бобы по поводу матерій, не стоющихъ того, и ловко лавировалъ между Сциллой и Харибдой, если попутно необходимо было коснуться идей, относящихся къ какимъ-нибудь особеннымъ факторамъ въ отправленіяхъ моральной жизни. Другой вѣчно искалъ „примиряющей средины“, какъ-то особенно чурался „крайностей“, недолюбливалъ оригинальности, если она не подхо-

дила подъ его излюбленную мѣрку, а мѣрка эта всегда цѣплялась однимъ концомъ за „примиряющую средину“, а другимъ, обходя „крайности“ долго тянулась по извилистому лабиринту самой безсодержательной философіи, впадавшей иногда въ совершенное пустословіе. И страннымъ казалось, что человѣкъ въ своихъ критическихъ статьяхъ нерѣдко высказывавшій дѣльныя и вѣрныя мысли, здѣсь, при чтеніи лекцій, доходилъ до странныхъ тенденцій и до усыпительной болтовни.

А, можетъ быть, причиной тому было и время такое, „чреватое будущимъ“, какъ любилъ выражаться одинъ изъ этихъ профессоровъ, конечно, совершенно по другимъ поводамъ.

Разъ какъ-то этотъ профессоръ, всегда старавшійся говорить красно, только-что отпустилъ фразу: „тамъ, въ тайникѣ души нашей, глубоко лежитъ“ и полѣзъ было туда, чтобы достать, что тамъ лежитъ, какъ вдругъ отворилась дверь, вошелъ попечитель, кивнулъ головой на общій поклонъ всѣхъ и, поздоровавшись съ профессоромъ, усѣлся на креслѣ возлѣ каѳедры. Профессоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, полѣзъ таки опять въ „тайникъ человѣческой души“ и выкопалъ оттуда, безъ всякаго повода къ удивленію Перепелкина, а, можетъ быть, и другихъ, ни больше, ни меньше, какъ изобразительность, которую и началъ иллюстрировать преимущественно Крыловскими выраженіями, въ родѣ: „На ель ворона взгромоздясь“, „каркнула во все воронье горло“, и проч. При чемъ, разумѣется, съ помощію обычной его жестикуляціи, изображалась неуклюжесть полета вороны, къ чему такъ шло выраженіе: „взгромоздясь“. Студенты, до прихода попечителя записывавшіе лекціи, тутъ уже положили перья, такъ какъ эта тема давно была совершенно исчерпана на предыдущихъ лекціяхъ.

Профессоръ исторіи страшно надоѣдалъ мелочными подробностями о военныхъ столкновеніяхъ на морѣ и сушѣ греческихъ войскъ съ персидскими, вдаваясь въ ни къ чему не ведущія для сего дѣла діалектическія тонкости различенія разныхъ родовъ вооруженія, при чемъ въ сотый разъ, какъ бы случайно, мимоходомъ задѣвалось не понимаемое какими-то авторитетами истинное значеніе слова демосъ. Манера его говорить составляла совершенную противоположность манеры его брата (Куторга?), профессора естественной исторіи. Послѣдній излагалъ свой предметъ просто, безъ претензій и возбуждалъ такой интересъ, что многіе съ другихъ факультетовъ приходили слушать его. Не пропускалъ его лекцій и Перепелкинъ. Въ манерѣ же профессора политической исторіи было какое-то заискивающее ломанье, жеманство, кокетничаніе, всегда производившее непріятное впечатлѣніе на Перепелкина, тѣмъ болѣе, что все это особенно про-

являлось въ тѣхъ случаяхъ, когда профессору желательно было вызвать особенное вниманіе въ слушателяхъ, чего и достигалъ онъ на первыхъ порахъ какою-то томностію своего тонкаго, нѣсколько пѣвучаго голоса, особенною торжественностію въ пріемахъ рѣчи съ самой искательной, подкупающей улыбкой. „Представьте себѣ,—говорилъ онъ разъ торжественно, съ кокетливой улыбкой и вооружась другими всѣми атрибутами обычной своей манеры: въ сѣверо-восточномъ углу Греціи крошечное мѣстечко; самый „малюсенькій"—показывалъ онъ на пальцѣ—и ничтожный пунктикъ во всей Элладѣ". Всѣ внимательно стали себѣ представлять, но въ скоромъ времени начали позѣвывать, потому что рѣчь шла о такомъ пустякѣ, изъ котораго, какъ ни бейся, никакого смысла не выжмешь. И въ самомъ дѣлѣ, студенту хочется знать, каковъ былъ человѣкъ—насколько можетъ прослѣдить его исторія по отношенію къ самому себѣ, какъ разумная индивидуальность, по отношенію къ другимъ, какъ членъ семьи, общины, государства; какъ складывался строй его общественной жизни, подъ вліяніемъ какихъ моральныхъ и соціальныхъ факторовъ онъ вступилъ на путь цивилизаціи и прогрессивно шелъ впередъ, культивируя себя и природу въ разнообразныхъ отношеніяхъ,—а тутъ его по цѣлымъ часамъ занимаютъ подробнѣйшимъ различеніемъ разнаго рода вооруженій, лингвистическимъ уясненіемъ значенія нѣкоторыхъ словъ, различно употребляемыхъ въ греческихъ діалектахъ и неправильно истолковываемыхъ, якобы, такими-то и такими знаменитыми авторитетами науки. Прицѣпка за хвосты знаменитостей, съ цѣлію противопоставить безапелляціонно свои размышленія ихъ толкованіямъ, особенно была непріятна, тѣмъ болѣе, что ни достаточнаго основанія, ни убѣдительности въ доводахъ не было и признаковъ.

Въ этомъ отношеніи другими, совершенно противоположными свойствами отличался профессоръ русской исторіи. Любитель фразы въ своихъ историческихъ руководствахъ, онъ необыкновенно былъ простъ, точенъ и ясенъ въ устномъ изложеніи своего предмета предъ аудиторіей. Скромный, непритязательный тонъ, съ какимъ онъ сопоставлялъ свои мнѣнія съ мнѣніями другихъ, чрезвычайно подкупалъ слушателя въ его пользу, а между тѣмъ этотъ человѣкъ, кромѣ громадной начитанности, владѣлъ такой эрудиціей по своему предмету, какая рѣдко дается ученымъ.

Свѣтила эллинской и римской мудрости Грефе и Фрейтагъ были еще впереди, а на низшихъ курсахъ лекторъ греческаго языка занималъ первокурсниковъ, почти каждую лекцію, разговорами о видахъ по Волгѣ и объ особенномъ полетѣ чаекъ надъ этой рѣкой до бури, во время бури и послѣ нея. А лекторъ латинскаго языка, какой-то учитель гимназіи, толстенькій, коротенькій нѣмецъ, хотя и усердно

велъ свое дѣло, но такъ какъ Перепелкинъ и самъ былъ знакомъ весьма недурно съ этимъ дѣломъ, то личность эта и сохранилась въ памяти его только по тѣмъ случайнымъ замѣткамъ ея, къ которымъ, казалось, и повода не было.

Такъ однажды онъ вдругъ, среди дѣла, обратился къ слушателямъ:

— Что быстрѣе электричества?

Всѣ молчали и съ удивленіемъ смотрѣли на него, такъ какъ никто не понималъ ни повода къ этому вопросу, ни цѣли его. Повторивъ еще разъ свой вопросъ, коротенькій нѣмецъ, имѣвшій наивное, простодушное лицо, долго посматривалъ чрезъ очки на всѣхъ съ улыбкой и, наконецъ, серьезно произнесши съ нѣмецкимъ акцентомъ: „мыслъ“, продолжалъ объясненіе латинскаго текста, какъ ни въ чемъ не бывало, оставивъ всѣхъ въ полномъ недоумѣніи, по какому поводу потребовалось доложить аудиторіи, что мысль быстрѣе электричества.

Вскорѣ прибывшій профессоръ славянскихъ нарѣчій, переведенный изъ Харьковскаго университета на каѳедру Петербургскаго, внесъ большое оживленіе въ дѣло преподаванія своего предмета и далъ дѣльное и полезное направленіе молодымъ силамъ, указавъ на разработку лѣтописей и другихъ памятниковъ старины, какъ на лучшее средство для серьезнаго и основательнаго ознакомленія съ постепеннымъ развитіемъ отечественнаго языка.

„Сѣвъ на эту каѳедру“—такъ началъ онъ свою первую вступительную лекцію—не могу (здѣсь голосъ его дрогнулъ), не могу не вспомнить о моемъ знаменитомъ предшественникѣ, Петрѣ Ивановичѣ Прейсѣ, первомъ русскомъ піонерѣ по этой каѳедрѣ, такъ преждевременно слегшемъ въ могилу и унесшемъ съ собою всѣ высокія предначертанія и планы по разработкѣ горячо любимаго имъ предмета. Эта потеря тѣмъ болѣе представляется тяжелой и невознаградимой, что его труды, не получивъ окончательной редакціи подъ его перомъ, остаются въ рукописяхъ“. Затѣмъ профессоръ распространился объ этой симпатичной личности и его самоотверженной любви къ избранному имъ предмету съ такимъ глубокимъ чувствомъ уваженія, что произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, а особенно на Перепелкина, и сразу завоевалъ себѣ симпатіи всѣхъ молодыхъ людей и сейчасъ же вызвалъ ихъ на самостоятельную дѣятельность. Такъ, студентъ Карелкинъ на другой же день нарѣзалъ изъ бумаги карточекъ для записи въ алфавитномъ порядкѣ—какъ училъ профессоръ—всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ лѣтописи Нестора и надолго съ любовью отдался этому почтенному труду. Перепелкинъ досталъ „Radices linguae palaeoslavonicae“, Миклошича, и получилъ такую наклонность къ изученію славянскихъ нарѣчій, что впослѣдствіи не пропускалъ ни

одного сочиненія по этому предмету, выходившаго изъ-подъ пера этого австрійскаго славяниста, а также и Шафарика.

Но одно въ этомъ профессорѣ казалось Перепелкину непостижимымъ, да такъ и осталось неразгаданнымъ навсегда: какъ это онъ, при своемъ прекрасномъ, дѣловитомъ умѣ, ухитрялся такъ странно понимать литературныя вещи, что Гоголю, напримѣръ, онъ отводилъ мѣсто наравнѣ съ Нарѣжнымъ, какъ это и самъ Перепелкинъ слышалъ отъ него, а у Бѣлинскаго—какъ говорили другіе—находилъ самымъ лучшимъ произведеніемъ пустенькую драматическую вещицу, первый дебютъ знаменитаго критика на литературномъ поприщѣ.

Перепелкинъ любилъ посѣщать лекціи профессора международнаго права, который умѣлъ дѣлать прекрасныя обобщенія и выводы по предмету права и статистикѣ европейскихъ государствъ.

На лекціяхъ этого профессора Перепелкинъ познакомился съ однимъ студентомъ, изъ семинаристовъ, который сначала поступилъ было въ Медицинскую академію, но, неудовлетворенный ея профессорами, предпочелъ перейти въ университетъ на юридическій факультетъ. Это былъ Тловъ (Благосвѣтловъ?), человѣкъ очень способный, большой труженикъ, такой же бѣднякъ, какъ и Перепелкинъ, но отличавшійся желчнымъ, раздражительнымъ характеромъ: онъ вѣчно брюзжалъ и озлобленно шипѣлъ противъ всѣхъ и всего. Но особенно не любилъ онъ духовенства, и рѣдкій разговоръ съ нимъ проходилъ безъ фразы съ его стороны: „наше невѣжественное, апатичное и сонное духовенство“.

— Хорошо вамъ,—говорилъ онъ иногда Перепелкину,—благодушествовать и смотрѣть сквозь призму какого-нибудь бонвивана на жизнь, потому что вы ея совсѣмъ не знаете, просидѣвъ всю молодость въ разныхъ клѣтушкахъ, на корму отцовскомъ и казенномъ, безъ голода и холода, а я ее, батенька, извѣдалъ во-какъ!—указывалъ онъ энергично рукой на горло — испилъ таки малую толику отъ всѣхъ ея горечей и ужъ сахарно улыбаться ей никогда не буду въ состояніи. Ни, ни!—злорадно онъ улыбался.

Впослѣдствіи пришлось Перепелкину вмѣстѣ съ нимъ учительствовать въ одномъ учебномъ заведеніи, и онъ не могъ не прослѣдить, какъ эта ранняя озлобленность невыгодно отражалась на дѣятельности способнаго педагога.

Могъ-ли, часто думалъ Перепелкинъ, кого-нибудь любить, къ чему-нибудь привязаться человѣкъ съ такимъ озлобленнымъ умомъ, съ такимъ ожесточеннымъ сердцемъ?

XV.

Заскучалъ Перепелкинъ послѣ увоза дѣтей и задумывалъ перемѣнить квартиру. Но въ скоромъ времени обстоятельства сложились такъ, что Перепелкинъ нежданно-негаданно очутился на квартирѣ въ самомъ центрѣ города, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ квартиры отца Ѳедора, жившаго въ домѣ собора. Перепелкину пришлось въ этотъ день сдавать переводъ отцу Ѳедору, и онъ сообщилъ ему о своемъ затрудненіи пріискать наскоро квартиру по своимъ средствамъ и чтобъ не слишкомъ далеко было отъ университета и публичной библіотеки.

— Да вы займите комнатку, тутъ по сосѣдству, въ пустой квартирѣ гувернантки моихъ дѣтей (у него жила пожилая нѣмка для практики съ дѣтьми въ иностранныхъ языкахъ), содержимой ею и отапливаемой, хотя въ ней никто не живетъ, на случай пріѣзда ея дочери съ дѣтьми для уроковъ музыки, которые они берутъ здѣсь въ столицѣ разъ въ недѣлю. Вы будете получать половинную плату за переводы, но за то вамъ ежедневно будутъ отъ меня носить обѣдъ, убирать комнату и топить печку. Высоконько только,—прибавилъ онъ,—съ непривычки, пожалуй, не понравится, за то ближе къ небесамъ, а вы же все, какъ видно, продолжаете искать Бога.

Квартира была въ пятомъ этажѣ и во всѣхъ отношеніяхъ понравилась Перепелкину.

Отецъ Никита чуть не забылъ сказать про главную цѣль прихода сюда: Му—въ поручилъ ему пригласить Перепелкина къ нему по одному, очень важному дѣлу, въ воскресенье, въ половинѣ перваго часа.

Перепелкинъ увидѣлъ, какъ прошелъ отъ поздней обѣдни благочестивый вельможа къ себѣ въ квартиру, и черезъ нѣсколько минутъ, какъ разъ въ половинѣ перваго, и самъ позвонилъ у подъѣзда его.

Слуга, безъ доклада, немедленно провелъ его въ кабинетъ. Сановникъ пилъ чай и предложилъ стаканъ Перепелкину.

— Я видѣлся сегодня за ранней обѣдней съ отцомъ Ѳедоромъ,—говорилъ онъ, пристально всматриваясь въ Перепелкина,—онъ васъ очень хвалитъ, хвалятъ васъ и другіе, издалека, по поводу чего я и просилъ отца Ѳедора поговорить съ вами обстоятельно, да и самъ отъ себя скажу кое-что, зачѣмъ и пригласилъ васъ.

Перепелкинъ сталъ догадываться, въ чемъ дѣло.

— Вы писали въ академіи „о преимуществахъ Восточной церкви предъ Западной?“

Перепелкинъ вспыхнулъ, какъ зарево.

— Да тутъ дѣло не въ томъ, что вы писали за другаго, это вещи обыкновенныя въ учебныхъ заведеніяхъ,—успокаивалъ онъ юношу—

а въ томъ, что упрямятся выпускать васъ въ свѣтское званіе, находя по этому и по другимъ вашимъ сочиненіямъ, что вы могли бы быть очень полезнымъ, даже выдающимся дѣятелемъ на поприщѣ духовномъ. Архіепископъ мнѣ пишетъ, что если бы вы не пожелали возвратиться назадъ, — для чего я пріискалъ бы вамъ и средства, — то безъ всякихъ хлопотъ могли бы поступить въ здѣшнюю академію. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Я рѣшилъ уже этотъ вопросъ безповоротно: въ монахи я не гожусь по своему горячему темпераменту, священникомъ не желаю быть по многимъ причинамъ, а педагогическая дѣятельность, которой я хочу себя посвятить, несравненно больше интереса представляетъ для меня въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, чѣмъ въ духовныхъ, какъ въ моральномъ отношеніи, по своей плодотворности, такъ и въ матеріальномъ, по бо́льшей обезпеченности учительскаго положенія.

— А можетъ быть, вы измѣните свой взглядъ, посовѣтовавшись съ отцомъ Ѳедоромъ?

— Нѣтъ, не измѣню.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только повторить свою просьбу о скорѣйшемъ увольненіи васъ въ свѣтское званіе,—сказалъ вельможа, вставая и кивнувъ головой Перепелкину, въ знакъ того, что аудіенція кончена.

Отецъ Ѳедоръ нашелъ доводы Перепелкина насчетъ нежеланія его оставаться въ духовномъ званіи основательными и сказалъ, что онъ по такимъ же причинамъ и сыновей своихъ воспитываетъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Но при талантливости къ проповѣдничеству, которую находятъ у васъ, какъ пишутъ Му—ву изъ К., можно было бы, принося несомнѣнную пользу другимъ, пріобрѣсти славу и составить состояніе и въ духовномъ званіи. Вотъ какъ извѣстный Маловъ,—прибавилъ практическій отецъ Ѳедоръ.

Хотя этотъ вопросъ рѣшенъ былъ Перепелкинымъ окончательно, безповоротно, такъ что и малѣйшихъ колебаній въ немъ и теперь не произошло, но почему-то всплыли въ душѣ слова его отца изъ послѣдняго къ нему письма, полученнаго въ дорогѣ: „а можетъ быть на томъ (свѣтскомъ) поприщѣ ждутъ тебя одни тернія“, и онъ затосковалъ отъ тревожныхъ мыслей, какъ бы эти слова не оказались пророческими, и тогда выйдетъ то, что онъ и отца огорчилъ упрямствомъ идти по дорогѣ, невѣдомой имъ обоимъ, и не достигъ ни личнаго счастья, ни возможности служить пользамъ и счастію другихъ.

Когда Перепелкину случалось быть въ особенно тоскливомъ расположеніи духа, онъ любилъ далеко уходить, во время утреннихъ или вечернихъ обычныхъ своихъ прогулокъ, за городъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда ужъ онъ былъ за заставой, два мальчика, 10—12 лѣтъ, одѣтые въ курточки, вихремъ пронеслись мимо него, впередъ, и, остановившись у верстоваго столба, заспорили горячо о томъ, кто изъ нихъ раньше сюда подбѣжалъ. За дѣтьми шли пожилой мужчина съ двумя дѣвочками, изъ которыхъ одна, лѣтъ 16, напоминала собою Клодочку.

Это была роковая встрѣча Перепелкина съ Любою, ставшею въ скоромъ времени его женою.

Съ Перепелкинымъ никто здѣсь изъ прежнихъ знакомыхъ не состоялъ въ такихъ сердечныхъ отношеніяхъ, чтобы онъ чувствовалъ потребность дѣлиться съ кѣмъ своими радостями и горемъ, а потому о такомъ важномъ шагѣ въ своей жизни, какъ женитьба, онъ только за недѣлю до вѣнца, и то по необходимости, сообщилъ тремъ лицамъ: отцу Ѳедору, такъ какъ квартиру его гувернантки онъ долженъ былъ оставить, вслѣдствіе чего и условія платы за переводы измѣнялись, и двоимъ мужчинамъ, которые могли быть свидѣтелями съ его стороны и шаферами жениха и невѣсты, что̀ и предложилъ онъ студенту Крушедолину и чиновнику П.

Отецъ Ѳедоръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Перепелкина, услыша въ такую неожиданную вѣсть.

— Въ какихъ же видахъ вы рѣшились на такое дѣло? Хорошее приданое берете, или предвидится сильная протекція?

— Ничего этого нѣтъ: люди простые и бѣдные.

— Такъ какъ же это вы такъ?

— Соскучился одинъ, полюбилъ и женюсь.

Отецъ Ѳедоръ высоко поднялъ оба плеча и долго смотрѣлъ на юношу такими глазами, какъ будто послѣдній совершилъ нѣчто, не только не подобающее здравомыслящимъ людямъ, но и свойственное однимъ сумасшедшимъ.

Онъ ничего больше не сказалъ на эту тему, а пообѣщалъ пріискать уроки, плата же за переводы должна была оставаться такою же, какую Перепелкинъ получалъ до перехода къ нему на квартиру.

Пріискавъ маленькую подходящую квартирку и нанявъ дешевенькую кухарку со стиркой бѣлья, Перепелкинъ сталъ укладываться, чтобы переѣхать на новоселье, какъ вдругъ кто-то сильно дернулъ за колокольчикъ. Это былъ отецъ Никита.

— Такъ и есть!—сказалъ онъ, увидѣвъ сборы къ выѣзду.—Слушаю отца Александра, что Перепелкинъ, молъ, третьяго дня обручился съ молоденькой, едва достигшей совершеннолѣтія, дѣвочкой, и ушамъ своимъ не вѣрю. Почему жъ вы ко мнѣ не обратились по такому важному дѣлу? Вѣдь, у меня до сотни невѣстъ на примѣтѣ, и я бы

вамъ и тысячъ на 25 спроворилъ бы такую, что только пальчики бы облизали. Эхъ вы! а еще ученый и умный человѣкъ!

— Я себя не продаю,—угрюмо замѣтилъ Перепелкинъ:—и могу жениться только на той, которую полюбилъ.

— Полюбили бы и съ хорошимъ приданымъ, потому что я предоставилъ бы вамъ большой выборъ. А то, что это такое? Семейство, правда, очень хорошее, по словамъ отца Александра, да, вѣдь, бѣдность-то непроходимая... вотъ что! Только жалованьемъ однимъ и перебиваются, доходишковъ никакихъ...

— Не нуждаюсь я въ даровыхъ деньгахъ, а люблю добывать ихъ трудомъ,—говорилъ озабоченный юноша, бережно укладывая въ чемоданъ свои дневники и письма отъ отца, друзей и Клодочки.

— Да, на двоихъ, конечно, немного еще нужно, но пойдутъ пискуны, на которыхъ потребуются рубли, а вы будете получать грѣши.

— Какъ это согласно съ ученіемъ Христа: „довлѣетъ дневи злоба его!“—озлился Перепелкинъ.

— Да тутъ ученіе Христа ни при чемъ!—свирѣпѣлъ и батюшка:—васъ жалѣючи говорятъ. Вотъ и Андрей Николаевичъ, когда я сообщилъ ему объ этомъ, выразился, что это безразсудное увлеченіе молодости, которое можетъ испортить карьеру многообѣщающаго юноши. Ей Богу! такъ и сказалъ. Жена моя тоже очень, очень сожалѣетъ, что вы такъ опрометчиво поступили. А вы откажитесь-ка отъ этой невѣсты—обрученіе ничего не значитъ—и мы васъ живо скрутимъ по-своему.

— Знаете ли что, отецъ Никита,—говорилъ горячій юноша, едва-едва удерживаясь отъ запальчивости:—если я не выхожу изъ терпѣнія, то только изъ уваженія къ вашему сану и изъ чувства благодарности за то участіе, которое вы приняли во мнѣ, когда у меня не было еще никого здѣсь знакомыхъ. Вѣдь, все то, что вы говорили мнѣ теперь, до глубины души оскорбляетъ меня, и я это приписываю только тому обстоятельству, что вы совершенно не понимаете меня...

— Ха-ха-ха!—загоготалъ отецъ Никита:—гдѣ же намъ, недоучкамъ, понимать ученыхъ людей!

Отецъ Никита ушелъ, не простившись.

— Извините, пожалуйста, за то, что я, противъ воли, вынужденъ былъ сказать вамъ по вашей собственной винѣ,—крикнулъ ему въ догонку Перепелкинъ.

Мысль о предстоящемъ событіи не оставляла Перепелкина. Странно, теперь у него не было того страстнаго, горячечнаго желанія поскорѣй увидѣться съ своей невѣстой, какое волновало его въ предъидущіе дни; мало того, его какъ будто пугало наступленіе того момента, когда онъ долженъ соединиться съ нею неразрывными узами до гроба. Въ умѣ невольно проводилась параллель между Клодочкой и Любой.

Полуслѣпая кухарка подала ему двѣ записки. Въ одной изъ нихъ будущій тесть предупреждалъ его, въ которомъ часу онъ долженъ пріѣхать за невѣстой со своими шаферами; въ другой сама невѣста выражала сожалѣніе о продолжительной разлукѣ съ милымъ, дорогимъ ей человѣкомъ, и непритворную радость, что пришелъ конецъ этой разлукѣ и она навѣки съ нимъ. Искренность чувствъ, выраженныхъ въ этомъ письмецѣ, не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію, но дѣтское царапанье, которое только съ трудомъ можно было разобрать, и полная безграмотность невольно ослабляли впечатлѣніе, производимое на юношу теплыми строками. Противъ воли возникалъ вопросъ: можно ли подтянуть до уровня съ собой существо, какъ видно, совсѣмъ нетронутое образованіемъ?

Въ четыре часа пріѣхали въ квартиру Перепелкина шафера: чиновникъ П. и студентъ Крушедолинъ. Они должны были ранѣе жениха отправиться въ церковь для исполненія формальностей по записи въ церковныя книги удостовѣренія о личности брачущихся.

Когда Перепелкинъ прибылъ въ квартиру невѣсты, тамъ всѣ уже были готовы къ отъѣзду въ церковь и, повидимому, только ждали жениха, на котораго, увы! все, въ ту минуту имъ увидѣнное, сразу произвело непонятно тяжелое впечатлѣніе: той безпритязательной простоты и въ пріемахъ, и въ рѣчахъ, и въ костюмировкѣ, которая такъ подкупающе дѣйствовала тутъ прежде на юношу, любившаго во всемъ естественность, не оказалось теперь ни на комъ и слѣдовъ. Все было приподнято на нѣсколько тоновъ выше, къ полному несоотвѣтствію со средствами и положеніемъ. Все какъ-будто разсчитано было на эффектъ. Любочка, которая представлялась такимъ милымъ ребенкомъ въ своемъ простенькомъ ситцевомъ платьицѣ, перехваченномъ голубенькимъ кушачкомъ, рѣзко обозначавшимъ ея гибкую талію, и съ манерами самыми безпритязательными, готовая броситься на шею своего жениха съ неудержимою стремительностью, выступала теперь театральной королевой въ своемъ вѣнчальномъ костюмѣ, съ напускною, совершенно не идущею къ ней, важностью во взорѣ, въ осанкѣ и пріемахъ. Отецъ, мать, точно также, знакомые уже Перепелкину, ихъ гости—все это предстало предъ нимъ въ самомъ неожиданномъ, неестественномъ видѣ и непріятно, тяжело дѣйствовало на его душу. Тутъ не было того внутренняго содержанія, которое вызывается минутой важнаго акта въ жизни человѣка и сопровождается серьезнымъ самоуглубленіемъ каждаго внутрь себя, вслѣдствіе чего и посторонніе люди невольно охватываются такими же чувствами, какія происходятъ въ душѣ тѣхъ, кому предстоитъ такой шагъ въ жизни. Нѣтъ, это было просто обезьянье копированіе тѣхъ пріемовъ, которые вы-

рабатываются въ другихъ кругахъ, съ другими средствами, какъ матеріальными, такъ и моральными.

Но, вотъ, приступили къ благословенію брачущихся, и природа, мало пока искаженная, вступивъ въ свои права, взяла свое, къ удовольствію Перепелкина. Блѣдность разлилась по лицу родителей, засверкали слезы въ глазахъ, и крѣпкое родственное чувство, видимо, охватило ихъ души, когда юное ихъ дѣтище предстало предъ ними за благословеніемъ для ухода отъ ихъ очага. Невѣста вздрогнула и прослезилась, ясно сознавая значеніе этой минуты. Все фальшивое, напускное мигомъ исчезло. Предъ глазами всѣхъ стояло, едва вышедшее изъ ребяческаго возраста, существо, которое трепетнымъ сердцемъ угадывало боль своихъ родителей и съ непритворнымъ сочувствіемъ отзывалось на нее. Но это хорошее впечатлѣніе вскорѣ было испорчено для Перепелкина послѣдовавшею затѣмъ опять фальшью во всемъ, которая, какъ Перепелкину казалось, происходила, главнымъ образомъ, оттого, что всему давала тонъ одна, весьма претенціозная особа, именно крестная мать Любы, принявшая на себя часть издержекъ по устройству свадьбы и бывшая посаженой матерью со стороны жениха. Она и послѣднему рекомендовала держать себя непредставительнѣе и пробовала дать и другія наставленія, но, не встрѣтивъ съ его стороны никакого сочувствія своимъ затѣямъ, она оставила его въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе, не утерпѣла таки и во время вѣнчанія шепнуть ему на ухо, чтобъ онъ „не горбился, а держался прямѣе“. Это замѣчаніе тѣмъ непріятнѣе было юношѣ, что онъ весь поглощенъ былъ мыслями о томъ, что предъ нимъ происходило. Чинъ вѣнчанія такъ обставленъ православною церковью, что для мыслящаго человѣка многое можетъ возбудить въ умѣ и сердцѣ; но предстоящая публика безсмысленно глядѣла на всѣхъ и на все и далека была мыслями отъ того, что читалось, пѣлось и дѣлалось тутъ. Пробовалъ Перепелкинъ смотрѣть сбоку на невѣсту, на шаферовъ своихъ, но первую ежеминутно оправляли въ разныхъ деталяхъ ея убранства и, естественно, все вниманіе ея невольно сосредоточивали на этомъ одномъ; изъ шаферовъ же чиновникъ занятъ былъ, преимущественно, глубокомысленнымъ созерцаніемъ своихъ новыхъ панталонъ и сапогъ, необыкновенную фасонистость которыхъ онъ, за часъ предъ тѣмъ, широковѣщательно расписывалъ Перепелкину, а студентъ такъ былъ серьезно и безучастно ко всему, происходившему тутъ, сосредоточенъ въ самомъ себѣ, что, навѣрное, подвергалъ строгому и всестороннему анализу только-что прочитанныя имъ послѣднія сочиненія, вышедшія въ Англіи, и о которыхъ онъ уже успѣлъ перекинуться нѣсколькими фразами съ Перепелкинымъ.

Наконецъ, всѣ обрядности вѣнчанія совершились. Начались поздравленія молодыхъ.

Настоящаго, неподдѣльнаго веселья, какое обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ у людей непритязательныхъ, здѣсь рѣшительно ни въ комъ не проявлялось: такъ все было сбито съ толку фальшивымъ тономъ, водворившимся во всей компаніи подъ вліяніемъ авторитетной крестной матери Любы. Всѣ двигались, говорили, дѣйствовали, смѣялись вяло, автоматично, безучастно, какъ-будто по навязанной имъ, противъ ихъ воли и желанія, программѣ. Все это было причиной тому, что въ душѣ молодаго супруга, совершенно некстати и наперекоръ его горячему темпераменту, вдругъ водворился холодъ отъ предвидѣнія круглаго сиротства въ отношеніи чувствъ и мыслей, которыми, повидимому, и въ будущемъ не съ кѣмъ будетъ дѣлиться. Тесть, теща, молодая жена,—какъ ни старался Перепелкинъ отдѣлаться отъ этихъ неумѣстныхъ мыслей,—невольно какъ-то представлялись въ новомъ свѣтѣ, съ другой точки зрѣнія. Они какъ-будто походили на людей, которымъ сильно хотѣлось пріобрѣсти извѣстную вещь, и вотъ они много хлопотали, чтобы она имъ досталась, много даже душевной энергіи употребили на то, чтобъ она не миновала ихъ рукъ, наконецъ-таки овладѣли ею, но, овладѣвъ, тотчасъ же отложили ее въ сторону—пусть, дескать, лежитъ себѣ, пока не потребуется для обихода—и на томъ совершенно успокоились.

— Эхъ, ты глупый и жалкій человѣкъ! —усерднѣйше корилъ себя въ душѣ молодой супругъ: — то закипишь ты и увлечешься до того, что сдѣлаешь безповоротный шагъ, а то вдругъ не кстати, совершенно не у мѣста, спустишься съ облаковъ и заднимъ числомъ начинаешь обсуждать то, чего уже и воротить нельзя! Такъ, такъ: вещь, положительно, вещь, ни больше, ни меньше какъ нужная для обихода вещь! — думалъ онъ, сердечно сокрушаясь, когда жена, при надоѣвшихъ ему словахъ: горько, горько, произносимыхъ гостями, въ силу обрядности, при заздравныхъ бокалахъ шампанскаго, цѣловалась съ нимъ, какъ ему казалось, холодно, безъ всякаго увлеченія. — Нѣтъ, не съ моимъ характеромъ быть счастливу въ средѣ, которая ни рыба, ни мясо—гвоздемъ засѣла у него мысль въ головѣ.

Наконецъ, молодыхъ рѣшили отправить домой, чему несказанно обрадовался молодой супругъ.

Много утекло воды, пока, наконецъ, Перепелкину удалось выйти изъ-подъ гнета тяжелой нужды и достигнуть положенія, сколько-нибудь правильно обезпечивающаго насущный кусокъ хлѣба. Пришлось перенести много лишеній и переиспытать немало тяжелыхъ минутъ, тѣмъ болѣе памятныхъ, что всѣ заботы о правильномъ веденіи хо-

зяйства, до послѣднихъ мелочей, падали на одного мужа, почти безъ всякаго раздѣла съ молодой женой.

Наконецъ, Перепелкину удалось поступить въ Публичную библіотеку на небольшое, но, по крайней мѣрѣ, регулярно уже оплачиваемое жалованье. Поступленіе въ число дѣятелей этой богатѣйшей сокровищницы всяческихъ знаній человѣческаго ума необыкновенно подняло и оживило его духъ.

Между тѣмъ какъ самъ онъ, лично, и отъ чтенія книгъ, о которыхъ прежде и понятія не имѣлъ и которыя только и доступны для служащихъ въ Публичной библіотекѣ, да для получающихъ разрѣшеніе свыше, и отъ расширенія знакомства съ людьми, въ научномъ отношеніи высокоразвитыми, все глубже и глубже уходилъ въ высшіе интересы какъ политической, такъ общественной и семейной жизни. Въ интеллигентныхъ кружкахъ столицы можно было уже тогда и не особенно проницательному человѣку подмѣтить и наблюдать два противоположныя теченія, ясно обозначившія стремленія людей строго консервативнаго образа мыслей, не стѣснявшихся въ открытомъ исповѣданіи самыхъ нелѣпыхъ и дикихъ принциповъ, и людей умѣренно либеральныхъ, которые скромно и съ робкой оглядкой силились противопоставить тѣмъ принципамъ нѣчто другое, болѣе разумное, болѣе гуманное, болѣе согласное какъ съ Божескими, такъ и съ человѣческими законами, однимъ словомъ, болѣе справедливое. Первые были поражены и въ крайней степени возмущены небывалыми успѣхами новой литературы въ направленіи Гоголя и Бѣлинскаго, которыхъ они, какъ родоначальниковъ этого направленія, смѣло и открыто называли колебателями основъ государственныхъ, предрекали ужасныя послѣдствія для Россіи, если не будутъ приняты мѣры къ изъятію подобныхъ произведеній изъ обращенія и продажи, и къ положительному воспрещенію появленія таковыхъ на будущее время. „Какой-нибудь не доучившійся бурсакъ такъ—что ли, или, какъ говорятъ другіе, выгнанный изъ университета по неспособностямъ къ наукамъ студентъ, осмѣливается топтать въ грязь все то, чему поклонялись мы и отцы нации. Да еще съ какимъ цинизмомъ и наглостью роняетъ наши авторитеты, къ которымъ мы относились съ благоговѣйнымъ уваженіемъ!“ Такъ говорили о Бѣлинскомъ лицемѣрные консерваторы, запуганные тѣми пріемами критики, которые, казалось, должны вывести всякую фальшь на чистую воду. А какъ они высоко цѣнили заслуги представителей науки, литературы, искусства, легко можно было бы составить понятіе уже и по тому факту, что они безусловно раздѣляли мнѣніе, съ небольшимъ лѣтъ за десять ранѣе высказанное министромъ народнаго просвѣщенія, что поэта смѣшно называть великимъ. „Развѣ Пушкинъ былъ полководецъ или государственный

дѣятель?“ —распекалъ глава министерства редактора журнала, въ которомъ была помѣщена статья о великой потерѣ, понесенной Россіей въ лицѣ Пушкина. Теперь рѣзче обозначились отношенія ихъ къ литераторамъ и взглядъ ихъ на литературу.

— Понимаешь, Россія стоитъ надъ бездной, она уже скользитъ по наклонной плоскости и, повѣрь, въ скоромъ времени бухъ-бухъ туда!—говорилъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ и ворочая свирѣпо сѣрыми зрачками князь Валеріанъ Ивановичъ другу своему, попечителю округа, нарочно пріѣхавъ рано къ нему съ новымъ стихотвореніемъ Некрасова:—да, да, по наклонной плоскости!—неистовствовалъ онъ, проводя правой ладонью по лѣвой, чтобы наглядно показать, какъ Россія соскользнетъ непремѣнно по такой плоскости въ бездну.

Онъ быстро раскрылъ журналъ, въ которомъ было помѣщено стихотвореніе Некрасова, подчеркнулъ ногтемъ нѣкоторые стихи и, сунувъ подъ носъ пріятелю книгу со словами: „понюхай-ка, чѣмъ все это пахнетъ“, самъ быстро заходилъ по залу, теребя черные, густые усы и изрѣдка пристально поглядывая на своего друга.

Другъ, пробѣжавъ стихи, насупился, засопѣлъ и сдѣлался мрачнѣе ночи, но ничего не сказалъ.

Это, повидимому, немножко озадачило гостя, генералъ-маіора Валеріана Ивановича.

— Да, чуть было не забылъ!—заговорилъ онъ: поздравляю тебя, и ты попалъ въ дураки, да еще отъ кого... —шепнулъ онъ что-то на ухо другу—хотя, такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ косвенно, мимоходомъ.

— Какъ такъ?—не своимъ голосомъ вскрикнулъ другъ, вскочивъ съ мѣста блѣдный, какъ полотно, и подойдя къ князю: что за вздоръ ты мелешь?

— Ничуть не вздоръ. А дѣло вотъ какъ происходило: графъ Б., извѣстный другъ и покровитель всѣхъ этихъ великихъ литераторовъ и поэтиковъ, послѣ доклада по своимъ дѣламъ, счелъ нужнымъ ходатайствовать, согласно желанію одного изъ великихъ, предъ государемъ о смягченіи цензуры, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи извѣстныхъ писателей...

— Ну!—опять вскрикнулъ другъ, засверкавъ глазами.

— Вѣдь до чего дошло,—докладывалъ ехидно графъ: теперь ужъ, ни печь, ни жарить нельзя на вольномъ духу.—Какъ такъ?—смѣясь спросилъ государь, слышавшій уже не разъ анекдоты о цензурныхъ дѣлахъ. — Зачеркиваютъ цензора въ поваренныхъ книгахъ вольный духъ и замѣняютъ его умѣренной температурой! — Дураки! — замѣтилъ серьезно государь: ну, отставить такого цензора, который такъ глупо понимаетъ свои обязанности.—Имѣли это въ виду, да отстоялъ

одного изъ такихъ предсѣдатель цензурнаго комитета.—Дураки! опять произнесъ съ суровой серьезностію государь, эффектно сказалъ князь, вскидывая лукавый взоръ на своего друга, который стоялъ, прислонясь затылкомъ къ стѣнѣ, ни живъ, ни мертвъ.

Минуту длилось молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Князь грузно ходилъ по залу, а другъ его все тамъ же стоялъ, понурый и угрюмый.

— Да, ты правъ, Валеріанъ! — сказалъ онъ, наконецъ, выступая на средину зала,—ты правъ тысячу разъ! Россія стоитъ надъ бездной и... Онъ провелъ ладонью по ладони, какъ это дѣлалъ князь, и выразительнымъ жестомъ показалъ, куда и какъ она соскользнетъ.

— Но у насъ-то, у насъ-то что дѣлается теперь!—перемѣняя тему, началъ опять князь Валеріанъ.

Другъ его, повидимому, недоумѣвалъ, о комъ и о чемъ идетъ рѣчь. Онъ насупилъ брови, насторожилъ уши и уставился на князя.

— Въ корпусахъ-то!!

Другъ былъ приведенъ еще въ большее недоумѣніе.

— Въ корпусахъ-то нашихъ пансіонахъ!—захохоталъ во всю глотку князь Валеріанъ, потрясая плечами, на которыхъ красовались свѣжіе генеральскіе эполеты.

— Ну! гуманизируютъ все капраловъ?—не безъ злорадства предложилъ свою догадку другъ.

— Да, вѣдь, какъ! До неистовства... Ринарховъ теперь все выше и выше тономъ забираетъ, а Р—въ... то бишь, Іаковъ, какъ онъ теперь подписывается и велитъ себя величать,—умиляется отъ дѣйствія патетическихъ рѣчей Ринархова на юныхъ капраловъ. Не дальше какъ третьяго дня, онъ, т. е. этотъ Ринарховъ, по поводу прочитаннаго имъ въ классѣ какого-то стихотворенія, повелъ такую храбрую атаку противъ рутинеровъ въ наукѣ, искусствѣ, администраціи и жизни, что полковникъ Недомысловъ, присутствовавшій на этой лекціи, такъ перепугался, что не могъ дослушать до конца трескотни вдохновеннаго лектора и ушелъ съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же отправиться къ Р—ву и откровенно доложить ему о своемъ впечатлѣніи.

— Ну!—торопилъ другъ князя, съ напряженнымъ вниманіемъ все время слушавшій, впившись ему въ глаза и далеко оттопыривъ свои губы.

— И представь же себѣ, что его же, т. е. этого полковника, такъ честно исполнившаго свой долгъ, Р—въ и распекъ, да еще ка-а-къ!

У друга сорвались какіе-то неопредѣленные звуки удивленія, на его угрюмомъ, суровомъ лицѣ задвигались мускулы, онъ втянулъ оттопыренныя губы и крѣпко ихъ сжалъ.

— Такъ распекъ, говоритъ полковникъ, что хоть въ отставку выходи.

— Брр! — выразилъ другъ отвращеніе, покачавъ головой.

— Сначала, онъ, т. е. Р—въ, усадилъ меня противъ себя, говоритъ полковникъ, и не только внимательно выслушивалъ мой докладъ, но даже кое-что переспрашивалъ по нѣсколько разъ, а потомъ вдругъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ: „да вы оставьте, полковникъ, свои сужденія, а передайте все то, что говорилъ Ринарховъ, и, по возможности, въ его выраженіяхъ. Это, говоритъ полковникъ, мнѣ тѣмъ удобнѣе было сдѣлать, что я много выраженій успѣлъ черкнуть въ своей записной книжечкѣ. Только-что я кончилъ, говоритъ полковникъ, какъ Р—въ быстро всталъ, подошелъ ко мнѣ и какъ-то странно спросилъ: „Все-съ?“ „Все-говорю, ваше пр—ство“. „И больше ничего-съ?“ „Ничего, говорю, ваше пр—ство“. „Такъ, вы, полковникъ, не вмѣшивайтесь въ эти дѣла больше никогда, потому что вы тутъ ровно ничего не понимаете. Ринарховъ, какъ я вижу изъ всего, что вы тутъ передали мнѣ, говорилъ очень умно, и я сочту долгомъ поблагодарить его за это“...

— Брр, брр!—удивлялся другъ, свирѣпо сверкая глазами и раскачивая головой.

— Да, нѣтъ, ты дослушай!—умолялъ друга князь:—такъ, я, говоритъ, сочту долгомъ поблагодарить его за это, потому что онъ говорилъ такъ не мальчикамъ, а юношамъ выпускнаго класса, у которыхъ надо же развить человѣческій смы-ы-слъ“... Каковъ гусь!—хохоталъ съ неистовыми гримасами князь Валеріанъ, растянувъ слово смыслъ.

— Да, ты правъ, тысячу разъ правъ, князь: Россія на краю бездны стоитъ и по такой наклонной плоскости скоро скользнетъ туда!—мрачно указалъ другъ на паркетный полъ.

Р—въ былъ бѣльмомъ на глазу для людей ультра-консервативнаго или, скорѣе, ретроградного образа мыслей, во главѣ которыхъ стоялъ другъ князя Валеріана, попечитель учебнаго округа. Для этихъ людей весь смыслъ ихъ отношеній къ государству заключался въ излюбленномъ ими принципѣ: строгость, строгость и строгость, которой атрибутами были девизы: молчать, не разсуждать, не смѣть думать!

Р—ъ, какъ второстепенный опекатель военныхъ юнцовъ, подъ вліяніемъ добросердечнѣйшаго главнаго своего начальника, воспитаннаго гуманнымъ поэтомъ, вовсе строгости не отвергалъ, какъ утверждали подкапывавшіеся подъ него враги, но требовалъ, чтобы она была разумная, справедливая, а относительно тѣхъ атрибутовъ ея такъ иронизировалъ: молчать—безсмысленно, разсуждать—слѣдуетъ, а не думать—и нельзя. За это онъ прослылъ чуть не якобинцемъ въ кружкахъ лицемѣрныхъ или тупоумныхъ патріотовъ. Онъ спра-

ведливо разсуждалъ, что солдатъ-машина, а тѣмъ болѣе офицеръ-машина составляютъ только „пушечное“ мясо, конечно, матеріалъ тоже нужный, но этотъ матеріалъ несравненно можетъ быть цѣннѣе, если онъ будетъ воодушевленъ живою мыслью. Въ силу такого взгляда на вещи, онъ сразу и сильно полюбилъ Ринархова за то, что тотъ всячески старался пробудить (хотя уже и поздненько) въ питомцахъ старшихъ классовъ любовь къ высшему умственному и нравственному развитію, пользовался всѣми случаями, чтобы выяснить молодымъ людямъ желательные идеалы русскихъ дѣятелей, смѣлымъ словомъ казнилъ все низкое, безчестное и безнравственное и достигъ того, что успѣлъ расшевелить не мало молодыхъ силъ, устремившихся къ свѣту. Ринарховъ (Веденскій?) былъ очень талантливая личность, и настоящее ему мѣсто было бы не въ корпусахъ, а на каѳедрѣ университетской, которой онъ и попробовалъ было искать. Но, увы! репутація либеральнаго преподавателя въ корпусахъ все ему испортила. Ни блистательно выдержанный имъ экзаменъ на магистра, ни серьезная и умная диссертація, представленная имъ на эту степень, не подкупили ни одного голоса въ его пользу. Каѳедра досталась другому конкурренту. Ни для кого не было тайной, что здѣсь оказалось давленіе со стороны попечителя, который заранѣе еще объявилъ, что „будь Ринарховъ семи пядей во лбу и снимай звѣзды съ неба“, онъ не можетъ быть принятъ въ университетъ за свой либеральный образъ мыслей.

— Представь себѣ,—говорилъ онъ своему другу, князю Валеріану Ивановичу,—что вольнодумецъ Ринарховъ, ничтоже сумняшеся, затѣялъ получить каѳедру въ нашемъ университетѣ! Каковъ? А!

— Ну, и что же?—любопытствовалъ князь.

— Конечно, грибъ съѣлъ. Могъ ли я допустить такую язву въ университетъ, развращать ввѣренное моему попеченію юношество!

А юношество, между тѣмъ, дѣйствительно, развращалось именно тѣми самыми мѣрами, которыя тогда во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ принимались для предохраненія, якобы, молодыхъ людей отъ всякой нравственной порчи. И прежде въ рѣдкомъ учебномъ заведеніи раздавалось съ каѳедры живое слово, такъ магически дѣйствующее на молодые умы, а теперь хоть шаромъ покати: мертво, пусто, до тоски скучно. Ни убѣжденности, ни силы знанія, ни вѣры въ могущество научнаго свѣта—все наповалъ убито педантскимъ формализмомъ! Что же оставалось дѣлать юношамъ? Тѣ, которые чувствовали потребность серьезнаго образованія, въ большинствѣ случаевъ, пренебрегали мертвящимъ университетскимъ преподаваніемъ, состоявшимъ въ переливаніи изъ пустаго въ порожнее, и очень усердно развивались по собственнымъ программамъ, въ которыя входило непре-

мѣнно и самое широкое знакомство со всѣми идеями запада. Все можно достать, была бы только охота, а тутъ ужъ не только охота, а великій интересъ ко всему запрещенному пробудился въ душѣ молодыхъ любознательныхъ людей, какъ скоро они увидѣли, что науку урѣзаютъ, съ цѣлью предохранить ихъ отъ чего-то опаснаго, и урѣзаютъ люди, ни въ смыслъ, ни въ честность которыхъ проницательная молодежь не имѣла ни малѣйшаго основанія вѣрить. Это были молодые люди, искавшіе только свѣта и собственными усиліями выработавшіе изъ себя честныхъ и разумныхъ дѣятелей. Но такихъ было сравнительно мало. Большинство же состояло изъ шалопаевъ, поступившихъ въ высшее учебное заведеніе ради диплома, которые никакихъ научныхъ стремленій никогда не имѣли и даже просто не любили науки, а теперь, какъ увидѣли, что она и у начальства не въ большомъ авантажѣ, только въ томъ и изощрялись, какъ бы обманнымъ способомъ переходить изъ курса въ курсъ, въ чемъ, конечно, и успѣвали, да еще такъ, что выходили со степенью кандидата, принанявъ кого-нибудь написать диссертацію, по недостатку своихъ знаній и полной грамотности. Вотъ изъ этихъ-то и получились на всѣхъ поприщахъ Фамусовы, Молчалины и Скалозубы. Вскорѣ послѣдовавшая Крымская война, утвердившая за Россіей названіе колосса на глиняныхъ ножкахъ, воочію показала всѣмъ, кто былъ болѣе правъ—тотъ ли, который старался утвердить такую схему правительственныхъ мѣропріятій, какъ: молчать, не разсуждать, не смѣть думать! или тотъ, кто скромно, но съ очевиднымъ здравымъ смысломъ осмѣлился противопоставить этимъ аѳоризмамъ свои: молчать—безсмысленно; разсуждать—слѣдуетъ; а не думать—нельзя.

(Конецъ 2-й части).

Записки стараго актера.

VI[1]).

Мнѣ могутъ сдѣлать упрекъ въ нѣкоторой, кажущейся непослѣдовательности, по поводу моего опредѣленія Верстовскаго, какъ художника, глубоко понимавшаго искусство, когда именно при его управленіи и процвѣтали эти дикіе сценическіе пріемы. Повторяю, онъ дѣйствительно былъ художникъ, но художникъ со взглядами того времени, когда сами Леонидовъ и Черкасовъ были только блѣдными намеками на прошедшее (нѣкоторыхъ изъ нихъ я еще засталъ на сценѣ, хотя и на склонѣ ихъ завывательной дѣятельности). Несмотря на новаторство Мочалова, Щепкина и ихъ послѣдователей, которымъ онъ очень сочувствовалъ, все-таки, не въ силахъ былъ отрѣшиться вполнѣ отъ своихъ устарѣлыхъ взглядовъ на искусство и особенно на исполненіе трагедіи; доказательствомъ чего служитъ написанная имъ музыкальная баллада для роли Офеліи въ „Гамлетѣ“, гдѣ для безумной, милой, скромной, симпатичной дѣвушки, выражающей свое горе въ какихъ-то болѣзненныхъ, тихихъ, несвязныхъ звукахъ, едва напоминающихъ пѣніе, онъ сочинилъ цѣлую балладу, дѣйствительно прелестную, музыкальную, но, несмотря на эти достоинства, пѣніе не вяжется съ положеніемъ дѣйствующаго лица и производитъ разладъ съ художественнымъ изображеніемъ Офеліи—Шекспиромъ.

Насколько Верстовскій сочувствовалъ иногда ложнымъ выходкамъ актеровъ, нерѣдко просто смѣшнымъ, можно судить по слѣдующему случаю. Трагикъ Полтавцевъ обладалъ очень не дурнымъ барито-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1905 г.

номъ, конечно, въ смыслѣ домашняго обихода, но онъ возмечталъ, что такой голосъ есть цѣнность, и вотъ въ свой бенефисъ надумалъ спѣть въ антрактѣ романсъ на слова Пушкина „Черная шаль“. Занавѣсъ поднятъ, декорація представляетъ залъ, какъ будто Мавританскій. На аванъ-сценѣ стоитъ оттоманка, мало похожая на настоящую, на ней полулежалъ трагикъ Полтавцевъ съ печальнымъ и мрачнымъ видомъ, въ костюмѣ грека, въ шитой фескѣ съ золотой кистью, рядомъ на табуреткѣ лежитъ немного свѣсившись злополучная черная шаль. Ритурнель въ оркестрѣ, и...

„Гляжу я безмолвно на черную шаль“. И такъ далѣе, съ чувствомъ, толкомъ и вычурной разстановкой. Мы вѣдь въ то время были очень невзыскательны. Съ выходками подобнаго рода сильно приходилось бороться Щепкину (другіе не вступались или, какъ П. М. Садовскій, только посмѣивался и, не стѣсняясь, громко твердилъ: „вотъ болваны-то!“), но тутъ была выходка музыкальная, значитъ, на ея сторонѣ самъ Верстовскій, а съ нимъ борьба въ такихъ случаяхъ не по силамъ даже и Щепкину, хотя онъ никогда не стѣснялся высказывать правду. За весь длинный періодъ моей службы въ Маломъ театрѣ, мнѣ ни разу не пришлось замѣтить, чтобы Щепкинъ говорилъ о комъ-нибудь дурно заглаза, но всегда высказывалъ прямо, открыто правду всякому, за что̀ былъ не любимъ многими. Слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту его характера: собой, своимъ исполненіемъ ролей онъ никогда не былъ доволенъ, чему яснымъ доказательствомъ служило то, что сколько бы разъ ни игралъ роль, онъ никогда не прекращалъ заниматься ею и всегда находилъ все новыя и новыя черты, которыя раньше были имъ не замѣчены.

Его неустанная работа, въ изученіи человѣческихъ страстей, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, не прекращалась до послѣднихъ дней его поучительной для насъ жизни.

И такъ шагъ за шагомъ двигалось драматическое искусство къ намѣченной имъ цѣли; старые пріемы отступали все дальше и дальше, и на смѣну ихъ явились актеры-художники съ новымъ направленіемъ, выражавшимся въ простотѣ, правдѣ, искренности, которыя прогрессируютъ и до настоящаго времени. Казалось, этотъ пріемъ и есть самый желанный для осуществленія идеи — нравственнаго воздѣйствія на толпу, идеи, такъ удачно вылившейся и воплотившейся въ сценической формѣ. На сценѣ все стало просто, ясно, свѣтло. Мысли, выраженныя авторомъ, въ передачѣ талантливыхъ актеровъ и актрисъ, научали многому, соединяли разнообразную толпу по уму, по взглядамъ, воспитанію, положенію въ свѣтѣ зрителей въ одно цѣлое, въ одну компактную массу, воспринимающую и чувствующую одинаково. Отсюда начала сродства, духовнаго единенія.

Авторы и актеры будили мысли, поднимали нервы, заставляли работать психику. И на здоровой реальной почвѣ каждый изъ зрителей по-своему производилъ анализъ высказанныхъ авторомъ наблюденій надъ жизнью. Значитъ, путь найденъ.

VII.

Когда не стало желѣзной руки Верстовскаго, все, что таилось подъ-спудомъ и не смѣло проявляться при немъ, теперь выплыло на поверхность; всюду и вездѣ стало развиваться низкопоклонничество, прислужничество и иные признаки бывшаго рабства. Н. М. Никифоровъ объ этомъ времени отзывался такъ: „Мы, дружокъ мой, проходимъ теперь школу бѣдствій“. Правда, школа Верстовскаго и его предшественниковъ оставила глубокій слѣдъ даже въ отношеніяхъ актеровъ между собой; небрезгливые пролѣзали повсюду, опираясь на неразборчивыхъ покровителей. Явилось наушничество, клевета, когда инымъ способомъ нельзя было устранить конкуррента. Все, что поскромнѣе, почище, отступилось, съежилось, замерло, ушло въ себя, не желая участвовать въ общей, грубой погонѣ за ролями, деньгами и почетомъ. Образовались партіи во главѣ съ прекраснымъ поломъ. Вражда партій доходила до того, что по цѣлымъ мѣсяцамъ, ежедневно встрѣчаясь въ театрѣ, они, какъ бы, не узнавали другъ друга. Потомъ появлялись перебѣжчики изъ одной въ другую, образовывались новыя, но способъ дѣйствій у всѣхъ былъ одинъ и тотъ же.

Всякій поступокъ непринадлежащаго къ партіи, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, честенъ, непремѣнно перетолковывался въ дурную сторону; во всемъ старались видѣть неискренность, подлогъ или трусость, не желая понять, что человѣкъ не дѣйствуетъ какъ большинство, только по несочувствію ко всякимъ дрязгамъ. И никто не могъ избѣжать неожиданныхъ навѣтовъ. Да и въ самихъ партіяхъ далеко не было единства, въ каждой изъ нихъ шла своя глухая борьба. Имѣлось не мало и такихъ, которые служили и вашимъ и нашимъ, смотря по тому, что выгодно въ данную минуту.

Одно только можно сказать, что всѣ интриги, всѣ продѣлки, которыя вершились другъ противъ друга за сценой, никогда не переносились на сцену при исполненіи; какъ исключеніе, я въ своемъ мѣстѣ приведу только одинъ примѣръ, другаго подобнаго не знаю. Всѣ всегда какъ одинъ человѣкъ, друзья и враги, дружно соединялись для общей работы, хотя раньше, пока еще роли не розданы,

борьба была страшная. Кто хлопоталъ о себѣ, кто о своихъ присныхъ. И благодаря разнымъ ухищреніямъ и забѣганіямъ ни одна пьеса не могла быть роздана вполнѣ такъ, какъ бы слѣдовало, для пользы дѣла и даже для самихъ участвующихъ; но немногіе изъ нихъ желали сознавать это. Самолюбіе актера не знаетъ предѣла: у нѣкоторыхъ это ревнивое чувство буквально доходило до какого-то болѣзненнаго состоянія. Одни скромно высказывались о бездарности завѣдомо-талантливаго товарища, безъ разбора, будь то мужчина или женщина: разъ субъектъ талантливъ, для такихъ болѣзненно-настроенныхъ онъ все равно — врагъ. Другіе, пользуясь рѣдкой популярностью въ публикѣ, безапелляціонно порицали все и всѣхъ, не находя ни въ комъ и тѣни дарованія. Такихъ лицъ я привожу какъ исключенія и по таланту, и по упорству вообще.

Но дѣлать изъ этого выводъ, что они не заботились объ ансамблѣ обставляемыхъ пьесъ, тоже нельзя: при раздачѣ ролей это было ихъ серьезной заботой, и между инспекторомъ репертуара или авторомъ всегда шли большія пререканія. Но даже сами авторы въ рѣдкихъ случаяхъ оставались побѣдителями, и имъ приходилось отступаться отъ своихъ первоначальныхъ назначеній, потому что какой-нибудь премьеръ или премьерша, которыми авторъ дорожилъ больше всего, категорически заявляли, что участвовать въ пьесѣ отказываются, если роли не будутъ отданы тѣмъ, кого желаютъ они, отлично понимая, что авторъ не захочетъ ихъ отсутствія въ своей пьесѣ и сдѣлаетъ имъ угодное. Несмотря на видимую рознь, эту семейную распрю актеровъ между собой, которая сопровождалась многими недостойными дѣйствіями, не останавливаясь даже передъ клеветой и доносами, (я бы могъ фактически подтвердить такіе случаи), стоило только появиться новому таланту съ провинціальной сцены, какъ домашняя вражда прекращалась сразу и вся плеяда враждующихъ быстро сплачивалась въ одно цѣлое, враждебное только пришельцу. Конечно, если этотъ пришелецъ извѣстный талантъ и долженъ занять мѣсто на-ряду съ премьерами. Тутъ все сплотившееся уже не останавливалось ни передъ какими преградами, лишь бы не допустить его до поступленія въ труппу. Такихъ примѣровъ было много: колоссальная провинціальная знаменитость, трагикъ Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ (отецъ нынѣшняго талантливѣйшаго актера малаго театра К. Н. Рыбакова), дебютировалъ въ Маломъ театрѣ всего одинъ разъ, имѣлъ огромный успѣхъ, о его дебютѣ заговорила вся Москва, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали втораго дебюта. Но и этотъ Голіаѳъ палъ передъ массой завистниковъ и удалился опять въ провинцію; а на предложеніе директора втораго дебюта и службы на казенной сценѣ отвѣтилъ: „благодарю, довольно!.. я валандаться не привыкъ и служить

у васъ не желаю". Актеръ Милославскій, тоже знаменитость, дебютировалъ одинъ разъ, имѣлъ большой успѣхъ, но самъ, какъ опытный, испытанный боецъ по части закулисныхъ интригъ, увидѣлъ ясно, что если онъ поступитъ на службу, то оправдается на дѣлѣ извѣстная поговорка: „нашла коса на камень", а потому счелъ за лучшее возвратиться въ провинцію, гдѣ по закулисной работѣ ему равныхъ не находилось.

VIII.

Между тѣмъ въ это время происходило какое-то странное движеніе во всемъ московскомъ управленіи театрами. Все среднее начальство, инспекторъ репертуара Пороховщиковъ, инспекторъ школы Оберъ, чиновникъ особыхъ порученій Пельтъ, смотритель за сборами Талызинъ и другіе (Пельтъ въ концѣ службы Верстовскаго мечталъ получить мѣсто инспектора репертуара), всѣ волновались, бѣгали, какъ въ разоренномъ муравейникѣ, каждый тая въ глубинѣ души сладостную надежду быть замѣстителемъ управляющаго конторой; каждый ждалъ благопріятныхъ извѣстій изъ Петербурга, гдѣ имѣлись у нихъ свои ходатаи.

Но вдругъ, неожиданно для всѣхъ, какъ съ неба свалился замѣститель какой-то Арбузовъ, и грезы исчезли, какъ пріятный сонъ. Всѣ, въ глубокой печали, тихо усѣлись опять по своимъ мѣстамъ, кромѣ Пороховщикова, который не перенесъ потери, вышелъ въ отставку и занялся исключительно своими лошадьми и каретами. Мечты Пельта отчасти сбылись, онъ занялъ мѣсто Пороховщикова, т. е. инспектора репертуара.

Но какое счастье для всѣхъ чаявшихъ аппетитнаго мѣста!.. Арбузовъ, какъ метеоръ, налетѣлъ, покружился временно и исчезъ, не оставя даже и слѣда.

И снова загорѣлись страсти, закипѣла борьба конкуррентовъ. Къ счастью, эта борьба на дѣла театра не имѣла никакого вліянія, кромѣ развѣ нѣсколькихъ мелкихъ и довольно странныхъ распоряженій, исходившихъ то отъ того, то отъ другаго изъ борцовъ, нерѣдко противорѣчившихъ одно другому. Наконецъ, побѣда ясно стала клониться на сторону новаго инспектора репертуара Пельта. Хотя оффиціальнаго назначенія еще не послѣдовало, но всѣ дальнѣйшія распоряженія начали исходить исключительно отъ него. Въ школѣ былъ преподавателемъ драматическаго искусства режиссеръ Соловьевъ. Пельтъ за-

мѣнилъ его талантливымъ актеромъ Дмитревскимъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно тихій, скромный, избѣгавшій всякихъ партій и интригъ, а съ такими качествами невозможно было занять должнаго положенія въ трупѣ даже такому рѣдкому таланту, какъ онъ. Впрочемъ, въ то жестокое время такихъ примѣровъ было много.

Только съ поступленіемъ къ намъ новыхъ, свободныхъ дѣятелей съ провинціальныхъ сценъ, такія явленія стали быстро исчезать и за послѣднія двѣнадцать, пятнадцать лѣтъ исчезли совсѣмъ, несмотря на то, что они все-таки были очень стѣснены порядками, существовавшими до нихъ. Считаю нужнымъ сдѣлать легкій очеркъ бывшаго, такъ называемаго: „главнаго режиссера“ Малаго театра, иначе: „режиссера по навыку“.

Трудный, тяжелый путь прошелъ онъ для достиженія такого мѣста, на которое въ сущности не имѣлъ ни малѣйшаго права. Экстерный воспитанникъ Театральной школы, онъ учился исключительно однимъ танцамъ. Его товарищи, сознавая громадный пробѣлъ въ воспитаніи, получаемомъ въ школѣ, спѣшили заполнить его всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Изъ всѣхъ только трое избрали практическій путь, въ томъ числѣ и онъ. Они поступили на побѣгушки къ режиссерамъ въ разныя трупы; ему досталась драматическая. Съ 13—14 лѣтъ онъ началъ исполнять эту капельдинерскую должность. Смѣнялись управляющіе конторой, инспекторы репертуара, режиссеры, ихъ помощники, поступали новые, иногда съ дикими требованіями и поступками возмутительными, касавшимися лично его, онъ терпѣлъ и умѣлъ уживаться и примѣняться ко всѣмъ. Никакія оскорбленія не вызывали въ немъ видимаго протеста. По 17-му году, по правиламъ того времени, всѣ ученики опредѣлялись на службу и получали опредѣленное жалованье. Но поступали только въ балетную трупу, за весьма рѣдкими исключеніями въ другія, таковъ былъ порядокъ для всѣхъ, не исключая даже воспитанницъ школы.

Но режиссеры Акимовъ и Соловьевъ просили Пороховщикова (инспекторъ репертуара) не занимать его въ балетахъ, а, какъ расторопнаго парня, оставить при нихъ для тѣхъ же побѣгушекъ. Разумѣется при такой адской работѣ, которую онъ несъ, нельзя было и думать о какомъ-либо самообразованіи. Да онъ и до конца жизни не домогался этого.

И такъ шли годы и всякая книга, которая не была театральной пьесой, была чужда и непонятна ему. За болѣзнью сценаріуса Пономарева (впослѣдствіи режиссеръ) онъ иногда замѣнялъ его. И такъ понемножку, да по-маленьку, сдѣлался и сценаріусомъ. Слишкомъ двадцать лѣтъ тянулъ онъ тяжелую лямку, за всякую оплошность, несвоевременный выпускъ на сцену актера получалъ брань,

и все это сносилъ покорно, терпѣливо, подобострастно прося простить.

Наконецъ, за смертью режиссера Богданова, замѣнившаго уволеннаго Пономарева, онъ тихо, мягко проползъ и въ режиссеры, увѣряя, что будетъ самымъ покорнѣйшимъ слугой всѣхъ. Сначала былъ очень тихій, скромный, услужливый, заискивающій у всѣхъ и каждаго, потомъ съ каждымъ годомъ все больше сталъ проявлять несимпатичныя черты своего характера. Прекрасно уживался со всѣми начальниками, выказывалъ передъ ними скромность, угодливость, между тѣмъ въ трушѣ дѣлался для мелкихъ и непокорныхъ ему — бичемъ, всюду проявляя свои диктаторскія склонности, поучая творчеству въ искусствѣ и требуя отъ многихъ точнаго исполненія своихъ, иногда крайне невѣжественныхъ, указаній.

Развивая свои диктаторскіе инстинкты, онъ укрѣплялся на мѣстѣ все тверже и тверже и дошелъ до того, что даже первые дѣятели сцены стали его побаиваться не на шутку. Его тайные и неожиданные подкопы, доносы, клеветы могли повредить каждому, чему не мало было и примѣровъ. Превосходная, талантливая актриса Н. В. Рыкалова, благодаря его происканъ и клеветамъ, принуждена была оставить сцену, не дослуживъ какихъ-то двухъ лѣтъ до 50-ти-лѣтняго своего юбилея. Его бывшій помощникъ, А. М. Кондратьевъ, за безтрепетность и непоклоненіе его особѣ, едва не потерялъ службы.

Даже такая артистка, какъ Г. Н. Ѳедотова, отъ его происковъ должна была просить заступничества министра, а иначе и этому „перлу“ нашей сцены грозилъ уходъ изъ роднаго гнѣзда.

Въ заключеніе скажу, это былъ настолько озлобленный человѣкъ, что даже мстилъ дѣтямъ-сиротамъ за несочувствіе къ нему ихъ умершаго отца.

Управленіе Пельта въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ было какъ-бы продолженіемъ тѣхъ же порядковъ, какъ и при его предшественникѣ. Разница только въ томъ, что первый всесторонне понималъ все касающееся театра, а Пельтъ въ этомъ отношеніи былъ бѣденъ, какъ Іовъ. Главное, что особенно серьезно заботило его, это отношенія къ нему всѣхъ служащихъ; за этимъ онъ тщательно слѣдилъ: есть ли у служащаго должный трепетъ къ нему, всталъ ли подчиненный, когда онъ, хоть вдалекѣ, проходилъ мимо, если всталъ, то когда сѣлъ опять, во-время ли.

Онъ не разбиралъ, кто это былъ, мужчина, дѣвушка или почтенная женщина. Если же, по его понятію, это сдѣлано несвоевременно, то онъ возвращался къ нарушителю дисциплины и вразумительно дѣлалъ замѣчаніе: „что снова садиться можно тогда, когда онъ совсѣмъ скроется, а вы сѣли, когда я еще былъ близко; надо всегда ждать“.

Конечно, такимъ внушеніямъ подвергались исключительно тѣ, отъ которыхъ онъ не ждалъ отпора, или такіе, которые разсчитывали посредствомъ подобострастія и угодничества расположить къ себѣ сердце добраго начальника и получить искомое. И дѣйствительно, нерѣдко достигали многаго. Полемъ же такихъ пріятныхъ экскурсій для удовлетворенія этой странной потребности служили главнымъ образомъ балетъ и опера, т. е. вѣрнѣе—хоръ. Тутъ онъ былъ полнымъ властелиномъ и буквально замиралъ отъ счастья, видя вокругъ себя общую глубокую покорность.

Но увы!... это было пріятное, но кратковременное наслажденіе. Неожиданно послѣдовало новое назначеніе, да не управляющаго конторой, какъ было раньше, а прямо управляющаго театрами, съ правами вице-директора, а власть Пельта ограничивалась одной конторой, и то подъ контролемъ новаго вице-директора Леонида Ѳедоровича Львова. И вотъ, изъ огромнаго количества подобострастныхъ и трепетныхъ подчиненныхъ у всевластнаго Пельта остались только конторскіе писцы и капельдинеры, а это, разумѣется, было очень больно для любителя трепета и поклоненія, тѣмъ болѣе, что мечта цѣлой жизни, тяжелая борьба, вынесенная за обладаніе властью—осуществилась; онъ вкусилъ, почувствовалъ всю ея прелесть, и вдругъ пришлось уступить эту власть другому, а самому заключаться въ контору, какъ въ орѣховую скорлупку.

IX.

По своей любви къ искусству и пониманію всѣхъ его тонкостей, Львовъ напоминалъ Верстовскаго, но съ новыми, современными воззрѣніями и совершенно иными взглядами и требованіями отъ подчиненныхъ, чѣмъ требованія Верстовскаго и особенно Пельта.

По характеру мягкій, увлекающійся, довѣрчивый, чѣмъ на первыхъ порахъ и не преминули воспользоваться ловкіе люди,—подъ видомъ заботы о благѣ искусства они сумѣли все устроить такъ, какъ было выгодно лично имъ. Спасибо за то, что не помѣшали этому энергичному дѣятелю создать то, что онъ создалъ въ короткій срокъ своей службы для театра и искусства вообще.

Говоря правду, эти навязавшіеся помощники шумѣли много, бросались, метались и, пожалуй, нѣкоторую пользу и оказали, но смѣю думать, что и безъ ихъ шумливаго участья Львовъ сдѣлалъ бы то же самое.

Но были и нешумливые помощники, которые только охали и необыкновенно жалобно вздыхали, какъ инспекторъ репертуара князь Кугушевъ, очень милый, добрый, необычайно нѣжный, изъ аристократическаго общества, особенно замѣчательный тѣмъ, что всегда, при всякомъ удобномъ случаѣ, своимъ тоненькимъ, нѣжнымъ и въ то же время—жирнымъ голоскомъ, жаловался на то, что совсѣмъ стало нельзя ѣздить въ Малый театръ: „на сценѣ только и видишь—одни русскія пьесы, зипуны, и зипуны заполонили все. Согласитесь, вѣдь это ужасно!“ Онъ былъ ярый западникъ.

За два года службы, только и заслужилъ названіе: „пуховой перины“, и онъ дѣйствительно всей своей мягкой фигурой очень напоминалъ перину.

Новый вице-директоръ, представившись всѣмъ трушамъ, черезъ нѣсколько дней явился въ Театральную школу, желая узнать, чѣмъ занимаются воспитанницы, какъ идутъ занятія. Очень любезно бесѣдовалъ со всѣми, просилъ сыграть на фортепьянахъ, и когда одна изъ воспитанницъ сыграла, онъ остался очень доволенъ (воспитанница училась дома, до поступленія въ школу). Потомъ просилъ спѣть что-нибудь хоромъ, но оказалось, что хоровому пѣнію ихъ не учили. Впрочемъ, одна изъ воспитанницъ спѣла по его просьбѣ какой-то романсъ.

И все бы кончилось благополучно, если бы ему не вздумалось спросить и объ ихъ научныхъ знаніяхъ.

Вотъ тутъ онъ былъ совсѣмъ озадаченъ и возмущенъ страшно. Крайне недовольный, уѣхалъ, простясь только съ воспитанницами.

Вечеромъ, въ Маломъ театрѣ, въ кругу старыхъ заслуженныхъ актеровъ, онъ, не стѣсняясь, выражалъ свое неудовольствіе по адресу инспектора школы, начальницы, надзирательницы, учителей, рѣзко порицая всѣхъ за такое невниманіе къ молодежи: „такъ вести дѣло невозможно!... помилуйте, вѣдь тамъ растутъ будущія актрисы!“...

Такъ какъ изъ всѣхъ актеровъ пользовался его особымъ расположеніемъ И. В. Самаринъ, то онъ и былъ приглашенъ къ нему обсудить, какъ поправить дѣло. Черезъ нѣсколько дней всѣ узнали, что учителемъ драматическаго класса назначенъ Самаринъ, съ содержаніемъ въ тысячу рублей въ годъ. (Дмитревскій получалъ триста). Вмѣстѣ съ тѣмъ были приглашены почти всѣ новые учителя: словесности—Басистовъ, исторіи и географіи—Толстопятовъ, ариѳметики—Кудрявцевъ, и такъ далѣе—во всемъ полная перемѣна; пѣніе м-мъ Лабортъ, хоровое пѣніе—Осбергъ, классныя дамы съ необыкновеннымъ французскимъ языкомъ тоже были удалены, но, къ несчастью, по чьей-то странной рекомендаціи, взяты были двѣ классныя дамы, институтки, прекрасно говорящія и хорошо знающія французскій языкъ;

одна изъ нихъ, кромѣ того играла на фортепьянахъ такъ, что хоть концерты давай, но обѣ, такъ называемыя „передовыя женщины“, шестидесятницы. Это, конечно, не бѣда, если бы онѣ не были изъ тѣхъ, которыхъ главная основа, казовый конецъ культурности—извѣстные атрибуты, до нечесанной головы и траурныхъ ногтей—включительно. Отсюда, разумѣется, все шло и далѣе, до сообщенія несвойственныхъ дѣтямъ взглядовъ на жизнь и девизъ: „говорить со всѣми и о всемъ, не стѣсняясь никакими выраженіями“. Все это, конечно, тщательно было скрыто отъ преобразователя школы, и, къ несчастью, открытіе истины немного запоздало.

Мы, сравнительно молодые актеры того времени, еще далеко до поступленія Львова, по предложенію прежняго начальства, изъявили согласіе участвовать въ школьныхъ спектакляхъ съ воспитанницами.

Теперь, съ поступленіемъ Самарина, съ грустью оставляли своего дорогаго товарища-учителя Дмитревскаго. Кромѣ того еще многое смущало насъ въ этой перемѣнѣ. Я говорилъ уже объ отношеніяхъ старшихъ актеровъ къ младшимъ. Но тамъ, на службѣ, въ театрѣ, мы могли и даже старались по возможности избѣгать съ ними какихъ бы то ни было частныхъ разговоровъ и, несмотря ни на что, все-таки чувствовали себя хорошо, а странность отношеній не безпокоила насъ: мы привыкли къ ней и извиняли имъ.

Но теперь, какъ-ни-какъ, а мы становились какъ-бы учениками. Конечно, мы прекрасно знали Ивана Васильевича Самарина, какъ превосходнѣйшаго актера, а что онъ за человѣкъ и каковъ-то будетъ теперь, получивъ полную, неограниченную власть надъ школой, значитъ, отчасти и надъ нами?

Всѣ мы съ рѣдкимъ усердіемъ подъ руководствомъ такого хорошаго товарища-учителя, какъ Дмитревскій, работали на полной свободѣ, пользуясь его дружескими совѣтами, а теперь? Этотъ вопросъ всѣхъ насъ очень смущалъ. Хотѣлось продолжать заниматься, учиться, да мы и привыкли къ этому еще со временъ Щепкина и Соловьева, бывши тогда только подростками, а теперь неизвѣстность отбивала охоту.

Но вотъ въ Малый театръ является Львовъ, призываетъ всѣхъ молодыхъ актеровъ и держитъ рѣчь. Говоритъ просто, мягко, сердечно и проситъ насъ не покидать школы.

— Господа, васъ я буду просить помочь мнѣ въ моей заботѣ о благѣ школы. Я бы, конечно, могъ назначить участвовать въ школьныхъ спектакляхъ экстерныхъ воспитанниковъ, но согласитесь, господа, что будетъ гораздо полезнѣе для дѣла, когда съ неопытными воспитанницами будете участвовать вы, опытные актеры, чѣмъ, конечно, принесете большую пользу нашему общему дѣлу. Вѣрьте, господа, что если вы поможете мнѣ, я самъ не останусь у васъ въ долгу

и постараюсь послужить вамъ. Мой выборъ учителя, какъ вамъ извѣстно, палъ на вашего старшаго товарища Ивана Васильевича Самарина. Повѣрьте, онъ не будетъ относиться къ вамъ, какъ къ ученикамъ, а какъ къ своимъ помощникамъ-товарищамъ.

Мы были въ восторгѣ и изъявили полное согласіе. М. С. Щепкинъ, присутствовавшій при этой рѣчи и какъ старый нашъ учитель, не преминулъ уронить нѣсколько горячихъ слезъ: онъ, вообще, плакалъ при каждомъ подходящемъ и даже неподходящемъ случаѣ".— „такъ, Такъ, ребятки, это и для васъ самихъ будетъ большая подмога въ дѣлѣ".

Его всѣ осуждали за эти постоянныя слезы, видя въ этомъ простое притворство, и смѣялись надъ нимъ, но они не хотѣли понять того, что это былъ человѣкъ сердца и страшно впечатлительный, нервный. Одинъ разъ, придя въ театръ на репетицію пѣшкомъ, что́ дѣлалъ очень часто, онъ заливался слезами и долго не могъ проговорить въ чемъ дѣло. Дѣло же было въ томъ, что на улицѣ увидалъ драку двухъ мужиковъ, и, послѣ добрыхъ тумаковъ, данныхъ другъ другу, они остановились, разсказывалъ онъ, заливаясь слезами, долго смотрѣли другъ на друга, полами кафтановъ отирая потныя лица, потомъ сошлись, молча поцѣловались и пошли вмѣстѣ, о чемъ-то дружески разговаривая. Это его тронуло до глубины души.

При первой встрѣчѣ съ нами въ школѣ, новый учитель былъ просто неузнаваемъ. Крѣпко пожалъ всѣмъ руки, какъ самый закадычный пріятель.

X.

И. В. Самаринъ вступилъ въ школу при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, именно въ то время, когда тамъ находилось столько талантливыхъ воспитанницъ. Самыя сильныя изъ нихъ, которыхъ невозможно было не замѣтить даже неопытному наблюдателю, это: Гликерія Николаевна Познякова (нынѣ Ѳедотова) и Надежда Алексѣевна Никулина. О нихъ говорить не буду, эти два „перла" русской сцены извѣстны не только Москвѣ, но и всей Россіи, а перехожу къ характеристикѣ самого Ивана Васильевича.

Это былъ человѣкъ увлекающійся, со странными, непонятными взглядами и упрямыми предубѣжденіями.

Наткнувшись сразу на эти два дивные брилліанта, онъ почему-то не обратилъ почти никакого вниманія на другихъ, завѣдомо очень

даровитыхъ воспитанницъ, а пустился отыскивать гдѣ-то что-то, когда въ этомъ не было ни малѣйшей надобности.

Вдругъ нѣкая Миронова, маленькая, худенькая, чрезвычайно некрасивая дѣвочка-подростокъ неизвѣстно почему привлекла его особенное вниманіе, хотя для всѣхъ насъ было ясно, какъ Божій день, что это полная бездарность, въ чемъ онъ впослѣдствіи и самъ убѣдился, но теперь въ странномъ увлеченіи находилъ въ ней огромный талантъ. Ставилъ для нея цѣлыя пьесы, посвящалъ ей исключительно всѣ свободные вечера, упрямо желая доказать всѣмъ, что онъ ошибаться не можетъ. Но результатъ послѣ долгой возни оказался печальнымъ, „талантъ“ не проявилъ и признака жизни.

Я привелъ только одинъ примѣръ его увлеченій, а ихъ было множество. Впослѣдствіи я, несмотря на разность нашихъ лѣтъ, подружился съ нимъ, служа въ консерваторіи, гдѣ еще болѣе убѣдился въ странности его увлеченій и цѣломъ рядѣ непростительныхъ ошибокъ.

Его пріятель, незабвенный Николай Христофоровичъ Кетчеръ, (переводчикъ Шекспира), постоянно указывалъ ему на эти промахи но его увлеченія не знали мѣры. Такому авторитету, какимъ былъ Кетчеръ, онъ, конечно, вѣрилъ, преклонялся, но увлеченія и ошибки продолжались.

Точно такая же неразборчивость или, вѣрнѣе, упрямство было и въ обратную сторону. Онъ могъ свободно, съ легкимъ сердцемъ отрицать талантъ и видѣть въ немъ одни только недостатки; мало этого, нерѣдко приходилось слышать страшную брань и ругань, расточаемыя нещадно такому актеру или актрисѣ, которыхъ онъ самъ никогда не видалъ на сценѣ. Но стоитъ только сдѣлать возраженіе, что прежде надо видѣть, а потомъ бранить, какъ онъ прямо выходилъ изъ себя, и ужь тутъ несчастному приписывались всевозможныя преступленія, не касающіяся даже его профессіи. И всѣ эти крики, брань завершались обыкновенно тѣмъ, „что такую бездарность онъ и смотрѣть не пойдетъ“.

Но авторитетъ? О! — авторитетъ всегда имѣлъ на него неотразимое вліяніе. Случалось такъ: ведемъ съ нимъ споръ (если вы не авторитетъ, то, безъ спора, съ нимъ бесѣдовать было нельзя), положимъ, о только-что вышедшемъ новомъ произведеніи; авторъ написалъ первую вещь и имени не имѣетъ. Онъ прочелъ, и ему не понравилось то, другое, и этого вполнѣ достаточно, чтобы онъ началъ бранить все сплошь. И тутъ уже никакія убѣжденія, доводы, указаніе на идею, ничто не заставляло его признать хотя какія-нибудь достоинства. Вдругъ дверь отворяется, входитъ авторитетъ, начинаетъ тоже говорить о новомъ произведеніи, и какъ нарочно, то, что сейчасъ бра-

нилъ Иванъ Васильевичъ, хвалить, да еще ставитъ на видъ особенныя красоты. Ну, и конецъ, завтра, а то и въ этотъ же вечеръ, вы можете услышать его споры съ другими; и всѣ, сначала незамѣченныя имъ мѣста, и тѣ, которыя отвергалъ съ азартомъ и чуть не съ пѣной у рта, теперь восхваляетъ и даже дополняетъ картинами уже собственнаго воображенія. Но если вы вздумаете напомнить ему давешнее порицаніе какъ разъ того, что такъ неистово хвалитъ теперь, то увидите удивленное и непріязненное выраженіе лица и услышите прибавку къ каждому слову частицы съ: что-съ? когда-съ? какъ-съ? Изъ чего ясно увидите, что всякія попытки съ вашей стороны убѣдить, удержать отъ опрометчивыхъ сужденій не приведутъ ни къ чему, и слѣдующій разъ будетъ тоже.

Между тѣмъ назначеніе Самарина учителемъ, его близость къ Львову, а главное слухи о появленіи двухъ талантливыхъ воспитанницъ, совершенно помутили нашъ завистливый муравейникъ. Мужчины только шипѣли и съ саркастической, злобной улыбкой высказывали неинтересныя вещи о нелюбимомъ многими товарищѣ, тогда какъ дамамъ-покровительницамъ молодыхъ и молодящихся актрисъ, да и самимъ молодымъ, предстояла борьба, къ чему всѣ онѣ усердно готовились. А слухи все росли и росли съ каждымъ днемъ, все шире и шире распространялась вѣсть о дивныхъ талантахъ.

Самъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ посѣщалъ наши репетиціи и, сидя въ креслѣ рядомъ съ Самаринымъ, какъ-то замиралъ, не сводя глазъ съ исполнительницъ. И уже не плакалъ, т. е. не всхлипывалъ, какъ всегда, а тихо, капля за каплей, струились слезы по щекамъ нашего общаго учителя-патріарха. И только послѣ окончанія акта отводилъ Самарина въ сторону и что-то тихо, но энергично жестикулируя, высказывалъ ему, разражаясь уже по временамъ присущимъ ему всхлипываніемъ.

Вотъ, наконецъ, и репетиція на сценѣ Малаго театра бенефиса Самарина; идетъ драма „Ребенокъ“ П. Д. Боборыкина. Роль Вѣрочки будетъ играть воспитанница Познякова. Бенефисъ прошелъ такъ, какъ часто выражаются фельетонисты: „и старожилы не запомнятъ“.

И правда, успѣхъ ожидался всѣми, но то, что было въ этотъ чудный вечеръ, превзошло самыя смѣлыя ожиданія. Тяжело было положеніе молодыхъ и особенно среднихъ актрисъ, уже успѣвшихъ сдѣлать хорошую карьеру. Всѣ онѣ теперь ясно увидѣли, что предполагавшаяся борьба съ соперницей до дебюта оказалась невозможной. И пришлось всѣмъ, хоть и горько, а сложить оружіе и замѣнить его самымъ обыкновеннымъ нашимъ пріемомъ, т. е. поцѣлуями. Іуды не отказывались, конечно, при благопріятномъ случаѣ и подставить ножку.

А поцѣлуи недурно имѣть про запасъ, они иногда оплачивались весьма щедро.

Но если не удалось при первой дебютанткѣ пустить въ ходъ нѣкоторыя пружины, весьма дѣйствительныя въ такихъ случаяхъ, такъ нужно пустить ихъ при второй, а она по силѣ таланта равна первой. День дебюта назначенъ, и пружины были пущены. Объяснить весь ходъ какъ, чѣмъ и почему? — признаюсь, у меня не хватаетъ гражданской доблести.

Огорченіе, нанесенное всѣмъ искренно любящимъ наше дорогое дѣло, было очень велико. Скажу такъ: это былъ дебютъ не рѣдкой, дивной актрисы, какой она была и есть въ настоящее время, а такъ какой-то заурядной мелкой актриски, такъ онъ былъ обставленъ. Я даже не смѣю утверждать, точно ли это былъ дебютъ или самый обыкновенный будничный спектакль. Ни тѣни той торжественности, которую мы видѣли при первомъ дебютѣ. Я не хочу этимъ сказать, что нужна была реклама, такіе таланты, какъ Ѳедотова и Никулина, въ нихъ не нуждаются; да въ то время о рекламахъ вообще и понятія не имѣли. Бѣдняжка, она и не знала тогда, что приносится въ жертву ненасытной зависти мелкихъ интригановъ.

Впечатлѣніе, оставленное этимъ спектаклемъ, я никогда не забуду уже потому, что въ этотъ несчастный вечеръ, обожаемый мной актеръ совершилъ крайне неблаговидный поступокъ.

Названіе пьесы, назначенной для дебюта: „Картинка съ натуры“. Никулина играла ее въ школѣ замѣчательно хорошо, какъ истинная художница. Но эта одна изъ самыхъ неважныхъ ея ролей, а для дебюта такого таланта можно бы взять, конечно, при желаніи сильныхъ міра, изъ ея же репертуара, игранаго ею въ школѣ, болѣе сильную пьесу.

Какъ оказалось потомъ, именно этого-то желанія и не было у сильныхъ міра.

Прежній составъ актеровъ этой комедіи такой:

Мужъ—С. В. Шумскій; жена—А. И. Колосова; деньщикъ—П. М. Садовскій. Много разъ мнѣ приходилось видѣть комедію въ этомъ составѣ, и она всегда оставляла пріятное впечатлѣніе превосходнымъ исполненіемъ. Теперь шелъ смотрѣть, а неотвязный вопросъ такъ и лѣзъ въ голову: кому понадобилось выпускать ее въ такой мало значущей пьескѣ?

Занавѣсъ поднятъ, передо мной несравненный П. М. Садовскій, такой же, какимъ я видѣлъ его всегда въ этой роли: та же глубокая правда, тотъ же неподражаемый юморъ, которымъ онъ потрясалъ весь театръ сверху донизу, приковывая къ себѣ общее вниманіе. Вотъ голосъ за кулисами: „Настя, Настя!..“ Съ выходомъ ея, еще

сильнѣе, еще шире загорѣлась, закипѣла жизнь, повсюду вызывая восторгъ; и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе могучіе таланты овладѣвали зрителемъ. Открылась средняя дверь, и я вижу: входитъ какой-то очень пожилой человѣкъ, пожалуй — отставной военный. Всклокоченный парикъ, сильно поношенный сюртукъ, черный широкій галстухъ, повязанный подъ самый подбородокъ. Остановился въ дверяхъ и произнесъ, вяло, лѣниво, безучастно, едва слышно фразу: „Мартыновъ, готовъ обѣдъ?“ У меня мгновенно мелькнула мысль: кто этотъ актеръ? — я его не знаю. Это былъ онъ!.. С. В. Шумскій. И вся роль отъ начала до конца была проведена такъ. Развѣ Шумскій могъ быть такимъ мертвецомъ? Шумскій, который каждую ничтожную роль оживлялъ, окрылялъ своимъ несравненнымъ талантомъ, Шумскій, который изъ пустяшныхъ ролей создавалъ неувядаемые, живые образы. И раньше въ этой самой роли онъ былъ превосходенъ, какъ и во всемъ. Что же вызвало въ немъ такую жалкую, обидную за него перемѣну? Повторяю: не имѣю гражданской доблести сказать правду.

Само собой, что при такомъ странномъ исполненіи роли, даже могучіе таланты Садовскаго и Никулиной поблекли, потерялись; а большинство публики, разумѣется, не могло сообразить, отчего вдругъ произошло такое общее пониженіе жизни на сценѣ и успѣхъ дебютантки получился средній.

XI.

Управленіе Львова принесло огромную пользу особенно Малому театру, во 1-хъ, пріобрѣтеніемъ двухъ крупныхъ талантовъ, а во-вторыхъ, возстановленіемъ нашихъ правъ, которыхъ раньше мы не имѣли. Только съ его поступленіемъ всѣ почувствовали облегченіе и вздохнули свободно во всѣхъ отношеніяхъ. Недавніе конторскіе олимпійцы наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили исполнять всѣ наши требованія, и выраженіе „ждать своего термина“ было выключено изъ конторскаго обиходнаго словаря. Первымъ словомъ Львова при пріемѣ конторскихъ чиновниковъ было такое: „прошу помнить, господа, что мы здѣсь для театра и артистовъ, а не театръ и артисты для насъ“. И вотъ почему нашъ чиновничій мірокъ съежился, сократился до жалости. Увы, бѣдняжки!.. они равными быть не умѣли.

Между тѣмъ неудовольствіе и тайная злоба на такого страннаго, небывалаго начальника кипѣла и клокотала въ сердцахъ унижен-

ныхъ. А потому, крючки и зацѣпы, извѣстные этому люду, были пущены въ ходъ. Велись подкопы со всей энергіей людей обиженныхъ.

А вести ихъ было куда не трудно подъ такого увлеченнаго искусствомъ человѣка. Большую часть дня онъ проводилъ на репетиціяхъ то въ одномъ, то въ другомъ театрѣ, то въ школѣ, гдѣ зорко слѣдилъ за преподаваніемъ новыхъ учителей, а въ конторѣ бывалъ только набѣгомъ и то не надолго, поручая веденіе дѣлъ, счетовъ и отчетовъ управляющему конторой, иногда только бѣгло ихъ проглядывая.

Его предшественникъ, принявшій власть отъ Верстовскаго, не принялъ его знанія въ дѣлѣ искусства, а занимался: входящими и исходящими бумагами, счетами, и главное, кто какъ кланяется и трепещетъ, а безъ хозяина все шло, какъ говорится, спустя рукава.

Львову пришлось, какъ Верстовскому, вездѣ и во всемъ наблюдать самому; онъ отлично понялъ, что ему положиться не на кого; инспекторъ репертуара только охаетъ и жалуется, режиссеры драматическій и оперный своимъ невѣжествомъ могли привести въ отчаяніе хоть кого, и ему приходилось или увольнять или слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ и исправлять ошибки, иногда прямо безобразныя, особенно въ операхъ.

Изъ драмы онъ уволилъ режиссера Пономарева (Это былъ главный учитель и наставникъ бывшаго нашего „главнаго режиссера“ и самъ руководитель тоже былъ режиссеромъ „по навыку“). Уволилъ, во-первыхъ, за неумѣлость и полное незнаніе самыхъ элементарныхъ вещей въ постановкѣ пьесъ, особенно историческихъ, а главное за нѣкоторыя приношенія со стороны, какъ говорили тогда. До чего доходило невѣжество режиссеровъ, я приведу слѣдующіе примѣры: въ Большомъ театрѣ идетъ репетиція оперы „Фенелла“. Полное освѣщеніе, оркестръ, пѣвцы, хоры. Если не ошибаюсь, кажется въ третьемъ актѣ, сцена представляетъ площадь, рыбаки, рыбачки и такъ далѣе.

Около суфлерской будки стоитъ кресло, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Львовъ и внимательно наблюдалъ за ходомъ репетиціи и указывалъ режиссеру Савицкому тѣ упущенія въ постановкѣ, которыя замѣчаются чуть не на каждомъ шагу. Начинаются танцы рыбаковъ, подъ музыку, принадлежащую къ операѣ. Танцы кончились, на сценѣ появляется другой режиссеръ, балетный, Смирновъ, очищаетъ торопливо сцену, т. е. народъ подвигаетъ ближе къ кулисамъ. Въ оркестрѣ слышится какая-то странная прелюдія, аккордъ — и передъ кресломъ Львова какъ изъ земли выросла стройная фигура извѣстной въ то время танцовщицы Собѣщанской (впослѣдствіи игравшей роль Фенеллы въ операѣ), она принимаетъ надлежащую позу, оркестръ играетъ „Польку - казакъ“. Танцовщица носится по сценѣ, продѣлывая удивительныя штуки. Львовъ смотритъ эти эволюціи. По окончаніи тан-

цевъ апплодируетъ танцовщицѣ, та дѣлаетъ глубокій реверансъ и отходитъ въ глубину сцены. Львовъ зоветъ режиссера Смирнова: „Александръ Ѳедоровичъ!..“ Смирновъ живо подлетаетъ къ самому креслу, по привычкѣ быстро почесывая четырьмя пальцами надъ правымъ ухомъ головы, напоминавшей колѣнку.

— Что прикажете?

— Я удивляюсь, неужели вы не нашли другаго мѣста для вашей репетиціи и прерываете оперу?

— Какъ-же-съ, Леонидъ Ѳедоровичъ, вѣдь она будетъ танцовать въ Фенеллѣ-съ.

— Что-о?!. Польку-казакъ въ Фенеллѣ?

— Что жъ дѣлать, Леонидъ Ѳедоровичъ, она ничего другаго танцовать не желаетъ-съ. При томъ же танцы новые и публикѣ очень нравятся.

Львовъ вскочилъ съ мѣста, какъ изумленный, отчаянно замахалъ руками и прерывающимся голосомъ быстро заговорилъ:

— Не надо, не надо, ничего не надо. Не хочетъ танцовать, что слѣдуетъ, такъ совсѣмъ ничего не надо.

Подходитъ режиссеръ Савицкій, клавираусцугъ оперы въ рукахъ, по которому онъ выпускалъ на сцену пѣвцовъ, но выпускалъ „по навыку“, нотъ онъ не зналъ совсѣмъ, а клавираусцугъ бралъ только какъ атрибутъ — для вида.

— Такъ прикажете-съ танцы Собѣщанской вычеркнуть-съ?

— Да, да!.. вычеркнуть, вычеркнуть. Я не могу допустить, чтобы на площади „Неаполя“ танцовали польку-казакъ.

Въ Маломъ театрѣ на репетиціи исторической драмы „Марѳа посадница“, воевода Чермный, уходя со сцены, говоритъ собесѣднику боярину: „Такъ я жду тебя у Вѣжи“. Режиссеръ „по навыку“ зоветъ актера и авторитетно говоритъ: „поправьте въ вашей роли ошибку, вы говорите: у вѣжи, внушительно — „у Вѣхи“. Актеръ, разумѣется, объяснилъ ему, что значитъ—Вѣжа и что ошибки нѣтъ и напечатано вѣрно. Главный режиссеръ на этотъ разъ скромно умолкъ.

Не могу не привести еще случай, бывшій съ Львовымъ.

Онъ въ Москвѣ былъ только вице-директоръ, а главный директоръ всѣхъ театровъ, петербургскихъ и московскихъ, былъ въ то время Сабуровъ. Отъ него и зависѣло все выходящее изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ.

Въ первый же годъ службы Львовъ ясно увидалъ, что бывшая въ то время русская опера, по многимъ причинамъ, не удовлетворяла требованію и вкусу публики. А потому началъ ходатайствовать о приглашеніи въ Москву итальянской оперы. Ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, только не совсѣмъ такъ, какъ разсчитывалъ онъ. Львовъ,

*

какъ прекрасный музыкантъ, думалъ самъ ѣхать въ Италію за пѣвцами и капельмейстеромъ, но директоръ рѣшилъ иначе и поѣхалъ собственной персоной.

Прошло лѣто въ погонѣ за итальянцами; наконецъ, въ началѣ августа изъ Петербурга даютъ знать, что итальянская опера скоро прибудетъ въ Москву — готовьтесь. За этимъ дѣло не стало. Львовъ, какъ энергичный человѣкъ, быстро приступилъ къ формированію хора, изученію оперъ присланнаго репертуара; пишутся новыя декораціи, шьются костюмы, дѣло кипитъ.

Въ половинѣ августа итальянцы пріѣхали.

Собрался совѣтъ, чѣмъ начинать спектакли, одни изъ пѣвцовъ предлагаютъ то, другіе — другое, наконецъ, остановились на „Трубадурѣ“. Маэстро Тераново — капельмейстеръ, одинъ изъ всѣхъ запротестовалъ и требовалъ непремѣнно начать — „Севильскимъ цирюльникомъ“. Послѣ долгихъ споровъ всѣ соглашаются сдѣлать угодное маэстро.

Назначена репетиція, пѣвцы всѣ прекрасно знаютъ свои партіи, объ оркестрѣ и говорить нечего: оркестръ Большаго театра такой, что врядъ ли найдется подобный подборъ артистовъ и за границей (мнѣніе всѣхъ итальянцевъ). Львовъ сидитъ въ креслѣ на аванъсценѣ, въ оркестръ входитъ маэстро Тераново, становится на мѣсто, осматриваетъ озабоченнымъ взглядомъ весь оркестръ, поворачивается къ Львову и заявляетъ, что инструменты неправильно размѣщены. Львовъ предлагаетъ ему перемѣстить всѣхъ, какъ считаетъ нужнымъ.

Начинается перемѣщеніе, ломка. Тераново говоритъ по-итальянски, Львовъ переводитъ оркестру по-русски и по-нѣмецки. Наконецъ все перемѣстилось такъ, какъ желалъ маэстро.

Стукъ капельмейстерской палочки по желѣзному щитку со свѣчой, начало интродукціи передъ открытіемъ занавѣса. Первый взмахъ палочки, оркестръ заигралъ, пять, шесть тактовъ и — стопъ!.. весь оркестръ почти какъ одинъ человѣкъ остановился, всѣ въ недоумѣніи. Снова стукъ палочки по фонарю, взмахъ, нѣсколько тактовъ и опять стопъ. Третій, четвертый, пятый разъ, та же исторія.

Маэстро заявляетъ Львову, что оркестръ никуда не годится и играть не умѣетъ.

Львовъ, улыбаясь, проситъ попробовать еще разъ.

Опять взмахъ палочкой и привычный — стопъ!.. Вдругъ весь оркестръ начинаетъ хохотать, все сильнѣй и сильнѣй и наконецъ переходитъ въ общій гомерическій, сопровождаемый апплодисментами по адресу маэстро. Въ первый моментъ всѣ потерялись отъ этого неожиданнаго фурора, произведеннаго знаменитымъ капельмейстеромъ. Львовъ, продолжая улыбаться, спускается въ оркестръ, стано-

вится на мѣсто капельмейстера, беретъ палочку и, обращаясь къ итальянцамъ, проситъ позволить ему на этотъ разъ быть капельмейстеромъ, а завтра будетъ то же, временно, дирижеръ русской оперы—Штуцманъ, пока не привезутъ другаго.

Подъ дирижерствомъ Львова оркестръ идетъ превосходно, безъ малѣйшихъ запинокъ. Кончилась интродукція и всѣ пѣвцы и оркестръ начали неистово апплодировать неожиданному капельмейстеру.

Тераново страшно растерянный и злобный бѣжитъ вонъ, сопровождаемый хохотомъ и апплодисментами оркестра.

И такъ вся опера прошла превосходно, какъ будто были цѣлые десятки репетицій. По наведеннымъ потомъ справкамъ оказалось, что маэстро Тераново имѣлъ лавку въ Италіи и торговалъ колбасой.

Съ пѣвцами и капельмейстеромъ были заключены трехлѣтніе контракты, капельмейстеръ Тераново по шести тысячъ въ годъ, а когда ему предложили годовой окладъ съ тѣмъ, чтобы уничтожить контрактъ, онъ не согласился и жилъ въ Москвѣ, жуируя, посѣщая ежедневно театры, критикуя все, и пѣвцовъ, и оркестръ, и новаго капельмейстера, выписаннаго Львовымъ изъ Италіи, дѣйствительно настоящаго маэстро Віанезе.

И всѣ три года знаменитый нахалъ получалъ аккуратно по шести тысячъ въ годъ, конечно, ни разу не становясь на дирижерское мѣсто.

XII.

Цѣлые три года недоброжелатели Львова съ великимъ усердіемъ подтачивали устои, на которыхъ все-таки онъ крѣпко стоялъ. Наконецъ, на четвертомъ году враги одолѣли, и онъ рухнулъ, увлекая за собой и всѣ свои благія начинанія. И надъ несчастными театрами опять нависли мрачныя тучи и вмѣсто пригрѣвающаго солнца, сначала хоть и не ясно, сталъ опять очерчиваться знакомый образъ управляющаго конторой Пельта, и съ каждымъ днемъ все рѣзче выступали его очертанія. Для особенно впечатлительныхъ опять стали слышаться его традиціонныя наставленія: „что садиться можно тогда, когда я совсѣмъ скроюсь, а вы сѣли, когда я еще...“ Но фраза не успѣла окончиться, какъ въ тѣхъ же нависшихъ тучахъ сталъ появляться новый, незнакомый обликъ, и лицо Пельта вдругъ какъ улитка снова втянулось въ свою раковинку. Это новое лицо былъ Неклюдовъ, замѣститель Львова со всѣми присвоенными ему правами.

Какъ странно, я помню все давно прошедшее такъ отчетливо, какъ будто все, о чемъ пишу, сію минуту происходитъ передо мной со всѣми мельчайшими подробностями, которыя и тогда проскользали почти незамѣченными. Между тѣмъ сравнительно ближайшее правленіе Неклюдова какъ-то улетучилось, испарилось у меня изъ памяти. Пожалуй въ общихъ чертахъ я могу сказать, что съ его вступленіемъ началась страшная ломка всего, что за короткій трехлѣтній срокъ было сдѣлано его предшественникомъ. Разрушена школа, т. е. драматическіе классы. Приглашенные учителя были оставлены только на срокъ, до выпуска трехъ, четырехъ воспитанницъ драматическаго класса, а за симъ было объявлено уничтоженіе полностью всякихъ научныхъ преподаваній, какъ совершенно излишнихъ.

Былъ назначенъ какой-то чиновникъ конторы смотрителемъ школы и преподавателемъ чего-то (?); онъ же занимался съ маленькими воспитанницами драматическимъ искусствомъ. Впрочемъ, это было весьма недолго; вскорѣ отъ главнаго директора театровъ послѣдовало строжайшее предписаніе о запрещеніи въ школѣ заниматься драматическимъ искусствомъ всѣмъ воспитанницамъ. Мотивомъ такого распоряженія послужили слѣдующія соображенія: учить танцамъ необходимо потому, что это искусство преподается исключительно въ театральныхъ училищахъ, тогда какъ драматическимъ — желающіе могутъ заниматься и на провинціальныхъ театрахъ. Вслѣдствіе этого, было приказано сломать и самую сцену въ школѣ, но почему-то эта сломка не состоялась.

Около этого времени былъ инспекторомъ школы актеръ Колосовъ (по протекціи управляющаго конторой Пельта). До предписанія онъ дозволялъ маленькимъ воспитанницамъ устраивать мелкіе спектакли, но послѣ предписанія ему было внушено тщательно слѣдить и никоимъ образомъ не допускать воспитанницъ устраивать спектакли даже въ видѣ забавы.

А въ это время въ школѣ росла великая актриса, слава русской сцены — Марія Николаевна Ермолова. И только благодаря участію Надежды Михайловны Медвѣдевой, великой артисткѣ удалось выбраться изъ разставленной на ея пути „колючей изгороди“.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобы у новаго начальника не было желанія увѣковѣчить свое имя тѣмъ же, чѣмъ увѣковѣчилъ Львовъ, давъ Малому театру двухъ дивныхъ актрисъ. Было ли то слѣпое подражаніе или иныя причины побуждали его къ этому, но только онъ серьезно принялся за отыскиваніе матеріала для созданія этого памятника.

Наконецъ обрѣлъ въ балетѣ дѣвицу, нѣкую Кондакову, изображавшую въ балетахъ и операхъ исключительно — толпу и придвор-

ныхъ дамъ. Дѣвица далеко не первой молодости, некрасива ужасно!.. рыжая, сильно весноватая, съ бѣлыми, выцвѣтшими глазами, уродливымъ ртомъ, съ толстыми выдавшимися впередъ губами и, въ заключеніе, очень непріятнымъ тембромъ голоса. Трудно понять, почему его выборъ палъ на такое чудище. Тѣмъ не менѣе онъ перевелъ ее изъ балета въ Малый театръ и приказалъ давать роли.

Для перваго дебюта по приказанію начальника была поставлена одноактная комедія „Я обѣдаю у маменьки“. Роль актрисы Дюмениль, которую она выбрала, страшно трудная. Прежде всего нужна красота, молодость, грація, словомъ какъ разъ все противоположное тому, что имѣла она. Публика смотрѣла и недоумѣвала „что сей сонъ значитъ?“ Но самъ начальникъ былъ въ полномъ восторгѣ и тутъ же отдалъ приказъ инспектору и режиссеру ставить все, что она пожелаетъ.

Болѣе года длились потуги создать знаменитую актрису; много хорошихъ ролей она переиграла, но публика упорно оставалась равнодушной, и продолжалъ восхищаться ею только одинъ начальникъ. Въ концѣ втораго года управленія и надъ его головой стали собираться грозныя тучи, изъ которыхъ и на этотъ разъ уже ясно стало вырисовываться назойливое изображеніе Пельта. Черезъ недѣлю, не больше, мы узнаемъ, что у насъ новый начальникъ, все тотъ же Пельтъ.

А Неклюдовъ?!. на этотъ вопросъ кто-то отвѣтилъ — тихимъ, длиннымъ свистомъ.

XIII.

На этотъ разъ, взобравшись на насиженное мѣсто, Пельтъ правилъ долго и, какъ опытный лоцманъ, умѣло избѣгалъ рифовъ. За весь длинный срокъ службы онъ ничего не принесъ театру, кромѣ вреда, не по злому желанію, а просто по неспособности понимать нужды и требованія искусства. При всемъ желаніи указать хоть что-нибудь сдѣланное имъ полезное театру нельзя, кромѣ: воевалъ съ подчиненными, передъ сильными смирялся. Всѣ успѣхи на сценѣ приписывалъ исключительно своимъ распоряженіямъ, а всѣ неудачи тому, что не поняли его указаній.

Въ дѣлѣ управленія у него былъ помощникъ, инспекторъ репертуара Бѣгичевъ. По пониманію сценическаго дѣла онъ могъ быть чрезвычайно полезнымъ театру, но къ несчастью его больше всего занимали хорошенькія личики и ухаживанье сразу за цѣлымъ десят-

комъ женщинъ. Вторая слабость: обѣды, кутежи, попойки и вообще веселое препровожденіе времени; далѣе — анекдоты и особенно неудобные для печати, и гадалки! это уже была какая-то манія.

Гдѣ бы ни появилась гадалка, ужъ онъ тамъ, будь то за заставой, въ деревнѣ, или за Москвой рѣкой, гдѣ ихъ главный притонъ, все равно онъ отыщетъ непремѣнно, все броситъ, а рекомендованную гадалку найдетъ. Обожалъ шутовство, и это занятіе слабенькимъ по сценѣ создавало хорошую карьеру. Желаешь добиться извѣстнаго положенія въ смыслѣ матеріальномъ или сыграть хорошую роль, иди къ нему, представь кого-нибудь изъ твоихъ сослуживцевъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ, особенно тѣхъ, кому твой принципалъ не симпатизируетъ, пусть это будетъ грубо, съ яснымъ желаніемъ очернить, оклеветать, все равно, лишь бы было смѣшно и весело; умѣй говорить мягко, укладчиво, разскажи неприличный анекдотъ или просто попаясничай, не щадя себя, и получишь роль, которую безусловно играть не можешь; но вѣдь тебѣ нужна афиша, что вотъ, молъ, какія я роли исполнялъ на сценѣ Императорскаго театра, и ты имѣешь эту афишу, которая на провинціи кое-что значитъ. При томъ же и театральный борзописецъ не ахти какъ дорого стоитъ, угости его хорошенько, такъ онъ въ самой большой московской газетѣ такую рецензію напишетъ о твоемъ исполненіи, что читатель, не видавшій представленія, подумаетъ: „вотъ и новая звѣзда первой величины появилась на горизонтѣ“. А приложи къ афишѣ рецензію, можешь получить хорошее мѣсто; такимъ же путемъ, когда придетъ время прибавокъ къ жалованью, получишь и прибавку.

Умѣй иносказательно, по русскому выраженію—обинякомъ (прямо нельзя, Бѣгичевъ—человѣкъ умный) восхищаться его поступками и особенно властью, въ смыслѣ того, что все, о чемъ ты просишь, зависитъ исключительно отъ него одного, и что онъ, если пожелаетъ, можетъ сдѣлать все, что захочетъ.

Этой науки обращенія съ нимъ существовалъ тогда цѣлый кодексъ. И нѣкоторые его превосходно изучили. Но берегись, если ты не можешь или не желаешь занимать его излюбленными анекдотами или восхваленіемъ его достоинствъ, берегись, если онъ замѣтитъ, что ты, говоря съ нимъ, держишь себя съ человѣческимъ достоинствомъ, тогда ты будешь непремѣнно обойденъ во всемъ. Но его пріятели, сумѣвшіе уже снискать его расположеніе раньше, теперь могли дѣлать съ нимъ, что угодно.

А его нерасположеніе касалось только тѣхъ, кто почему-либо сторонился отъ всякихъ заискиваній и не слѣдовалъ указанному „кодексу“. Вотъ примѣръ, который наглядно подтвердитъ, какія бывали наказанія для непокорныхъ.

До 1882 года многіе изъ актеровъ, кромѣ жалованья, получали еще поспектакльную плату; эта плата явилась потому, что до реформы высшій окладъ былъ 1.140 рублей. М. Н. Ермолова получала всего 600 рублей въ годъ и просила пять рублей поспектакльной платы, онъ отказалъ, а въ это же время актеру, игравшему только выходныя роли въ два слова, но получавшему семьсотъ рублей, далъ платы — десять рублей. Такихъ примѣровъ не перечесть.

Дѣлая такую характеристику этого удивительнаго человѣка, прибавляю: что онъ былъ до того симпатиченъ, простъ, искрененъ, веселъ, добръ, что думать обойденному и обиженному субъекту о непріязни къ нему невозможно; это былъ прямо обаятельный человѣкъ, несмотря на всѣ свои недостатки.

Приведу разсказъ про одного изъ дѣйствующихъ по „кодексу“; онъ очень характеризуетъ время, людей и порядки прошлаго.

Существовалъ тогда нѣкій господинъ, носившій званіе актера, но съ такимъ же правомъ онъ могъ присвоить себѣ любое званіе и понимать въ немъ столько же, какъ и въ актерствѣ, т. е. ровно ничего. Вѣрное изображеніе его такое: разсказчикъ анекдотовъ, пѣвецъ подъ гитару романсовъ, куплетовъ, неудобныхъ для пѣнія въ обществѣ, подражатель реву коровъ, лаю собакъ, мяуканью и дракѣ кошекъ, жужжанію мухъ, однимъ словомъ всѣхъ его талантовъ не перечесть, и... „при немъ остерегись, переносить гораздъ“. Всѣ эти проявляемые имъ таланты крайне грубы, неинтересны и бездарны, и могли имѣть успѣхъ только у самыхъ невзыскательныхъ слушателей; у Бѣгичева онъ былъ свой человѣкъ и пользовался его полнымъ расположеніемъ. Во время представленій въ Маломъ театрѣ знаменитаго трагика Ольриджа, онъ началъ передразнивать его въ трагедіи „Отелло“; эти передразниванія великаго трагика были просто кривляніемъ, неумѣло, грубо, вульгарно, но его покровитель находилъ, что это очень забавно. По отъѣздѣ Ольриджа изъ Москвы, Бѣгичевъ и его клевретъ задумали передразнить его и при публикѣ, на сценѣ Малаго театра, для этого былъ возобновленъ старинный водевиль „Отелло на Пескахъ“.

Представленіе было такое ужасное, что за весь длинный періодъ моего пребыванія въ Маломъ театрѣ я не видалъ и тѣни подобнаго безобразія. Публика того времени, всегда необыкновенно сдержанная, скромная, выносливая, прощавшая многія погрѣшности, на этотъ разъ возмутилась страшно и торжественно, всѣмъ театромъ, ошикала вульгарнаго кривляку-подражателя. Но Бѣгичевъ объяснилъ эту неудачу тѣмъ, что публика еще не доросла до пониманія такихъ милыхъ шутокъ. И такіе господа, благодаря своей приспособленности ко всякаго рода „кодексамъ“, требуютъ непремѣнно сочувствія къ себѣ и своимъ продѣлкамъ, но разъ видятъ, что вы сторонитесь и понимаете,

почему нужна ему эта унизительная работа, то онъ такъ науськаетъ на васъ своего покровителя, что вы непремѣнно увидите, что ваше несочувствіе его шуту не прошло даромъ.

XIV.

Послѣ реформаторской дѣятельности Львова, на цѣлыя 18 лѣтъ театръ какъ бы оцѣпенѣлъ въ своемъ дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи; смѣло можно сказать, что только энергія актеровъ не давала ему замереть окончательно.

Для посторонняго наблюдателя, конечно, этотъ внутренній тормозъ не былъ особенно замѣтенъ, тогда какъ для насъ онъ чувствовался на каждомъ шагу. Вотъ отзывъ объ этомъ времени одного изъ крупнѣйшихъ актеровъ Малаго театра: „свели домокъ въ орѣхову скорлупку“. И съ этимъ нельзя было не согласиться, когда во всякомъ дѣйствіи распорядителей была случайность или произволъ. Ломкѣ, огульному разрушенію Неклюдовымъ всего, что было создано его предшественникомъ, удивляться нельзя; онъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ дѣломъ и вѣроятно думалъ: „такъ будетъ лучше“, но отъ этого „лучше“ сильно доставалось искусству и на нашихъ глазахъ оно замѣтно стало блекнуть. Но вотъ чему дѣйствительно нельзя не удивляться. Бѣгичевъ, прослужившій у насъ слишкомъ шестнадцать лѣтъ инспекторомъ репертуара, всю жизнь провелъ въ кругу актеровъ, занимался переводами для нашей сцены, самъ постоянно игралъ въ любительскихъ спектакляхъ въ театрѣ Марковой. Этотъ театръ былъ извѣстенъ цѣлой Москвѣ; мнѣ много разъ приходилось видѣть эти спектакли, которые дѣлали честь ихъ устроителямъ и исполнителямъ, и что же сдѣлалъ онъ для нашего театра? Отвѣчаю: цѣлыя шестнадцать лѣтъ своимъ халатнымъ отношеніемъ къ театру тормозилъ и задерживалъ его развитіе.

Послѣ Бѣгичева нѣкоторое время мѣсто оставалось свободнымъ, потомъ къ нашему несчастью поступилъ тоже искусившійся въ драматическомъ искусствѣ любитель. А любителю достаточно сыграть одинъ разъ, хоть какого-нибудь „Емелю“ („Простушка и воспитанная“), чтобы онъ возмнилъ о себѣ какъ о великомъ талантѣ и необыкновенномъ знатокѣ сцены; да и не мудрено, хоть у кого голова закружится, когда и папеньки и маменьки, и тетеньки и дяденьки, и всѣ близкіе знакомые просто въ восторгѣ отъ своихъ Петенекъ и Васенекъ; какъ тутъ не возомнишь? Счастье еще театра, что такіе

мечтатели попали къ намъ, когда раньше царившее рабство съ приходомъ новыхъ дѣятелей сцены замѣтно потеряло свой прежній острый характеръ, и великій талантъ и знаніе сцены такого начальника, всѣ указанія его по сценѣ—что и какъ нужно дѣлать, быстро были сокращены дружнымъ отпоромъ, и великій талантъ присмирѣлъ, сталъ молчаливъ, скроменъ и угодливъ.

Оканчивая мои записки, хочется прибавить еще нѣсколько словъ и въ защиту актеровъ.

Всѣ мы давно пріобрѣли славу людей непокойныхъ, самолюбивыхъ, раздражительныхъ и никогда ничѣмъ не довольныхъ. И это правда: самолюбіе актера, безспорно, велико, но одни ли мы страдаемъ этой общечеловѣческой слабостью? Актеру чаще чѣмъ другому приходится претерпѣвать отъ самолюбія его окружающихъ. Приведу случай, бывшій съ моимъ товарищемъ Николаемъ Игнатьевичемъ Музилемъ (случай далеко нерѣдкій въ нашемъ актерскомъ быту). Это было такъ:

Въ одно прекрасное утро къ нему является очень хорошій знакомый и объявляетъ, что нѣкій господинъ, въ чинахъ почтенныхъ, написалъ четырехъ-актную комедію и усердно проситъ позволить ему явиться въ назначенный день къ Николаю Игнатьевичу и прочесть свою пьесу, такъ какъ мнѣніемъ такого уважаемаго и талантливаго артиста онъ очень дорожитъ. Какъ ни былъ занятъ Н. И. по службѣ, но въ виду неотступной просьбы своего знакомаго, соглашается и назначаетъ слѣдующую субботу, единственный свободный вечеръ, отъ 7-ми часовъ.

Пришла суббота, каминъ въ кабинетѣ затопленъ, и Н. И. ожидаетъ автора. Ровно въ 7 часовъ звонокъ, и авторъ въ сопровожденіи своего ходатая, съ толстой тетрадью въ рукахъ, входитъ въ гостиную, очень привѣтливо встрѣчаемый хозяиномъ. Авторъ крѣпко жметъ руку уважаемому артисту и объявляетъ, что не находитъ словъ выразить ему свою признательность за согласіе прослушать его первое и быть можетъ слабое произведеніе.

Обмѣнъ любезностей съ обѣихъ сторонъ и засимъ втроемъ входятъ въ кабинетъ. Кладя тетрадь на столъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующее вступленіе: „Глубокоуважаемый Николай Игнатьевичъ!—я обратился къ вамъ для оцѣнки моего сочиненія потому, что знаю васъ за человѣка честнаго, искренняго, правдиваго, который не постѣснится сказать правду о моемъ произведеніи. Прежде всего скажу вамъ, что мнѣ нѣтъ никакой надобности выступать передъ публикой въ качествѣ литератора-драматурга, и если моя работа не представляетъ изъ себя чего-либо крупнаго, такъ сказать, солиднаго вклада въ нашу литературу, я рѣшилъ не выпускать ее въ свѣтъ. А потому и обратился къ вамъ, зная, что именно отъ васъ узнаю правду.

Скажу болѣе: мнѣ было бы очень тяжело и непріятно подписать свое имя на произведеніи, что называется заурядномъ. И вотъ отъ вашего рѣшенія зависитъ, пойдетъ ли оно въ цензуру или тутъ же при васъ будетъ брошено въ этотъ каминъ (при этомъ указалъ на ярко пылавшій каминъ). И повѣрьте, уважаемый Николай Игнатьевичъ, я приму вашъ справедливый приговоръ безъ всякаго неудовольствія, а съ полной благодарностью за высказанную правду. А теперь позвольте приступить къ чтенію".

Въ виду такихъ требованій автора, Н. И. увѣряетъ его, что выскажетъ всю правду.

Авторъ прочелъ заглавіе пьесы, сдѣлалъ перечень дѣйствующихъ лицъ и вольнымъ духомъ началъ чтеніе пьесы. Прочелъ первое явленіе, разговоръ между двумя лицами, очень короткій и по содержанію не имѣющій никакого значенія, авторъ остановился и, испытующе глядя на Н. И., спрашиваетъ: „ну, какъ вы находите". „Пока ничего не могу отвѣтить и попрошу продолжать". Авторъ быстро принялся за чтеніе, но тѣнь неудовольствія мелькнула на лицѣ.

И такъ послѣ каждаго явленія, каждой сцены слѣдовали перерывы и неизбѣжные вопросы: „ну, что теперь скажете? — какъ вамъ нравится эта сцена?" хотя въ сущности и сцены-то никакой не было, а просто пустые разговоры двухъ, трехъ лицъ. Наконецъ, о, счастье! — кое-какъ доползли до четвертаго акта и до конца пьесы.

Тутъ авторъ откинулся на спинку кресла и, побѣдоносно глядя на слушателей и особенно на бѣднаго Н. И., съ счастливой улыбкой и очень любезно спрашиваетъ:

— Ну-съ, Николай Игнатьевичъ!... Теперь скажите, какъ вы находите?—

— Такъ какъ вы просили меня сказать мое мнѣніе откровенно, не стѣсняясь, то я считалъ бы съ моей стороны великимъ грѣхомъ не сказать вамъ правды. Нахожу, что произведеніе нѣсколько... слабо.

Удивленный и замѣтно раздраженный авторъ, тихо приподнимаясь съ кресла и въ упоръ глядя на хозяина, презрительно произноситъ: „что-съ, сла-або?!"

Потомъ послѣ небольшой паузы, раздраженіе видимо стало возрастать все болѣе и болѣе и наконецъ овладѣло совсѣмъ, и онъ повторяетъ, какъ-бы передразнивая самого Н. И.: „Да-съ, такъ по-вашему — съ-сла-а-бо-съ!.". Далѣе, теряя послѣдніе остатки самообладанія и горячась все болѣе, говоритъ внушительно, съ разстановкой каждаго слова, стуча всей пятерней правой руки по своей могучей груди:

— Да вы понимаете ли, что мнѣ сама [1]) Екатерина Николаевна Васильева сказала, что это превосходная комедія!... И вдругъ, какой-то Музиль объявляетъ—сла-а-бо!..

Послѣднее слово было сказано мало похожимъ на человѣческій голосъ, а скорѣй слышалось какое-то блеяніе барана. И, обращаясь къ своему ходатаю, саркастически произноситъ:

— Нѣтъ-съ, каково-съ?!.—А?!. Слышите?—вотъ они находятъ, что комедія написана—сла-а-бо!...

Послѣднее слово было сказано ужъ съ полнымъ сохраненіемъ тембра страдающаго барана. Засимъ схвативъ со стола рукопись и не сказавъ больше ни слова, авторъ понесся въ переднюю, грубо толкая горничную, подававшую шубу. Ходатай такъ былъ переконфуженъ этой выходкой, что стоялъ неподвижно, какъ ошеломленный. Николай Игнатьевичъ, спокойно сидя въ креслѣ, тихо замѣтилъ:

— Какъ видите, высказывать свое мнѣніе не совсѣмъ безопасно.

— Ради Бога, Николай Игнатьевичъ, простите меня за рекомендацію!..—растерянно проговорилъ ходатай и то же опрометью кинулся въ переднюю.

Кончаю мои записки правленіемъ Пельта. Писать далѣе еще преждевременно.

П. Р.

[1]) Талантливая актриса Малаго театра.

Борьба съ эпидеміями въ до-петровской Руси.

Въ настоящее время, когда соціальная гигіена достигла такого высокаго развитія, весьма поучительно бросить взглядъ назадъ и посмотрѣть, какъ объяснялось происхожденіе эпидемій, и въ чемъ состояла борьба съ ними въ прошломъ.

Главнымъ источникомъ, изъ котораго черпались долгое время всѣ свѣдѣнія о повальныхъ болѣзняхъ, были сочиненія иностранныхъ писателей о Россіи и лѣтописи, преимущественно Псковскія и Новгородскія. Но свидѣтельства иностранныхъ писателей не отличаются полнотою и точностью, такъ какъ они являются результатомъ не собственнаго наблюденія и опыта, а записывались по слухамъ. Лѣтописи отличаются гораздо большею достовѣрностью, но большинство ихъ доведено только до половины XVII в., и при томъ онѣ даютъ лишь хронологическія указанія на то, гдѣ и когда было моровое повѣтріе, но почти совершенно не содержатъ свѣдѣній о характерѣ эпидемій и способахъ борьбы съ ними.

Несравненно большее значеніе представляютъ архивные матеріалы. Являясь свидѣтельствомъ современниковъ, хорошо знавшихъ народный бытъ, они рисуютъ полную и правдивую картину прошлаго русской медицины.

Въ настоящемъ очеркѣ мы сдѣлаемъ попытку выяснить по архивнымъ документамъ вопросъ о томъ, какія мѣры принимались въ XVII ст. „для береженія здоровыхъ мѣстъ отъ мороваго повѣтрія“.

Легкость заразы, громадная смертность и безсиліе врачебнаго искусства во время эпидемій, потрясая умы, оставляли неизгладимые слѣды въ исторіи народовъ. Въ обыкновенное время всякій больной

вызываетъ къ себѣ чувство состраданія, желаніе оказать ему посильную помощь. Не то во время эпидеміи: чувство милосердія гаснетъ, каждый думаетъ только о самомъ себѣ, близость больнаго рождаетъ страхъ и проклятія.

Послѣдствіемъ эпидемій были всегда упадокъ нравственности и умноженіе суевѣрія. Въ средніе вѣка обогащеніе монастырей, усиленіе уже существующихъ монастырскихъ орденовъ и возникновеніе новыхъ совершалось главнымъ образомъ въ годины народныхъ бѣдствій. Извѣстно много случаевъ, когда обостреніе религіознаго чувства доходило во время эпидемій до степени религіознаго экстаза. Во вторую половину XV ст., во время чумы въ Любекѣ, обезумѣвшіе отъ страха жители отдавали монастырямъ все свое достояніе. Когда же монахи изъ боязни заразы перестали принимать пожертвованія и даже заперли монастырскія ворота, народъ, ждавшій спасенія только съ неба, сталъ бросать свои приношенія черезъ монастырскія стѣны [1]).

И на ряду съ щедрыми пожертвованіями на церкви и монастыри совершались невѣроятныя по своей жестокости насилія надъ евреями по нелѣпѣйшимъ подозрѣніямъ, чаще всего вслѣдствіе обвиненія ихъ въ отравленіи воды въ колодцахъ.

Тѣ же самыя явленія имѣли мѣсто и въ Россіи. Вмѣсто евреевъ мнимыми виновниками повальныхъ болѣзней считались татары. Въ Густинской лѣтописи мы находимъ такое свидѣтельство, относящееся къ 1286 г. [2]). „Многа же зла тогда сотвориша татаре Русской землѣ, аще не мечемъ и не огнемъ, но чарами своими: иземше бе сердце человѣческое, мочаху въ яду аспидномъ и полагаху въ водахъ, и отъ сего воды въ ядъ обратишася, и аще кто отъ нихъ піяше, абіе умираше, и отъ сего великій моръ по всей Русской землѣ".

Но главнѣйшею причиною всѣхъ эпидемій считался у насъ, какъ и на Западѣ, „гнѣвъ Божій, грѣхъ ради" [3]). Такъ появленіе чумы въ Москвѣ въ 1425 году было объяснено ссорою московскаго князя съ митрополитомъ Фотіемъ [4]).

Отсюда понятно, что всѣ надежды возлагались на выполненіе предписаній церкви, „молебствовали", кропили святою водою больныхъ и здоровыхъ, призывали христіанъ къ покаянію [5]). Въ подтвержденіе сказаннаго можетъ быть приведенъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ изъ лѣтописей.

---

[1]) Hecker, Der schwarze Tod. S. 32.

[2]) Полн. собр. русск. лѣтописей, т. II, стран. 347.

[3]) Московск. архивъ мин. юстиціи. Московск. столъ, столб. 272, см. также Новгородск. 3-ю лѣтопись, въ Полн. собр. русск. лѣтописей, т. III, стран. 223.

[4]) Никоновск. лѣтопись, тамъ же, т. XII, стран. 3.

[5]) Новгородск. 3-я лѣтопись, тамъ же, т. III, стран. 249.

Объ эпидеміи 1352 г. въ Новгородской лѣтописи сказано слѣдующее[1]): „Бысть моръ силенъ весьма въ Плесковѣ. Преидоша послове плесковичи въ Новгородъ, зовуще владыку къ себѣ, дабы ихъ благословилъ".

Въ 1360 г. былъ снова моръ: „И прислаша пословъ пьсковичи ко владыкѣ съ мольбою, чтобъ ѣхалъ въ Плесковъ и ихъ благословилъ. И владыка Алексій послушалъ мольбы ихъ и благословилъ ихъ отъ мала до велика—обходилъ съ крестами весь градъ, и оттолѣ псковитянамъ нача лучше бывать и абіе преста моръ у нихъ" [2]).

Объ эпидеміи 1388 г. мы читаемъ въ той же лѣтописи: „Той зимы бысть моръ великъ въ Псковѣ, а знаменіе желѣзою; и ѣзди владыка Иванъ въ Псковъ, и молитвою его преста моръ въ Псковѣ" [3]).

Объ эпидеміи 1552 г. лѣтописецъ говоритъ: „Октября въ 29-й день новгородскій архіепископъ Серапіонъ Курцовъ преставился, и преста моръ" [4]).

Въ большомъ ходу были также постройки церквей по обѣту, при чемъ иногда церкви выстраивались въ одинъ день; такого рода церкви были извѣстны подъ названіемъ „обыденныхъ церквей". Въ 1390 г. во время мора въ Новгородѣ ...„поставиша церковь св. Аѳанасія въ одинъ день, и паки преста моръ". Въ 1417 г. во время мора въ Новгородѣ „христіане, овои на конѣхъ, овои пѣши, изъ лѣса бревна привозивъ, поставили церковь святую Анастасью, а новоторжане также однимъ утромъ святаго Аѳанасія" [5]).

Яркую характеристику воззрѣній русскаго народа въ XVIII в. на происхожденіе эпидемическихъ заболѣваній представляетъ одно дѣло, сохранившееся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

Когда въ 1645 г. въ Карповѣ, вновь основанномъ городѣ Курской губ., появилась сильная заболѣваемость, карповцы подали всѣмъ городомъ челобитную царю Алексѣю Михайловичу, въ которой просили его о присылкѣ креста съ мощами „на исцѣленіе имъ, городскимъ всякимъ людямъ". Интересно, что въ этой челобитной, какъ на причину усиленной заболѣваемости, указано одновременно на дурныя качества питьевой воды и на одержимость „нечистыми духами". Въ виду большаго интереса, представляемаго этимъ дѣломъ, мы приведемъ часть его дословно.

„Лѣта 7154 мая въ 8-й день по государеву цареву и великаго

---

[1]) Новгородск. 1-я лѣтопись, тамъ же, т. III, стран. 85.

[2]) Новгородск. 1-я лѣтопись, тамъ же, т. III, стран. 87.

[3]) Новгородск. 4-я лѣтопись, тамъ же, т. IV, стран. 96. Никоновск. лѣтопись, тамъ же, т. XI, стран. 94.

[4]) Новгородск. 3-я лѣтопись, тамъ же, т. III, стран. 251, 252.

[5]) Новгородск. 4-я лѣтопись, тамъ же, т. IV, стран. 97, 107.

князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу память дьякомъ думнымъ Ивану Гавреневу да Михаилу Волошенинову да дьяку Григорью Ларіонову. Въ Серебреной приказъ къ подъячему къ Богдану Силину въ памяти за твоею, Григорьевою, приписью написано: били челомъ государю царю... Хотмышскаго города попы, и дѣти боярскіе, и стрѣльцы, и казаки, и пушкари, и воротники, и всякихъ чиновъ служилые люди: въ прошломъ въ 148 году устроенъ на рѣкѣ на Ворсклѣ новый городъ Хотмышской, и въ томъ городѣ они, дѣти боярскіе и всякіе служилые и жилецкіе люди, на житье дворами устроились на новыхъ мѣстѣхъ, и пашни завели, и землю распахали, и живучи де они на новыхъ мѣстѣхъ въ городѣ и въ посадѣ и въ уѣздѣ стражутъ всякими разными болѣзньми и многіе одержимы нечистыми духи, а въ соборной де церкви у Воскресенія Христова на исцѣленіе имъ, градскимъ всякимъ людемъ, креста съ мощми нѣтъ. И государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Хотмышской городъ въ соборную церковь Воскресеніе Христово на исцѣленіе всякимъ людемъ дати крестъ съ мощми. И государь царь... пожаловалъ, Хотмышскаго города служилымъ и жилецкимъ всякихъ чиновъ людемъ велѣлъ на Хотмышское въ соборную церковь отпустить съ Москвы воздвизальной крестъ съ мощми, доложа государя, и сдѣлавъ, прислать въ Разрядъ, а изъ Разряду по государеву указу тотъ крестъ велѣно отпустить на Хотмышское въ соборную церковь. И въ Серебреномъ приказѣ по государеву указу крестъ воздвизальной серебреной сдѣланъ: Распятіе и Святые чеканные и позолоченъ, серебра пошло въ тотъ крестъ и съ удѣлкомъ фунтъ 13 золотниковъ безъ четверти, да золота пошло на позолоту на тотъ крестъ 4 золотыхъ угорскихъ, вѣсу въ нихъ 3 золотника безъ четверти; да въ тотъ же крестъ по государеву указу положены мощи Іоанна Предтечи, мощи Ивана Златоуста, мощи апостола Луки, мощи Григорія Богослова, мощи мученика Пантелеимона, мощи святаго мученика Ареѳы, апостола Филиппа, мощи святаго мученика Козмы иже отъ аравитъ, мощи Іакова, брата Господня по плоти, мощи великомученика Ѳеодора Тирона, мощи великомученицы Варвары, мощи святаго Артемія, мощи Іоанна Милостиваго, мощи Стефана Новаго, мощи великомученика Евстратія, мощи Іакова Перскаго, мощи святаго Артемія, мощи святаго священномученика Анфимы, мощи святаго Еупла діакона, мощи святаго Кирилла, архіепископа Александрійскаго, мощи святаго Григорія епископа Паламицкаго, мощи Павла исповѣдника, мощи святаго великомученика Артемія, мощи святаго Сергія, мощи святые мученицы Марины, мощи святые великомученицы Христины, мощи преподобные Параскевы, мощи святаго Григорія Солунскаго, мощи святаго великомученика Меркулія, мощи святаго Нифонта, мощи святаго мученика

Евстафія Плакиды, мощи архидьякона Стефана, мощи Анастасія Перскаго, мощи святаго священномученика Игнатія Богоносца, мощи святаго Григорія, епископа Раламицкаго, часть ризы Сергія чудотворца, мощи святые великомученицы Пятницы, мощи часть невелика четыредесятъ мучениковъ, мощи великомученика Ѳеодора Стратилата, мощи святые великомученицы Параскевы, мощи священномученика Вавилы, мощи Ѳеодоры царицы, миро Василія Великаго, мощи Никиты, епископа Новгородскаго, мощи Никифора, патріарха Царя-града, мощи Варлама Хутынскаго, мощи Ѳеофана Новаго, мощи святаго мученика Агаѳонника, мощи святаго Аммона, Кирилла чудотворца клобука и шубы. А принесъ тѣ мощи крестовой дьякъ Иванъ Симеоновъ. И посланъ тотъ крестъ и съ мощами къ вамъ въ Разрядъ съ подъячимъ съ Борисомъ Дмитріевымъ. И по государеву цареву... указу дьякомъ думнымъ Ивану Гавреневу, да Михаилу Волошенинову, да дьяку Григорью Ларіонову тотъ крестъ воздвизальный серебряной золоченой съ мощами Серебренаго приказу у подъячего у Бориса Дмитріева велѣть принять; а какъ тотъ крестъ примете, и о томъ велѣти отписать въ Серебреной приказъ къ подъячему къ Богдану Силину“ [1]).

„157 году февраля въ 20-й день животворящій крестъ Господень отпущенъ въ Курскъ отъ нападныхъ болѣзней, и велѣлъ государь встрѣчу учинить кресту съ мощы за городомъ всему священному собору со кресты и съ кадилы съ великою честью... и молебны пѣть со звономъ, и воду святить, и тою святою водою больныхъ, и всѣхъ людей, и лошади, и животину кропить“ „и въ иные города тотъ животворящій крестъ для исцѣленія посылать“.

Такимъ образомъ пѣніе молебновъ и водосвятіе признавалось за лучшее средство, какъ для исцѣленія бѣсноватыхъ, такъ и для оздоровленія питьевой воды.

Указанія на примѣненіе карантинныхъ мѣръ восходятъ къ отдаленнѣйшимъ періодамъ русской исторіи. Но мѣры эти долгое время примѣнялись только случайно въ единичныхъ случаяхъ; лишь въ концѣ XVI вѣка онѣ стали получать болѣе широкое распространеніе и проводиться въ жизнь съ большею настойчивостью и суровостью.

Въ посланіи старца Филоѳея къ дьяку Мунсхину отъ 1510—19 г. указанъ уже цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ. „Вы нынѣ пути заграждаете, домы печатлѣете, поповъ запрещаете къ болящимъ приходити, мертвыхъ тѣлесе далеко отъ града измещете“ [2]). Описывая

[1]) М. А. М. Ю. Бѣлогор. ст. столб., лл. 314—318.

[2]) Дополненія къ актамъ историч. т. I. № ч. 23, стран. 20.

чуму 1521 г., лѣтописецъ говоритъ: „князь Михайло Кислица велѣлъ улицу Петровскую (гдѣ появилась чума) запереть съ обою концовъ“ [1]).

Яркимъ выразителемъ воззрѣній, господствовавшихъ на этотъ вопросъ въ XVII в., служатъ слѣдующія слова патріарха Никона: „Симъ путь спасенія показа, яко же отъ губительства бѣжати не точію нѣсть грѣхъ, но воли Божія исполненіе“ [2]).

Введеніе первыхъ карантинныхъ мѣръ отличалось крайнею жестокостью. Во время эпидеміи въ Псковѣ 1552 г. всѣмъ псковитянамъ, находившимся въ Новгородѣ, было предписано „ѣхать вонъ“ подъ угрозою сожженія всѣхъ, не подчинившихся этому указу, и битья кнутами лицъ, уличенныхъ въ укрывательствѣ [3]). Что это не была пустая угроза, видно изъ слѣдующихъ словъ Новгородской лѣтописи: „Бысть моровое повѣтріе въ Великомъ Новгородѣ, и много людей помроша; а которые люди побѣгоша изъ града, и тѣхъ людей бѣглецовъ имаша и жегоша“ [4]).

Исключенія не дѣлалось даже для духовенства, стоявшаго всегда очень высоко во мнѣніи русскаго народа. Въ 1572 г. въ Новгородѣ всѣ улицы, гдѣ находились подозрительные больные, были окружены заставами, „и отцомъ духовнымъ покоивати тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли, а учнетъ который священникъ тѣхъ людей каяти, бояръ не доложа, ино тѣхъ священниковъ велѣти жещи съ тѣми же людьми съ больными“ [5]).

Переходя къ описанію способовъ борьбы съ эпидеміями въ XVII в., мы не станемъ перечислять самыя эпидеміи, такъ какъ это сдѣлано болѣе или менѣе подробно въ трудахъ Рихтера [6]), Ханыкова [7]), Эккермана [8]) и ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями относительно эпидеміи 1654 г., самой опустошительной въ XVII вѣкѣ. Началась она въ іюлѣ и продолжалась до зимняго времени. Въ находившихся въ Москвѣ стрѣлецкихъ полкахъ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка. Священники почти всѣ перемерли, и хоронить умершихъ было некому. Улицы были переполнены трупами, разлагавшимися подъ открытымъ небомъ. Преступники, бѣжавшіе изъ мѣстъ заключенія, безнаказанно совершали грабежи и разбои, терроризируя насе-

[1]) Псковская 1-я лѣтопись, въ Полн. собр. русск. лѣтописей, т. IV, стран. 294.
[2]) Рихтеръ В. Исторія медицины въ Россіи, т. II, стран. 130, 131.
[3]) Новгор. 2-я лѣтопись, въ Полн. собр. русск. лѣтописей, т. III, стран. 155
[4]) Новгор. 3-я лѣтопись, тамъ же, т. III, стран. 253.
[5]) Новгор. 2-я лѣтопись, тамъ же, т. III, л. 169.
[6]) Исторія медицины въ Россіи. Москва, 1814—1820.
[7]) Исторія медицинской полиціи въ Россіи. Спб. 1851.
[8]) Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи (Исторія эпидемій X—XVIII в.в.). Казань, 1884.

леніе столицы. Некому было охранять не только частное имущество, но и самый Кремль, и чтобы спасти отъ разграбленія мощи, церковную утварь и государственную казну, было велѣно „въ Кремлѣ городѣ городовые ворота всѣ запереть и рѣшетки запустить", „нижніе и верхніе бойницы задѣлать, чтобы тѣ бойницы отъ воровскихъ людей для всякаго воровства проломаны не были", „а на казенномъ дворѣ у всѣхъ палатъ и въ Посольскомъ приказѣ двери и окна задѣлать кирпичемъ", „и приказы велѣно всѣ запереть" [1]). Изъ Москвы эта ужасная эпидемія распространилась на югъ Россіи до Кіева и Астрахани, гдѣ она свирѣпствовала главнымъ образомъ въ слѣдующемъ году.

Главною мѣрою борьбы съ эпидеміей въ это время было устройство заставъ. На большихъ проѣзжихъ дорогахъ „заставы учинялись крѣпкія", а проселочныя дороги и „малыя стежки" засѣкались, т. е. перекапывались канавами и заваливались деревьями. „На заставахъ и у засѣкъ" ставились особые сторожевые посты, „лучшіе люди, кому вѣрить можно" изъ „жилецкихъ всякихъ чиновъ людей", иногда „головы солдатскаго строю, поручики, а съ ними служилые люди солдаты" [2]), а „на отъѣзжія заставы къ литовскому рубежу" посылались „дѣти боярскіе добрые" [3]). „Головамъ и всякимъ заставнымъ людямъ" предписывалось, подъ смертною казнью, „чтобы они, будучи на заставахъ, смотрѣли того накрѣпко, чтобы никакіе люди въ день и ночнымъ временемъ украдомъ черезъ заставы не прошли и не прокрались" [4]), а если „ихъ небреженіемъ и оплошкою и нерадѣніемъ кто черезъ заставы проѣдетъ или прокрадется, быть имъ казненнымъ смертью безо всякія пощады" [5]), и „чтобъ они также никакихъ товаровъ и платья и ничего (у нихъ) черезъ заставы покупать и даромъ имать не велѣли, а велѣли всѣхъ отъ заставы назадъ отсылать, не мѣшкая", а будетъ которые люди пріѣдутъ къ заставамъ и скажутъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, откуда они ѣдутъ, мороваго повѣтрія на людяхъ нѣтъ, и вы бъ тому вѣрить не велѣли"... Разспросы производились на разстояніи „какъ человѣку можно голосъ человѣка слышать" [6]).

О всѣхъ принимавшихся мѣрахъ „въ которыхъ мѣстѣхъ, и до которыхъ мѣстъ и на какихъ верстѣхъ заставы стоятъ, и по скольку человѣкъ на каждой заставѣ"... [7]) подробно сообщалось въ Москву [8]).

---

[1]) Дополн. къ акт. историч., т. III, стран. 462, документъ XXX.
[2]) М. А. М. Ю., Москов. ст. столб. 272.
[3]) Ib. Москов. ст. столб. 15, л. 92.
[4]) Ib. Москов. ст. столб. 261.
[5]) Ib. Новгор. ст. столб. 116, л. 207.
[6]) Ib. Москов. ст. столб. 261, л.л. 326—331.
[7]) Ib. Новгор. ст. столб. 116.
[8]) Ib. Москов. ст. столб. 15, л.л. 72—75.

У заставъ задерживались всѣ проѣзжавшіе безъ различія званія и положенія. Такъ, когда осенью 1656 г. „въ Юрьевѣ Литовскомъ учинилось на люди моровое повѣтріе“, митрополитъ новгородскій и архіепископъ псковскій, ѣхавшіе въ Москву, получили на пути предписаніе вернуться въ свои епархіи, смоленскому же и полоцкому архіепископамъ, которыхъ эта эпидемія застала въ Москвѣ, было предписано оставаться здѣсь до зимняго времени [1]).

Въ 1653 г. были задержаны „на Осколѣ“ до государева указа ѣхавшіе въ Москву къ государю крымскіе гонцы, такъ какъ въ то время „ въ Крымѣ объявилось на татарѣхъ и на жидѣхъ небольшое моровое повѣтріе“ [2]).

Во время мороваго повѣтрія въ Литвѣ въ 1640 г. было велѣно всѣхъ пріѣзжавшихъ къ заставамъ „сыскивати и распрашивати, подлинно ли (они) не изъ повѣтренныхъ городовъ идутъ, а до сыску тѣхъ выѣзжихъ людей и полоненниковъ велѣно ставити въ деревняхъ, гдѣ бы не близко города и не близко рубежа, и приставовъ велѣно приставливать и кормецъ велѣно давати, смотря по человѣку, покамѣсто вподлинно сыщется, не изъ моровыхъ ли мѣстъ вышли [3]).

Въ 1657 году князь Михаилъ Шаховской писалъ въ Москву: „февраля, государь, въ 7-й день вѣдомо мнѣ, холопу твоему, учинилось: поѣхали изъ Вильны къ тебѣ, великому государю, виленскій мѣщанинъ Михайло Соболевскій да Виленскаго Духоваго монастыря старцы Митрофанъ Пашинскій, да Ларіонъ Бокѣевскій, не бивъ челомъ тебѣ, великому государю, и мнѣ, холопу твоему, не сказывались; а буде они, государь, черезъ заставы мимо Борисовъ проѣдутъ, и мнѣ холопу твоему въ томъ отъ тебя, великаго государя, въ опалѣ не быть“. На донесеніи этомъ была положена резолюція: „будетъ люди на Москвѣ объявятся, и ихъ поймавъ поставить въ Разрядъ“ [4]).

Какой карѣ подвергались въ XVII в. уличенные въ неподчиненіи карантиннымъ требованіямъ, явствуетъ изъ другаго дѣла. Въ 1654 г. посадскій человѣкъ Ѳедоръ Григорьевъ отлучился изъ Кашина за заставу, которыми въ то время былъ окруженъ городъ, въ село Постельниково и, несмотря на то, что онъ ходилъ „къ заставнымъ головамъ къ Ивану Бобарыкину, да къ Матѳѣю Колычеву для рудометнаго промыслу“, его велѣно было „въ Кашинѣ передъ съѣзжею избою, при кашинцахъ при многихъ людехъ бить батоги нещадно, чтобъ ему и инымъ на него смотря впредь такъ воровать, черезъ заставу ходить, было неповадно“ [5]).

---

[1]) Ib. Москов. ст. столб. 289, л.л. 426—428.
[2]) Ib. Бѣлгород. ст. столб. 97, 64.
[3]) Ib. Московск. ст. столб. 15, л.л. 72, 75.
[4]) Ib. столб. 272, л. 448.
[5]) Дополн. къ акт. историч., т. III, стран. 457, докум. XXV.

Платья лицъ, ѣхавшихъ изъ зараженной мѣстности, у заставы жгли или вымораживали, деньги тщательно перемывались [1]), письма и донесенія воеводъ „принимались черезъ огонь“ [2]) иногда „черезъ два огня“. Затѣмъ много разъ переписывались и отправлялись дальше уже съ другими гонцами, при чемъ послѣдніе должны были ѣхать окольными путями и въ тѣ мѣста, гдѣ на людяхъ отъ морового повѣтрія упадокъ есть, не въѣзжать отнюдь, нѣкоторыми дѣлы“ [3]). Подлинныя бумаги сжигались [4]).

Переписка бумагъ ставила нерѣдко въ большое затрудненіе „заставныхъ людей“: съ одной стороны не хватало бумаги [5]), а съ другой при крайне слабомъ развитіи грамотности, трудно было находить достаточное число писцовъ.

Въ 1657 г. писали государю съ Вяземской заставы Петръ Тихановъ и съ Можайской заставы Дмитрій Мотовиловъ: „присылаются де къ нимъ на заставы съ городовъ многія отписки, а съ тѣхъ де отписокъ списывать списковъ некѣмъ, подьячихъ у нихъ только бываетъ съ перемѣною по 3 человѣка, и тѣ де подьячіе съ отписокъ списывать списковъ не умѣютъ, и за тѣмъ де на заставахъ у нихъ письму чинится большое мотчаніе, лежатъ многія отписки многое время не переписаны“. „И великій государь царь... указалъ для переписки отписокъ на заставы послать изъ всѣхъ приказовъ по человѣку съ перемѣною понедѣльно, чтобъ въ перепискѣ съ отписокъ мотчанья нималаго не было“ [6]). Въ другомъ указѣ „для письма“ было велѣно брать „церковныхъ и монастырскихъ дьячковъ“.

Какое большое профилактическое значеніе придавалось переписыванію бумагъ, видно изъ того, что во время мороваго повѣтрія въ Москвѣ въ 1659 г. возникъ вопросъ, можно ли пропустить къ царю, находившемуся въ Смоленскѣ, нераспечатанными письма изъ Москвы отъ государыни Маріи Ильиничны и патріарха Никона: Иванъ Еропкинъ, въ то время стоявшій на заставѣ въ Вязьмѣ, распечаталъ первое письмо къ царю отъ патріарха Никона и затѣмъ въ челобитной отъ 13-го августа обратился къ царю Алексѣю Михайловичу за разъясненіемъ: „Будетъ, государь, отъ великаго государя святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея Великія и Малыя Россіи, къ тебѣ, государю, грамоты съ гонцами, отъ стана до стану посланы будутъ

---

[1]) М. А. М. Ю. Москов. ст. столб. 289 л.л. 426—428.
[2]) Ib. Новгород. ст. столб. 165, л.л. 66, 67.
[3]) Дополн. къ акт. истор. т. III, стран. 457 (докум. XXV).
[4]) Ib. стран. 453, 462 (докум. XXX).
[5]) М. А. М. Ю. Новгор. ст. столб. 168, л. 429.
[6]) Ib. Москов. ст. столб. 325, л.л. 107—118.

запечатаны въ столбцахъ, и мнѣ, холопу твоему, тѣ столбцы распечатывать ли, и грамоты чрезъ огонь принимать ли, а отъ заставы съ иными ли гонцами то письмо къ тебѣ, государю, присылать, или кто съ тѣмъ письмомъ ко мнѣ пріѣдетъ изъ Царева Займища". Отвѣтъ былъ посланъ 17-го августа: „указалъ государь отписать: тѣ государыни царицы и великіе княгини Маріи Ильинишны грамоты и патріарховыхъ не распечатывать" [1]).

Особенно строгія мѣры принимались при появленіи заразы на западной окраинѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ къ общему страху передъ всякой эпидеміей присоединялось еще опасеніе умышленнаго распространенія заразы литовцами и поляками по русскимъ селеніямъ и городамъ. Въ эпидемію 1622 года „Никита Мезецкой и Иванъ Колтовскій", извѣщая царя Михаила Ѳеодоровича о появленіи мороваго повѣтрія въ Польшѣ и Литвѣ, писали: „Литовскіе, государь, люди нарочно хотятъ изъ моровыхъ мѣстъ съ купецкими людьми въ твои государевы города товары всякія посылати и продавати дешевою цѣною для мороваго повѣтрія на твои государевы люди... да изъ Литвы же, государь, привозятъ книги всякія печатныя на продажу для смуты, потому что въ тѣхъ книгахъ много неисправлено и ереси" [2]).

Въ виду сказаннаго, при появленіи эпидеміи въ Польшѣ и Литвѣ, помимо устройства заставъ принимались еще и другія ограничительныя мѣры, направленныя къ стѣсненію свободы передвиженія. Такъ во время мороваго повѣтрія въ Вильнѣ въ 1656 г. князь Михаилъ Шаховской велѣлъ запереть всѣ ворота и никого не выпускать изъ города, несмотря на то, что заставы стояли уже „по Полоцкой и Борисовской и по Минской дорогамъ и отъ Ковны, и отъ Гродны, и отъ польскихъ городовъ".

Тогда князю была подана челобитная „за руками вилинскаго войты Езупа Петрова и бургомистровъ и райцы, и писарей, и ливниковъ, и сотниковъ, и пятидесятниковъ, и десятниковъ, и всѣхъ виленскихъ мѣщанъ". Въ этой челобитной они слезно молили князя Михаила Степановича Шаховскаго разрѣшить имъ „разселиться въ окрестностяхъ Вильны, чтобъ имъ язвенною смертью, живучи въ городѣ въ одномъ мѣстѣ съ заповѣтренными людьми, не помереть", такъ какъ моровое повѣтріе чинится въ городѣ и въ слободахъ, и въ разныхъ улицахъ и домахъ", при этомъ они торжественно обѣщали „за заставы и за рѣку Вилею изъ насъ никому въ Жмуди и въ Кайданы не ѣхать и великому государю не измѣнить, и въ Польшу не въ присяжныя мѣста и въ Нѣмцы и въ иныя ни въ которыя государства

[1]) Ib. Московск. ст. столб. 261, л.л. 324, 325.
[2]) Ib. Московск. ст. столб. 15, л.л. 72, 75.

не отъѣхать и не сбѣжать; а будетъ учинится въ Вильнѣ какая вѣсть про приходъ непріятельскихъ людей царскаго величества на служилыхъ людей, и намъ, провѣдавъ или отъ кого услышавъ про непріятельскихъ людей, быть въ Вильню тотчасъ и биться о городѣ съ государевыми служилыми людьми за-одно и города никому не сдать; или будетъ насъ застанутъ непріятели на поляхъ или въ селѣхъ и въ деревняхъ заѣдутъ, и намъ съ непріятельскими людьми биться до смерти живота своего, покамѣста милосердый Богъ помощи подастъ, а будетъ въ городѣ или гдѣ на поляхъ и въ селѣхъ и въ деревняхъ кого изъ насъ отъ непріятельскихъ людей осада займетъ, и намъ къ непріятельскимъ людямъ не переѣзжать, и съ ними не знаться и грамотками не ссылаться, и свинцомъ и порохомъ и ружьемъ не ссужаться. И на томъ, кто изъ насъ будетъ въ лицахъ, пеня великаго государя, а пеню, что государь укажетъ".

Князь внялъ мольбамъ виленскихъ горожанъ и разрѣшилъ имъ выселяться изъ города. Но въ Москвѣ на это дѣло взглянули иначе; какъ только стало извѣстно о распоряженіи Шаховскаго, тотчасъ же ему было послано предписаніе „писать къ мѣщанамъ и ко всѣмъ жилецкимъ людямъ, которые для морового повѣтрія изъ Вильны распущены, чтобы они ѣхали и шли въ Вильну и жили въ домахъ своихъ по-прежнему".

Едва-ли какая-либо другая правительственная мѣра могла привести къ болѣе тяжелымъ экономическимъ послѣдствіямъ, чѣмъ устройство заставъ: въ торговыхъ дѣлахъ наступалъ застой, поступленіе пошлинныхъ сборовъ прекращалось, а это, отзываясь громаднымъ ущербомъ на торговыхъ отношеніяхъ, вело къ обѣднѣнію государственной казны и общему недовольству и дѣлало карантинныя мѣры не только непопулярными, но и прямо ненавистными учрежденіями, а потому, несмотря на всю жестокость кары, которой подвергались виновные, заставы постоянно „объѣзжались и обходились", а если онѣ недостаточно охранялись, прохожіе и проѣзжіе проходили ихъ даже „насильствомъ"[1]). Нерѣдко протестъ со стороны населенія выражался въ томъ, что оно отказывалось давать людей для охраненія заставъ. Иногда, наконецъ, заставы становились проходимыми вслѣдствіе того, что всѣ сторожа вымирали, или же разбѣгались.

Но тамъ, гдѣ карантинныя мѣры проводились со всею строгостью, нельзя было ѣхать ни на ближайшую мельницу, ни въ лѣсъ за дровами, ни на поле за сѣномъ, а въ городахъ прекращались и „рыбный привозъ и скотный пригонъ", и населеніе цѣлыхъ городовъ и даже округовъ, будучи лишено самыхъ необходимыхъ пищевыхъ продуктовъ

[1]) Дополнен. къ акт. исторін. т. III, стран. 464, докум. XXXIV.

и вещей, терпѣло страшную нужду, и на смѣну мороваго повѣтрія сплошь и рядомъ являлись эпидеміи цынги и голоднаго тифа.

Послѣдствія бывали обыкновенно тѣмъ болѣе тяжелыми, что срокъ задержки у заставъ не былъ опредѣленъ и самыя заставы оставались стоять еще многое время спустя послѣ того, какъ „минется моровое повѣтріе", ибо прежде чѣмъ „свесть заставы" „развѣдывалось и разыскивалось всякими сыски накрѣпко въ уѣздѣ и въ ближнихъ его царскаго величества въ городахъ на люди морового повѣтрія нѣтъ ли". А при тогдашнихъ способахъ управленія это требовало немало времени.

Прекрасной иллюстраціей тѣхъ послѣдствій, къ какимъ вело устройство заставъ, служатъ приводимыя ниже выдержки.

Въ 1677 г. заставный голова Герасимъ Кочигинъ писалъ царю Алексѣю Михайловичу: „На Луки, государь, Великіе торговые люди изъ городовъ съ товары никто не пріѣзжали, потому что въ Луцкомъ и Пусторжевскомъ уѣздахъ по рубежу для морового повѣтрія поставлены были заставы, и торговыхъ людей не пропускали ни съ какими товарами... и пошлины собирать не накомъ, чинится недоборъ большой". Отвѣтъ на это донесеніе былъ такой: „будетъ чего не доберутъ, и то все на нихъ (сборщикахъ) допросить будетъ вдвое, а впредь бы они такъ не плутали и не отписывались" [1]).

Во время уже упомянутаго мороваго повѣтрія въ Виленскомъ округѣ заставы были поставлены въ маѣ 1656 г., а уже съ февраля 1657 г. въ Москву шла одна челобитная за другою о томъ, „что въ Минскѣ, и въ Вильнѣ, и въ Кіевѣ, и въ тѣхъ уѣздахъ на люди мороваго повѣтрія нѣтъ, и въ польскихъ и въ литовскихъ городѣхъ про повѣтріе не слышатъ, а помираютъ многіе въ мѣстечкахъ и въ селахъ и деревняхъ повѣтные люди томною смертью съ голода, а не повѣтріемъ, потому что въ Вильну изъ повѣтовъ хлѣбныхъ запасовъ не возятъ"; далѣе слѣдуетъ просьба: „велѣть, гдѣ мороваго повѣтрія нѣтъ, заставы свесть".

Въ 1656 г. борисовскій воевода Иванъ Андреевичъ Ржевскій писалъ царю Алексѣю Михайловичу: „по нашему уѣзду отъ Борисова (литовскаго по всѣмъ дорогамъ отъ мороваго повѣтрія учинены заставы, и въ Борисовъ съ хлѣбомъ и со всякимъ товары ниоткуды пропускать не велѣно, и нынѣ въ Борисовѣ въ хлѣбѣ скудость большая, и помираютъ голодомъ"... [2]), и далѣе: „изъ Борисова, государь, посылать мнѣ, холопу твоему, къ тебѣ, великому государю,

---

[1]) М. А. М. Ю. Новгородск. ст. столб. 202, лл. 176, 177.

[2]) Ib. Москов. ст. столб. 272, лл. 595—597.

съ отписками и для иныхъ твоихъ государевыхъ дѣлъ некого... многіе солдаты отъ цынги перепухли, лежатъ больны по полугоду, и по 20 и по 10 недѣль, и на твои государевы караулы ходятъ солдаты немногіе", „а Борисовскаго, государь, уѣзда изъ селъ и деревень крестьяне... отъ разоренія разбрелись и нынѣ бредутъ врознь".

Бывали даже случаи, когда дѣло доходило до каннибализма. Такъ въ одномъ донесеніи царю Алексѣю Михайловичу отъ 25-го февраля 1656 г., содержащемъ въ себѣ результаты слѣдствія по поводу убійства одной крестьянки Борисовскаго уѣзда, мы читаемъ: „ту дѣвку жонка Марфушка рѣзала... а дѣвка Тоска держала, а голову, государь, тое дѣвки, отрѣзавъ и сваря, онѣ съѣли, а тѣло де, государь, зарѣзанной дѣвки, та дѣвка Тоска положила въ печь для того, что хотѣла то тѣло съ голода ѣсть же, да та жъ, государь, дѣвка Тоска сказала, что она ѣла съ голоду кошки и собаки" [1]).

На-ряду съ устройствомъ заставъ принимались и различныя другія предохранительныя мѣры. Такъ умершихъ погребали „въ тѣхъ же дворѣхъ, въ которыхъ кто умретъ, во всемъ платьѣ и на чемъ кто умретъ". Съ зачумленными домами прекращалось всякое сообщеніе, и „кормили тѣхъ людей улицей", т. е. съ улицы, а въ которыхъ дворѣхъ колодезей нѣтъ, и въ тѣ дворы велѣно сторожамъ подавать воду черезъ ворота, а во дворы сторожамъ входить не велѣно отнюдь, нѣкоторыми дѣлы". Изъ зачумленныхъ деревень здоровые люди нерѣдко выселялись въ ближайшія окрестности.

Черезъ дороги, ведущія изъ пораженныхъ эпидеміею областей къ тому мѣсту, гдѣ находился царь, строго запрещалось переносить людей, умершихъ „язвенною смертью". Извѣстенъ одинъ случай, когда въ Кашинскомъ уѣздѣ, вопреки запрещенію, была перевезена черезъ дорогу изъ одного помѣстья въ другое умершая отъ чумы жена дворянина Ивана Гавренева. Тогда велѣно было: „накласть дрова и выжечь то мѣсто гораздо, и уголья съ той дороги и пепелъ съ землею свезть, а на то мѣсто насыпать новыя земли..." [2]).

Такимъ образомъ XVII столѣтіе по отношенію къ борьбѣ съ эпидеміями является переходнымъ временемъ. На-ряду съ унаслѣдованными отъ прошлыхъ вѣковъ воззрѣніями, согласно которымъ главною причиною всѣхъ эпидемій считалось вмѣшательство высшихъ силъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ и вполнѣ вѣрныхъ, хотя и наивно истолкованныхъ, наблюденій. Въ полномъ соотвѣтствіи съ общими воззрѣніями на эпидемическія болѣзни, и борьба съ ними велась въ двухъ

[1]) Ib. столб. 272, лл. 428, 429.
[2]) Дополн. къ акт. историч., т. IX, стран. 448.

направленіяхъ: съ одной стороны путемъ воздѣйствія на религіозно-нравственное чувство населенія, а съ другой устройствомъ карантинныхъ мѣръ. Какъ ни нераціональны были первыя предохранительныя мѣры, онѣ все же представляютъ большой историческій интересъ, такъ какъ послужили зародышемъ всей послѣдующей карантинно-санитарной организаціи въ Россіи.

М. Лахтинъ.

Копія вѣрительной грамоты, данной императрицею Екатериною II 18-го апрѣля 1782 года князю Дмитрію Голицыну и Аркадію Моркову.

Когда въ царствованіе короля великобританскаго Георга III торійскому министерству Норта пришла мысль открыть Англіи въ Сѣверо-Американскихъ колоніяхъ новые источники доходовъ, тогда колоніи открыто противъ этого возстали и 4-го іюля 1776 года конгрессъ колоній провозгласилъ независимость 13-ти соединенныхъ штатовъ. Война въ это время была уже въ полномъ разгарѣ. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ англичанъ, но ходъ дѣла измѣнился, когда въ 1778 году колоніи заключили союзъ съ Франціей, которая воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы отомстить своей соперницѣ, и въ 1779 году привлекла къ участію въ войнѣ также и Испанію. Сверхъ того, въ февралѣ 1780 года, по почину Россіи, сѣверныя морскія державы образовали „вооруженный нейтралитетъ“, для защиты своихъ взаимныхъ торговыхъ интересовъ.

Лондонскій кабинетъ пришелъ въ такое раздраженіе, что объявилъ войну Нидерландскимъ штатамъ за ихъ намѣреніе присоединиться къ союзу сѣверныхъ державъ.

Екатерина II отдавала полную справедливость англійскому правительству въ томъ, что послѣ обнародованія февральской декларації, англійскіе каперы и военныя суда почти перестали останавливать русскія суда. Въ началѣ 1781 года англійскій министръ заявилъ русскому посланнику, что всѣ претензіи русскихъ подданныхъ вполнѣ удовлетворены. Когда въ маѣ 1781 года Гаррису [1]) было объявлено,

[1]) Англійскій посланникъ при Русскомъ дворѣ съ 1777 года.

что „Ея Императорское Величество, для соблюденія совершенной въ Балтійскомъ морѣ тишины, желать изволитъ, чтобы англійскимъ арматорамъ и военнымъ судамъ самый входъ въ оное вовсе запрещенъ былъ, ибо сіе море заключается между берегами державъ нейтральныхъ и съ Англіею въ дружбѣ пребывающихъ“,—англійское правительство предписало своимъ военно-морскимъ силамъ исполнить это желаніе императрицы.

Въ виду только-что сдѣланныхъ великобританскимъ правительствомъ Россіи уступокъ,—объявленіе Англіею войны Нидерландскимъ штатамъ было полною неожиданностью для императрицы, которая усмотрѣла въ этомъ поступкѣ ударъ, наносимый русской торговлѣ, и наказаніе за присоединеніе Голландіи къ союзу вооруженнаго нейтралитета. Въ самомъ началѣ января 1781 года императрица приказала Симолину [1]) всѣми силами стараться о предупрежденіи этой войны. Онъ долженъ былъ убѣдить англійскихъ министровъ въ томъ, что они своею политикою принуждаютъ Голландію броситься въ объятія Франціи, что нанятыя въ Германіи, за счетъ Англіи, войска не въ состояніи будутъ выѣхать изъ Европы въ Сѣверную Америку и т. п. „Не имѣемъ мы“, пишетъ императрица Симолину 27-го октября 1781 года, „подлинно другой цѣли, кромѣ удовлетворенія благотворительнымъ нашимъ склонностямъ въ пользу человѣчества, и это впрочемъ объявя торжественно какъ воюющимъ державамъ, такъ и всему свѣту нашу твердость въ сохраненіи къ нимъ равнаго и строжайшаго нейтралитета до послѣднихъ предѣловъ возможности“.

Когда война была объявлена Нидерландамъ, Екатерина II предложила свое посредничество для заключенія отдѣльнаго мира между Англіей и Голландіей. Это предложеніе было сперва отвергнуто англійскимъ королемъ на томъ основаніи, что онъ не желаетъ общаго мира, который можетъ быть только отдаленъ заключеніемъ отдѣльныхъ мирныхъ трактатовъ [2]), но въ сентябрѣ 1781 года англійскій король перемѣнилъ свое мнѣніе и согласился на посредничество Россіи между нимъ и Нидерландскими штатами. Въ то же время Гаррису было поручено поддержать самыя дружескія отношенія съ

---

[1]) Русскій посланникъ при Лондонскомъ дворѣ.

[2]) По этому случаю Симолинъ получилъ рескриптъ: „Чѣмъ большее доброжелательство старались мы постоянно оказывать къ дѣламъ и истиннымъ интересамъ короля и народа великобританскаго, тѣмъ прискорбнѣе было намъ узнать изъ вашихъ донесеній о рѣшительномъ отказѣ королевскомъ въ принятіи особеннаго нашего посредства въ новой войнѣ Англіи съ республикой Соединенныхъ Нидерландовъ (С. Соловьевъ. Исторія Россіи, изд. 1879 года, т. V стран. 325).

Императорскимъ правительствомъ и возбудить еще разъ вопросъ о заключеніи оборонительнаго союза между обѣими державами.

Въ мартѣ 1781 года императрицѣ было предложено королемъ англійскимъ занять островъ Минорку, который онъ желалъ уступить Россіи, чтобы дать ей возможность создать себѣ морскую станцію на Средиземномъ морѣ. Это заманчивое предложеніе было отвергнуто императрицею (Diaries and correspondence of James Harris, first Earl of Malmesbury, letter from sir James Harris to Lord Viscount Stormont. Vol. I p. 381).

Что же касается предложенія о союзномъ трактатѣ, то оно также не было принято императрицею Екатериною на основаніи слѣдующихъ собственноручно написанныхъ ею, по-французски, мотивовъ: „Что они (англичане) разумѣютъ подъ европейскимъ моремъ? Прежде всего, они нисколько не желаютъ давать помощи противъ турокъ и татаръ, хотя гарантируютъ заключенный миръ. Это противорѣчіе. Они требуютъ (хотя этого не говорятъ), чтобы мы слали наши войска и суда въ Америку, но они не требуютъ этого для Португаліи и Испаніи. Средиземное море—европейское море или нѣтъ? То ли же самое Архипелагъ? Первое море между Европою и Америкою; второе между Азіею и Европою".

Какъ ни были велики средства Англіи, она не могла долѣе бороться противъ союза сѣверныхъ державъ и, заключивъ миръ съ Нидерландскими штатами, должна была 30-го ноября 1782 года подписать отдѣльный миръ съ американскими колоніями, за которыми и признана полная независимость, а уже въ сентябрѣ слѣдующаго года заключенъ общій миръ въ Версалѣ (Ф. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Т. IX (X). Трактаты съ Англіею 1710—1801, СПБ. 1892 г.).

Вотъ копія съ хранящейся въ Рукописномъ отдѣлѣ Собственныхъ Его Императорскаго Величества Библіотекъ, подлинной вѣрительной грамоты императрицы Екатерины II, данной въ Царскомъ Селѣ 18-го апрѣля 1782 года, чрезвычайному посланнику при Генеральныхъ Штатахъ соединенныхъ провинцій, князю Дмитрію Голицыну и министру при Ихъ Высокомочіяхъ, Аркадію Моркову, на уполномочіе ихъ въ качествѣ посредниковъ, къ примиренію воюющихъ сторонъ:

Божіею поспѣшествующею Милостію, Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская: Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская; Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и Иныхъ Государыня, и Великая Княгиня Нова-Города Низовскія земли, Черниговская, Рязан-

ская, Ростовская, Ярославская, Бѣло-Озерская, Удорская, Обдорская, Кондійская, и всея Сѣверныя Страны Повелительница, и Государыня Іверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и Иныхъ, наслѣдная Государыня и Обладательница. Взирая съ особливымъ удовольствіемъ, что употребленныя отъ Насъ добрыя офиціи и посредство къ прекращенію войны между Его Величествомъ Королемъ Великобританскимъ и Ихъ Высокомочіями Генеральными статами соединенныхъ провинцій, начали производить желаемый успѣхъ, и продолжая, по истинной дружбѣ Нашей къ обѣимъ воюющимъ державамъ, усердствовать о доведеніи сего добраго начала къ счастливому концу, и тѣмъ самымъ оказать имъ пріятную, а человѣчеству драгоцѣнную услугу, избрали, назначили и опредѣлили Мы, и симъ избираемъ, назначаемъ и опредѣляемъ Нашихъ Любезновѣрныхъ Тайнаго Совѣтника, дѣйствительнаго Камеръ-Гера и Чрезвычайнаго Посланника при Генеральныхъ статахъ соединенныхъ провинцій, Князя Дмитрія Голицына и Нашего Канцеляріи Совѣтника и Министра при Ихъ же Высокомочіяхъ Аркадія Моркова, уполномочивая ихъ обоихъ именемъ Нашимъ и со стороны Нашей въ качествѣ посредниковъ совокупно съ тѣми, которыя взаимно будутъ назначены и снабдены полною мочью со стороны Его Великобританскаго Величества и Ихъ Высокомочій Генеральныхъ статовъ соединенныхъ провинцій, содѣйствовать и помогать Нашимъ посредничествомъ и добрыми офиціями распоряженію и составленію между ими всѣхъ и такихъ трактатовъ, конвенцій или другихъ актовъ, какого бы званія они ни были, которые будутъ признаны нужными для совершеннаго примиренія ихъ, и по востребованію договаривающихся сторонъ утвердить оныя по ихъ взаимному желанію, обѣщая Императорскимъ Нашимъ словомъ и вѣрою за благо принять и вѣрно исполнить все то, что въ послѣдствіе сей полной мочи будетъ сдѣлано, постановлено, обѣщано, утверждено и подписано помянутыми Нашими Чрезвычайнымъ Посланникомъ Княземъ Голицынымъ и Министромъ Морковымъ. Равно какъ и дать на то, если нужно и востребовано будетъ, Ратификацію Нашу на соглашаемый срокъ. Въ увѣреніе чего Мы сію Нашу полную мочь собственноручно подписали и Государственною Нашею печатью утвердить повелѣли. Дано въ Царскомъ Селѣ апрѣля осмаго на десять дня тысяча семьсотъ восемьдесятъ втораго, а Государствованія Нашего двадесятаго года“.

„Екатерина“

(скрѣпилъ Графъ Иванъ Остерманъ).

Къ этой вѣрительной грамотѣ приложенъ французскій переводъ оной.

Въ заключеніе не будетъ лишнимъ, въ русскомъ переводѣ, привести извлеченіе изъ депеши Сэра Джемса Гарриса—Фоксу [1]).

Петербургъ, 18/30 апрѣля 1782 г.

... „Я позволилъ себѣ указать на мѣры, казавшіяся мнѣ самыми дѣйствительными для усугубленія энергіи вмѣшательства императрицы и могущими быть достигнутыми лишь поддержкой еще оставшихся намъ въ Голландіи друзей и запугиваніемъ приверженцевъ Франціи. Потому-то я совѣтовалъ отправить немедленно курьера къ гг. Голицыну и Моркову, чтобы, снабженные самой точной и ясной инструкціей, эти господа могли бы настаивать у ихъ высокомочій на соглашеніи съ ихъ собственнымъ рѣшеніемъ; и это тотчасъ же, немедля и не допуская проволочекъ, которыя они всегда оправдывали будто бы условіями ихъ республиканской конституціи, когда имъ приходилось обсуждать какую-либо неугодную имъ мѣру и которыя, какъ мы недавно видѣли, переставали существовать, когда дѣло касалось излюбленнаго ими проекта союза съ Франціей или независимости Америки.

„Я поэтому настойчиво убѣждалъ русскихъ посланниковъ въ Гаагѣ говорить твердымъ и рѣшительнымъ образомъ, въ необходимости дать голландцамъ почувствовать, что съ государынею, столь вліятельной и могущественной, какова императрица, изъ гуманныхъ побужденій и для ихъ же пользы, принявшей на себя посредничество между нами и ими, нельзя относиться пренебрежительно“.

Сообщилъ **В. Щегловъ.**

[1]) Diaries and correspondence of James Harris. Vol. I, p. 432.

Домъ, гдѣ жилъ императоръ Александръ I во время пребыванія въ Черновцахъ, снятый въ 1820-хъ годахъ.

Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 году [1]).

Статью эту мы начинаемъ съ извѣщенія графомъ Нессельроде австрійскаго канцлера о намѣреніи императора Александра произвести осенью 1823 года смотръ войскамъ Второй арміи. По окончаніи маневровъ государь готовъ былъ принять императора австрійскаго въ Каменецъ-Подольскѣ, но недостатокъ помѣщеній въ этомъ городѣ заставилъ впослѣдствіи перенести мѣсто свиданія въ Черновцы [2]).

Въ то время, какъ въ мартѣ гр. Нессельроде писалъ о томъ австрійскому канцлеру, графъ Лебцельтернъ старался выставить посла нашего въ Вѣнѣ въ самомъ неблагопріятномъ освѣщеніи. Дѣло въ томъ, что послѣднему хотѣлось перенести изъ Константинополя въ Вѣну переговоры и, отстранивъ лорда Странгфорда, взять все это дѣло въ свои руки.

Вотъ какъ между прочимъ выражался князь Меттернихъ о Татищевѣ по поводу желанія его затереть англійскаго дипломата: „продолжительное вмѣшательство лорда Странгфорда въ дѣла Востока на столько ненавистно г. Татищеву, что оно совершенно его ослѣпляетъ [3]). Но сдѣлать Вѣну центромъ переговоровъ Татищеву не удалось, хотя по отношенію Черновецкаго свиданія роль его была все-таки значительнѣе роли австрійскаго его коллеги въ Петербургѣ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“: 1) май 1901 г.; 2) ноябрь 1903 г.; 3) книжку, въ которую помѣщены матеріалы Парижскаго архива; 4) книжку, въ которую помѣщены матеріалы Вѣнскаго архива.

[2]) Нессельроде—Меттериху. С.-Петербургъ, 26-го марта 1823 года.

[3]) Меттернихъ—Лебцельтерну, 28-го іюня 1823 г.

Татищевъ сопровождалъ графа Нессельроде во Львовъ, тогда какъ графъ Лебцельтернъ, которому хотѣлось присутствовать при этомъ свиданіи—оставался въ Петербургѣ. Въ слѣдующей депешѣ своей австрійскій посолъ, говоря объ императорѣ Александрѣ, изображаетъ его человѣкомъ, обладавшимъ энигматическимъ характеромъ, какимъ-то сфинксомъ. Вотъ эти слова: „онъ не былъ въ состояніи постигнуть характера, полнаго блестящихъ качествъ, но который было не такъ-то легко подчинить себѣ“ [1]). Почти одновременно извѣщенію о предстоявшемъ свиданіи графъ Лебцельтернъ сообщалъ Вѣнскому кабинету о полученномъ въ Петербургѣ извѣстіи относительно фирмана, въ которомъ говорилось о намѣреніи султана создать торговый флотъ на Черномъ морѣ. Подобный флотъ нанесъ бы конечно значительный вредъ морской торговлѣ всѣхъ вообще державъ, суда которыхъ плавали въ водахъ Леванта, а въ особенности русскимъ торговымъ судамъ. Намѣреніе султана, по словамъ австрійскаго посла, произвело въ Петербургѣ весьма невыгодное впечатлѣніе [2]). Недѣль шесть спустя тотъ же дипломатъ, по приказанію Меттерниха, зорко слѣдившій за рѣшеніями, принимаемыми Петербургскимъ кабинетомъ по восточнымъ дѣламъ, доноситъ въ Вѣну, что русскій императоръ повидимому начинаетъ колебаться и кончитъ вѣроятно тѣмъ, что объявитъ Турціи войну. На самомъ дѣлѣ этого, какъ извѣстно, не случилось. Самъ ли или вслѣдствіе воздѣйствія дипломатіи, какъ русской, такъ и иностранной, но императоръ Александръ обращалъ, къ сожалѣнію, гораздо болѣе вниманія на происходившія событія на Иберійскомъ полуостровѣ и въ Италіи, нежели на страданія своихъ единовѣрцевъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Мореѣ, а равно на убытки, которые несла вся юго-западная Россія вслѣдствіе прекращенія торговыхъ сношеній нашихъ съ Турціею.

Война съ этою державою разыгралась четыре года спустя.

Князь Меттернихъ хорошо понималъ, что разрывъ Россіи съ Турціею, если и не угрожалъ миру въ Европѣ, тѣмъ не менѣе затрогивалъ за живое австрійскіе интересы на Востокѣ, а отсюда и шли всѣ его старанія, увѣнчавшіяся успѣхомъ, къ возстановленію дипломатическихъ сношеній между обѣими державами. Старанія эти [3]) не помѣшали австрійскому дипломату вполнѣ раздѣлять мнѣніе русскаго царя, что время не наступило еще для назначенія русскаго представителя на берегахъ Босфора. (Мы говоримъ здѣсь о дипломатическомъ представительствѣ). Туркамъ конечно было бы весьма пріятно

[1]) Лебцельтернъ—Меттерниху, 10/22-го августа 1823 г.

[2]) Лебцельтернъ—Меттерниху. С.-Петербургъ, 15/27 апрѣля 1823 года.

[3]) Меттернихъ—Оттенфельсу, Вѣна, 21-го іюля 1823 года.

видѣть русскаго посланника въ Константинополѣ, такъ какъ присутствіе его могло служить лучшимъ доказательствомъ, что Россія не поддерживаетъ грековъ въ ихъ возстаніи противъ султана и не выказываетъ никакого желанія нарушать цѣлость Оттоманской имперіи. Дипломатическія наши сношенія съ Турціею продолжалъ тѣмъ не менѣе по-прежнему вести лордъ Странгфордъ.

Продолжительное упорство турокъ заставило Россію искать поддержки въ Австріи, и въ слѣдующей депешѣ [1]) мы нашли весьма интересный разговоръ нашего министра иностранныхъ дѣлъ съ австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ. Въ данномъ случаѣ графъ Нессельроде, вопреки обычной его уступчивости иностранной дипломатіи, въ особенности австрійской, довольно энергично на этотъ разъ представилъ графу Лебцельтерну непріятное и обидное положеніе Россіи по отношенію къ Портѣ, совѣтуя австрійскому правительству болѣе тѣсный образъ дѣйствія съ нашимъ. Послѣдній могъ бы выразиться, по мнѣнію графа Нессельроде, въ отозваніи интернунція и даже въ угрозѣ посылки 50-ти-тысячнаго австрійскаго корпуса совокупно съ нашими войсками. На это русскій министръ получилъ въ отвѣтъ, что подобная угроза не окажетъ никакого вліянія на Порту, такъ какъ послѣдней хорошо извѣстно, что Австрія ни посла своего не отзоветъ и еще менѣе пошлетъ солдатъ своихъ воевать съ Турціею. Графу Нессельроде поневолѣ пришлось перейти снова изъ мажорнаго тона въ минорный. Хорошо еще, что дипломатія наша энергично заявила графу Лебцельтерну, который конечно не преминулъ передать это Турціи, о томъ, что Россія никогда не согласится на очищеніе занятыхъ ею на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленій: Сухумъ-Кале, Анапы и Поти.

Переговоры наши съ Турціею подвигались черепашьимъ ходомъ и постоянно затягивались, какъ вдругъ до Вѣнскаго кабинета дошли извѣстія, что Россія, если и не оффиціально, то тайно все-таки поддерживаетъ греческое возстаніе. Преслѣдуемый всю свою жизнь революціоннымъ призракомъ и повѣривъ этимъ слухамъ, князь Меттернихъ рѣшился сдѣлать по сему поводу серьезныя представленія Петербургскому кабинету, хотя русскій министръ иностранныхъ дѣлъ продолжалъ опровергать участіе Россіи въ возмущеніи Греціи.

Мы приводимъ здѣсь двѣ депеши австрійскаго дипломата почти in extenso. Первая явная (ostensible), вторая довѣрительная (secrète), но обѣ одной и той же даты 7-го августа 1823 года. Въ первой [2]), которая, конечно, предназначалась для прочтенія графу Нессельроде,

[1]) Лебцельтернъ—Меттерниху. С.-Петербургъ, 25-го іюня (7-го іюля) 1823 г.
[2]) Меттернихъ—Лебцельтерну. Вѣна, 7-го августа 1823 г.

австрійскій канцлеръ расточался въ дифирамбныхъ выраженіяхъ по адресу императора Александра. Вотъ что онъ говорилъ: „россійскій императоръ, возвышенный въ своихъ намѣреніяхъ, съ сужденіемъ человѣка просвѣщеннаго, почерпающій силу въ началахъ доброй и великодушной политики, цѣлію своею не ставитъ уничтоженіе Оттоманской державы, а въ то же самое время будучи далекъ отъ желанія воспользоваться, для достиженія личныхъ политическихъ выгодъ, вліяніемъ разрушительныхъ началъ — искренно послужить дѣлу мира Европы"; и далѣе: „мудрость его величества, искренность его по отношенію къ союзникамъ, согласные ихъ поступки и непрерывная принадлежность ихъ къ охранительнымъ началамъ общественнаго порядка, вотъ путь къ спасенію, которымъ крамола пренебрегла въ своихъ разсчетахъ".

Но рядомъ съ этой депешей была приложена секретная, и невольно улыбаешься, читая тѣ строки, которыя тщательно скрывались отъ непрошенныхъ взоровъ. Конечно, графъ Нессельроде, какъ опытный дипломатъ, догадывался о существованіи второй депеши, въ концѣ которой австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ отбросилъ въ стороны дипломатическія тонкости. En se déboutonnant, т. е. на распашку, онъ поручалъ графу Лебцельтерну сообщить Петербургскому кабинету, что Австрія въ войнѣ Россіи съ Турціею никакой поддержки первой не окажетъ, а еще менѣе того съ оружіемъ въ рукахъ, предоставивъ себѣ право поступать въ случаѣ войны согласно лишь съ собственными интересами.

Отдавая вполнѣ справедливость возвышеннымъ чувствамъ (sentimens élevés) русскаго царя, а равно требованіямъ Россіи, торговля и національное достоинство которой страдали отъ безразсуднаго высокомѣрія Турціи, Вѣнскій кабинетъ оффиціально находился будто бы на сторонѣ Россіи, но стоило только взять въ руки эту секретную депешу князя Меттерниха, какъ въ ней нѣтъ уже и рѣчи о sentiments élevés (возвышенныхъ чувствахъ) императора Александра. Напротивъ того, князь Меттернихъ выражается съ такою развязностью, о которой предоставляемъ здѣсь судить самому читателю. „Вся моя дѣятельность опирается на обоснованныхъ данныхъ, къ несчастію, я не могъ высказать всей правды. Безпощадная истина безъ прикрасъ изложена въ прилагаемой моей запискѣ (конфиденціальной депешѣ), содержаніемъ которой прошу проникнуться въ разговорахъ вашихъ съ графомъ Нессельроде по поводу явной моей депеши" [1]).

Признавая въ явной депешѣ права Россіи справедливыми въ распрѣ

[1]) Меттернихъ—Лебцельтерну, 7-го августа 1823 года.

ея съ Турціею, въ секретной депешѣ права эти превратились въ притязанія, и они уже называются претензіями Россіи, которыя справедливѣе было бы назвать придирками.

Ниже приведена историческая справка по вопросу, разбиравшемуся въ этой депешѣ. Князь Меттернихъ назвалъ эту справку la vérité historique (историческая истина) и излагалъ ее въ слѣдующихъ словахъ: „Оттоманская Порта, среди безмятежнаго мира и совершенно безопаснаго положенія, но которое и было причиною ея непредусмотрительности, потерпѣла въ 1821 году нападеніе со стороны подвластнаго ей народа, находящагося въ близкихъ сношеніяхъ съ однимъ сосѣднимъ государствомъ. Внѣшнею политикою Россіи завѣдывалъ въ то время министръ, происхожденіемъ грекъ [1]). Министръ этотъ былъ главою тайной секты [2]), которая, организовавъ возстаніе цѣлаго народа, проявила тѣмъ въ сильной степени свое существованіе и силу. Русскій генералъ-лейтенантъ, перешедшій границу, провозгласилъ возстаніе; должностное лицо, скорѣе грекъ, нежели русскій, воспользовался всѣми имѣвшимися у него средствами для осуществленія разрыва между обоими государствами; всюду на востокѣ тайные и явные агенты служили дѣлу возстанія. Вотъ каково было положеніе въ моментъ осложненія. . . . . .
они (греки) видятъ въ немъ спасителя и теперь ожидаютъ спасенія отъ естественнаго своего врага.

„Пускай опровергнутъ эти истины!“ восклицалъ князь Меттернихъ и, сказавши, что въ случаѣ войны Россіи съ Турціею наступятъ неисчислимыя бѣдствія, австрійскій дипломатъ прибавлялъ: я поступаю, какъ человѣкъ, желающій мира въ Европѣ, какъ человѣкъ, которому дорога слава русскаго императора. Греки, будучи единовѣрцами Россіи, могли ждать помощи Россіи, но они—мятежники, и потому, по мнѣнію князя Меттерниха, Россія должна отказать имъ во всякаго рода покровительствѣ и защитѣ. Секретную депешу свою князь Меттернихъ заключалъ такъ: „А теперь пробилъ часъ, въ который императору россійскому слѣдуетъ узнать, что въ цѣляхъ сохраненія мира мы готовы на все, что не противорѣчитъ справедливости, но онъ долженъ также знать, что мы никогда не окажемъ поддержки ни словомъ, ни дѣломъ, если вспыхнула бы война. Въ случаѣ, если никакъ нельзя ея избѣгнуть, мы предоставимъ Россіи одной вести войну, но, наблюдая вмѣстѣ съ союзниками нашими за ходомъ оной и поступая, смотря по обстоятельствамъ“.

Графу Лебцельтерну поручалось довести о намѣреніяхъ Вѣнскаго кабинета до свѣдѣнія самого царя, и князь Меттернихъ такъ моти-

---

[1]) Каподистрія.
[2]) Гетерія.

вировалъ свой взглядъ на этотъ вопросъ: первому, кому мы обязаны въ томъ признаться, это монарху, давшему намъ такія доказательства чистосердечной дружбы и довѣрія, другаго примѣра которыхъ трудно сыскать въ дипломатическихъ лѣтописяхъ.

Не безъинтересна также характеристика графа Нессельроде, сдѣланная его австрійскимъ коллегою въ Петербургѣ, графомъ Лебцельтерномъ. Вотъ подлинныя слова посла [1]): „хуже всего, что здѣсь нѣтъ настоящаго министра, не то чтобы графъ Нессельроде не проявлялъ достаточно мужества съ тѣхъ поръ, какъ онъ остался одинъ по управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, пользуясь большимъ довѣріемъ у государя, но онъ не умѣетъ проявить во-время перваго качества, ни воспользоваться вторымъ обстоятельствомъ и тому причиною не отсутствіе необходимыхъ дарованій для веденія серьезныхъ дѣлъ, а то, что дѣятельность его парализуется волею государя; ни то наконецъ, что взгляды его ошибочны и недостаточно свѣтлы, а то, что онъ склоненъ подпадать подъ вліяніе людей, которые кажутся ему талантливыми или умными. Онъ превосходный статсъ-секретарь, наилучшій, котораго мы только могли бы желать вблизи императора, а это потому, что онъ расположенъ къ намъ; но онъ въ сущности не министръ въ томъ смыслѣ, который придаю я человѣку, находящемуся въ подобной должности. Впрочемъ, императоръ самъ этого не желаетъ. Татищеву не хотѣлось бы значить меньше, ему хотѣлось бы значить больше, и вотъ почему государь окажетъ ему милостей ровно столько, сколько необходимо, чтобы держать его вдали отсюда“.

„Сожалѣлъ очень, замѣтивши, что графъ Нессельроде въ дѣлахъ, касающихся Востока, поддается вліянію Татищева, а въ дѣлахъ, касающихся Запада—вліянію Поццо. Объясняю это слѣдующимъ образомъ: ничего на свѣтѣ не боится графъ Нессельроде, какъ отвѣтственности, т. е. бремени не по силамъ его, ибо онъ работать не любитъ. Выразившись въ столь лестныхъ выраженіяхъ о государственныхъ способностяхъ человѣка, поставленнаго въ то время во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, графъ Лебцельтернъ продолжалъ: графъ Нессельроде такъ восхищается вашими талантами, князь, что онъ убѣжденъ, что если вы придали бы Восточному вопросу настоящее его значеніе, вопроса этого болѣе бы не существовало. Онъ полагаетъ, что вопросъ этотъ въ глазахъ вашихъ имѣлъ значеніе второстепенное, что вы имъ пренебрегли или недостаточно серьезно отнеслись къ нему; онъ думаетъ, что вы ошибаетесь насчетъ намѣреній императора, и полагаетъ, что отъ положенія этого дѣла будетъ зависѣть степень дружбы или охлажденія на будущее время

[1]) Лебцельтернъ—Меттерниху, 22-го авг. (4-го сент.) 1823 года.

между обоими дворами. Говоря о предстоящемъ свиданіи въ Черновцахъ, о которомъ заранѣе конечно зналъ князь Меттернихъ, а можетъ быть и австрійскій посолъ въ Петербургѣ, послѣдній прибавляетъ въ той же депешѣ: „непродолжительно, но многознаменательно будетъ Черновецкое свиданіе . . . . . .

. . . . . .

Изумленіе, въ которое повсюду придутъ отъ неожиданнаго свиданія этого, будетъ громадно, и ваша свѣтлость съумѣетъ конечно воспользоваться онымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Тайна здѣсь соблюдена была превосходно. Никто, какъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а равно въ здѣшнемъ посольствѣ, ничего не зналъ. Я былъ весьма удивленъ, узнавши, что нѣкоторымъ личностямъ въ Вѣнѣ она была тѣмъ не менѣе извѣстна, и весьма о томъ сожалѣлъ. Нѣсколько часовъ Черновецкаго свиданія, и небольшія тучки сами собою разсѣются. Все переданное мнѣ по сему поводу графомъ Нессельроде не стоитъ быть доложеннымъ, онъ не читалъ вашихъ донесеній; принимая во вниманіе направленіе, котораго съ такою добросовѣстностію придерживается здѣшній кабинетъ, послѣдній настолько въ состояніи обойтись безъ васъ, князь, насколько въ зимнее время мы можемъ обойтись безъ топлива“.

Слѣдующее донесеніе графа Лебцельтерна, которымъ мы заканчиваемъ извлеченія, сдѣланныя нами изъ Вѣнскаго архива, обратило наше вниманіе тѣмъ болѣе, что оно написано послѣ состоявшагося свиданія и переговоровъ. На донесеніи сдѣлана надпись réservée (довѣрительно):

„Къ сожалѣнію, о томъ, что вы не могли отправиться навстрѣчу императору Александру, присоединились здѣсь многіе. Съ чувствомъ истиннаго удовольствія могъ я при этомъ случаѣ убѣдиться, до какой степени здѣшнее общество заботится о вашемъ благополучіи и какъ высоко цѣнитъ оно установившіяся отношенія между обоими дворами. Общество привыкло къ подобному порядку вещей, оно рукоплещетъ ему. Въ числѣ достигнутыхъ результатовъ и ставя вамъ въ особенную заслугу, оно благословляетъ сохраненіе мира, будучи можетъ быть недостаточно справедливымъ по отношенію къ императору Александру, благороднымъ и возвышеннымъ чувствамъ котораго оно обязано въ этомъ вопросѣ“.

Говоря объ успѣхахъ, одержанныхъ австрійскою дипломатіею по возстановленію дипломатическихъ сношеній между Россіею и Турціею, австрійскій посолъ въ Петербургѣ заканчивалъ свою депешу слѣдующимъ панегирикомъ князю Меттерниху: „это одна изъ блестящихъ и значительныхъ побѣдъ, одержанныхъ вашимъ сіятельствомъ“.

Матеріалы Вѣнскаго архива, относящіеся до 1823 года и до опи-

сываемыхъ нами событій, происходившихъ во Львовѣ и Черновцѣ осенью этого года, рисуютъ совершенно ясно политическое положеніе Европы. Князь Меттернихъ является во весь ростъ руководившаго судьбами Европы государственнаго человѣка. Онъ цѣлою головою стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ, подвизавшихся на тогдашней міровой сценѣ. Кажденіе графа Лебцельтерна, ему подчиненнаго, понятно и извинительно, если значительная часть русскаго общества того времени признавала за австрійскимъ канцлеромъ право считать себя первымъ государственнымъ человѣкомъ въ Европѣ въ первую четверть XIX вѣка.

Силуэты, сдѣланные австрійскими дипломатами императора Александра, а равно графа Нессельроде, хотя новаго ничего не прибавляютъ, что не было бы уже извѣстно, но во всякомъ случаѣ силуэты эти сдѣланы искусною рукою. Лица, которыя и о которыхъ говорится въ этихъ донесеніяхъ и депешахъ, принимали участіе три четверти вѣка слишкомъ тому назадъ въ драмѣ, надъ которою занавѣсъ еще не спущенъ, лица эти давнымъ давно сошли съ міровой сцены, другіе ихъ замѣняютъ, но драма осталась та же.

Положеніе Пруссіи въ описываемое время выражено наглядно въ предлагаемыхъ здѣсь читателю донесеніяхъ прусскихъ посланниковъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ, барона Шёлера и князя Гацфельда прусскому королю Фридриху-Вильгельму III-му, а также въ дипломатической перепискѣ сихъ двухъ дипломатовъ съ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Бернсторфомъ. Документами этими подтверждается существованіе тайнаго соглашенія между С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ кабинетами относительно предстоявшаго въ Черновцахъ свиданія [1]).

Прослѣдимъ теперь эту переписку. Въ августѣ описываемаго нами года прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ доносилъ своему королю [2]): „При этомъ случаѣ (на парадѣ) я счелъ долгомъ всеподданнѣйше благодарить государя за то, что его величество съ такимъ доброжелательствомъ отнесся къ намѣренію е. к. в. принца Вильгельма

[1]) На основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ изъ берлинскихъ архивовъ: das Geheime Staatsarchiv zu Berlin и архива бывшей Императорской миссіи въ Берлинѣ.

[2]) Баронъ Шёлеръ 11/23 августа 1823 г.

Домъ, гдѣ жилъ императоръ Александръ I во время пребыванія въ Черновцахъ, снятый въ настоящее время.

присутствовать на смотру польско-литовской арміи и о чемъ, предъидущею почтою, я имѣлъ уже случай донести. Въ отвѣтъ на заявленную мною благодарность, его величеству угодно было выразить, что принцъ всегда и во всякое время будетъ принятъ радушно и что если на эти смотры онъ не былъ приглашенъ, то потому только, что не имѣлось возможности показать ему чего-либо интереснаго".

Въ слѣдующей депешѣ [1]) упоминалось объ одновременномъ отъѣздѣ съ государемъ изъ Петербурга графа Нессельроде, уѣзжавшаго будто бы для обозрѣнія имѣній его, лежавшихъ близъ Одессы, а также о томъ, что управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ возлагалось на тайнаго совѣтника Убри. Но въ половинѣ сентября прусскій посланникъ началъ уже сомнѣваться въ томъ, что поѣздка царя ограничится только предѣлами Россіи, и возможность свиданія императоровъ Александра и Франца становилась въ глазахъ его вѣроятною. Вотъ, между прочимъ, какъ онъ доноситъ королю по поводу интересовавшаго въ то время дипломатическій міръ вопроса. Въ числѣ всѣхъ этихъ (извѣстій) неперестающій слухъ о томъ, что только путешествіе в. в. императора австрійскаго въ Галицію и близость отъ границы оной пролегавшаго маршрута е. в. императора Александра, по пути изъ Брестъ-Литовска въ южныя губерніи—послужили поводомъ къ встрѣчѣ обоихъ монарховъ, кажется здѣсь всѣмъ тѣмъ болѣе удивительнымъ, что никто не предвидѣлъ подобнаго событія и каждый утверждаетъ, что до сихъ поръ онъ не получалъ о томъ оффиціальнаго извѣщенія.

Даже самъ графъ Лебцельтеръ полагаетъ, что слухъ этотъ потому только заслуживаетъ довѣрія, что, по самому существу дѣла, показалось бы страннымъ, если оба монарха, находясь вблизи, избѣгли бы взаимной встрѣчи, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если комбинаціи журналистовъ окажутся на этотъ разъ безошибочными [2]).

Свѣдѣнія о свиданіи не были, повидимому, извѣстны дипломатическому корпусу въ Петербургѣ. Они достигли этой столицы, какъ потомъ оказалось, путемъ частной корреспонденціи, шедшей изъ Вѣны, въ видѣ слуховъ, потомъ оправдавшихся. На основаніи сего, прусскій посланникъ сообщалъ министру внутреннихъ дѣлъ въ Берлинѣ: „Здѣсь болѣе не сомнѣваются на счетъ свиданія обоихъ императоровъ въ Черновцахъ, но, тѣмъ не менѣе, насколько мнѣ извѣстно, только изъ Вѣны получены были свѣдѣнія объ этомъ событіи" [3]).

На сколько прусскій дипломатъ оказался неосвѣдомленнымъ объ

[1]) Шёлеръ—Бернсторфу 8/20-го сентября 1823 г.
[2]) Шёлеръ—королю 19-го сентября (1-го октября).
[3]) Шёлеръ—Бернсторфу 22-го сентября (4-го октября) 1823 г.

уговорѣ въ Инсбрукѣ обоихъ монарховъ относительно ихъ свиданія въ 1823 году и что вопросъ этотъ по его мнѣнію былъ только въ настоящее время рѣшенъ, слѣдуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: „не можетъ быть никакого сомнѣнія, что предложеніе Вѣнскаго двора, касающееся этой встрѣчи, было сдѣлано здѣсь за нѣкоторое время до отъѣзда императора, ибо, какъ оказывается теперь, уже при составленіи послѣдняго маршрута государя рѣшено было остановиться вблизи Каменецъ-Подольска, а равно также является вполнѣ понятнымъ то обстоятельство, что графа Нессельроде сопровождаютъ оба выдающіеся чиновника его канцеляріи — графъ Матусевичъ и господинъ фонъ-Северинъ“ [1]).

Продолжая свое донесеніе, посланникъ говорилъ, что ни австрійскій посолъ, графъ Лебцельтернъ, ни управляющій министерствомъ Убри никакихъ оффиціальныхъ извѣстій о черновецкомъ свиданіи не получали и что они также узнали про это свиданіе только изъ частной переписки, шедшей изъ Вѣны отъ Татищева и другихъ лицъ. Баронъ Шёлеръ далѣе прибавляетъ въ своей депешѣ: „особенно и потому непріятно это графу де-ла-Ферроне, что правительствомъ его ему сдѣлано замѣчаніе, „что онъ соблюдаетъ вѣроятно полное молчаніе на томъ только основаніи, что событіе это въ глазахъ его никакого значенія не имѣетъ“.

Изъ заключительныхъ строкъ этого донесенія ясно, что французское правительство имѣло причины быть недовольнымъ своимъ представителемъ на берегахъ Невы, не съумѣвшимъ во-время сообщить въ Парижъ о рѣшеніи, принятомъ обоими императорами почти за годъ до ихъ встрѣчи въ Черновцахъ. Мы уже имѣли случай упомянуть о взглядѣ князя Полиньяка [2]) на тѣ причины, на основаніи которыхъ Франція считала себя въ правѣ быть недовольною соглашеніемъ Россіи и Австріи и тѣмъ, что она не была призвана принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ томъ же донесеніи мы находимъ слѣдующія мѣста: „непостижимы мотивы, заставившіе графа Нессельроде замолчать это обстоятельство и на столько, что даже графъ Бломъ [3]), при первомъ появленіи этого извѣстія, долженъ былъ въ этомъ сомнѣваться, выставляя главнымъ основаніемъ сомнѣнія своего, что графъ Нессельроде и ему также ни слова не сказалъ о томъ . . . . . никто не вѣритъ случайности этой встрѣчи монарховъ, а потому ста-

[1]) Шёлеръ—королю 23 сентября (5 октября) 1823 года.

[2]) См. извлеч. изъ С.-Петербургскихъ архивовъ. Ливенъ — Нессельроде. Лондонъ, 11-го (23-го) сентября 1823 года. „Русск. Стар.“, ноябрь 1903 г.

[3]) Датскій посланникъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ графа Нессельроде.

новятся понятными всѣ предположенія и догадки, вредящія однако великому дѣлу союза и чего такъ легко было, при помощи откровенныхъ переговоровъ, избѣгнуть. Сомнѣваюсь также въ томъ, чтобы свиданіемъ этимъ могли быть достигнуты цѣли, имѣющіяся княземъ Меттернихомъ въ виду“ [1]).

Слѣдуя установленному здѣсь хронологическому порядку въ изложеніи дипломатической переписки, происходившей въ то время между С.-Петербургскимъ и Берлинскимъ кабинетами, мы приведемъ слова барона Шёлера, которыя могутъ служить доказательствомъ, что желаніе принца Вильгельма посѣтить военныя поселенія на югѣ было съ нашей стороны отклонено: „вашему превосходительству будетъ сообщено изъ Брестъ-Литовска, что еще до выраженія е. к. в. принцемъ Вильгельмомъ желанія посѣтить южныя военныя поселенія, рѣшено уже было здѣсь заранѣе отклонить всякое ходатайство въ этомъ направленіи“.

Отказъ этотъ, по крайнему нашему разумѣнію, послѣдовалъ главнымъ образомъ на томъ основаніи, что императору Александру, отправлявшемуся на свиданіе въ Черновцы непосредственно послѣ происходившихъ смотровъ на югѣ, нежелательно было видѣть прусскаго принца на этомъ свиданіи.

Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ не скрывалъ своего удивленія по поводу искусства, съ которымъ русское правительство съумѣло сохранить тайну Черновецкаго свиданія, конечно заинтересовавшаго кабинеты Берлинскій и Версальскій, недовѣрчиво относившіеся къ совмѣстной дѣятельности Россіи и Австріи на Босфорѣ. Графъ Бернсторфъ не вѣрилъ, чтобъ графъ Лебцельтернъ, находившійся въ Петербургѣ, не былъ посвященъ въ тайну. Предоставимъ теперь слово самому прусскому дипломату. „Разсматривая съ разныхъ сторонъ это свиданіе, многое представляется въ немъ еще неяснымъ. Вашему превосходительству извѣстно, когда именно изъ Вѣны наведены мы были на первоначальную мысль о возможности предстоявшей встрѣчи. Тѣмъ не менѣе тамъ утверждаютъ, что первый шагъ сдѣланъ былъ изъ Петербурга. Но какъ бы то ни было, достовѣрно одно, что настоящую причину этого свиданія слѣдуетъ искать, какъ старается о томъ завѣрить графъ Лебцельтернъ, не въ путешествіи императора австрійскаго по Галиціи, но что самое путешествіе это, о которомъ прежде не было и рѣчи, явилось лишь послѣдствіемъ происходившихъ переговоровъ о предполагавшемся уже свиданіи“ [2]). А вслѣдъ затѣмъ графъ Бернсторфъ, какъ бы спохватившись, что онъ слишкомъ далеко

[1]) Шёлеръ—графу Бернсторфу. С.-Петербургъ, 4-го (16-го) октября 1823 г.
[2]) Бернсторфъ—Шёлеру. Берлинъ, 12-го октября 1823 года.

зашелъ въ выраженіи своего удивленія, и не желая подать повода къ тому, чтобы подумали, что онъ видѣлъ въ этомъ свиданіи опасность для Пруссіи, говорилъ: „при мысли о немъ (свиданіи) мы ощущаемъ только сильное желаніе, чтобы оно достигло своей цѣли. Взглядъ нашъ на эту цѣль не измѣнился, какъ я объ этомъ въ послѣднемъ донесеніи моемъ сообщалъ вашему превосходительству".

Петербургскіе дипломаты, вовсе ничего не знавшіе о происходившемъ въ Буковинѣ и теряясь въ различныхъ догадкахъ и предположеніяхъ, только и ждали возвращенія государя и его министра иностранныхъ дѣлъ, но графъ Нессельроде постоянно откладывалъ пріѣздъ свой въ Петербургъ. Графу, скрывавшему отъ этихъ дипломатовъ настоящую причину путешествія своего на югъ Россіи, было конечно удобнѣе вести переговоры во время присутствія государя въ Петербургѣ о происшедшемъ въ Черновцахъ и во Львовѣ; какъ писалъ баронъ Шёлеръ, изъ этого предположенія уже слѣдуетъ, что оба посла, дѣйствительно, собираются сдѣлать графу Нессельроде нѣкоторыя представленія, при чемъ кавалеръ Бэготъ откровенно выражается, что, по мнѣнію его, подобная скрытность является не малою дипломатическою оплошностью, заключающею въ себѣ оскорбительное недовѣріе, какъ по отношенію его самого, а равно и по отношенію правительства его; графъ де-ла-Ферроне еще болѣе подчеркнулъ приговоръ свой этому событію и намѣревается также, не стѣсняясь, о томъ высказаться [1]). Оба дипломата французскій и великобританскій были вполнѣ убѣждены, что австрійскій коллега ихъ только прикидывался незнавшимъ о предстоявшемъ свиданіи обоихъ императоровъ; нельзя было ожидать отъ графа Лебцельтерна, что и онъ прикинется человѣкомъ обиженнымъ сдержанностію здѣшняго кабинета, хотя съ самаго начала онъ показывалъ до извѣстной степени видъ, что свиданіе это было ему до самаго послѣдняго времени неизвѣстно.

Въ прусскомъ государственномъ архивѣ мы нашли также нѣсколько донесеній князя Гацфельда (прусскій посланникъ въ Вѣнѣ) какъ къ королю, а равно къ его министру иностранныхъ дѣлъ. Такъ, между прочимъ, князь Гацфельдъ доноситъ Фридриху-Вильгельму III: „Если позволительно мнѣ сослаться на дошедшія до меня свѣдѣнія о восточныхъ дѣлахъ, они улаживаются, и свиданіемъ обоихъ императоровъ достигнуты лишь удовлетворительные успѣхи".

Изъ того же источника мы почерпнули извѣстіе, что вслѣдъ за снабженіемъ д. с. с. Минчіаки выработанною сообща нашимъ и австрійскимъ правительствомъ инструкціею, представлялась для Россіи возможность назначить преемника уѣхавшему изъ Константинополя еще

[1]) Шёлеръ—королю 4/16 ноября 1823 года.

въ 1821 году посланнику барону Строганову. Кандидатами на этотъ постъ могли быть, по мнѣнію князя Гацфельда, либо вѣнскій посолъ Татищевъ, либо бывшій посланникъ при Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ—Полетика.

Прусскій посланникъ приводитъ также небезъинтересныя выписки изъ письма къ нему князя Меттерниха. Вотъ это мѣсто: „я ручаюсь за благія намѣренія императора Александра, далѣе которыхъ и желать нечего".

Говоря о князѣ Меттернихѣ, Гацфельдъ прибавлялъ: „онъ подробно разсуждалъ со мною о дѣлахъ на Востокѣ и поручаетъ доложить вашему величеству, что, что бы о нихъ ни писали и ни говорили, онъ проситъ васъ считать этотъ серьезный вопросъ совершенно исчерпаннымъ".

Берлинскій архивъ документами своими, здѣсь нами приведенными, подтверждаетъ снова самымъ неоспоримымъ образомъ, что какъ Россія, такъ и Австрія съумѣли въ продолженіе почти цѣлаго года скрыть тайну отъ остальныхъ европейскихъ кабинетовъ, заинтересованныхъ въ Восточномъ вопросѣ. Объ этомъ знали только оба монарха, конечно, ихъ министры иностранныхъ дѣлъ и догадывались, вѣроятно, Татищевъ въ Вѣнѣ и графъ Лебцельтернъ въ Петербургѣ. Но и они въ такомъ случаѣ соблюли большую скрытность и разгласили только то, что уже сдѣлалось достояніемъ всеобщаго свѣдѣнія—un fait accompli. Изъ донесеній барона Шёлера очевидно, что Пруссія была весьма обижена, что оба императора игнорировали ее. Принимая же во вниманіе, документами подтвержденное, желаніе принца Вильгельма сопутствовать царю въ его путешествіи на югъ Россіи, на что̀ послѣдовалъ, хотя и вѣжливый, но все-таки отказъ, неудовольствіе Берлинскаго кабинета становится весьма объяснимымъ. Отвѣта на бумагу Татищева [1]), какъ мы уже упомянули выше, намъ не удалось найти, старанія же наши проникнуть въ помѣщающійся въ Шарлоттенбургѣ семейный придворный архивъ (Königliches Familien Archiv) не увѣнчались успѣхомъ. Въ настоящее время, тѣмъ не менѣе, вполнѣ достовѣрно, что Пруссія не участвовала на бывшихъ въ 1823 году переговорахъ въ Галиціи и Буковинѣ и что рѣшенія, къ которымъ пришли Россія и Австрія по Восточному вопросу въ концѣ сего года, были сдѣланы совершенно помимо Берлинскаго кабинета.

Взглядъ нашъ на политическое положеніе Пруссіи или, точнѣе выражаясь, на вѣсъ ея въ движеніи міровыхъ событій того времени—совершенно расходится съ мнѣніемъ, изложеннымъ въ интересномъ сочиненіи Карла Рингхофера [2]), касающемся двадцатыхъ годовъ ми-

[1]) Татищевъ—императору Александру. Вѣна, 25-го сентября 1823 года См. „Русскую Старину" (ноябрь, 1903 годъ).

[2]) Karl Ringhoffer. Ein Dezenium preuss. Orientpolitik zur Zeit des Zaren Nikolaus (1821—1830). Berlin & Leipzig. 1897.

нувшаго столѣтія. Писатель этотъ—это магистральная идея въ его сочиненіи—подъ вліяніемъ преувеличеннаго патріотическаго чувства, смѣшиваетъ положеніе тогдашней Пруссіи съ настоящею Германіею. Мы отсылаемъ его къ источникамъ, конечно, знакомаго ему Берлинскаго государственнаго архива, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что по ознакомленіи съ матеріаломъ, относящимся до 1823 года, взглядъ г. Рингхофера по отношенію къ этой эпохѣ долженъ будетъ нѣсколько измѣниться.

Архивъ бывшей Императорской миссіи въ Берлинѣ не представилъ намъ возможности познакомиться съ такими данными, которыя не были бы уже извѣстны. Мы все-таки нашли въ немъ копію съ весьма интересной депеши графа Нессельроде къ послу въ Вѣнѣ Татищеву [1]), характеризующую взглядъ Петербургскаго кабинета того времени на роль, которую Россіи, въ качествѣ великой державы, подобало занять въ Европѣ. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, совершенно загипнотизированный австрійскою дипломатіею и забывая задачи Россіи на Востокѣ, заботился—о сформированіи союзной арміи. Армія эта должна была составлять вооруженныя силы Священнаго Союза и въ такомъ случаѣ могла быть употреблена въ дѣйствіе лишь съ общаго согласія союзныхъ державъ—Россіи, Австріи и Пруссіи. Россіи, конечно, пришлось бы тогда выставить наибольшій контингентъ войскъ и, понятно, нести самые значительные расходы. Къ депешѣ приложена статья, предназначавшаяся для газетъ; мысль эта муссировалась въ прессѣ, и все это для того, чтобы привести въ порядокъ дѣла на Апшенинскомъ и на Иберійскомъ полуостровѣ.

Къ счастью для Россіи, на этотъ разъ императоръ Александръ не привелъ въ исполненіе вожделѣній своей дипломатіи. Не сдѣлавъ ничего или очень мало въ пользу грековъ, царь не нашелъ нужнымъ утучнять русскою кровью почву Испаніи и Италіи, полагая, вѣроятно, что Россія уже достаточно усѣяла поля Европы костями солдатъ своихъ въ первую четверть XIX вѣка.

П. Вигель-Панчулидзевъ.

[1]) Нессельроде—Татищеву. С.-Петербургъ, 3-го марта 1823 года.

Н. Г. Чернышевскій.

(По воспоминаніямъ и разсказамъ разныхъ лицъ).

I.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ игралъ въ русской литературѣ такую же роль, какую въ сороковыхъ игралъ В. Г. Бѣлинскій, хотя характеръ его литературной дѣятельности былъ шире и многостороннѣе послѣдняго, обнимая самыя разнообразныя сферы литературы и жизни. Изъ многочисленныхъ произведеній Николая Гавриловича самыми выдающимися и не потерявшими значенія въ настоящее время представляется: „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“; „Лессингъ, его время, жизнь и дѣятельность“; „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“; „Комментаріи къ Политической Экономіи Д.-С. Милля“ и романъ „Что дѣлать?“

Міросозерцаніе Чернышевскаго носило вполнѣ реальный характеръ, отрицательно относившійся ко всякой метафизикѣ, ко всякимъ недоказаннымъ научнымъ путемъ выводамъ, и преслѣдовало широкія гуманныя цѣли вообще и интересы рабочей массы въ частности. Въ этомъ отношеніи онъ приближался къ позитивизму Огюста Конта, преслѣдуя, какъ и великій французскій мыслитель, реальность и пользу, смотря на науку, основанную на опытѣ и наблюденіи, какъ на развитіе здраваго смысла.

Въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода“ Чернышевскій впервые въ русской журналистикѣ второй половины пятидесятыхъ годовъ произнесъ, послѣ подневольнаго молчанія, имя Бѣлинскаго и показалъ

его значеніе въ исторіи русской литературы; въ „Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“ онъ сдѣлалъ попытку дать реальное, вполнѣ научное основаніе ученію о прекрасномъ, показавъ, что задача искусства заключается „въ воспроизведеніи интересныхъ для человѣка явленій жизни“; въ „Комментаріяхъ къ переводу Политической Экономіи Милля“ Чернышевскій старался согласовать нѣкоторыя положенія классической школы съ научными выводами соціалистической школы, ставящей на первомъ планѣ не интересы капитала, а интересы рабочихъ классовъ и ихъ благосостояніе.

Къ классической политической экономіи Чернышевскій относился отрицательно, видя въ ней ученіе, созданное въ интересахъ исключительно средняго сословія, полагавшаго, что простолюдинамъ „ничего особеннаго не нужно, что полнымъ счастіемъ для народа будетъ то, когда ему, среднему классу, удастся осуществить свои желанія“.

Находя подобное направленіе классической школы политической экономіи, характеризующее ея отношеніе къ самому многочисленному и самому производительному классу общества, несправедливымъ и научно неправильнымъ, Чернышевскій въ упомянутыхъ выше комментаріяхъ стремился перестроить нѣкоторыя теоріи „сообразно потребностямъ новаго, простонароднаго элемента мысли и жизни“ и согласно съ прогрессивными тенденціями времени.

Въ романѣ „Что дѣлать?“ Чернышевскій изложилъ въ беллетристической формѣ квинтъ-эссенцію всѣхъ своихъ философскихъ и соціальныхъ идей, показавъ, что задача человѣческой жизни заключается въ с ч а с т ь ѣ, т. е. въ полномъ наслажденіи жизнью, и для разрѣшенія этой задачи необходимо работать надъ своимъ развитіемъ, достигнуть до того умственнаго и нравственнаго уровня, до котораго достигли герои его романа. Въ этомъ, въ сущности, заключается отвѣтъ на поставленный романомъ вопросъ: „Что дѣлать“?

Въ 1861—62 годахъ „Современникъ“ пользовался такимъ успѣхомъ, какимъ не пользовался ни одинъ въ то время журналъ, благодаря главнымъ образомъ Чернышевскому, достигшему въ это время до высшей степени популярности. Но громкая извѣстность, высокое положеніе въ силу популярности въ глазахъ нѣкоторыхъ составляютъ своего рода преступленіе и не остаются безъ возмездія. Уваженіе и почетъ со стороны однихъ вызываютъ реакцію со стороны другихъ, старающихся не только очернить человѣка, но и погубить его самого.

Стремясь быть новаторомъ въ интеллектуальной сферѣ, Чернышевскій считалъ себя уже съ очень молодыхъ лѣтъ такимъ человѣкомъ, которому не миновать трагическаго финала. Когда онъ еще не былъ извѣстенъ въ литературѣ, онъ писалъ своей невѣстѣ, будущей женѣ своей: „меня могутъ со дня на день арестовать, и какая будетъ

тогда моя роль. У меня не найдутъ ничего, но враги мои могущественны; что же мнѣ остается дѣлать? Начну съ того, что буду молчать и потомъ, когда въ теченіе долгаго времени меня измучатъ, кончу тѣмъ, что потеряю терпѣніе и выскажу мой образъ мыслей, безпощадно и откровенно, и тогда очень сомнительно, выйду ли я изъ тюрьмы. Вы видите хорошо, что я не долженъ жениться и не имѣю права никого связывать съ моею участью".

Въ концѣ романа „Что дѣлать?" Н. Г. дѣлаетъ кой-какіе намеки на эту самую тему и въ особенности на печальный конецъ свой, влагая въ уста одной изъ участницъ пикника слѣдующую пѣснь:

Ты хочешь дѣва быть моей,
Забыть свой родъ и сапъ,
Но прежде ты понять съумѣй,
Какой мнѣ жребій данъ.
. . . . . .
О дѣва, другъ недобрый я,
Глухихъ лѣсовъ жилецъ,
Опасна будетъ жизнь моя,
Печаленъ мой конецъ.

Но прежде чѣмъ говорить о трагическомъ концѣ блестящей литературой карьеры Чернышевскаго, необходимо сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ событіяхъ шестидесятыхъ годовъ, имѣвшихъ отчасти вліяніе на судьбу этого писателя.

II.

Время, наступившее послѣ Крымской войны, отличалось необыкновеннымъ подъемомъ общественнаго духа, который достигъ своего апогея въ 1861 году, что̀ съ особенной яркостью отражалось въ литературѣ, въ которой явился потокъ новыхъ идей, такъ горячо увлекавшихъ молодые умы. Тогда всѣмъ казалось скорое наступленіе новой эры, такъ какъ старая Русь уже отживала и удалялась куда-то далеко, а возрождалась новая, требующая новыхъ силъ, новыхъ людей, какъ прекрасно изобразилъ поэтъ шестидесятыхъ годовъ (Некрасовъ) въ слѣдующихъ строкахъ:

„Надъ Русью отживающей
Святая пѣсня слышится
То Ангелъ Милосердія,
Незримо пролетающій
Надъ нею, души сильныя
Зоветъ на чистый путь"...

Страстное возбужденіе, охватившее все русское общество, проникло во всѣ учебныя заведенія, въ среднія и высшія, въ особенности въ университеты. Студенты съ жаромъ отдались просвѣтительной дѣятельности въ воскресныхъ школахъ, которыя открывались повсемѣстно, по частной и общественной иниціативѣ... Въ университетахъ жизнь кипѣла ключемъ, входъ туда былъ совершенно свободный, и лекціи популярныхъ профессоровъ всегда были полны посторонней публикой, не говоря о студентахъ. Старый университетскій уставъ не запрещалъ сходокъ, не запрещалъ студентамъ имѣть въ стѣнахъ университета свои библіотеки, читальни и пр., и студенты подъ покровительствомъ начальства широко пользовались правомъ по этимъ предметамъ... На студенческихъ сходкахъ раздавались горячія рѣчи, нерѣдко съ рѣзкой критикой по адресу правительства.

Въ Петербургскомъ университетѣ вожаками и горячими ораторами считались Генъ, Михаэлисъ, Неклюдовъ, впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Покровскій, Герике и др...

Крѣпостное право составляло глубокую пропасть, отдѣлявшую свободную Европу отъ Россіи, и представляло серьезное препятствіе прогрессу русскаго общества; поэтому понятно, что молодыя, полныя энтузіазма сердца съ нетерпѣніемъ ожидали момента объявленія свободы народу, и этотъ моментъ наступилъ 19-го февраля 1861 года, съ объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, который однако многихъ разочаровалъ, такъ какъ они ошибочно увидѣли въ немъ не полное, безусловное освобожденіе, а замаскированное крѣпостное право, что̀ вызвало въ нѣкоторой части общества недовѣріе къ реформаціонной дѣятельности правительства, которое съ своей стороны весьма подозрительно отнеслось къ общественному возбужденію и въ особенности студенческому, а потому рѣшило прежде всего преобразовать университеты, ограничивъ права студентовъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія и точно опредѣливъ ихъ обязанности...

Общественное броженіе молодежи и недовольство выразилось въ массѣ самыхъ разнообразныхъ прокламацій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательными были „Къ молодому поколѣнію“, написанная и напечатанная за границей литераторомъ М. Л. Михайловымъ, извѣстнымъ переводчикомъ стихотвореній Гейне, и „Великоруссъ“...

Михайловъ почти не успѣлъ распространить своей прокламаціи, какъ былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Это было въ августѣ 1861 года, когда министромъ народнаго просвѣщенія, на мѣсто ушедшаго съ этого поста Е. П. Ковалевскаго, назначенъ былъ адмиралъ графъ Путятинъ, который долженъ былъ привести въ исполненіе университетскую реформу. Слухъ объ арестѣ Михайлова произвелъ удручающее впечатлѣніе на петербургскихъ литераторовъ,

которые не вѣрили въ виновность Михайлова, считали арестъ его недоразумѣніемъ, такъ какъ полагали, что онъ по своему характеру не способенъ быть политическимъ агитаторомъ, а потому рѣшились обратиться съ петиціей къ министру народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи коего была въ то время печать, и просить его принять участіе въ Михайловѣ, который по ихъ мнѣнію невиновенъ, при чемъ, кажется, ходатайствовали о разрѣшеніи присутствовать при слѣдствіи и судѣ депутату со стороны литераторовъ.

Въ этомъ послѣднемъ ходатайствѣ не было ничего оппозиціоннаго, а было сдѣлано по совѣту одного литератора-юриста, примѣняясь къ дѣйствовавшимъ въ то время законамъ о судопроизводствѣ, когда обвиняемые въ какомъ-либо преступленіи судились при депутатѣ своего сословія, командируемомъ въ судебное установленіе. Графъ Путятинъ отнесся къ ходатайству очень внимательно, видѣлся съ шефомъ корпуса жандармовъ княземъ В. А. Долгорукимъ, отъ котораго узналъ о положеніи дѣла Михайлова, и затѣмъ высказалъ избранному литераторами депутату, что онъ хотя и не знаетъ никого изъ лицъ, подписавшихъ петицію, но, видя въ ней имена лицъ, пользовавшихся уваженіемъ русскаго общества, нашелъ возможнымъ исполнить ихъ просьбу и узналъ, что Михайловъ признался въ своей винѣ, а потому онъ, министръ, болѣе сдѣлать ничего не можетъ; ходатайство же о депутатѣ изъ литераторовъ не имѣетъ законнаго основанія.

Неудачный исходъ означенной петиціи, вѣроятно, былъ причиною того, что петербургскіе литераторы уже болѣе никогда не предпринимали ничего подобнаго въ пользу пострадавшихъ своихъ собратьевъ.

Нѣкоторыя, подозрительно настроенныя къ нашей прессѣ, лица видѣли въ означенномъ актѣ какой-то протестъ со стороны петербургскихъ писателей противъ правительства, къ которому будто вся наша литература враждебно относится. Но въ защиту нашихъ писателей надо сказать, что они, во-первыхъ, народъ весьма смирный, а во-вторыхъ, по своему исторически сложившемуся характеру неспособны, какъ и большинство русскихъ, не только къ какому-либо коллективному протесту, но и ни къ какому общему дѣлу...

III.

Попытка правительства ввести новый университетскій уставъ вызвала въ Петербургскомъ университетѣ безпорядки, вслѣдствіе чего послѣдовали массовые аресты, а затѣмъ закрытіе университета. Но такъ какъ въ Петропавловской крѣпости для всѣхъ не хватало мѣста,

то значительную часть арестованныхъ перевели въ Кронштадтъ. Въ числѣ арестованныхъ оказались главари движенія: Покровскій, Генъ, Михаэлисъ, Неклюдовъ, бывшій, какъ упомянуто выше, впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, былъ въ числѣ депутатовъ, избранныхъ студентами для объясненія съ попечителемъ, и въ слѣдующую за этимъ ночь былъ арестованъ по распоряженію 3-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

По этому поводу не могу не замѣтить, что когда Неклюдовъ умеръ, то его отпѣвали въ церкви зданія министерства внутреннихъ дѣлъ, у Цѣпнаго моста, того зданія, въ которомъ прежде помѣщалось 3-е отдѣленіе. Думалъ ли онъ, въ 1861 году, когда его везли жандармы изъ третьяго отдѣленія, въ качествѣ арестанта, въ Петропавловскую крѣпость, что ему придется изъ этого же зданія, черезъ 35 лѣтъ, отправиться на вѣчный покой, уже не арестантомъ, а въ званіи высокаго сановника, даже въ нѣкоторомъ родѣ начальника жандармовъ.

Студенты, заключенные въ Петропавловскую крѣпость, послали сидѣвшему тамъ же М. Л. Михайлову привѣтствіе въ стихахъ.

Въ отвѣтъ на поэтическое посланіе студентовъ Михайловъ отвѣчалъ также стихами.

Въ то время, когда студенты находились въ заключеніи, 16-го ноября 1861 года умеръ извѣстный критикъ 60-хъ годовъ Н. А. Добролюбовъ. О смерти его меня оповѣстилъ покойный писатель Н. А. Потѣхинъ, и мы уговорились съ нимъ ѣхать на похороны, на Волково кладбище.

Прибывъ 19-го ноября утромъ на кладбище, мы застали тамъ очень немного лицъ, пришедшихъ проводить знаменитаго критика въ послѣднее жилище. Публика состояла по преимуществу изъ литераторовъ и ученыхъ, между которыми припоминаю Некрасова, Панаева, Пыпина, Антоновича, Кавелина, Спасовича, Шелгунова; было нѣсколько дамъ и студентовъ, малочисленность которыхъ объяснилась тѣмъ, что большая часть ихъ была арестована. Умершій Добролюбовъ лежалъ въ совершенно простомъ, некрашенномъ гробѣ; лицо его мало измѣнилось, напоминало скорѣе уснувшаго, чѣмъ умершаго. Когда послѣ отпѣванія, гробъ вынесли на паперть, выступилъ Некрасовъ и съ сдержанными рыданіями въ голосѣ, со слезами на глазахъ, произнесъ нѣсколько теплыхъ словъ о покойномъ.

„Вся жизнь его, — говорилъ поэтъ, — была посвящена въ защиту забитой личности, интересы которой принималъ онъ близко къ сердцу“... Дальше не упомню. Послѣ него вышелъ изъ кучки и подошелъ къ гробу гладко выбритый господинъ и громкимъ, энергическимъ голосомъ произнесъ: „Такъ какъ смерть Николая Александровича послѣдовала неожиданно для публики, то ей интересно будетъ знать, какія при-

чины ускорили ее". Сказавъ эти слова, онъ сталъ читать отрывки изъ дневника Добролюбова, отрывки, общій смыслъ которыхъ приводилъ къ заключенію, что неблагопріятныя внѣшнія условія тяжело отражались на болѣзненной натурѣ покойнаго, чѣмъ ускорили приближеніе окончательной трагической развязки. Прочитавъ отрывки изъ дневника, означенный господинъ съ большимъ чувствомъ прочелъ затѣмъ нѣкоторыя стихотворенія, между прочимъ: „Я вашъ, друзья, хочу быть вашимъ" и „Пускай умру, печали мало", когда дошелъ до того мѣста, гдѣ Добролюбовъ говоритъ: „чтобъ безкорыстною толпою за нимъ не шли мои друзья", то при этихъ словахъ съ грустной ироніей замѣтилъ: „кажется, опасенія покойнаго были напрасны, немного насъ тутъ собралось".—Охарактеризовавъ, послѣ всего сказаннаго имъ, въ общихъ чертахъ литературную дѣятельность Добролюбова, ораторъ затѣмъ съ необыкновеннымъ чувствомъ произнесъ: „какого мы человѣка потеряли, вѣдь это былъ талантъ. А въ какихъ молодыхъ лѣтахъ онъ кончилъ свою дѣятельность, вѣдь ему было всего 26 лѣтъ, въ это время другіе только учиться начинаютъ".

Стоявшій рядомъ со мной какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ замѣтилъ: „ну, даромъ ему это не пройдетъ, достанется же ему"...

— Скажите пожалуйста,—обратился я къ этому господину,—кто этотъ ораторъ, вѣрно студентъ?

— Нѣтъ, это Чернышевскій, — отвѣчалъ тотъ. Такимъ образомъ въ первый разъ только на похоронахъ Добролюбова мнѣ пришлось увидѣть Чернышевскаго, статьями котораго, какъ и значительная часть молодежи того времени, я сильно увлекался.

Послѣ рѣчи Чернышевскаго гробъ отнесли къ приготовленной могилѣ, и тутъ произнесены были рѣчи Антоновичемъ, Тибленомъ, котораго Чернышевскій нѣсколько разъ останавливалъ за рѣзкія выходки противъ противниковъ Добролюбова. Послѣ Тиблена говорилъ какой-то студентъ, который въ теплыхъ словахъ охарактеризовалъ значеніе Добролюбова, какъ продолжателя Бѣлинскаго и Грановскаго въ развитіи русскаго общества; послѣ этого студента говорилъ Серно-Соловьевичъ, который предложилъ для увѣковѣченія памяти покойнаго поставить ему, на общія средства, памятникъ. Послѣ всего этого засыпали могилу и разошлись.

Черезъ нѣсколько дней ходили въ публикѣ стихи Михайлова „На смерть Добролюбова", вышедшіе изъ крѣпости контрабаднымъ путемъ.

Похороны Добролюбова прошли безъ всякихъ послѣдствій. Чернышевскому ничего не досталось, но студента, говорившаго на могилѣ, какъ носились слухи, будто бы разыскивали, усмотрѣвъ въ рѣчи неблагонамѣренныя мысли, хотя таковыхъ въ ней не было. Агенты полиціи, значитъ, извратили то, что слышали: надо правду сказать,

что полицейскіе агенты нерѣдко сильно извращаютъ слышанныя рѣчи, придавая не тотъ смыслъ, въ которомъ онѣ сказаны, и приписывая лицамъ, которыя ничего не говорили...

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1861 года состоялось рѣшеніе образованной для разсмотрѣнія дѣла о студенческихъ безпорядкахъ коммиссіи, которая раздѣляла привлеченныхъ къ дѣлу студентовъ на три категоріи: лица первой категоріи въ числѣ пяти человѣкъ подлежали высылкѣ въ отдаленныя губерніи, затѣмъ другимъ, въ числѣ которыхъ былъ, кажется, Неклюдовъ, было вмѣнено въ наказаніе заключеніе въ крѣпости, и, наконецъ, остальные, въ значительномъ числѣ, признаны невиновными. Хотя лица первой категоріи немедленно должны были быть отправлены въ ссылку, но князь Суворовъ разрѣшилъ имъ прожить нѣсколько дней въ Петербургѣ. Приговоромъ этимъ петербургское общество было очень довольно, и Серно-Соловьевичъ по поводу благополучнаго окончанія студенческаго дѣла устроилъ вечеръ, на которомъ между прочимъ присутствовали Чернышевскій и подлежавшіе высылкѣ студенты. На этомъ вечерѣ велись оживленные разговоры, и кто-то изъ студентовъ, кажется, Михаэлисъ, высказалъ нѣсколько мыслей, довольно радикальнаго характера. По этому поводу Чернышевскій съ нѣкоторой горечью замѣтилъ: „эхъ, господа, господа—вы точно Бурбоны, которые ничему не научились и ничего не забыли... Ни тюрьма, ни ссылка не научаютъ васъ"! На эти слова кто-то изъ присутствующихъ сказалъ, что можетъ быть и Николаю Гавриловичу придется познакомиться съ Петропавловскою крѣпостью или со ссылкой. На это Чернышевскій съ улыбкою отвѣтилъ, что его никогда не арестуютъ и не вышлютъ, потому что онъ ведетъ себя вполнѣ осторожно и вздоромъ не занимается...

Хотя знаменитый писатель вздоромъ не занимался, но въ Петропавловскую крѣпость, а оттуда на каторгу, въ Сибирь, какъ увидимъ ниже, все-таки попалъ...

IV.

Наступилъ 1862-й годъ. Въ Польшѣ начались серьезныя волненія. Въ молодежи происходило глухое броженіе, выражавшееся въ различныхъ выходившихъ тогда революціонныхъ листкахъ.

Весною 1862 года появились крайне рѣзкаго направленія, съ кровавымъ оттѣнкомъ, прокламаціи „Молодая Россія", а затѣмъ вскорѣ въ Петербургѣ произошли громадные пожары, которые приписаны

были поджогамъ, совершаемымъ будто бы революціонерами. Народная же молва приписывала поджоги студентамъ и полякамъ...

Правительство встревожилось и стало принимать различныя мѣры: была образована коммиссія подъ предсѣдательствомъ князя Голицына для разслѣдованія и открытія преступниковъ, а затѣмъ, по взаимному соглашенію министровъ народнаго просвѣщенія Головина и внутреннихъ дѣлъ Валуева „Современникъ“ и „Русское Слово“ были пріостановлены на восемь мѣсяцевъ. Постановленіе объ этомъ послужило источникомъ 154 статьи уст. ценз., на основаніи которой министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право пріостановить подцензурное періодическое изданіе до восьми мѣсяцевъ.

„Молодая Россія“ поразила и напугала многихъ своею крайностью, даже Герценъ не одобрялъ ея, находя въ ней смѣсь шиллеровщины съ бабевщиной. Но, разсматривая ее хладнокровно, нельзя не видѣть, что она представляетъ замѣчательную смѣсь нелѣпости съ невѣжествомъ, а потому въ благоразумныхъ лицахъ могла только возбудить смѣхъ по своей радикальной наивности, но не страхъ. Но такъ какъ время было тревожное, то и такая чепуха, какъ „Молодая Россія“, нагнала на многихъ страхъ и заставила вліятельныхъ либераловъ соединиться съ реакціонерами, чтобы вести борьбу съ опасными элементами, вредящими, по мнѣнію этихъ либераловъ, мирному развитію русскаго общества и тормозящему прогрессивный характеръ государственной дѣятельности. Во главѣ крайне революціонной партіи считался почему-то Н. Г. Чернышевскій, относительно котораго писалось много анонимныхъ писемъ и доносовъ генералъ-губернатору, начальнику третьяго отдѣленія, министру внутреннихъ дѣлъ и проч. Всѣ эти доносы, анонимныя письма были почти одного и того же содержанія, указывали на Чернышевскаго, какъ на коновода молодежи и крайняго соціалиста, требовали немедленнаго его удаленія, какъ чрезвычайно вреднаго и опаснаго человѣка.

„Если не удалите Чернышевскаго,—писалось въ одномъ изъ упомянутыхъ анонимныхъ писемъ,—то произойдутъ несчастія и прольется кровь. Эти банды бѣшеныхъ демагоговъ состоятъ изъ горячихъ головъ, и ихъ ничто не остановитъ. „Молодая Россія“ въ своей программѣ высказала самыя крайнія стремленія. Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ существуютъ комитеты этихъ соціалистовъ, всюду они возбуждаютъ умы молодежи. Вышлите Чернышевскаго куда хотите, но только не медлите отнять у него возможность дѣйствовать. Во имя общественнаго спокойствія избавьте насъ отъ Чернышевскаго“.

Въ этомъ анонимномъ письмѣ или доносѣ нѣтъ ни слова правды: никакихъ бандъ бѣшеныхъ демагоговъ ни въ Петербургѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Россіи ни въ то время, ни послѣ не было, а равно не

было ни въ Воронежѣ, ни въ Тамбовѣ, ни въ Саратовѣ никакихъ соціалистическихъ комитетовъ, и все это представляется созданіемъ пылкой фантазіи автора. Точно также и Чернышевскій хотя и пользовался авторитетомъ, какъ талантливый писатель, какъ авторъ симпатичныхъ идей, изъ которыхъ многія въ настоящее время вошли уже въ жизнь, но ни коноводомъ демагоговъ, ни политическимъ агитаторомъ не былъ, будучи совершенно неспособнымъ къ подобной роли, такъ какъ по натурѣ своей онъ былъ болѣе склоненъ къ тихой, кабинетной работѣ, чѣмъ къ кипучей общественной дѣятельности. Постоянно погруженный въ свои литературныя занятія, Чернышевскій былъ всегда далекъ отъ молодежи, даже отъ той, которая посѣщала его домъ и которую занимала любезная хозяйка, но не хозяинъ, изрѣдка выходившій изъ своего кабинета, по окончаніи какой-нибудь журнальной статьи. Однако означенное письмо интересно въ томъ отношеніи, что оно отражало взгляды на Чернышевскаго, господствовавшіе въ то время во вліятельныхъ, реакціонныхъ кружкахъ.

Конечно, означенныя анонимныя письма и доносы едва-ли могли заставить правительство принять какія-либо рѣшительныя мѣры относительно Чернышевскаго, при отсутствіи другихъ данныхъ, указывающихъ на его революціонерную дѣятельность, однако такія данныя скоро явились, благодаря неосторожности Герцена, въ чемъ онъ впослѣдствіи горько раскаивался, неосторожности, заключавшейся въ томъ, что онъ черезъ одну барыню или какого-то своего знакомаго послалъ письмо Серно-Соловьевичу, въ которомъ упомянулъ имя Чернышевскаго. Означенное письмо было найдено при обыскѣ у этого господина, когда онъ возвращался изъ-за границы въ Россію, и конечно должно было возбудить подозрѣніе правительства противъ Серно-Соловьевича и Чернышевскаго, вслѣдствіе чего послѣдніе были арестованы, въ началѣ іюля 1862 г., о чемъ я узналъ въ тотъ же день, благодаря слѣдующему обстоятельству. Въ то время въ Петербургѣ я жилъ у своего дяди генерала Б., дочь котораго была подругою жены старшаго адъютанта штаба корпуса жандармовъ, А—я К—ча З—на, часто бывала у ней въ гостяхъ, проводя тамъ иногда цѣлые дни. Однажды вечеромъ, вернувшись отъ З—хъ, кузина моя сообщила мнѣ, что арестованы Чернышевскій, Серно-Соловьевичъ и Писаревъ.

Этотъ арестъ, въ особенности Чернышевскаго, меня сильно поразилъ, и я ломалъ себѣ голову, въ какомъ дѣлѣ могъ участвовать Чернышевскій, относившійся весьма скептически ко всѣмъ революціоннымъ попыткамъ, осуждавшій печатно въ одномъ изъ нумеровъ „Современника“ даже Герцена, къ которому, какъ къ мыслителю-философу, относился съ большимъ уваженіемъ. Надо замѣтить, что дѣло Чернышевскаго было покрыто какой-то особой таинственностью; о всѣхъ

другихъ дѣлахъ, мы, молодежь, всегда были освѣдомлены, знали не только въ чемъ обвинялся каждый изъ арестованныхъ, но и знали ихъ показанія, о Чернышевскомъ же никто ничего не зналъ. Осенью 1862 года мнѣ пришлось покинуть Петербургъ и поселиться въ провинціи, куда долетали извѣстія о многихъ арестованныхъ лицахъ, но о Чернышевскомъ ничего не доходило. Признакомъ скораго его освобожденія представлялся напечатанный имъ въ первой книжкѣ за 1863 годъ „Современника“ романъ „Что дѣлать“.

Прошелъ 63-й годъ, о Чернышевскомъ ни слуху; но только весною 1864 года мнѣ пришлось прочесть въ одной изъ петербургскихъ газетъ, что состоялось высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, на которомъ собственной его императорскаго величества рукою написано: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину“. Означенное мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: „Государственный Совѣтъ въ департаментѣ государственныхъ и духовныхъ дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената 5 департамента, объ отставномъ титулярномъ совѣтникѣ Николаѣ Чернышевскомъ (35 лѣтъ), признавъ его по уликамъ и обстоятельствамъ дѣла виновнымъ въ сочиненіи возмутительнаго воззванія, передачи онаго для тайнаго печатанія съ цѣлью распространенія, и въ принятіи мѣръ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка управленія, мнѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему заключеніе Правительствующаго Сената и вслѣдствіе сего отставнаго титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда“.

Этотъ приговоръ поразилъ меня точно такъ же, какъ поразило и первоначальное извѣстіе, въ 1862 году, объ его арестѣ; мнѣ казалось страннымъ, совершенно невѣроятнымъ активное участіе Чернышевскаго въ какихъ бы то ни было политическихъ дѣлахъ, и я себѣ представить не могъ возможности, чтобы онъ принималъ какія-либо мѣры къ ниспроверженію существующаго порядка управленія въ Россіи, онъ, который былъ вѣчно погруженъ въ серьезныя литературныя занятія, осуждавшій молодежь за рѣзкость, а Герцена за возбужденіе молодежи, въ практической же жизни вполнѣ подчиненный своей супругѣ О—гѣ С—нѣ, изъ подъ опеки которой не выходилъ, прибавлю мимоходомъ, даже послѣ многолѣтней разлуки, по возвращеніи изъ Сибири, когда они опять вмѣстѣ жили въ Астрахани.

Изъ означеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта слѣдовало заключить, что къ Чернышевскому была примѣнена высшая мѣра на-

казанія, обозначеннаго въ 283 ст. XV т. Св. зак. изд. 1857 г., соотвѣтствующаго 250 улож. о наказ., изд. 1885 года.

Такимъ образомъ, надо полагать, что Чернышевскій обвинялся ни болѣе ни менѣе какъ въ организаціи бунта противъ верховной власти, бунта, который „былъ открытъ правительствомъ заблаговременно, такъ что ни покушеній, ни смятеній, ни иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло, однако виновникъ обнаружилъ умыселъ дѣйствовать до достиженія своей цѣли насильственно".

Въ это время не было никакого слуха о бунтѣ, который предполагалъ будто бы совершить Чернышевскій, хотя другихъ слуховъ было очень много, а потому дѣло Чернышевскаго, несмотря на упомянутый приговоръ, осталось все-таки для меня таинственнымъ, непонятнымъ, какимъ представлялось и въ 1862 году при извѣстіи объ его арестѣ.

Нѣкоторые мои знакомые юристы при разговорѣ о дѣлѣ Чернышевскаго находили, что къ нему примѣнена не та статья, которую слѣдовало примѣнить, судя по резолюціи Государственнаго Совѣта, который, какъ сказано, примѣнилъ 283 ст. улож. о наказ. 1857 года, а къ нему вполнѣ справедливо было бы примѣнить 2 ч. 273 ст. того же устава, карающей виновнаго заключеніемъ въ крѣпости.

Но я былъ вполнѣ увѣренъ, что дѣло Чернышевскаго представлялось колоссальной судебной ошибкой, не только съ юридической стороны, какъ были дѣла Михайлова и Обручева, но и съ фактической.

Чернышевскій не только не былъ политическимъ агитаторомъ, коноводомъ какой бы то ни было соціально-демократической партіи, но, повторяю, и не могъ быть таковымъ по своей натурѣ, по своимъ тенденціямъ. Конечно, какъ послѣдователь Роберта Овена и Фурье, онъ не могъ не думать о переворотѣ въ обществѣ, который долженъ былъ совершиться не въ одной Россіи, но во всемъ мірѣ, при томъ конечно не скоро, а въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, силою историческаго прогресса, въ которомъ онъ могъ считать себя однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ, какъ распространитель прогрессивныхъ идей.

Идеалъ его былъ Аристотель, по стезѣ котораго стремился идти Н. Г., имѣя въ виду сдѣлать для своихъ соотечественниковъ то, что великій мыслитель древности сдѣлалъ для своего времени.

Сидя въ крѣпости, онъ мечталъ о составленіи самой полной „энциклопедіи жизни и знанія", которая заключала бы совокупность всего созданнаго человѣческимъ разумомъ и могла бы служить полезнымъ руководствомъ людямъ, о чемъ сообщалъ женѣ своей въ письмѣ, писанномъ изъ крѣпости осенью 1862 года:

„Со времени Аристотеля еще никто не дѣлалъ того, что я хочу сдѣлать, и я буду полезнымъ наставникомъ людей въ теченіе вѣковъ, подобно Аристотелю".

Говоря въ означенномъ письмѣ объ ихъ общей съ женою судьбѣ, Чернышевскій пишетъ: „Наша жизнь — твоя и моя — принадлежатъ исторіи; чрезъ сотни лѣтъ наши имена еще будутъ дороги людямъ и будутъ вспоминаться съ признательностью".

Такимъ образомъ, Чернышевскій смотрѣлъ на себя какъ на историческаго дѣятеля, но не какъ на политическаго, и мысль объ энциклопедіи постоянно занимала его, не покидая до самой смерти.

Чернышевскій не могъ никогда принимать участіе въ какомъ-нибудь насильственномъ переворотѣ потому, что онъ не вѣрилъ въ успѣхъ грубой физической силы, а хранилъ глубокую вѣру въ торжество нравственной, о чемъ имъ написано нѣсколько прекрасныхъ строкъ въ рецензіи на книгу Мунка „Исторія греческой литературы".

Передавъ содержаніе трагедіи Эсхила „Прометей", въ которой представлена борьба грубой силы съ нравственной силой, и высказавъ нѣсколько мыслей о трагическомъ положеніи послѣдней въ исторіи человѣчества, Чернышевскій пишетъ: „картина борьбы нравственно закаленной души съ насиліемъ производитъ на насъ отрадное и успокоительное дѣйствіе; наша вѣра въ нравственную силу еще болѣе укрѣпляется, мы видимъ, что эта могучая, непоколебимая и непреодолимая сила исполняется твердой надеждой, что она, временно задавленная насиліемъ, непремѣнно возстанетъ съ новой энергіей, что человѣкъ останется человѣкомъ и вырвется рано или поздно изъ оковъ грубой подавляющей силы".

Описывая затѣмъ казнь надъ Прометеемъ и паденіе его въ пропасть, Чернышевскій говоритъ: „Даже видъ этой грозной и величественной казни дѣйствуетъ на насъ успокоительно; мы увѣрены, что нравственная сила воскреснетъ, что пока существуетъ міръ съ солнечными лучами и воздухомъ, до тѣхъ поръ разумность и правда будутъ святѣе, выше и сильнѣе тупой несправедливости; изъ разверстой пропасти до нашего слуха долетаютъ отрадныя слова Прометея, возвышающія сознаніе нашего человѣческаго достоинства и наполняющія нашу душу гордымъ презрѣніемъ ко всякой грубой силѣ и насилію" [1]).

Но не я одинъ былъ убѣжденъ въ невинности Чернышевскаго относительно участія его въ ниспроверженіи государственнаго порядка; это убѣжденіе раздѣляло все наше поколѣніе, принадлежавшее къ разнымъ общественнымъ положеніямъ, что̀ видно изъ приводимаго

[1]) „Современникъ" 1861 г. октябрь, стран. 284.

ниже дневника слушателя военной академіи, гвардіи поручика Владиміра Константиновича Гейнса, извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ Вильяма Фрея, дневника, интереснаго не только въ томъ отношеніи, что въ немъ приведены интересныя подробности относительно исполненія приговора надъ Чернышевскимъ, котораго этотъ офицеръ былъ очевидцемъ, но и въ томъ, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ приговоръ на означеннаго офицера, одного изъ блестящихъ и передовыхъ представителей молодаго поколѣнія шестидесятыхъ годовъ.

V.

Въ упомянутомъ дневникѣ Гейнсъ разсказываетъ, между прочимъ, о томъ, что 18-го мая 1864 года пришелъ къ нему одинъ знакомый и сообщилъ, что на другой день въ восемь часовъ утра будутъ „шельмовать“ Чернышевскаго, т. е. будетъ надъ послѣднимъ совершенъ обрядъ публичной казни. Хотя Гейнсъ къ этому извѣстію отнесся скептически, такъ оно казалось ему невѣроятнымъ, однако въ семь часовъ утра отправился на Мытнинскую площадь, гдѣ должна была совершиться эта казнь, куда, идя по мелкимъ переулкамъ, чуть-чуть не заблудился.

„Крестьянинъ, идущій впереди меня,—пишетъ Гейнсъ,—спросилъ лавочника: гдѣ будутъ раскладывать, и какъ ни странно покажется это, я вздрогнулъ отъ этого слова. Я не видывалъ прежде этой процедуры, и такое рѣзкое выраженіе человѣка изъ народа невольно навело меня на мысль, что она должна быть очень тяжелаго свойства. Я шелъ слѣдомъ за этимъ крестьяниномъ, и по мѣрѣ приближенія къ толпѣ все болѣе и болѣе росло мое волненіе. Наконецъ, я на площади. Высокій черный столбъ съ цѣпями, эстрада, окруженная солдатами, жандармы и городовые, поставленные другъ возлѣ друга, чтобы держать народъ на благородной дистанціи отъ столба. Множество людей, хорошо одѣтыхъ, кареты, генералы, снующіе взадъ и впередъ, хорошо одѣтыя женщины, все показывало, что происходитъ нѣчто чрезвычайное.

„Какая-то старуха предложила мнѣ скамейку“. Надо сиротамъ хлѣбъ заработать,—говорила она мнѣ;—если бы она взяла съ меня не 10 коп., а 50, то и тогда я съ удовольствіемъ взялъ бы скамью, потому что публики набралось слишкомъ много, и мнѣ уже приходилось стоять въ третьемъ ряду.

„Три четверти часа мнѣ пришлось стоять на скамейкѣ, дожидаясь

пріѣзда Чернышевскаго. Но для меня это время прошло быстро. Я жадно вглядывался во всякую подробность. Хозяйка моей скамьи, стоя вмѣстѣ со мной, разсказывала мнѣ, какъ новинку, что будутъ дѣлать съ преступникомъ. Показала саблю заранѣе надпиленную и стоящую внизу эстрады. Замѣтила, между прочимъ, что въ прежніе разы столбъ былъ гораздо ближе къ народу, чѣмъ теперь, но все-таки будетъ слышно, что прочтетъ арестанту Григорьевъ (помощникъ надзирателя)...

„Рядъ грустныхъ мыслей былъ прерванъ какимъ-то глухимъ шумомъ толпы; „ѣдутъ", сказала старуха. „Смирно",—раздалась команда, и вслѣдъ затѣмъ карета, окруженная жандармами съ саблями на-голо, подъѣхала къ солдатамъ. Карета остановилась шагахъ въ пятидесяти отъ меня, я не хотѣлъ сойти съ своей скамьи, но видѣлъ, что въ этомъ мѣстѣ толпа ринулась къ каретѣ, раздались крики „назадъ"; жандармы начали тѣснить народъ, вслѣдъ затѣмъ три человѣка пошли быстро по линіи солдатъ къ эстрадѣ: это былъ Чернышевскій и два палача. Раздались сдержанные крики переднимъ: „уберите зонтики", и все замерло. На эстраду взошелъ какой-то полицейскій. Скомандовали солдатамъ „на караулъ". Палачъ снялъ съ Чернышевскаго фуражку и затѣмъ началось чтеніе приговора. Чтеніе это продолжалось около четверти часа. Никто его не могъ слышать. Самъ же Чернышевскій, знавшій его еще прежде, менѣе, чѣмъ всякій другой, интересовался имъ. Онъ, повидимому, искалъ кого-то, безпрерывно обводя глазами всю толпу, потомъ кивнулъ въ какую-то сторону раза три. Наконецъ, чтеніе кончилось. Палачи опустили его на колѣни. Сломали надъ головой саблю, и затѣмъ, поднявши его еще выше на нѣсколько ступеней, взяли его руки въ цѣпи, прикрѣпленныя къ столбу. Въ это время пошелъ очень сильный дождь, палачъ надѣлъ на него шапку. Чернышевскій поблагодарилъ его, поправилъ фуражку, на сколько позволяли ему его руки и затѣмъ, заложивши руку въ руку, спокойно ожидалъ конца этой процедуры. Въ толпѣ было мертвое молчаніе. Старуха, сошедшая со скамьи, безпрерывно задавала мнѣ разные вопросы въ родѣ такихъ: „Въ своемъ ли онъ платьѣ или нѣтъ? Какъ онъ пріѣхалъ, въ каретѣ или въ телѣгѣ?" Я безпрерывно душилъ свои слезы, чтобы можно было отвѣчать кое-какъ старухѣ. По окончаніи церемоніи всѣ ринулись къ каретѣ, прорвали линію городовыхъ, хватившихъ другъ друга за руки, и только усиліями конныхъ жандармовъ толпа была отдѣлена отъ кареты. Тогда (это я знаю навѣрное, хотя не видалъ самъ) были брошены ему букеты цвѣтовъ [1]). Одну

[1]) Бросала цвѣты дѣвица М. П. Михаэлисъ, родная сестра Л. П. Шелгуновой. Пр. Н. Р.

женщину, кинувшую цвѣты, арестовали. Карета повернула назадъ и по обыкновенію всѣхъ поѣздокъ съ арестантами пошла шагомъ. Этимъ воспользовались многіе, желавшіе видѣть его вблизи; кучки людей человѣкъ въ 10 догнали карету и пошли рядомъ съ ней. Нуженъ былъ какой-нибудь сигналъ для того, чтобы совершилась овація. Этотъ сигналъ подалъ одинъ молодой офицеръ; снявши фуражку, онъ крикнулъ: „прощай, Чернышевскій“; этотъ крикъ былъ немедленно поддержанъ другими и потомъ смѣнился еще болѣе колкимъ словомъ „до свиданія“. Онъ слышалъ этотъ крикъ и, выглянувши изъ окна, весьма мило отвѣчалъ поклонами. Этотъ же крикъ былъ услышанъ толпою, находящейся сзади. Всѣ ринулись догонять карету и присоединиться къ кричавшимъ. Положеніе полиціи было затруднительное, но на этотъ разъ она поступила весьма благоразумно и противъ своего обыкновенія не арестовала публику, а рѣшилась попросту удалиться. Было скомандовано „рысью!“, и вся эта процессія съ шумомъ и грохотомъ начала удаляться отъ толпы. Впрочемъ, та кучка, которая была возлѣ, еще нѣкоторое время бѣжала, возлѣ еще продолжались крики и маханіе платками и фуражками. Лавочники (ѣхали мимо рынка) съ изумленіемъ смотрѣли на необыкновенное для нихъ событіе. Чернышевскій ранѣе другихъ понялъ, что эта кучка горячихъ головъ, разъ только отдѣлится отъ толпы, будетъ немедленно арестована. Поклонившись еще разъ, самою веселою улыбкой (видно было, что уѣзжалъ въ хорошемъ настроеніи духа), онъ погрозилъ пальцемъ. Толпа начала мало-по-малу расходиться, но нѣкоторые, нанявши извозчиковъ, поѣхали слѣдомъ за каретой. Говорятъ, что всѣ были потомъ арестованы. Я повернулъ въ другую сторону. Я пошелъ подъ дождемъ въ Лабораторію, шелъ оттуда тоже пѣшкомъ и тоже одинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я страшно измучился и пришелъ домой только въ 2 часа. Тогда уже появилась во мнѣ мысль замучить себя до изнеможенія. Я сказалъ товарищу, имѣющему знакомыхъ въ Болотной улицѣ, чтобы онъ заѣхалъ за мной. Они пріѣхали сейчасъ послѣ обѣда, я сѣлъ въ лодку, гребъ безъ устали. Затѣмъ въ 11 часовъ, причаливши къ Литейному мосту, пошелъ вмѣстѣ со всѣми въ Болотную улицу и оттуда въ $^1/_2$1-го часа пошелъ пѣшкомъ же домой. Вотъ уже два дня у меня болятъ руки и ноги, и еще до сихъ поръ не могу безъ волненія и безъ блѣдности въ лицѣ говорить другимъ объ этомъ событіи. Оно бы произвело на меня грустное впечатлѣніе во всякомъ случаѣ, кого бы ни привязывали къ столбу“...

VI.

Въ январѣ 1866 года мнѣ пришлось быть въ Петербургѣ, и я встрѣтился на одномъ большомъ вечерѣ съ знакомымъ моего дяди, упомянутымъ выше подполковникомъ А. К. За—нымъ, старшимъ адъютантомъ корпуса жандармовъ, и изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ нѣсколько интересныхъ подробностей о дѣлѣ Чернышевскаго.

Слѣдствіе, по словамъ подполковника За—на, ничего не могло открыть по этому дѣлу и вѣроятно кончилось бы ничѣмъ, если бы не замѣшался къ этому дѣлу поэтъ Костомаровъ, котораго Чернышевскій чѣмъ-то оскорбилъ при допросѣ и который высказалъ За—ну, что онъ, Костомаровъ, обнаружитъ преступленіе Чернышевскаго.

По приговору суда Костомаровъ былъ разжалованъ въ рядовые и высланъ на Кавказъ. Когда его везли къ мѣсту назначенія, то съ дороги онъ прислалъ прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ о возвращеніи въ Петербургъ, объяснивъ, что онъ докажетъ преступленіе Чернышевскаго. Прошеніе было уважено, его привезли въ Петербургъ и водворили въ третьемъ отдѣленіи. Тутъ онъ потребовалъ „Современникъ“ за нѣсколько лѣтъ и сталъ писать комментаріи къ статьямъ Чернышевскаго, находя въ однихъ матеріализмъ и атеизмъ, въ другихъ соціализмъ и коммунизмъ, при чемъ Костомаровъ, по словамъ За—на, весьма подробно указывалъ, какія именно идеи Чернышевскаго могутъ разрушить современный общественный и государственный строй, и, такимъ образомъ, изъ его комментаріевъ, какъ высказалъ А. К. За—нъ, ясно слѣдовало, что своими статьями Чернышевскій подготовлялъ мѣры къ разрушенію государственнаго порядка въ Россіи.

Избранныя Костомаровымъ статьи предъявлялись Чернышевскому, при чемъ спрашивали послѣдняго, что онъ хотѣлъ ими высказать, на что онъ отвѣчалъ, что имъ высказано въ означенныхъ статьяхъ именно все то, что онъ хотѣлъ сказать, а другаго ничего не имѣлъ.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, какъ передавалъ А. К. З—нъ, статьи Чернышевскаго съ комментаріями Костомарова тщательно переписывались и представлялись государю, который наконецъ положилъ резолюцію: „судить Чернышевскаго по всей строгости законовъ“, вслѣдствіе чего его судили и, осудивъ, примѣнили вѣроятно по аналогіи 283 ст. XV тома Св. Зак.

— „Читаешь Чернышевскаго,—говорилъ добродушно З—нъ,—кажется, статья, какъ статья, ничего въ ней особеннаго нѣтъ, написано просто, умно, а начнешь читать комментаріи Костомарова, то волосъ дыбомъ подымается. Не знаешь только, чему удивляться, уму ли Чернышев-

скаго, одурачившаго цензуру, или простотѣ послѣдней, недоглядѣвшей, что слѣдуетъ. Я полагаю, однако,—утверждалъ З—нъ, что сама цензура, пропуская, знала, что дѣлала. Сильно былъ сконфуженъ Петръ Александровичъ (Валуевъ), который, пропустивъ романъ „Что дѣлать?“, хвастался даже одно время этимъ, а между тѣмъ тотъ ядъ, который крупицами былъ разбросанъ по другимъ статьямъ,былъ весь собранъ въ этомъ романѣ, чего министръ и не замѣтилъ“.

Такимъ образомъ, разсказъ подполковника З—на, по своему положенію старшаго адъютанта штаба корпуса жандармовъ, значитъ, близко стоявшаго къ политическимъ дѣламъ, вполнѣ подтвердилъ справедливость мнѣнія Гейнса относительно того, что Чернышевскій былъ осужденъ за свою литературную дѣятельность.

Изъ разговора съ упомянутымъ А. К. За—нымъ я вынесъ заключеніе, что онъ добросовѣстно убѣжденъ въ томъ, что Чернышевскій вполнѣ справедливо осужденъ и приговоренъ къ надлежащему наказанію, котораго заслуживалъ за свою дѣятельность, направленную къ упраздненію религіи и государственнаго порядка.

Точно также добросовѣстно убѣждены были въ этомъ и господа сенаторы, находя, что они, удаливъ изъ Россіи опаснаго человѣка, поступили справедливо и по закону.

Всѣ они составили убѣжденіе на основаніи ложныхъ, превратныхъ толкованій Костомарова, представленныхъ имъ подложныхъ писемъ и завѣдомо ложныхъ свидѣтелей, какъ будетъ показано ниже.

Намеки на лжесвидѣтельство въ дѣлѣ Чернышевскаго были сдѣланы въ одной изъ московскихъ газетъ, въ некрологѣ поэта Гольцъ-Миллера, сидѣвшаго въ шестидесятыхъ годахъ въ одной изъ московскихъ тюремъ съ другими лицами, обвиняемыми въ печатаніи и въ распространеніи запрещенныхъ сочиненій.

Въ послѣдствіи времени мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ сотоварищей Гольцъ-Миллера по заключенію—Л. Я. Ященко [1]), и онъ мнѣ сообщилъ слѣдующее: во время нахожденія означенныхъ лицъ въ тюрьмѣ, ихъ посѣтилъ совершенно неизвѣстный имъ человѣкъ, отрекомендовавшійся мѣщаниномъ Яковлевымъ, арестованнымъ также будто бы по политическому дѣлу, и заявилъ, что пришелъ попросить у нихъ совѣта. У него, Яковлева, былъ знакомый офицеръ Костомаровъ, съ которымъ давно не видѣлся и съ которымъ пришлось встрѣтиться при довольно странной обстановкѣ. Мѣсяцъ или болѣе тому назадъ онъ, Яковлевъ, получилъ записку, приглашавшую его прибыть въ гостиницу „Венеція“, куда онъ и явился, и, къ своему удивленію, нашелъ тамъ Костомарова, но уже не въ офицер-

[1]) Присяжный повѣренный округа Саратовской судебной палаты.

ской формѣ, а въ солдатской, и при этомъ находился жандармскій офицеръ. Поздоровавшись съ Яковлевымъ, Костомаровъ просилъ его отправиться въ Петербургъ и отдать письмо его матери, которая объяснитъ, что ему, Яковлеву, нужно сдѣлать, за что было обѣщано хорошее вознагражденіе, кромѣ того Костомаровъ высказалъ Яковлеву, чтобы онъ показалъ въ третьемъ отдѣленіи, будто слышалъ, какъ Чернышевскій сказалъ Костомарову такую фразу: „помѣщичьимъ крестьянамъ отъ ихъ друзей поклонъ". При этомъ Яковлевъ объяснилъ, что онъ не понимаетъ этой фразы и не знаетъ, зачѣмъ Костомарову нужно, чтобы о ней было сказано. Заявляя обо всемъ этомъ, Яковлевъ просилъ посовѣтовать, какъ поступить ему въ данномъ случаѣ, и не освободятъ ли его изъ тюрьмы, если сдѣлаетъ показаніе согласно желанію Костомарова.

Но ему такого показанія дѣлать не совѣтовали.

Узнавъ потомъ, что Яковлевъ былъ отправленъ въ Петербургъ, и полагая, что Костомаровъ, посредствомъ лжесвидѣтельства его, намѣренъ обвинить Чернышевскаго въ какомъ-то политическомъ дѣлѣ, Гольцъ-Миллеръ съ товарищами обратились съ письмомъ къ поэту Некрасову, прося его довести до свѣдѣнія высшаго начальства объ этихъ фактахъ, дабы предотвратить несправедливое осужденіе Чернышевскаго. Некрасовъ, какъ мнѣ извѣстно, отправилъ это письмо начальнику штаба корпуса жандармовъ генералу Потапову, но какая затѣмъ постигла его судьба, мнѣ не извѣстно, но оно вполнѣ ясно доказываетъ, что въ дѣлѣ Чернышевскаго Костомаровымъ допущено было лжесвидѣтельство и даже, какъ я слышалъ впослѣдствіи отъ самого Чернышевскаго, подлоги, которые могли легко обнаружиться, если бы не былъ принятъ рутинный способъ экспертизы при помощи секретарей, считавшихся компетентными лицами въ дѣлѣ изслѣдованія почерка, а болѣе научный, какъ, напримѣръ, съ помощью лупы, чего требовалъ Чернышевскій и въ чемъ Сенатомъ ему было отказано, но чего не случилось бы при дѣйствіи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года. Въ настоящее время Чернышевскій не только не былъ бы осужденъ судомъ, но относительно его не была бы даже принята административная мѣра...

А осужденъ онъ былъ—повторяемъ—благодаря только Костомарову, который превратно истолковалъ его сочиненія, сдѣлалъ относительно его ложныя показанія, представилъ ложнаго свидѣтеля и подложные документы...

VII.

Въ 1864 году Чернышевскій былъ отправленъ въ Сибирь и затѣмъ помѣщенъ на Александровскомъ заводѣ, принадлежащемъ къ Нерчинскому горному округу, гдѣ каторжными работами не занимался, а жилъ вмѣстѣ съ М. Л. Михайловымъ на одной квартирѣ, пользуясь нѣкоторой свободой, что, однако, продолжалось недолго, такъ какъ осенью 1866 года былъ переведенъ въ другое, болѣе глухое мѣсто, причиной чего послужило слѣдующее обстоятельство.

Одинъ изъ героевъ романа „Что дѣлать?“ Рахметовъ, уѣзжая за границу, высказалъ, между прочимъ, „что года черезъ три онъ возвратится въ Россію, потому что, кажется, въ Россіи не теперь, а тогда, года черезъ три, четыре „нужно“ ему быть“...

Послѣдняя часть романа была подписана „4-го апрѣля 1863 года“.

Ровно черезъ три года, т. е. 4-го апрѣля 1866 года раздался Каракозовскій выстрѣлъ, ужаснувшій Россію и вызвавшій нѣкоторую реакцію...

Въ учрежденной по дѣлу о Каракозовѣ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго М. Н. Муравьева явилась мысль о привлеченіи къ этому дѣлу Чернышевскаго, вслѣдствіе чего, послѣднему по порученію означенной коммиссіи мѣстнымъ исправникомъ были сдѣланы нѣкоторые вопросы относительно романа „Что дѣлать?“ въ связи съ дѣломъ Каракозова. Этихъ вопросовъ съ перваго раза Чернышевскій понять не могъ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ позабылъ содержаніе этого романа. Когда онъ сидѣлъ въ крѣпости, то писалъ его на имѣвшихся у него обрывкахъ бумаги и такъ какъ писалъ и пересылалъ Некрасову по частямъ, то просилъ послѣдняго сглаживать, исправляя повторенія, которыя могли явиться вслѣдствіе того, что авторъ писалъ послѣдующее, могъ забывать предъидущее. Черезъ три года Чернышевскій настолько забылъ этотъ романъ, что ему, по собственнымъ словамъ, пришлось читать его, какъ будто чужое произведеніе. Поэтому понятно, что Чернышевскій не сразу могъ понять, въ чемъ было дѣло, и понялъ только тогда, когда дали прочесть ту страницу о Рахметовѣ, гдѣ послѣдній говоритъ о своемъ возвращеніи въ Россію, при чемъ объяснили, что Каракозовъ былъ воспитанникъ одного пензенскаго помѣщика, а затѣмъ учился въ Саратовской гимназіи, гдѣ Н. Г. былъ одно время учителемъ.

Послѣ этого Н. Г. сообразилъ, что его подозрѣваютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, что не было ли преступное покушеніе 4-го апрѣля продуктомъ, если не внушенія, то, во всякомъ случаѣ, его, Чернышевскаго, вліянія.

Означенное подозрѣніе Н—ю Г—чу нетрудно было опровергнуть,

доказавъ, что когда онъ былъ учителемъ въ Саратовѣ, то Каракозовъ могъ быть только въ первомъ классѣ, гдѣ Н. Г. не преподавалъ, а потому знать его не могъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого обстоятельства Чернышевскій изъ Александровскаго завода былъ переведенъ въ Кадай, къ границамъ Монголіи, гдѣ положеніе его было хуже, чѣмъ въ упомянутомъ заводѣ.

Въ 1871 году окончился срокъ каторжныхъ работъ Чернышевскому, и онъ обращался въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, которые имѣютъ право выбирать себѣ мѣстожительства. Для всѣхъ другихъ осужденныхъ подобное состояніе составляетъ улучшеніе положенія, но для Чернышевскаго оно являлось ухудшеніемъ. По докладу бывшаго тогда шефомъ корпуса жандармовъ гр. Шувалова состоялось высочайшее повелѣніе императора Александра II о назначеніи Чернышевскому жительства города Вилюйска, находящагося къ сѣверу отъ Якутска въ разстояніи отъ послѣдняго около 500 верстъ. Для наблюденія за Чернышевскимъ былъ назначенъ особый полицейскій чиновникъ и нѣсколько жандармовъ. По этому поводу Н. Г. впослѣдствіи весьма добродушно подсмѣивался, говоря: „меня сослали, такъ это понятно, я въ ихъ глазахъ преступникъ, а за что заставляли жить со мной лицъ совершенно невиновныхъ—понять трудно“.

Принимая относительно Чернышевскаго подобныя суровыя мѣры, правительство императора Александра II считало его весьма опаснымъ человѣкомъ, главнымъ виновникомъ всѣхъ политическихъ волненій, которыми такъ богато было время шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія...

Но такъ глядѣло на Чернышевскаго правительство Александра II, правительство же Александра III взглянуло на него иначе: по докладу бывшаго въ 1882 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстаго, Чернышевскій былъ переведенъ изъ Вилюйска въ Астрахань.

VIII.

Прошло много лѣтъ... Въ іюнѣ 1886 года мнѣ пришлось быть въ Астрахани; узнавъ адресъ Чернышевскаго, я послалъ ему записку съ выраженіемъ моего глубокаго уваженія и съ просьбой, когда онъ можетъ принять меня. Въ отвѣтъ получилъ слѣдующую записку, писанную карандашемъ: „Благодарю за доброе расположеніе ко мнѣ. Бываю

дома каждый день отъ половины перваго до трехъ часовъ. Чернышевскій".

На другой день по полученіи этой записки я отправился къ нему въ часъ дня. Двери отперъ самъ Николай Гавриловичъ, который на мой взглядъ нисколько не измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ; исключеніе составляла борода, которой онъ прежде не носилъ. На его лицѣ не было ни одной морщины, а на головѣ ни одного сѣдаго волоса.

— Николай Гавриловичъ,—обратился я къ нему, послѣ привѣтствія,—я какъ будто вижу васъ двадцать пять лѣтъ назадъ. Вы нисколько не измѣнились.

— Да что мнѣ дѣлается,—отвѣтилъ онъ,—веду жизнь правильную, ничѣмъ не болѣю, развѣ иногда лихорадка навѣститъ.

Въ Астрахани я пробылъ около четырехъ дней и за этотъ періодъ времени каждый день видѣлся съ Николаемъ Гавриловичемъ. Никогда мнѣ не случалось видѣть между литераторами и учеными такого веселаго, такого привѣтливаго человѣка. Онъ не давалъ слова сказать и говорилъ все самъ. Въ голосѣ, въ разговорахъ слышалась прежняя иронія, но иногда звучали грустныя нотки, явившіяся, вѣроятно, результатомъ безрадостной, одинокой жизни въ теченіе долгихъ лѣтъ. Разговоры наши касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ, но больше относились къ воспоминаніямъ о лицахъ литературнаго міра.

Когда заговорили о Шелгуновѣ, то Чернышевскій съ глубокимъ чувствомъ произнесъ: „Честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ Николай Васильевичъ, такіе люди рѣдки. Прекрасно держалъ себя въ моемъ дѣлѣ"...

Изъ всѣхъ моихъ бесѣдъ съ Николаемъ Гавриловичемъ я вынесъ заключеніе, что онъ внимательно слѣдилъ за русской литературой, не пропуская самыхъ ничтожныхъ явленій. Нѣсколько свысока онъ относился къ нѣкоторымъ писателямъ, а къ другимъ съ легкимъ презрѣніемъ. Сильно недолюбливалъ онъ покойнаго Г. И. Успенскаго, отзываясь о немъ съ нѣкоторою насмѣшкою и называлъ его „Миклухой-Маклаемъ", путешествующимъ и открывающимъ постоянно какія-то невѣдомыя страны и какихъ-то дикихъ людей.

— Ну что это за писатель изъ народнаго быта,—говорилъ Николай Гавриловичъ,—вотъ нашъ Успенскій, такъ не ему чета.

Надо сказать, что Николай Гавриловичъ въ „Современникѣ" за 1861-й годъ посвятилъ большую статью Г. И. Успенскому, подъ заглавіемъ: „Не начало ли перемѣны",—статью, въ которой показалъ, что послѣдній въ свои произведенія изъ народнаго быта внесъ свѣжую струю, высказывая о народѣ правду, „безъ всякихъ прикрасъ",

а этой самой правды въ произведеніяхъ Г. И. Успенскаго Чернышевскій, разговаривая со мною, не находилъ.

Главный недостатокъ русскихъ писателей, вызывавшій его осужденіе, заключался, по его мнѣнію, въ отсутствіи образованія, въ особенности политическаго. Поэтому онъ высоко цѣнилъ Щедрина, который отличался, по его словамъ, обширнымъ образованіемъ.—Да, этотъ человѣкъ широкаго политическаго развитія, не то, что другіе—говорилъ Николай Гавриловичъ.

О нѣкоторыхъ молодыхъ писателяхъ отзывался довольно тепло и интересовался нѣкоторыми подробностями ихъ жизни. Когда объ одномъ изъ нихъ NN я сообщилъ, что онъ былъ высланъ, кажется, за то, что отказался присягнуть, то это обстоятельство какъ будто кольнуло Николая Гавриловича.

— Нехорошо, нехорошо,—замѣтилъ онъ на это.—Неужели онъ это считалъ за геройскій подвигъ, а не за простую, мальчишескую выходку.

Очевидно, подобная вещь ему очень не понравилась въ человѣкѣ, которому, какъ писателю, очень симпатизировалъ.

На другой день онъ вспомнилъ объ этомъ обстоятельствѣ и замѣтилъ мнѣ:

— Когда увидите NN, скажите ему, что это даже не ново, что онъ сдѣлалъ. Я видѣлъ такихъ въ Сибири, это солдатики изъ поляковъ, которые также не присягали, но они сами хорошенько не понимали, что дѣлали, такъ какъ увлечены были другими, которымъ вѣрили.

Съ уваженіемъ вспоминалъ о Кавелинѣ, съ которымъ болѣе близко сошелся весною 1862 года.—Умеръ у него сынъ—говорилъ Николай Гавриловичъ,—и онъ очень тосковалъ, такъ вотъ я, чтобъ разсѣять его какъ-нибудь, каждый день навѣщалъ его. При воспоминаніи о Лавровѣ, удивлялся, за что его могли выслать, такъ какъ онъ былъ человѣкъ умѣреннаго образа мыслей.

Въ разговорѣ о Н. К. Михайловскомъ Чернышевскій спросилъ: „а что, добрый онъ человѣкъ?“

Видно было, что Н. Г. доброту ставилъ однимъ изъ большихъ достоинствъ.

Затѣмъ въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ сообщилъ о себѣ слѣдующую довольно любопытную черту.

— Читаешь современныя журнальныя статьи—говорилъ Н. Г.—находишь нѣкоторыя изъ нихъ недурными, соглашаешься съ ними; но странно устроена моя голова, Богъ ее знаетъ, какъ... Впрочемъ, Богъ-то это хорошо знаетъ,—прибавилъ онъ съ улыбкой... Такъ видите ли въ чемъ дѣло, — началъ онъ уже съ серьезнымъ видомъ.—

Если бы мнѣ опять пришлось завѣдывать журналомъ, то много бы, что теперь печатается, не пустилъ, хоть бы, напримѣръ, про Болгарію или тамъ Сербію... Ну, какой интересъ представляютъ онѣ, какое вліяніе могутъ онѣ оказать на насъ... Все равно, что какая-нибудь Португалія, а потому долой статьи о подобныхъ предметахъ...

Послѣднія слова Н. Г. произнесъ рѣшительнымъ тономъ, сопровождая энергичнымъ движеніемъ руки.

Когда по какому-то поводу я заговорилъ о Герценѣ, то Николай Гавриловичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ замѣтилъ:

— Съ этимъ человѣкомъ въ послѣднее время я совершенно разошелся во взглядахъ. Посудите сами, сидитъ себѣ бариномъ въ Лондонѣ и составляетъ заговоры, въ которые увлекаетъ нашу молодежь.

Черезъ Михаила Ларіоновича (Михайлова) я совѣтывалъ ему не трогать молодежь и даже печатно высказывался противъ него, немножко пожалуй рѣзко, но онъ впрочемъ не сердился, — простилъ.

— Но ему и не за что было сердиться на васъ, — сказалъ я,— вѣдь онъ, кажется, виноватъ въ той неосторожности, которая дала поводъ къ вашему аресту, на что̀ онъ и самъ намекалъ въ послѣднемъ трудѣ своемъ.

— Да, такъ,—подтвердилъ мои слова Николай Гавриловичъ,—но вѣдь всю кашу заварилъ Серно-Соловьевичъ, который, не сказавъ мнѣ ни слова, задумалъ вести переговоры съ Герценомъ объ изданіи „Современника“ въ Лондонѣ. Понятно, эти переговоры велись не явно и когда раскрылись, то имъ придали политическій характеръ, предполагая, что имѣется въ виду не предположеніе объ изданіи журнала, а совершеніе государственнаго переворота.

Надо сказать, что въ этомъ разговорѣ Чернышевскій ни однимъ словомъ не обмолвился о своихъ свиданіяхъ съ Герценомъ, и я полагаю, что сообщеніе г-жи Тучковой-Огаревой объ этомъ свиданіи въ 1862 г. есть ни болѣе ни менѣе, какъ легенда, онъ не только не видѣлся съ Герценомъ въ этомъ году, но даже и не могъ видѣться, такъ какъ никуда не выѣзжалъ изъ Петербурга, кромѣ Павловска, гдѣ семья его жила на дачѣ. „Современникъ“ былъ закрытъ въ маѣ мѣсяцѣ этого же года, и Николай Гавриловичъ предполагалъ уѣхать въ Саратовъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, ему пришлось быть у генерала Потапова, начальника штаба корпуса жандармовъ, по одному, какъ онъ выразился, частному дѣлу, заключавшемуся въ слѣдующемъ.

Гвардейскій офицеръ Х. позволилъ себѣ какую-то дерзкую выходку относительно супруги Н. Г., о чемъ много, какъ я помню, говорили

тогда въ Петербургѣ; генералъ Потаповъ пригласилъ Чернышевскаго для объясненія по означенному дѣлу и въ разговорѣ заявилъ, что если Н. Г. желаетъ, то офицера заставятъ извиниться передъ нимъ и передъ супругой, на что̀ Николай Гавриловичъ сказалъ:

— Ну, это будетъ очень тяжело для офицера, — для его самолюбія; не надо, Богъ съ нимъ.

— Я и самъ полагаю, что ужъ это очень тяжело, — сказалъ Потаповъ, тѣмъ болѣе, что онъ и не зналъ, что это ваша супруга.

Затѣмъ при дальнѣйшемъ разговорѣ съ генераломъ Чернышевскій спросилъ послѣдняго, не имѣетъ ли правительство какихъ-нибудь подозрѣній противъ него, Чернышевскаго, и потому можетъ ли онъ уѣхать въ Саратовъ, такъ какъ въ Петербургѣ ему въ виду закрытія „Современника“ дѣлать нечего, на что̀ Потаповъ отвѣтилъ, что правительство противъ Н. Г. ничего не имѣетъ и ни въ чемъ не подозрѣваетъ...

Говоря о разныхъ разностяхъ, мы заговорили о Казани, гдѣ я имѣлъ постоянное жительство, при чемъ Н. Г. замѣтилъ: „Да, Казань, я помню, посѣтилъ ее въ первое время своего студенчества. Въ этомъ городѣ въ пѐрвый и послѣдній разъ моей жизни я сдѣлалъ попытку пропаганды“. Эти слова были сказаны съ свойственной ему добродушной ироніей и, услышавъ ихъ, я не зналъ, что думать, серьезно ли онъ говоритъ или шуточно.

— Вотъ какъ было дѣло,—продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ.—Ѣхалъ разъ на извощикѣ-татаринѣ и сталъ говорить съ нимъ о томъ, что у нихъ, татаръ, было когда-то свое царство, при этомъ я ему объяснилъ, что у нихъ и свой царь былъ, на что̀ онъ мнѣ сказалъ: „да у насъ и теперь свой царь“. На вопросъ же мой, гдѣ же находится ихъ царь, татаринъ вполнѣ серьезно отвѣчалъ, что „въ Петербургѣ“. Послѣ такого разговора я нашелъ уже совершенно безцѣльнымъ заниматься дальнѣйшей пропагандой.

— А вотъ живши въ Якутской области, я пытался цивилизовать якутовъ; одобрите ли вы мои попытки? — обратился онъ однажды ко мнѣ съ нѣкоторой ироніей.

— Вотъ какъ было дѣло: якутъ носилъ ко мнѣ воду и носилъ ее ведрами, рукоятки которыхъ были волосяныя. Носилъ ведра голыми руками, и понятно, что волосяныя рукоятки рѣзали его руки, которыя у него были такъ нѣжны, какъ у барина, потому что онъ никакой работы не знаетъ. Находя подобную носку воды крайне неудобной для якута, я показалъ ему, какъ носятъ воду при помощи палки, кладя ее на плечи, а на концы ея привѣшивая ведра, т. е. какъ носятъ у насъ коромысломъ. Якутъ согласился съ моимъ доводомъ,

нашелъ, что это будетъ гораздо удобнѣе, но поносилъ день или два по-новому, а затѣмъ сталъ опять носить по-прежнему.

Потомъ Николай Гавриловичъ сообщилъ еще два такихъ факта, показывавшихъ, какъ якуты соглашались съ нимъ на словахъ, находя извѣстныя вещи удобными, и какъ на дѣлѣ дѣйствовали потомъ попрежнему, слѣдуя рутинѣ.

Сообщенные имъ мнѣ факты находились въ противорѣчіи съ высказанными имъ когда-то идеями, что простые люди вовсе не такіе рутинеры, какими представляетъ ихъ образованное общество, что если убѣдить ихъ въ правильности извѣстныхъ идей, то они, согласившись, тотчасъ же примутъ эти идеи, въ особенности, если онѣ для нихъ выгодны [1]).

— „Разсчетъ, выгода,—писалъ въ 1861 г. Николай Гавриловичъ,— во всякой группѣ людей очень быстро одолѣваютъ предразсудки, кромѣ одного только случая, когда старины держатся вовсе не по предразсудку, а просто по недостатку средствъ замѣнить чѣмъ-нибудь лучшимъ".

Изъ этого видно, что Николаю Гавриловичу пришлось на дѣлѣ убѣдиться, что разсчетъ и выгода уступаютъ иногда силѣ рутины.

Эта сила рутины господствуетъ не только у простолюдиновъ, но и во всѣхъ классахъ общества, и относительно новыхъ идей образованные классы не уступятъ якуту, котораго пытался цивилизовать Чернышевскій, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ.

Въ одномъ изъ политическихъ процессовъ, производившихся въ восьмидесятыхъ годахъ, судился бывшій офицеръ корпуса топографовъ Мышкинъ, который обвинялся, между прочимъ, въ покушеніи на „освобожденіе государственнаго преступника Чернышевскаго"; означенный Мышкинъ, переодѣвшись жандармскимъ офицеромъ, съ подложными бумагами прибылъ въ тѣ мѣста, гдѣ находился Чернышевскій, котораго онъ хотѣлъ освободить, но такъ какъ онъ по привычкѣ надѣлъ аксельбантъ не на то плечо, на которомъ носятъ офицеры корпуса топографовъ, то этимъ возбудилъ подозрѣніе мѣстнаго жандарма и потому былъ арестованъ.

Въ разговорѣ со мною по поводу этой попытки Мышкина Николай Гавриловичъ замѣтилъ:

— Я ничего не зналъ и не слыхалъ объ этомъ ранѣе. Однажды жандармъ, который слѣдилъ за мной, заявилъ мнѣ, чтобы я оставался дома, не выходилъ никуда, такъ какъ ѣдетъ жандармскій офицеръ освободить меня; на это я ему выразилъ сомнѣніе, сказавъ, что

---

[1]) „Современникъ", 1861 г., Комментаріи къ Пол. Экономіи Д.-С. Милля.

не можетъ быть, тутъ что-то не то. На мои слова жандармъ отвѣтилъ, что онъ также думаетъ, что должно быть что-то не то, но во всякомъ случаѣ попросилъ не выходить изъ дома. Когда наступилъ вечеръ, то жандармъ пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что жандармскій офицеръ оказался не настоящимъ и его уже арестовали.

Говоря съ Чернышевскимъ о его процессѣ, я между прочимъ сообщилъ ему приведенный выше разсказъ подполковника А. К. За—на, на что̀ Николай Гавриловичъ сказалъ, что свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ За—нымъ, вполнѣ вѣрны, при чемъ объяснилъ, что Костомаровъ по этому дѣлу представилъ подложныя записки, но Сенатъ, на основаніи показаній секретарей, призналъ ихъ дѣйствительными.

„Я никогда не довѣрялъ Костомарову,—говорилъ Чернышевскій,—и относился къ нему крайне подозрительно, совѣтовалъ и всѣмъ нашимъ быть съ нимъ осторожнѣе, но какъ Михайловъ, такъ и Добролюбовъ находили мои подозрѣнія совершенно неосновательными; однако, послѣдствія показали, что я былъ правъ. Онъ питалъ ко мнѣ сильное нерасположеніе, которое усилилось послѣ того, какъ я отказалъ ему въ деньгахъ... Но, кромѣ того, я вполнѣ увѣренъ, что Костомаровъ въ это время былъ душевно-больной“.

Былъ ли допущенъ подлогъ по дѣлу Чернышевскаго, можно провѣрить и въ настоящее время, при помощи вполнѣ научныхъ пріемовъ экспертизы, которые были неизвѣстны въ то время...

IX.

Выше было сказано, что Чернышевскій думалъ о созданіи энциклопедіи и мысль объ этомъ не покидала его въ самой Сибири: онъ жаждалъ освобожденія ради этой цѣли...

Поселившись въ Астрахани, Н. Г. Чернышевскій занимался, какъ извѣстно, переводомъ всеобщей исторіи Вебера, что̀ давало ему средства къ существованію, но мысль его молодыхъ лѣтъ, объ энциклопедіи, не покидала его.

Веберомъ онъ былъ очень недоволенъ, сожалѣлъ, что взялся за переводъ его исторіи, потому что, какъ не разъ высказывалъ, онъ не зналъ, что „Веберъ дрянь и что надо его передѣлывать“.

По окончаніи перевода Вебера онъ предполагалъ приступить къ составленію энциклопедіи, но уже не одинъ, а при участіи извѣстныхъ

ученыхъ, какъ русскихъ, такъ иностранныхъ, съ которыми предполагалъ завести переписку...

Въ 1888 году онъ былъ переведенъ въ свой родной городъ Саратовъ, гдѣ познакомился съ энциклопедическимъ словаремъ Брокгауза на нѣмецкомъ языкѣ и увидѣлъ, что въ этомъ лексиконѣ находится все, что полагалъ онъ включить въ свой трудъ, мечтая о созданіи всеобщей энциклопедіи знанія и жизни, а потому рѣшился перевести этотъ лексиконъ на русскій языкъ, по окончаніи перевода Вебера, для чего началъ понемногу формировать сотрудниковъ.

Переводъ Брокгауза былъ бы по его мнѣнію самымъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую научную литературу, и онъ съ увлеченіемъ говорилъ о будущемъ трудѣ, высказывая при этомъ, что на это дѣло онъ смотритъ какъ „на цѣль, ради которой ему еще нужно жить“...

Но смерть не дала возможности осуществить мысль, которая всю жизнь занимала его съ юности до гробовой доски.

X.

Ранѣе меня съ Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ видѣлся извѣстный артистъ М. И. Писаревъ, который посѣтилъ его въ Астрахани въ 1884 году.

При разговорѣ по этому предмету со мною М. И. подтвердилъ вѣрность всѣхъ изложенныхъ выше фактовъ, какъ относительно осужденія Чернышевскаго, такъ и относительно высылки его изъ Александровскаго завода въ Кадай, при чемъ по поводу освобожденія его Мышкинымъ сообщилъ мнѣніе на этотъ предметъ самого Николая Гавриловича, который находилъ, что все это были напрасныя затѣи.

— Я лгать и притворяться не умѣю, — говорилъ Н. Г. Модесту Ивановичу,—а потому сразу бы попался и сказалъ бы всю правду. Это самое я высказывалъ многимъ, которымъ хотѣлось освободить меня, даже одному жандармскому офицеру, ухаживавшему за Ольгой Сократовной и предлагавшему за ея благосклонность мою свободу, отъ чего я отказался.

При разговорѣ о литературной дѣятельности Николая Гавриловича Модестъ Ивановичъ замѣтилъ ему, что въ настоящее время все еще въ печати не произносится его имени, а называютъ по литературнымъ произведеніямъ, обозначая, напримѣръ, авторомъ „Что дѣлать“.

— Удивительная судьба русскаго писателя—сказалъ на это съ улыбкою Николай Гавриловичъ—именоваться авторомъ самаго плохаго произведенія.

Съ этими послѣдними словами М. И. Писаревъ не согласился, заявивъ, что по его мнѣнію романъ „Что дѣлать“ представляется однимъ изъ выдающихся явленій русской литературы, которое имѣло громадное вліяніе на общество.

На это Николай Гавриловичъ возразилъ, что романъ „Что дѣлать“ не можетъ представляться выдающимся произведеніемъ, еще и потому, что онъ, Чернышевскій, вовсе не обладаетъ беллетристическимъ талантомъ. Выдающимся же, серьезнымъ своимъ трудомъ онъ считаетъ комментаріи къ политической экономіи Милля.

По поводу Всеволода Костомарова Николай Гавриловичъ сообщилъ Писареву, что во время очныхъ ставокъ съ нимъ въ Сенатѣ ему пришлось слышать, какъ этотъ лжесвидѣтель высказывалъ такія ужасныя и такія невѣроятныя обвиненія, что онъ пришелъ къ заключенію, что Костомаровъ человѣкъ ненормальный, психически-больной, въ чемъ онъ увѣренъ и до сихъ поръ, при чемъ просилъ М. И. передать объ этомъ всѣмъ, съ кѣмъ будутъ говорить о немъ.

Относительно Герцена Николай Гавриловичъ между прочимъ сказалъ Писареву, что авторъ „Кто виноватъ“—сильный и широко образованный умъ, но болѣе блестящій, чѣмъ глубокій.

XI.

Во время пребыванія Николая Гавриловича въ Астрахани—явился подражатель Всеволоду Костомарову, который сообщилъ однажды мѣстному полицеймейстеру, что, бывая у Чернышевскаго, онъ видѣлъ и слышалъ, какъ послѣдній занимается писаніемъ возмутительныхъ сочиненій.

Полицеймейстеръ, будучи знакомъ съ Чернышевскимъ и зная, чѣмъ послѣдній занимается, конечно этому доносу не повѣрилъ, но, желая хорошенько проучить доносчика, велѣлъ ему изложить—свое сообщеніе на письмѣ и принести на другой день въ опредѣленный часъ, къ которому пригласилъ Чернышевскаго и еще нѣсколько лицъ.

Когда на другой день къ назначенному часу явился доносчикъ, то полицеймейстеръ просилъ его указать между посѣтителями Чернышевскаго, чего тотъ сдѣлать не могъ, указавъ на какое-то другое лицо.

Николай Гавриловичъ по своей великой гуманности не пожелалъ преслѣдовать доносчика, великодушно простивъ его.

Объ этомъ фактѣ сообщалъ мнѣ покойный академикъ А. Н. Пыпинъ, двоюродный братъ Николая Гавриловича..

Н. В. Рейнгардтъ.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

9-й годъ изданія. **Открыта подписка** на **1905 г.**

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

РОДНАЯ РѢЧЬ,

издающійся въ Москвѣ А. А. Петровичемъ подъ редакціей Ф. Н. Берга, бывшаго десять лѣтъ редакторомъ журнала „Нива".

Въ 1905 году гг. подписчики получатъ:

☞ всего за **ЧЕТЫРЕ** рубля ☜

безъ всякой доплаты за пересылку слѣдующія изданія:

50 **№№ литературнаго иллюстрированнаго журнала**—около 500 иллюстрацій, 1600 стр. текста, содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, статьи, смѣсь. **Описаніе текущихъ событій съ иллюстраціями.** Рисунки, портреты и пр.

50 **№№. большой политической и общественной газеты,** въ которой печатаются передовыя статьи, хроника, фельетонъ, обозрѣнія столичной жизни, корреспонденціи изъ провинціи, замѣтки, иностранныя извѣстія.

Подробное описаніе Русско-Японской войны

съ иллюстраціями, рисунками, портретами и картами, которыя помѣщаются въ журналѣ.

24 КНИГИ собранія сочиненій извѣстнаго писателя **Графа Е. А. Саліаса.**

Пугачевцы I—IV ч.—Военные мужики.—Барыни-крестьянки.—Названецъ.—Ширь и махъ.—Французъ.—Змѣй-Горынычъ.—Неслыханное дѣло.—Пятое колесо.—Кудесникъ и др.

24 ВЫПУСКА иллюстр. изданія **НАПОЛЕОНЪ ВЪ РОССІИ.**

Подробное описаніе нашествія французовъ въ 1812 году съ рисунками и портретами. Большой томъ—около 400 страницъ текста.

Независимо отъ этого всѣ годовые подписчики получатъ еще особое приложеніе:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. Н. Батюшкова,

ВЪ ОДНОМЪ БОЛЬШОМЪ ТОМѢ

съ біографіей, портретомъ и автографомъ автора и крит. статьей Л. Майкова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ съ приложеніями: газеты, собр. соч. гр. Саліаса, иллюстр. соч. „Наполеонъ въ Россіи" и полнаго собранія сочиненій К. Н. Батюшкова на годъ съ пересылкой: **4 р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля—1 р., къ 1 іюля—1 р.

Черезъ книжные магазины подписка въ разсрочку **не принимается.**

Подписку просимъ адресовать въ контору журнала „РОДНАЯ РѢЧЬ": Москва, Кузнецкій Мостъ, Кузнецкій пер., домъ Соколъ.

3—3

Открыта подписка на 1905 годъ.
на иллюстрированный еженедѣльный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 №№ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА. Путешествія.—Этнографія.—Романы и повѣсти, изображающіе разныя приключенія на сушѣ и на морѣ.—Очерки и разсказы.—Стихотворенія.—Спортъ.—Картины.—Иллюстраціи.—Портреты.—1.200 столбцовъ текста.

12 №№ ежемѣсячнаго МОДНАГО ЖУРНАЛА съ изящными, но общедоступными дамскими и дѣтскими нарядами.

12 образцовъ изящныхъ ДАМСКИХЪ РАБОТЪ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ образцамъ.

Въ качествѣ премій подписчикамъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ будетъ дано

безплатное приложеніе

два чрезвычайно цѣнныхъ и богатыхъ изданія.

1 ТОМЪ въ 375 стр. **„Мысли мудрыхъ людей“.**

Эпиктета, Діогена, Марка Аврелія, Сократа, Конфуція, Будды, Лао-Тее, Аристотеля, Платона, св. Августина, Паскаля, Руссо, Спинозы, Канта, Шопенгауера, Достоевскаго, Рескина и мн. др., на каждый день собранныя знаменитымъ писателемъ **Львомъ Николаевичемъ ТОЛСТЫМЪ.**

24 ТОМА ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ (отъ 150—200 печатн. листовъ) **Александра ДЮМА** (отца),

куда войдутъ шесть произведеній знаменитаго романиста: **Графъ Монте-Кристо.—Викомтъ де-Бражелонъ.—Двѣ Діаны.—Королева Марго.—Графиня де-Монсоро.—Сорокъ пять.**—Подписчики „Вокругъ Свѣта“ получатъ ихъ въ полномъ видѣ, безъ какихъ-либо сокращеній. **Въ отдѣльной продажѣ романы Дюма стоятъ 15 р.**

Выданные ранѣе въ премію „Вокругъ Свѣта“ и вышедшіе затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ при цѣнѣ въ 3 р. романы **Три мушкатера и Двадцать лѣтъ спустя** высылаются годовымъ подписчикамъ нашего журнала за 1 р.

Кромѣ того, съ приплатою **одного рубля**, подписчики „Вокругъ Свѣта“ **получатъ НЕБЫВАЛУЮ ПРЕМІЮ:** богатую художественную галлерею стѣнныхъ картинъ:

Война и ея герои,

12 ОЛЕОГРАФІЙ, т. е. художественно исполненныхъ во множествѣ красокъ картинъ и портретовъ (размѣромъ каждая въ 40×52 сант.), посвященныхъ наиболѣе величественнымъ и потрясающимъ событіямъ войны Россіи съ Японіей и воспроизводящихъ съ мельчайшими подробностями выдающіеся моменты кровавой грозы на Дальнемъ Востокѣ: КАРТИНЫ: Наша армія и флотъ.—На сушѣ и морѣ.—Выдающіеся бои, стычки, схватки, штурмы и т. п.—Мирная работа подъ грохотъ пушекъ.—Коварный врагъ.—Взрывы и гибель судовъ.—Доблестные подвиги русскаго оружія.—Защитники величія Россіи: Куропаткинъ, Стессель и др. военонач.

4 р. ЦѢНА НА ГОДЪ **безъ картинъ Война и ея герои** съ пересылкою и доставкою.

5 р. ЦѢНА НА ГОДЪ **съ 12 картинами въ краскахъ—Война и ея герои** съ пересылкою и доставкою.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб., къ 1 іюля 1 руб.

АДРЕСЪ: Москва, Петровка, д. Матвѣевой. Редакція журнала „Вокругъ Свѣта“

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

3—3

Открыта подписка на 1905 годъ (изд. XX годъ)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакціею

И. Д. ѲЕОДОРОВСКАГО и при участіи

Отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

1 руб. за два мѣс. съ дост. и перес.

52 №№ журн. до 2400 столбц. текста и до 300 иллюстр. Очерки, разсказы, стихотворенія, статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія, воспоминанія и пред. русск. старины, отклики на вопросы современной жизни.

12 книгъ до 2400 стран. убористой печати, заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православной церкви, очерки и разсказы изъ исторіи библейской, общей и церковной, описаніе святынь и т. п.

и кромѣ того **БЕЗПЛАТНО** будетъ выдано:

6 КНИГЪ больш. форм. 1200 стр. до 350 иллюстр.

соч. Ф. В. Фаррара

Жизнь и труды св. ап. Павла.

ПОЛНОЕ иллюстр. изданіе. Перев. съ поясним. примѣч. свящ. **М. П. Ѳивейскаго.**

УПЛАТИВШІЕ СПОЛНА подписную сумму получатъ въ началѣ года, а подписавшіеся съ разсрочкой—по уплатѣ послѣдняго взноса, исполненную **НА МЕТАЛЛѢ** въ двадцать красокъ, въ рельефной рамѣ,

Копію съ портъ-артурскія иконы Богоматери,

написанной художн. П. Ѳ. Штрондой (въ Кіевѣ) по случаю русско-японской войны.

Въ 12 книгахъ „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“ будетъ дано:

1) **Японія и японцы.** Страна, религіозный, государственный, общественный и домашній бытъ японцевъ. Очеркъ Мих. Федорова. 2) **Врасплохъ.** Повѣсть изъ событій русско-японской войны. Ал. Лаврова. 3) **Святая княгиня.** Историческая повѣсть изъ временъ Батыева нашествія. Вл. П. Лебедева. 4—5) **Авреліа.** Повѣсть изъ перваго вѣка христіанства, въ 2-хъ книгахъ. Переводъ съ французскаго. Л. Окр—ко. 6) **Огневый еретикъ.** Церковно-историческая повѣсть изъ XVII в. Н. Алексѣева-Кунгурцева. 7) **Вороногрaй.** Историческая повѣсть изъ XV в. Н. Лихарева. 8) **Въ мірѣ сказаній.** Очерки народныхъ взглядовъ и повѣрій. А. А. Коринфскаго. 9) **Въ грозную пору.** Историческая пов. изъ 1812 г. Н. Бутунова. 10) **Въ стародавніе годы.** Истор. повѣсть изъ первой половины XI-го вѣка. Л. Волкова. 11) **Золотыя слова.** (Посвящается о. Іоанну Кронштадтскому). Сборникъ проповѣдей русскихъ церковныхъ витій. Сост. Ф. Думскій. 12) **Жидовское плѣненіе.** Историческія картины изъ быта Руси конца XV в., въ двухъ частяхъ. Н. Стрѣшнева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Спб. **ПЯТЬ** р., съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи **ШЕСТЬ** р., за границу **ДЕСЯТЬ** р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.

Главная контора: СПБ., Стремянная улица, 12, собственный домъ.

Издатель **П. П. СОЙКИНЪ.**

3—3

Открыта подписка на 1905 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событій, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Журналъ издается при сотрудничествѣ: Вал. И. Анненскаго, П. А. Антропова, К. И. Арабажина, кн. Л. Б. Барятинской (Яворской), кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, В. П. Бередникова, Н. Н. Болтина, В. В. Бородаевскаго, Б. П. Бурдесъ, И. Н. Божерянова, А. І. Буковецкаго, А. В. Васильева, Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, М. Б. Городецкаго, Е. В. Давыдова, проф. М. Довнаръ-Запольскаго, Е. Дубельтъ-Жураковской (Зеландъ), И. И. Забрежнева, С. В. Каменскаго, Г. В. Квятковскаго, И. И. дю-Кира, А. С. Кушнерева, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, В. Я. Ленскаго, Е. Н. Лебедевой, доктора исторіи Н. П. Лихачева, Г. Ф. Львовича, В. А. Мазуркевича, И. Н. Малыхъ, Н. И. Михайловой, М. М. Могилянскаго, Н. К. Никифорова, В. Н. Никитина, В. П. Панаева, проф. Н. Петрецца, А. П. Плетнева, Н. А. Попова, И. И. Рачинскаго, Л. М. Рейнгольда, проф. М. А. Рейснера, Н. А. Россовскаго, доктора политической экономіи В. В. Святловскаго, Скитальца (О. Яковлева), Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, П. Н. Столпянскаго, Ф. Н. Фальковскаго, И. А. Фалѣева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чешихина и мн. др.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ будетъ дана въ приложеніяхъ особая премія—**библіотека писателей декабристовъ**: въ 1905 году—1) полное собраніе сочиненій: **Кондратія Федоровича РЫЛѢЕВА**, съ его портр. и біографіей.

Съ первой же книги начнется печатаніемъ ***„Дѣло третьяго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи о коллежскомъ секретарѣ Александрѣ Пушкинѣ“***. (Дѣло включаетъ въ себѣ всѣ архивные документы и переписку о Пушкинѣ, а также неизданные его письма и стихи). ***„Александръ Ивановичъ Герценъ, его друзья и знакомые“***. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ 40—70 годахъ. Очеркъ В. П. Батуринскаго. ***„Дневникъ Елизаветы Дьяконовой“***. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XIX столѣтія.

Кромѣ того, ежемѣсячно будетъ дано по два приложенія съ отдѣльной нумераціей страницъ.

Съ первой книжки начнется печатаніемъ *серія политическихъ романовъ*, рисующихъ картины „лучшаго будущаго“: 1) „Утопія“ ТОМАСА МОРА; 2) „Новая Атлантида“ БЭКОНА; 3) „Государство Солнца“ КОМПАНЕЛЛЫ; 4) „Государство Северамбовъ“ ВЕРРЕСА; 5) „Океанія“ ГАРРИНГТОНА; 6) „Плавучіе острова или Базиліада“ МОРРЕЛИ; 7) „Міры“ ДОНА; 8) „Республика Философовъ“ ФОНТЕНЕЛЛЯ; 9) „Телемакъ“ ФЕНЕЛОНА; 10) „Страна свободы“ АМЭРЗИНА; 11) „Икарія“ КАБЭ; 12) „Черезъ сто лѣтъ“ БЕЛЛАМИ; 13) „Свободная страна“ ГЕРЦКИ, и нѣкоторыя выдержки болѣе утопическаго характера изъ сочиненій Сенъ-Симона, Фурье, Оуэна и Прудона.

Редакція до сего времени всегда давала болѣе, чѣмъ въ началѣ года предполагала, поэтому нынѣ, не задаваясь никакими обѣщаніями, редакція заявляетъ только, что, по примѣру прежнихъ лѣтъ, приложитъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать журналъ отвѣчающимъ духовнымъ интересамъ прогрессивнаго читателя и, въ то же время, доступнымъ широкому кругу лицъ, ищущихъ самообразованія.

По первому требованію высылаются подробныя объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на 1 годъ 6 р., на полгода 3 р., на 1 мѣс. 50 к. Разсрочка по 50 к. въ мѣсяцъ, безъ повышенія цѣны за годъ. Деньги можно высылать почтовыми марками. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Екатерининскій кан., № 17.

Редакторъ-Издатель **С. Сухонинъ.**

3—3

Андреевна была обязана всѣмъ своимъ развитіемъ прежде всего и больше всего заботамъ Жуковскаго. Литературное образованіе, полученное ею отъ него и состоявшее главнымъ образомъ въ чтеніи по исторіи, изящной словесности и морали различныхъ европейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ, писателей, укрѣпленное вліяніемъ личности и поэтической дѣятельности самого воспитателя, должно было оставить глубокій слѣдъ въ душѣ ученицы и сообщить ей на всю жизнь романтически идеалистическій складъ.

Несчастія всякаго рода почти сплошь наполняютъ лучшую пору жизни Марьи Андреевны—послѣдніе десять лѣтъ изъ прожитыхъ ею тридцати. Прежде всего это—тревожное начало любви къ Жуковскому и постепенное, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, лишеніе всякой надежды на бракъ съ нимъ. Она теряла въ Жуковскомъ человѣка, которому всецѣло приписывала созданіе своего духовнаго существа, все высшее и лучшее, что она знала въ жизни; это ясно выражено въ ея предсмертномъ письмѣ.

Вотъ начало этого письма: „Другъ мой! Это письмо получишь ты тогда, когда меня подлѣ васъ не будетъ, но когда я еще ближе буду къ вамъ душою. Тебѣ обязана я самымъ живѣйшимъ счастіемъ, которое только ощущала! Ты научилъ меня достойнымъ образомъ обожать моего Создателя, Отца; Того, Который взялъ меня къ себѣ затѣмъ, чтобы узнать еще большее блаженство. Не огорчайтесь, что меня потеряли. Я съ вами! Жизнь моя была наисчастливѣйшая — выключая два, три дурныя воспоминанія, я не имѣю причины пожаловаться на нее, и все, что ни было хорошаго, все было твоя работа. Ангелъ мой! одна мысль, которая меня безпокоитъ, есть та, что я не довольно была полезна на семъ свѣтѣ, не исполнила цѣли, для которой создана была“.

Замужество явилось для Марьи Андреевны исходомъ, который не только разрѣшилъ невыносимую напряженность безнадежныхъ отношеній, но давалъ ей надежду на облегченіе ихъ общаго семейнаго горя *). Семейная жизнь сложилась для нея въ общемъ благопріятно, но не давала ей полнаго удовлетворенія, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ ея переписки. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ письма ея отъ 29-го декабря 1815 г. къ А. П. Кирѣевской... „я уже давно не имѣла радостей, уже давно отъ нихъ отказалась... объ несчастіяхъ своихъ такъ же, какъ о болѣзняхъ, можно говорить, а не писать. Моя душа полна, но я должна сама все переносить. Твой взглядъ, твое слово, я знаю, облегчили бы мое сердце и даже дали бы мнѣ бодрости на будущую жизнь, но для этого нужно твое присутствіе“. Еще раньше, 15-го іюля 1815 г., она писала той же А. П. Кирѣевской: „Мнѣ хотѣлось отвѣчать на многое въ твоемъ письмѣ, но когда недоволенъ собою, своимъ *внутреннимъ* и *внѣшнимъ*, то всего лучше *положить хранило на уста*... Знаешь ли, когда мнѣ станетъ грустно и *тяжко*, то я пойду за свое бюро и сяду писать къ тебѣ, до тѣхъ поръ, покуда все сброшу съ сердца“.

Книга снабжена указателемъ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, значительно облегчающимъ справки; обильныя примѣчанія поясняютъ не совсѣмъ понятныя мѣста писемъ и даютъ свѣдѣнія объ упоминаемыхъ въ нихъ лицахъ и событіяхъ.

Даты писемъ, во многихъ случаяхъ отсутствовавшія, установлены на основаніи отвѣтныхъ писемъ и при сопоставленіи упоминаемыхъ въ нихъ обстоятельствъ. Орографія не сохранена, и только въ рѣдкихъ мѣстахъ оставлено оригинальное начертаніе нѣкоторыхъ словъ. Изъ приложенныхъ портретовъ два являются впервые (Екат. Аѳан. Протасова и Авд. Петр. Кирѣевская—въ молодости); оригиналы ихъ, а также и портрета Марьи Андреевны, хранятся въ Уткинскомъ архивѣ.

Н. К-ш-ъ.

---

*) Поведеніе Воейкова было такъ нестерпимо, что Марья Андреевна,—какъ видно изъ ея дневника отъ ноября 1815 г.,— „крѣпко рѣшилась убѣжать изъ дома куда-нибудь. Авось Воейк. сжалится надъ несчастіемъ мамы и Саши—потерявъ меня, онѣ будутъ несчастливы.

„Мы ѣздили съ визитами; въ это время В. обѣщалъ мамѣ убить Мойера, Жуков. и потомъ зарѣзаать себя.

„Послѣ ужина онъ опять былъ пьянъ... У мамы пресильная рвота, а у меня идетъ безпрестанно кровь горломъ. В. смѣется надо мной, говоря, что этому причиной страсть, что я также плевала кровью, когда сбиралась за Жук., что черезъ годъ вѣрно отъ какого-нибудь генерала будетъ та же болѣзнь“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
[illegible]ческаго Совета
Профессиональных Союзов,

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

371-4/XII			
~~185-11/II~~			
402-12/IV			